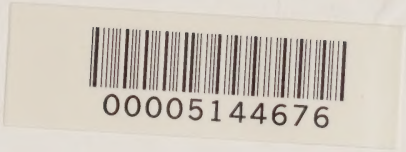
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK38
.V638
1900z
sb.2


00005144676

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/voprosyistoriogr02unse

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

КАЗАНЬ 1967

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра истории СССР

C
EmD
DK38
.V638
1900Z
Sb.2

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК 2

Voprosy istoriografi
i IStochnikovedeniia

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

КАЗАНЬ 1967

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ, ВЫПУСК L

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Казанского государственного педагогического института.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Л. ЛИТВИН, Н. П. МУНЬКОВ, Б. Ф. СУЛТАНБЕКОВ,
Е. И. УСТЮЖАНИН (ответственный редактор).

Редактор Н. И. ЖИГАНОВА.

ПОХОД ЕРМАКА НА КАЗАНЬ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН О ЕРМАКЕ

В. И. Буганов, А. А. Зимин

В последние десятилетия исторические песни о Ермаке привлекают большое внимание историков древней русской литературы и фольклора. В 1960 г. появилось серьезное научное издание текстов, подготовленное Б. Н. Путиловым [1], и обобщающие исследования того же автора и В. К. Соколовой [2].

Согласно мнению Путилова, песенный цикл о Ермаке отразил некоторые существенные стороны идеологии русского народа кануна Крестьянской войны в России начала XVII в. В. К. Соколова считает само собой разумеющимся отнесение исторических песен о Ермаке к концу шестнадцатого столетия, т. е. ко времени после похода казаков в Сибирь.

А. Горелов, применяя в обстоятельном исследовании «конкретный анализ» исторических песен, приходит к выводу, что «с образом Ермака связаны в первую очередь социальные искания мятежного русского крестьянства конца XVI — начала XVII вв.»[3].

Мнение о составлении исторических песен о Ермаке в конце XVI — начале XVII в., т. е. довольно скоро после событий, связанных с деятельностью Ермака и его дружины, не является преобладающим в новейшей литературе [4].

---

[1] Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.-Л., 1960. В комментариях приводятся наблюдения Б. Н. Путилова о времени составления отдельных циклов песен, их сюжетах и т. д.

[2] Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв., М.-Л., 1960, стр. 235—281. См. также его статью: К вопросу о сюжетном составе и истории сложения песенного цикла о Ермаке. Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.-Л., 1958. В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—XVIII вв., М., 1960, стр. 67—78.

[3] А. Горелов. Исторические песни о Ермаке — поэтический пролог и спутник Первой Крестьянской войны в России — Русская литература, 1961, № 1, стр. 141—159.

[4] См. Л. С. Торопова. К вопросу об изображении народа и народного героя в исторических песнях об Иване Грозном. «Красноярский гос. пед. институт. Труды объединения кафедр литературы вузов Сибири и Дальнего Востока», т. 1, в. 2, Красноярск, 1960, стр. 20—23.

Значительный интерес представляет статья Е. А. Александровой о методике анализа исторических песен, основанная на разборе песен о Ермаке [1]. В основу анализа песен Е. Александрова, следуя за И. Д. Уховым, кладет изучение «типических мест». Она пишет: «именно типические места в исторических песнях сохранили и донесли до наших дней конкретно исторические черты народной жизни минувших времен» [2]. Места, не отлившиеся в устойчивые словесные формы, по мнению Е. А. Александровой, являются самыми ненадежными в смысле исторической достоверности. Они, видимо, и порождены индивидуальным творчеством отдельных певцов. К сожалению, ни принципов анализа типических мест, ни приемов их соотношения с фактами Е. А. Александрова не коснулась. А это повлияло и на степень убедительности ее конкретных выводов о датировке песен о Ермаке.

Так, Е. А. Александрова доказала, что вторая из двух групп песен о выборе атамана (Ермака) связана с восстанием Степана Разина (ее действие начинается на Каспийском море, на «Персидском» или «Шимашинском» острове и т. д.). Однако датировка первой группы этих песен, где действие разворачивается «на речке Камышинке», у Е. А. Александровой уже неопределенна. «Запев о Камышинке — пишет Е. А. Александрова — возник, видимо, еще в XV—XVI веке». Позднее, очевидно к первой половине XVII в., он «отлился в поэтическую формулу» [3]. Но что значит «возник» и «отлился»? Какая разница между этими понятиями, которые автор и в дальнейшем настойчиво употребляет? То, что образ Камышинки в песне конкретен и поэтичен и что уже к XVI в. относится возникновение казачества, не дает еще оснований датировать XVI веком песню о Ермаке. Берега Камышинки оставались «красными» (из красной глины) и находились «повыше» Царицына и «пониже» Саратова, как в конце XVI в., так и в XVII в. Следовательно, для возведения песни к концу XVI в. у нас нет оснований, если не считать того, что ее герой Ермак жил именно в это время.

Рассматривая содержание и время появления сибирских летописей, Д. С. Лихачев связывает их появление с усилившимся в XVII в. интересом к истории Сибири [4]. Составители летописей (Есиповской, Киприановской, Строгановской и др.) очень живо интересовались фольклорным материалом, народными преданиями в качестве одного из источников. Так, ими были использованы народное «написание» казаков — участни-

---

[1] Е. А. Александрова. К вопросу о методике анализа исторических песен. — «Ученые записки Даугавпилсского госуд. пед. института», т. III, серия гуманитарных наук, вып. 2. Даугавпилс, 1959, стр. 79—112.

[2] Там же, стр. 80.

[3] Е. А. Александрова. Указ. соч., стр. 82, 83, 84.

[4] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 391 и сл.

ков похода Ермака (составлено до 20-х гг. XVII в.), татарские и русские предания. Но историческая песня о Ермаке — весьма яркий и своеобразный материал о Ермаке — попала только в позднейший Толстовский список (XVIII в.) Строгановской летописи. В связи с этим автор замечает, что ко времени составления «написания», т. е. к 20-м годам XVII в., события ермаковского похода «еще были свежи в памяти всех». Поэтому «написание» не включило легендарный и песенный материал о Ермаке — «надо думать, что к тому времени его почти и не было». Д. С. Лихачев обратил внимание на наблюдающееся в песнях сближение образов Ермака и Степана Разина. Автор считает, что фольклор о Ермаке сложился, «по-видимому, в первой половине XVII в.» и начал особенно интенсивно проникать в сибирские летописи во второй половине этого столетия [1].

Характеризуя так наз. Кунгурскую летопись второй половины XVII в., Д. С. Лихачев высказывает предположение, что один из рассказанных в ней эпизодов о времени ермаковского похода явился основой для его описания в исторической песне о Ермаке. Речь в нем идет о том, что во время сбора казаками ясака среди сибирских жителей местный князь Елыгай привел Ермаку «прекрасную дочь свою в честь и в дар. Ермак же не приял и отверг, и прочим запретил». Далее об этой девушке говорится: «Та бо девка роду ханска Саргычака царя прекрасна». Автор ставит вопрос, — «не есть ли это прототип той песенной «души красной девицы, молодой Урзамовны», дочери «мурзы турскова», которую казаки Ермака отпускают, не обидев?» [2]

В этом наблюдении интересно приурочение песни с упоминанием Урзамовны ко второй половине XVII в., но мнение об ее связи с эпизодом из Кунгурской летописи вряд ли можно считать приемлемым.

В. П. Адрианова-Перетц, рассматривая так называемую сказочную повесть об Азове, в частности рассказ о похищении невесты крымского хана («царя») Старчия, высказывает вслед за акад. А. С. Орловым мнение, что он перенесен из разинского цикла песен. То же имеет место и в песне о похищении молодой Урзамовны — она, «не называя прямо имени Разина, все же носит на себе явные следы песенного предания именно о его походах, хотя здесь уже есть довольно обычная в песнях замена Разина Ермаком». Реальной основой песни служит, по мнению А. С. Орлова и В. П. Адриановой-Перетц, пленение дочери Менеды-хана казаками Степана Разина в 1669 г. во время Персидского похода [3].

---

[1] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1917, стр. 399—403.

[2] Там же, стр. 411, 416.

[3] В. П. Адрианова-Перетц. Исторические повести XVII в. и устное народное творчество — ТОДРЛ, т. IX, М. — Л., 1953, стр. 89—92.

Мнения о более позднем происхождении цикла исторических песен о Ермаке заслуживают большого внимания. Однако они не получили более или менее детальной разработки в специальной литературе. Ниже делается попытка рассмотреть исторические песни о Ермаке с точки зрения их «конкретного анализа».

* *

Многие исследователи, изучавшие песни ермаковского цикла, отмечали, что они мало уделяют внимания центральному событию в жизни Ермака — его походу с казаками в Сибирь. К этому можно добавить, что то понимание событий удалого «козакования» Ермака и его соратников на Волге и Оке, на «море» (Каспийском, очевидно), которое, казалось бы, отразилось в песнях, найдя в них своеобразное преломление, менее всего связано с реальным Ермаком, его помощниками-есаулами и казаками. Вообще в исторических песнях о Ермаке последний почти совсем лишен связи со своим реальным прототипом. Их живой интерес, хотя и завуалированный именами Ермака и других песенных героев, сосредоточен на другом.

Напрашивается вывод, что песни о Ермаке сложились значительно позднее конца XVI — начала XVII вв. В пользу этого свидетельствует и отмеченный выше факт включения песни о Ермаке в Строгановскую летопись только в XVIII в.

Главным аргументом в пользу позднего происхождения песен о Ермаке является их содержание, социальное звучание в связи с реально происходившими событиями в России эпохи крестьянских войн.

Рассмотрим некоторые особенности отдельных сюжетных циклов песен о Ермаке, выделенных в академическом издании. Между отдельными сюжетами имеется определенное сходство, что облегчает их «конкретный анализ».

В песне «Поход голытьбы под Казань»[1] говорится о том, что добрые молодцы собираются в поле (или в море), выбирают атамана и есаула и затем решают итти на помощь Ивану Грозному к Казани. Таков в целом вымышленный сюжет этой песни, наполненный, однако, рядом исторических реалий, получивших в ней естественное изменение и преломление. Постоянно повторяется мотив Каспийского моря и острова (Персидского, Шемашинского, Чернославского), где собираются «музуры», «музурушки персидские» — матросы, гребцы, голь кабацкая, беднота, «каблы беспаспортные»:

> Как далеченько, далеченько, во чистом поле,
> Да еще того подале — во синем море,
> Как на синем море было на Каспийскиим,
> Что на славном было острове на Персидскиим,
> Собиралися музуры, добры молодцы[2].

[1] Исторические песни XIII—XVI вв., №№ 308, 317, стр. 492—498.
[2] Там же, № 308, стр. 492.

Музуры в песне — «ребятушки персидские», «славные мазурушки персидские», «добры молодцы», на их стороне все симпатии составителей и певцов песен.

Атаманом выступает Ермила Тимофеевич (№ 308, 310), Ермак (№ 314), Ермошенька Тимофеевич (№ 313), иногда Степан, Стенюшка (№ 311), Степанушка (№ 309), и даже Степан Тимофеевич (№ 316), в одном случае Степанушка — «податаманье» Ермака (№ 310). В некоторых вариантах атаман — Никита Романович, а Ермак — его есаул (№№ 312, 313, 316), есаулом назывался Никитушка или Никита Иванович (№ 319), Никитушка Корыгин (№ 315), в других (№№ 308, 309, 311, 314) сходство отчеств («Тимофеевич») содействовало совмещению образов Ермака и Степана Разина. Замена Ермака Степаном, конечно, явление более позднее. Она могла произойти уже много лет спустя после того как отгремели бури Крестьянской войны. Никита Романович (Иванович, Корыгин и т. п.) — хорошо известный эпический герой цикла песен об Иване Грозном, сложившегося в первой половине XVII в.

Как видим, уже начало песен тесно связано с воспоминаниями о далеких персидских походах казаков, об остановках на островах Каспийского моря, казачьих «кругах».

После выбора атаман и есаул держат речь и предлагают итти с моря на Волгу, причем очень характерно описание маршрута по Волге:

«Не пора ли нам, ребята, со синя моря
Что на матушку на Волгу, на быстру реку?
Еще как-то нам, ребята, города пройти?
Астраханское славно царство пройдем с вечеру,
А Царицын — городочек во глуху полночь,
А Саратов на белой заре.
Мы Самаре — городочку не поклонимся,
В Жигулевских горах мы остановимся» [1].

Конечно, этот маршрут плаванья по Волге повторяли все «шарпальники» XVI и XVII столетий. Но здесь обращает на себя внимание связь этого маршрута с далекими персидскими походами по Каспийскому морю, возвращаясь из которых казаки проходят мимо Астрахани и других городов и останавливаются под Жигулями. В целом эта схема сильно напоминает именно события Второй Крестьянской войны в России под руководством С. Т. Разина. Во время Персидского похода 1667—69 гг. разинцы, действительно, плавали по Каспийскому морю к берегам Персии (Ермак же выходил в море, хотел плыть в Персию, но источники не сообщают, что он добирался до «шаховых» областей, а они, конечно, не преминули бы это отметить), останавливались на островах — на Кулалынском в северо-восточном углу Каспийского моря, на Свином — в его юго-западном углу, недалеко от Баку, т. е. в районе персидских

[1] Исторические песни, XIII—XVI вв., № 308, стр. 492.

владений, и др.[1]. После окончания Персидского похода разинцы начали поход на Волгу — от Астрахани они доплыли до Симбирска, здесь после ряда сражений были разбиты и отступили.

Симбирск являлся своеобразным рубежом, за который они не могли перебраться по Волге; Симбирск расположен севернее Жигулевских гор. Между тем, о Ермаке летописи сообщают, что он плавал не только по Волге (значительно выше Симбирска — вплоть до Нижнего Новгорода), но и по Оке:

«Начало заворуя Ермака Тимофеева сына Поволскаго. В 7085-м и 6-м годах воевал и разбивал на Оке и Волге и на море суды и катарги, торговых караваны в скопе с 5000 человек, хотя итти в Кизылбаши для своей власти з донскими и еицкими. И преже, и в те лета промчеся воровской слух его в Русии, в Казане и в Астрахане, и что кизылбашских послов пограбили Ермачко именем со многими людми, у него ж было в скопе на море 7000 человек»[2].

В песне никак не отражен этот факт «воровства» Ермака почти по всей Волге и по Оке: Жигули здесь — как бы порог, выше которого казаки не пошли, хотя ниже и говорится об их намерении идти к Казани на помощь Грозному. Именно в этом — основное содержание песни, а на взятии Казани сосредоточено гораздо меньше внимания, хотя, казалось бы, должно быть обратное. Чувствуется, что взятие Казани лишь только использовано составителями песни для высказываний о событиях разинского восстания. Об этом говорит и постоянно повторяющийся мотив в этой песне: казаки, останавливающиеся на Волге у Жигулей, сводят по кленовым сходушкам (сходням) атамана под руки («на белых руках»); в некоторых вариантах сходенки — кипарисовые или кедровые, приколушки — дубовые, пихтовые или серебряные, чалики — шелковые, уключенки — тоже кипарисовые, шатры — шелковые и т. д. Все это тоже сильно напоминает известные описания возвращения разбогатевших разинцев из Персидского похода в 1669 г. в Астрахань — канаты и паруса на лодках у них были сделаны из шелка и т. д., Разина и его «детушек», сидевших на разукрашенных судах, восторженно встречали астраханцы, палили из пушек, самого Разина простой народ называл «батюшкой» и т. д.[3]. Эта любовь и восхищение казачьим атаманом явно просвечивает и в рассмотренной песне.

Или вот еще характерная и беспокойная мысль для повстанцев, которые долгое время находятся в плавании у бере-

---

[1] См. «Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина». Сб. документов, т. 1, М., 1954, стр. 134—156; И. В. Степанов. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг., т. 1. Л., 1966, стр. 310 и след.

[2] Сибирские летописи. СПБ., 1907, стр. 313.

[3] «Крестьянская война», т. 1, стр. 149, 153, 154, Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, стр. 202—203.

гов Персии: «Уже не полно ли нам, ребятушки, на морях стоять-стоять?» [1].

Песня, конечно, претерпела в течение XVII в. и позднее определенные изменения: в ней заметны, напр., наслоения XVIII в. — в некоторых вариантах говорится о «губерниях», «казанском губернаторе» и т. д. [2]. Но не эти наслоения XVIII в., как и не воспоминания о слишком далеких событиях «казанского взятия» середины XVI в., которые имеют вспомогательный характер,— главный смысл песни, а социальная, классовая обстановка XVII в., точнее периода Второй Крестьянской войны. Эта песня является поэтическим откликом на события Разинского восстания. В. К. Соколова отметила, что «выбор атамана и совет» относятся, «несомненно, к Разину», поскольку в песне слышится «воспоминание о персидских походах Разина». Ей решительно возражает А. Горелов, поддерживающий Б. Н. Путилова в том, что эта песня в основе — «казанская, о походе «вольницы» под Казань для помощи царю»; это — первичная версия сюжета, а поход голытьбы с Каспия на Волгу — вторичная, тоже поздняя, переносящая читателя в эпоху надвигающейся Первой Крестьянской войны [3]. С этим трудно согласиться. Столь же искусственна попытка автора связать «воровской» проход казаками городов по Волге с движением «царевича Петра» в начале XVII в. [4].

Б. Н. Путилов отметил, что атаман в песне приобретает царственные черты: его величают батюшкой, его собираются торжественно сводить на берег по украшенным сходням; в песне говорится не об неорганизованной толпе, а об организованном, полном мужества и готовности к борьбе, богато снаряженном народном войске; основная идея песни — утверждение могущества матросской и бурлацкой массы [5]. Со всем этим можно согласиться, исключая утверждение автора, что возникновение песни следует отнести к последним десятилетиям XVI в. [6].

Песня «Разбойный поход на Волгу» близка к предыдущей и является по существу ее переработкой [7]. Сюжет ее — выбор атамана и есаула «заславными музурушками персидскими» «на синем море на Каспийскием, на славном Черностове, славном острове». Цель «добрых молодцев» — итти за «добычушкой» «во матушку..., во Россиюшку» [8]. В песне наблюдается тот

---

[1] Исторические песни XIII—XVI вв., стр. 493, 494 и др.
[2] Там же, стр. 496—497.
[3] А. Горелов. Указ. соч., стр. 153.
[4] Там же, стр. 155—156.
[5] Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор, стр. 248, 250.
[6] Там же, стр. 250.
[7] Исторические песни XIII—XVI вв., № 318—327, стр. 499—504.
[8] Там же, № 320, стр. 500.

же разнобой в именах атамана и есаула, в частности сближение Ермака и Степана Разина.

Новое в этой песне — отсутствие мотива казанского взятия и стремление не только к тому, чтобы незаметно пройти города по Волге (об этом тоже говорится в некоторых вариантах), но и к их взятию, к организации похода в самой России — хватит гулять и разбивать корабли «басурманские» на Каспие! Пора итти «во Россиюшку»! Антифеодальная направленность в этой песне выявляется более отчетливо. Песня оказывается «бунташным» призывом к непосредственному действию в пределах России. Эти особенности тесно связывают ее с предыдущей песней, тем более что основные моменты их сюжета очень сходны.

Песня «Ермак в казачьем кругу»[1] является по словам Б. Н. Путилова, самой популярной в ермаковском цикле[2]. Она сложилась в казачьей среде и выражает идею общеказачьего единства. Песня начинается картиной сбора казаков «на Волге реке, на Камышинке», «на славных степях... Саратовских», «между городом Саратовом и Астраханью» и т. д. Б. Н. Путилов справедливо полагает, что эти указания, наряду с их исторической точностью, представляют «своеобразное **эпическое место,** с которым связаны определенные политические идеалы и представления народа той эпохи — о вольной жизни без бояр и воевод, о мощном разгуле свободных народных сил, о размахе народного героизма, не скованного путами феодального гнета»[3]. Все это так, но тем более странно приурочение этого эпического места к событиям Крестьянской войны начала XVII в., в общем-то мало связанной с территорией по Волге и Дону; главной ее базой был юго-запад страны — так наз. Слободская украина и уезды к юго-западу от Москвы[4].

В этой песне четко выявляются как антифеодальные мотивы, свойственные народному сознанию, так и его слабые стороны (царистские иллюзии).

Центральным моментом песни является речь атамана на казачьем кругу: приближается зима, встает вопрос, — где «зиму зимовать будем?» Казаки сознают, что царские власти относятся к ним, как к врагам:

«На Яик нам идтить —
Переход велик,
На Дон нам идтить, ребятушки, —
Нам ворами слыть,
А на Волгу нам идтить —
Переловленным быть.

[1] Исторические песни XIII—XVI вв. №№ 328—355, стр. 505—519.
[2] Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. 236—237.
[3] Там же, стр. 237.
[4] См. И. И. Смирнов. Восстание И. И. Болотникова. 1606—1607. М., 1951.

Название казаков «ворами» — весьма характерно. А. Горелов прав, говоря о том, что песни о Ермаке создались тогда, когда «вопрос о гражданской войне в Русском государстве встал в повестку дня» [1]. Но такая ситуация складывалась не только в начале XVII в. (как думал А. Горелов), но и к началу 70-х годов того же века.

Казаки не надеются на милость, тем более, что они убили царского посла. Этот мотив — убийство царского посла — нередко встречается в песнях о Ермаке. Есть даже отдельная песня «Казаки убивают царского посла» [2]. Его имя Семен Константинович Карамышев; это реальное историческое лицо, которого, как отмечает Б. Н. Путилов, донские казаки, действительно, убили в 1630 г. [3]. Место действия в этой песне — Каспийское море недалеко от устья Волги, где казаки во главе с Ермаком останавливают и грабят 12 заморских кораблей:

«Турки, гости богатые,
На кораблях от того испужалися,
В сине море металися;
А те товары заморские
Казакам доставалися,
А и двенадцать караблей».

Далее описывается эпизод с Урзамовной:

«А на тех кораблях
Одна не пужалася,
Душа красна девица
Молода Урзамовна,
Мурзы дочи турского» [4].

Вслед за этим описывается убийство С. К. Карамышева на волжской протоке Ахтубе. Посла сопровождали «солдаты, слуги царя верные».

Песня оправдывает казаков и осуждает посла и его солдат, которые начали драться «ради корысти своея». В одном из вариантов бесстрашные казаки, расправившиеся с царским послом и разграбившие лодку «со страшной казной государевой» — «со лютым со зельем, с черным порохом», с золотом, содержит прямой антифеодальный призыв к походу на Москву:

«Как куды же мы, братцы, воровать теперь пойдем?
Ай нам во Казань-город идти — нам убитым быть,
Нам во Астракань идти — быть повешенным.
Ах, пойдем-тко, братцы, в каменну Москву» [5].

---

[1] А. Горелов. Указ. соч., стр. 144.
[2] Исторические песни XIII—XVI вв., №№ 356, 357, стр. 519—523.
[3] Там же, стр. 683.
[4] Там же, № 356, стр. 520.
[5] Там же, № 357, стр. 523.

Песня эта отражает резко антифеодальный характер мировоззрения народных масс, сильную поляризацию классового антагонизма в России. В соединении с эпизодом убийства посла Карамышева (это событие 1630 г. послужило поводом для создания песни) и эпизодом пленения молодой и прекрасной Урзамовны, отразившим, вероятно, факт из истории Персидского похода Степана Разина (см. выше), — все это опять-таки связывает песню с эпохой Второй Крестьянской войны, с ее особо резкой поляризацией классовых отношений в стране и решительным настроением народных масс в борьбе с угнетателями.

Возвращаясь к песне «Ермак в казачьем кругу», отметим, что в поисках выхода из положения атаман выдвигает идею завоевания казаками Сибири (в некоторых случаях — Казани) в надежде на прощение и милость царя:

«Авось нас царь пожалует:
И будем просить славный Тихий Дон
С потоками и белой Манычью» [1].

Здесь отразились царистские иллюзии простого народа, их надежды на то, что царь после их подвига и покаяния «пожалует» их Доном с притоками. В этом заключалась постоянная мечта простого люда о «крестьянско-казацкой республике» где-либо на окраине России, подальше от феодального гнета и несправедливости, мечты о государстве Утопии.

Эти мечты отразились и в песнях «Взятие Ермаком Казани», «Ермак у Ивана Грозного».

Отметим любопытные моменты в некоторых вариантах рассматриваемой песни. В них говорится не о походе в Сибирь, чтобы заслужить царскую милость, а о зимовке на месте — на речке Камышинке, «Тихом Доне», Куме, Тереке — в зависимости от местных интересов, т. е. от места, где бытовал данный вариант песни. Говорится о постройке шалашей (или («шалашей камышевых»), «ямушек», «балаганушек», «землянушек», где казаки и собираются зимовать с тем, чтобы, очевидно, на следующий год продолжать свое «воровство», поскольку в вариантах не говорится о необходимости покаяния и царской «милости».

В одном из вариантов говорится:

На Рассеюшку идтить — урожаю нет,
На батюшку на Тихий Дон идтить —
Нам господь велит.

Здесь уже проскальзывает мысль о возможности похода «на Рассеюшку», т. е. на ту же Москву, где живут бояре-угне-

[1] Исторические песни XIII—XVI вв., № 329, стр. 505.

татели и народные недоброхоты. Описания возможной зимовки в шалашах и землянках весьма напоминают зимовку разинцев на Кагальницком островке на Дону зимой 1669/70 года — после возвращения из Персидского похода [1]. Между прочим, в одном из вариантов этой песни [2] участники круга называются не только мазурушками персидскими, старыми, беспачпортными, но о них говорится, что они «из тумы-то тумов мазурушки». В связи с этим интересно отметить, что сам Степан Разин был «тумой», т. е. сыном казака и пленной турчанки» [3].

В песне «Ермак у Ивана Грозного» вместо того, чтобы итти под Казань, Ермак принимает решение отправиться на завоевание царства Сибирского [4]. Он мечтает, что когда он принесет повинную царю, тот пожалует его «Тихим Доном». Самого же похода на Сибирь здесь нет. Сюжет этой песни подвижен. Он отражает очень поздний этап в развитии цикла песен о Ермаке. Социальное звучание песни уже приглушено. Б. Н. Путилов считает даже, что большинство текстов этой песни «должно быть отнесено в разряд либо прямых подделок, либо сомнительных по подлинности» [5].

Песни о Ермаке входят в один цикл, имеют сходство с другими песнями о времени Ивана Грозного, но представляют собою новый этап в развитии исторических представлений народа. Тема взятия Казани перерастает в тему открытого конфликта казаков с царем. Никита Романович из носителя крестьянских идеалов занимает уже подчиненное место в казацкой иерархии, становясь «есаулом» Ермака или Степана. Развивается мотив «подрайской землицы», только намеченный в песне о сыне Грозного: казаки мечтают получить по-прежнему из рук царя, но уже не туманную «Никитину вотчину», а совершенно конкретный «Тихий Дон», чтобы стать «вольными людьми». Те казацкие круги, которые создавали и передавали из уст в уста песни о Ермаке, принадлежали к наиболее мятежно настроенной среде русского общества XVII—XVIII вв.

---

[1] Крестьянская война, т. 1, стр. 159 и сл.

[2] Исторические песни XIII—XVI вв., № 333, стр. 507.

[3] Е. В. Чистякова. Василий Ус — сподвижник Степана Разина. М., 1963, стр. 30.

[4] Исторические песни XIII—XVI в., №№ 364—369.

[5] Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. 262.

РУКОПИСНЫЕ ЖУРНАЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1850-х — НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ

Е. Г. Бушканец

Среди источников по истории общественно-политической борьбы в России в период революционной ситуации второй половины пятидесятых — начала шестидесятых годов прошлого столетия особое место занимают рукописные газеты и журналы. Рукописные журналы выходили и раньше, но носили чисто литературный характер и, в большинстве случаев, выпускались с одобрения или, по крайней мере, с согласия начальства — от политической злобы дня они были очень далеки. С середины пятидесятых годов в рукописных изданиях на первый план выходят вопросы общественно-политической жизни. В зависимости от позиций их издателей подпольные журналы либо требовали решительных реформ, либо — звали к революции.

Появление антиправительственных рукописных журналов связано с образованием нелегальных кружков разночинно-демократической молодежи. Журналы как правило издавались именно такими кружками. Пуская в свет свое детище, издатели были уверены в том, что оно найдет аудиторию друзей-читателей.

Журналы выходили в обстановке самых разнузданных преследований. Власти стремились любыми путями заполучить нелегальные издания, установить имена редакторов и авторов, раскрыть круг лиц, им сочувствовавших. В тех случаях, когда это удавалось, на «злонамеренных лиц» обрушивались свирепые репрессии. В этих условиях рукописные журналы существовали, как правило, недолго. Нередко выпуск их прекращался на втором, третьем номере, большинство едва дотягивало до седьмого, восьмого... Но взамен прекратившихся изданий начинали выходить новые.

Как видно из мемуаров современников, рукописные газеты и журналы пользовались огромной популярностью, особенно среди учащейся молодежи. Студенты университетов, институтов и академий, семинаристы, гимназисты старших классов жадно воспринимали свободное бесцензурное слово. Выход каждого номера вызывал обычно горячие дискуссии, у журнала появлялись и новые друзья и новые враги.

Большая часть рукописных изданий не сохранилась. Они известны лишь по упоминаниям в переписке современников, агентурным данным карательных органов самодержавия, мемуарным свидетельствам. Некоторые газеты и журналы, однако, дошли до нас и опубликованы. Обзор этих публикаций дан в 1916 году С. Г. Сватиковым [1]. В советские годы были обнаружены и опубликованы еще несколько изданий. В 1934 году А. Мелеин ввел в научный оборот материалы журнала московских студентов «Изобличитель» [2]. Совсем недавно Г. Г. Фрименков обнаружил выпускавшийся в Архангельске журнал «Колокольчик» [3]. В этой статье используются материалы выявленных нами в архивах отдельных номеров «Вестника свободных мнений», «Студенческого мира», «Светоча», «Русского звона».

Список подпольных рукописных изданий эпохи падения крепостного права в России открывает газета «Слухи», издававшаяся Н. А. Добролюбовым в Главном педагогическом институте в 1855 году. Материалы «Слухов» — ценнейший источник для изучения формирования взглядов Добролюбова, выяснения истории созданного им в институте антиправительственного кружка. Текст семнадцати сохранившихся номеров «Слухов» (из девятнадцати вышедших всего) полностью был опубликован только после Великой Октябрьской социалистической революции [4].

Наиболее полно дошли до нас сведения о рукописных изданиях студентов Петербургского университета. Нелегальные журналы появились в столичном университете осенью 1857 года.

По словам А. М. Скабичевского, студенчество тогда разделялось на три партии: правую, левую и центр. Поскольку правые были в то время очень слабы и не решались выступать открыто, в общественной жизни университета участвовали лишь две партии: умеренный центр и крайние левые, которых прозвали «волками». «Каждая партия, — пишет Скабичевский, — начала выпускать свой собственный орган в виде

---

[1] С. Г. Сватиков. Студенческая печать с 1755 по 1915 год. — Сб. «Путь студенчества», М., 1916, стр. 213—248.

[2] А. Малеин. «Изобличитель» — рукописный журнал студентов Московского университета (1859 г.). — «Звенья», т. III—IV, 1934, стр. 471—483.

[3] Г. Г. Фрименков. Лондонский «Колокол» и архангельский «Колокольчик». «Уч. Записки» Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 237, 1963, стр. 227—244.

[4] См. комментарии к «Слухам» — Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений. М. — Л., 1961, т. 1, стр. 562—563. Интересно, что еще в 1863 году в демократической газете «Очерки» был помещен обзор добролюбовского издания — А. Пятковский. Рукописный журнал Н. А. Добролюбова — «Очерки», 1863, № 60, стр. 237—238.

рукописных газеток: умеренные — «Вестник свободных мнений», волки — «Колокольчик» [1].

Умеренные, свидетельствует мемуарист, желали «по возможности избегать шума и относится к начальству не с настойчивыми требованиями, а с почтительными просьбами», крайние левые являлись «представителями самых радикальных требований, любителями крутых мер и скандальных демонстраций». Несмотря на это издания той и другой партии «касались лишь, — утверждает Скабичевский, — одних интересов внутренней жизни университета, а государственной политикой в них и не пахло». Поэтому преследование рукописных журналов властями представляется ему совершенно необъяснимым «смешным курьезом».

Из двух журналов, упомянутых Скабичевским, мы можем рассмотреть содержание только «Вестника свободных мнений». Властям удалось заполучить текст его первых двух выпусков. Текст этот сохранился в делах Третьего отделения [2].

Материалы первого выпуска в значительной мере связаны с борьбой вокруг подготовки «Студенческого сборника». Выпуск «Студенческого сборника» был разрешен правительством с целью отвлечения молодежи от политических интересов. Власти пошли даже на создание выборной коллегии редакторов — в состав ее входило по два студента от каждого факультета. В фонд издания «Сборника» императрица пожертвовала триста рублей.

В целом издатели «Вестника свободных мнений» относились к «Студенческому сборнику» одобрительно.

Дай бог, чтоб новое изданье
Нас всех к науке призвало,
От злого в лени нареканья
Студентов с честию спасло,
Тогда бы все мы общим делом
С восторгом назвали его... —

говорилось в одном из стихотворений. Зато дальше, в специальной статье редакция «Сборника» подвергалась резкой критике. В статье шла речь о необходимости гласности в действиях редакторов, выдвигалось требование отчетности редакторов перед студентами делегировавших их факультетов и т. д. В хронике университетской жизни «Вестник свободных мнений» с иронией отмечал деятельность инспектора Фитцума. Автор хроники утверждал, что за самовольное появление в театре или недостаточно низкий поклон внезапно появившемуся

---

[1] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М. — Л., 1928, стр. 102.

[2] ЦГАОР, ф. 109 — Третьего отделения, секретный архив, оп. 1, ед. хр. 85, лл. 25—41.

начальству студента бессмысленно сажать «под арест», а самый карцер университета пора уничтожить.

Несмотря на всю умеренность первый выпуск «Вестника свободных мнений» вызвал протест части студентов-либералов. Текст этого протеста сохранился, он был составлен Л. Н. Модзалевским и подписан группой его единомышленников. Чего только не ставилось ими в вину издателям «Вестника свободных мнений» — и «далеко неостроумные» выпады по адресу инспектора, и стремления, которые «совершенно выходят из сферы насущных студенческих интересов и заводят слишком далеко», и самое «поползновение» подражать изданиям Искандера. «Неужели издатели «Вестника свободных мнений» раньше не подумали о последствиях затеянного ими дела?— говорилось в протесте. — Кто они? Если доброжелатели — то пусть оставят гибельное направление своего журнала...» Авторы протеста рисовали далее своей идеал вполне безобидного и одобряемого свыше «Вестника мнений» («только без излишнего эпитета свободных») [1].

Редакция «Вестника свободных мнений» весьма своеобразно реагировала на эту критику. Во втором выпуске речь шла уже не о студентах-редакторах, или инспекторе, а об.. императоре Александре II и его покойном родителе. Почти весь выпуск был заполнен стихотворениями. Одно из них представляло собой эпитафию Николаю I:

Не зная, чем почтить усопшего царя,
Над статуей его, означив смерти год,
«За восемнадцатое февраля»,—
Крестяся, выставил ликующий народ.

18 февраля — день смерти Николая I. Единственное, за что заслужил царь памятника,— за то что умер.

Центральное место во втором выпуске занимала поэма «Спор».

Автор поэмы, обращаясь к России, восклицал:

Ты в оковах православья
Ищешь правоты,
А твое самодержавье
Полно темноты.

Православие помогает поддерживать господство «лжи» и «темноты». Под его влиянием «европейские китайцы» прячут ум от науки «в свои святцы».

Полновластный повелитель страны — царь. Воля его, — «хоть дурак сиди на троне», — закон для подданных.

[1] К истории Петербургского университета 1857—1859 гг. — «Голос Минувшего», 1917, № 1, стр. 160—161.

Все идут навстречу власти
Шею подставлять
И побои, словно сласти,
Взашей получать.

Александр II начал свое царствование с реформы армейского обмундирования — он одел солдат, как кукол («не жалеет разных сукон, только б был парад!»), ввел для генералов красные штаны («И хоть в поле щеголяют В красных все штанах, Генералы пребывают В тех же дураках!»).

Путь к свободе преграждают самодержавные законы, они «застой России сонной крепко берегут». Но придет время, когда «власти страшною преградой станет новый строй»—

Помни, рано или поздно
Рабство пропадет
И рабы отбросят грозно
Самовластья гнет.
Не спасут царя молитвы
Всем его святым
И воздвигнут в поле битвы
Памятник иным
Свободителям отчизны,
Вольности сынам...

Материалы второго выпуска «Вестника свободных мнений» опровергают свидетельства А. М. Скабичевского о том, что в рукописных журналах «и не пахло политикой». Наоборот, становится ясным почему Третье отделение сочло нужным ознакомить с «Вестником» самого Александра II, а также министра просвещения А. С. Норова. Последний в своем ответе усердно благодарил Третье отделение за предоставленную возможность прочитать «эти бредни» и заверял, что им будет решительно пресечена деятельность «неизвестных авторов этих пасквильных страниц — начальство приняло все меры к отысканию и удалению таких мерзавцев» [1].

Но хотя министр грозил свирепо расправиться с «мерзавцами» — издателями журнала, внешне эта расправа была проведена в вполне благопристойной форме — наступали новые времена! Редакторы и сотрудники рукописных журналов, по словам Скабичевского, были приглашены к попечителю Щербатову. Тот принял их весьма любезно, пожал каждому руку. Мягким заискивающим тоном он заявил, что ознакомился с рукописными листками, ничего не имеет против их издания, будет рад, если выпуск их продолжится. При этом он боится только одного: чтобы кто-нибудь не написал чего-нибудь лишнего. Поэтому он просит лишь представлять каждый листок перед выходом ему на просмотр... «Как ни мягки и ласковы

[1] ЦГАОР, ф. 109 — Третьего отделения, секретный архив, оп. 1, ед. хр. 1467, л. 1.

были слова князя, — тем не менее, мы вышли от него с вытянутыми лицами, — пишет Скабичевский. — Листки, выходящие под цензурой попечителя, теряли в наших глазах всю прелесть...» [1] Выпуск рукописных журналов, по его словам, в результате немедленно прекратился.

Однако эти утверждения Скабичевского опровергаются данными Третьего отделения. По агентурным сведениям издание рукописных журналов продолжалось. Вышел третий номер «Вестника свободных мнений», продолжал выходить «Колокольчик», появились новые журналы «Мир студентов» и «Эхо» [2].

Один номер «Студенческого мира» (а не «Мира студентов», как сообщалось в агентурном донесении) сохранился в делах Третьего отделения [3]. Судя по первому номеру, журнал находился на довольно умеренных позициях. Третий номер «Вестника свободных мнений» и другие журналы нам обнаружить не удалось. Приходится особенно сожалеть об отсутствии «Колокольчика» — органа демократической части студенчества. Известно лишь, что журнал этот редактировался студентом Боголюбовым.

С начала 1858—1859 учебного года появляется новый журнал «Светоч». В выпуске его принимали участие, по свидетельству Л. Н. Модзалевского, Распопов, Соковнин, Боголюбов, он — Модзалевский и еще несколько человек [4]. Как объяснить, что в издании «Светоча» выступают вместе Боголюбов, редактировавший ранее «Колокольчик», и Модзалевский, который резко протестовал даже против безобидного первого выпуска «Вестника свободных мнений»? Дело, конечно, не в их «примирении», а в резком полевении той части студенчества, которая еще недавно придерживалась «чистой» науки и сторонилась политики. Представителем этой части студенчества и был Модзалевский. Именно это, между прочим, отметил в своих воспоминаниях Л. Ф. Пантелеев, поступивший в университет осенью 1859 года. Он подчеркнул, что Модзалевский был типичным представителем студенческой массы, которую все больше и больше захватывали политические интересы [5].

Сколько номеров «Светоча» было выпущено — неизвестно. Пока удалось обнаружить в архивах только один — первый

---

[1] А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, стр. 103.

[2] ЦГАОР, ф. 109, — Третьего отделения, секретный архив, оп. 1, ед. хр. 1465, л. 11.

[3] Там же, лл. 2—7, № 1, 16 ноября 1857 г.

[4] Л. Н. Модзалевский. Из педагогической автобиографии. «Русская школа», 1897, № 3, стр. 23—24.

[5] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. 1958, стр. 216. Возможно, что некоторые стихотворения в «Светоче» принадлежали Соковнину. Он писал стихи, будучи студентом Казанского университета. После перехода в Петербургский университет он познакомился с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, играл заметную поль в студенческих кружках.

номер журнала [1]. Он состоит из трех отделов: первый — статьи в прозе, второй — стихотворения и третий — хроника студенческой жизни.

Из четырех «статей в прозе» наибольший интерес представляет последняя — «Мысли при чтении стихотворений Некрасова».

В ней идет речь о вышедшем за два года до этого сборнике стихотворений Некрасова (перепечатка произведений из этого сборника вскоре была запрещена). «С первого взгляда на «Стихотворения» Некрасова, с первой страницы этой маленькой, уютной книжки, пущенной на свет божий 1856 года, и уже придушенной рукою своей крестной матери — цензуры, не трудно определить, что автор наш выходит из ряду обыкновенных, дюжинных писателей. Тут не находим мы ни стремлений к «N. N. неведомой красе», ни похвальных од в прадедовском духе, ни нападок на просвещение в духе III-го отделения, ни гор, «кивающих своими спящими главами», ни задумчивого чела, ни страшно насупленных бровей, — здесь все просто, ясно, все жизнь и смысл, а не голая фраза». Стихотворение «Поэт и гражданин» не случайно открывает книгу. Оно учит жить «одной жизнью с обществом», «верно и нелицемерно служить ему», быть «прежде всего и главнее всего гражданином своей отчизны».

Сделав беглый обзор исторического пути русской поэзии, автор статьи говорит об исторически сложившемся разрыве между «публикой и «властью». «Самодержавный либерализм Александра Николаевича, уже начинающий оседать и кристаллизоваться в форму штыков, договорил последние буквы проклятия, занесенного над стариною... В такое время понятно, что поэт не может быть союзником государя...»

И Некрасов — поэт «не союзник государя» — высказав мысль о великом призвании поэта-гражданина, не остановился на этом: «вся грустная сторона нашего быта, крепостное право, варварская мораль, ложная филантропия» выведены им наружу в ярких красках с «сосредоточенным негодующим чувством». В его стихах «все стоны» народа.

Печальна участь современного поэта — очи его «чаще всего закрываются сторожем, да еще Петропавловской крепости». Но придет время (хотя оно, по утверждению автора статьи, и далеко), когда перед народными поэтами откроются настежь двери Зимнего дворца... [2].

---

[1] Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, шифр — QXVIII — 19.

[2] Отметим подчёркнутую автором статьи деталь: молодые читатели восстанавливали искаженные цензурой места. «В стихотворениях его мы постоянно будем отгадывать созвучные слова, пропущенные цензурой... Нетрудно видеть, например, что «музе, зовущей поэта то в города, то в степи», противопоставлены «цепи» у нашего милого Некрасова». Интересно

Во втором отделе «Светоча» помещено пять стихотворных произведений. Большой интерес представляют отрывки из поэмы «Прошедший год. 1857—1858». Пестрые картины студенческой жизни, образы, выхваченные из студенческой массы, составляют ее содержание.

С особым гневом говорится в поэме о студентах-аристократах. Это те, кто «зверей, леса, воды немое населенье и чуть не сами небеса присвоив в вечное владенье», сумели сделать подвластными себе и человека. Автор напоминал им:

Ваш жестокий кнут его лишь бил;
Хотя б ребенок или хилый
Старик он был... Вам все равно
Вас так же бьют и бьют давно
Кнуты помещиков-царей
Самодержавных палачей.
Их крепостные, крепостных
Вы не жалеете своих,
И часто гнев случайный царский,
Раздавшись над главою барской,
Ее в деревню гонит, в глушь,
Где может делать все, что хочет,
Где вечно пьян и вечно сыт
Он над страданием хохочет,
Когда ободранный лежит
В конюшне раб окровавленный
С клочками мяса на спине,
А барин, сценой пресыщенный,
Кричит: «Ванюшка — трубку мне!»

Не лучше кровопийц-помещиков и те, кто поддерживает и охраняет покой царя. Крепостники — опора и сила трона.

Но чем жандармы лучше их.
Когда тяжелой рукавицей
Народ стегают по лицу
Иль, пятя лошадь, давят ноги
Несчастным детям на плацу,
Когда земные едут боги?..

Автор поэмы выступает и против либералов. В одной из главок изображен «записной либерал». Автор напоминает, что еще недавно он хвастался дядей-генералом. Но кто из этих либералов

Николаизмом не страдал
И дядю в чине генерала
Большою честью не считал?—

спрашивает автор. Свое настоящее лицо студенты-либералы обнаружили на дружеской пирушке, когда предложили тост

и другое утверждение: «Читая его стихотворения, право, не доверяешь тем двусмысленным слухам о личности поэта, которые носятся в воздухе». Оно характерно для отношения к Некрасову молодых читателей-разночинцев.

за... Александра II. Автор с гневом говорит об их предложении,

Чтобы за здравие царя
Мы по бокалу осушили.

И я уж взялся за бокал
Налитый доверху шампанским,
Поднес ко рту, но он вонял
Невыносимо здравьем царским...

Александру II в «Светоче» была посвящена сатира «Добрый царь» — переделка известного стихотворения Беранже в переводе В. С. Курочкина «Как яблочко румян...» Она появилась под выразительной подписью — «П. Стель» (которая, видимо, должна была напоминать о декабристе Пестеле).

Как яблочко румян,
Веселый собеседник,
Был вечно полупьян
Державный наследник.
Отец ему грозит,
От злости мать трясется —
А он то все смеется

— Да ну их, говорит,
Да ну их, говорит,
Вот, говорит, потеха:
Ей-ей напьюсь,
Ей-ей напьюсь,
Ей-ей напьюсь от смеха.

Но «отца вдруг грипп схватил» и Александр оказался «на древнем русском троне».

Но так же все кутит
В наследственной короне...

Кроит себе штаны,
Да ездит на охоту
До дел родной страны
Нет у него забот!
Народ кругом ворчит,
Насмешкам нет отбою...

В сатире отразилось глубокое недовольство передовых слоев общества подготавливаемой реформой: царь «с пьяных глаз» подпишет не ту волю, которую ждет народ, а ту, что ему подадут.

Внимание читателей «Светоча» не могли не привлечь и переводы запрещенных в России произведений — «Праотец Адам» Г. Гейне и «Мощи» Беранже.

Номер завершался «Правилами, обеспечивавшими существование «Светоча». В правилах указывалось, что журнал для прочтения получают только подписчики. Каждый из них может «приглашать к подписке и других лиц, но только таких, за которых рекомендующий мог бы ручаться своей честью».

Подписчики должны были вносить по 20 копеек в пользу студента, переписывавшего журнал; впрочем, неимущие от этой платы освобождались.

Журналы в Петербургском университете выходили на протяжении всего изучаемого нами периода. Так, в 1863 году появилась программа журнала «Плоды просвещения», написанная Сергеем Торчилло, только закончившим Тверскую гимназию и собиравшимся поступить в Петербургский университет [1]. На следствии С. Торчилло заявил, что «считал нужным ниспровержение настоящего порядка вещей и восстановление нового». На журнал он возлагал определенную роль в распространении революционных идей.

Вслед за Петербургским университетом рукописные издания появляются в других учебных заведениях. В Московском университете они начали выпускаться в декабре 1859 года в связи с так называемой «Варнековской историей» — выступлением передовых студентов против реакционного профессора Вернека и обрушившихся на них по этому поводу репрессий. Один консервативно-настроенный современник в частном письме сообщал, что у студентов «открылась новая литература — газеты «Живой голос», «Звездочка», «Колокольчик» и проч., и проч... Что в газетах писали — повторять невозможно; безначалие самое погубное, дух дерзости» [2]. Генерал-губернатору удалось получить «Живой голос» (№ 1), «Свой звонок» (№ 5) и первые три номера «Искры» [3]. Вслед за ними появился листок «Эхо» [4]. В 1859 году в университете издавался журнал «Изобличитель» [5].

Позднее в Московском университете выходил еще один «Колокольчик». Он издавался кружком Дмитрия Торчилло, старшего брата упоминавшегося нами выше Сергея Торчилло. «Колокольчик» оставался обычно на столе в студенческой читальной комнате. Помещаемые в нем статьи касались не только университетской жизни. По признанию редактора, в журнале появлялись «насмешки над Чичериным, Павловым, Катковым» [6].

---

[1] ЦГАОР, ф. 95. Следственной комиссии 1862 года, оп. 2, ед. хр. 13, лл. 4—5 об. Сергей Торчилло был отдан в солдаты.

[2] ЦГАОР, ф. 109 — Третьего отделения, секретный архив, оп. 1., ед. хр. 1203, л. 12.

[3] Их обзор см. в статье — Из общественных настроений московского студенчества в 1858 году. — «Голос минувшего», 1915, № 9, стр. 255—270. Текст «Своего звонка» опубликован в издании — «Архив Раевских», Пг, 1915, т. V, стр. 401—402.

[4] Текст № 1 Листка «Эхо» опубликован в «Архиве Раевских», т. V, стр. 375—378.

[5] А. Малеин. «Изобличитель» — рукописный журнал студентов Московского университета» (1859 г.). — «Звенья», т. III—IV, М. — Л., 1934, стр. 471—483.

[6] ЦГАОР, ф. 95. Следственной комиссии 1862 года, оп. 1, ед. хр. 116, л. 82.

В Казанском университете студенты издавали журналы «Будильник» и «Студенческий голос»[1]. В Харькове выходили «Шпиц-бубе» и «Свободное слово» (вышло не менее пяти номеров). Среди киевских студентов распространялась «Университетская гласность»[2].

Журналы выходили так же в гимназиях. В казанской гимназии существовали «Артель», «Контр-Артель» и «Звонок»[3].

Знаменательно появление рукописных изданий в закрытых учебных заведениях. Даже в таком привилегированном учебном заведении как Пажеский корпус появилась подпольная рукописная газета. «Главной моей целью,— писал об этой газете ее издатель П. А. Кропоткин,— было пробудить в корпусе сознание ложности направления, которое царствует у нас, то есть того, что напрасно думают, что самодержавие есть лучшее правительство, что военная служба есть самый лучший род деятельности и что можно быть порядочным человеком только в Преображенском полку и в Конно-гвардейском»[4].

В Пермской духовной семинарии выпускался «Семинарский звонок». Редакция его стремилась готовить молодежь для борьбы «с рутиной и обскурантизмом». В седьмом номере «Звонка» резкой критике была подвергнута вся система семинарского воспитания. Она определялась как «гнилая, затхлая, несостоятельная», а ректор семинарии был назван «представителем тьмы и самого грубого невежества»[5]. Интересно, что между собой издатели «Семинарского звонка» называли его «Семинарским колоколом»[6].

Рукописные издания на рубеже пятидесятых-шестидесятых годов появлялись даже в... Английском клубе. Среди оппозиционно-настроенной дворянской интеллигенции распространялся листок «Не Лондонский колокол, а Русский звон». Удалось обнаружить один номер этого листка. Номер состоит из трех небольших стихотворений — «портретов» министра государственных имуществ М. Н. Муравьева. «Портреты» приведены под номерами — второй, третий и четвертый. Вот один из портретов:

---

[1] А. А. Бирюков. Университет и студенты в начале 60-х годов. Ученые записки» Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина, 1930, кн. 5, стр. 867.

[2] Ф. Ястребов. Революционные демократы на Украине. Киев, 1960, стр. 184, 215, 217.

[3] ЦГАОР, ф. 112 — Особого присутствия Правительствующего сената, оп. 2, ед. хр. 77, л. 9.

[3] Переписка П. и А. Кропоткиных. 1858—1862 гг. М., 1932, т. 1, стр. 86.

[5] А. А. Бирюков. Воспоминания 60-х годов. — «Каторга и ссылка», 1930, № 10, стр. 240—242. Журнал состоял из пяти отделов — I — беллетристика, II-экономический отдел, III-общее обозрение, IV — песни и сатира, V — критика.

[6] Г. И. Ионова. Революционная агитация среди рабочих в начале 1860-х годов — Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960, стр. 371.

Муравей

Большой богатый муравейник
Родил злодея-муравья —
И вот он, бешеный затейник,
Все рыть в нем начал, как свинья.
Крушит, коверкает, ломает
И строит все на старый лад;
Но ничего не довершает,
И все выходит невпопад.
Терпенье всякое теряя,
Вся муравьиная семья
Везде бранит как негодяя —
Клянет злодея-муравья.
Да как дела его не взбесят?
Пошли о нем вопросы в ход—
Да как поганца не повесят
Иль не взведут на эшафот?
Как не напишут хоть указа:
«Не смей-де портить и ломать,
Отродье адское, зараза,
Уймешься ты, — — — — —?»

В другом из стихотворении говорилось:

На разоспавшуюся львицу
Напали стаей муравьи,
И будто старую тряпицу
Ее теребят в забытье.
Везде рассыпались вразбивку,
В шерсти копаясь, как в траве;
Досталось морде и загривку,
Хвосту, бокам и голове.
Что спишь ты, львица, сном глубоким?
Давно пора, проснись и встань
И опахни хвостом широким
Всю эту дерзостную дрянь!

Помимо трех «портретов» в тексте «Русского звона» имеется «Надпись к портретам министра Муравьева». Приведем и ее:

Хоть он не тот, кто был повешен,
Хоть сам он вешал кой-кого,
Но как ни мил он и безгрешен,
А был бы весь народ утешен,
Когда б живьем сожгли его [1].

Хотя единственный дошедший до нас экземпляр «Русского звона» (он относится к апрелю 1859 года) не имеет номера, существовал, по крайней мере, предыдущий, в котором находился первый «портрет» Муравьева. Возможно, были и другие и «Русский звон» не ограничивался изображением одного Муравьева.

[1] Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), рукописный отдел, ф. 265 — журнала «Русская старина», оп. 2, ед. хр. 1712.

Сами по себе характеристики Муравьева, одного из воротил правительственной политики чрезвычайно выразительны — это «бешеный бульдог», «проклятая собака», «злодей» и т. д. Автор приведенных сатир надеется, что «львица» — Россия проснется и опахнет «всю эту дерзостную дрянь». Ей давно пора бы встать, но еще спит, хотя уже «сжимает судорожно зев». В то же время автор аппелирует и к царю — для начала его удовлетворил бы «хоть указ», который пресек бы злодеяния этого «адского отродья». Не случайно на экземпляре листка имеется надпись: «Прислушаться бы к Русскому звону: ведь он ближе Лондонского колокола». Интересны и другие надписи. Одна из них — «Начало у С. М. Мартынова в Английском клубе» — свидетельствует, что «Русский звон» распространялся в Москве в среде оппозиционной правительству интеллигенции. Заслуживает внимания и приписка — «Этот лист уничтожьте, а копию пустите в обращение».

Рукописные газеты и журналы периода революционной ситуации в России в конце пятидесятых-начала шестидесятых годов минувшего столетия показывают с какой силой влиял герценовский «Колокол» на появление бесцензурной, на том этапе — рукописной периодики в России. Все эти «Колокольчики», «Звонки», «Будильники», «Голоса» возникали и развивались под непосредственным влиянием большого лондонского «Колокола» и, почти всегда, звучали с ним в унисон. Показательно, что московская «Искра» открывалась эпиграфом из «Колокола», а экземпляры «Изобличителя» были пересланы Герцену и использованы им в специальной статье [1].

Изучение рукописной журналистики представляет несомненный историко-литературный интерес — на страницах нелегальных изданий появлялись запрещенные стихотворения. Так, редакция московского «Живого голоса» объявляла: «К каждому номеру нашей газеты мы будем прилагать по одному стихотворению, не пропущенному цензурой, с целью возбудить живой голос в наших товарищах и братьях. На первый раз мы помещаем стихотворение А. Пушкина «Сеятель». В случае необходимости мы будем выпускать отдельные прибавления к нашей газете»[2]. Текст «Сеятеля» был заимствован из «Полярной звезды». Из «Полярной звезды» был заимствован «Искрой» и текст стихотворения Н. П. Огарева «Искандеру» («Когда я был отроком тихим и нежным...»). В «Искре» и в «Живом голосе» было помещено, также опубликованное впервые во второй книге «Полярной звезды», стихотворение. «Нет, не рожден я биться лбом...» (автор его — А. А. Григорьев) [3].

---

[1] «Изобличитель» — «Колокол», лист 62, 1 февраля 1860 г.; см. — А. Н. Герцен. Соч., т. XIV, стр. 230—232.

[2] П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века, М., 1958, стр. 99.

[3] «Голос минувшего», 1915, № 9; стр. 266—268.

На страницах нелегальных листков и журналов появились произведения, которые стали затем самостоятельно распространяться в списках. Так, широко разошлась по стране сатира «Добрый царь». Текст сатиры был изъят, например, при аресте вольнослушателя Петербургского университета Н. В. Васильева [1]. Большую популярность приобрела эпиграмма на Муравьева «Хоть он не тот, кто был повешен...» из «Русского звона». Текст ее был даже отправлен в Лондон [2]. В Поволжье распространялось стихотворение «Полилася кровь горячая...» о кровавой расправе над крестьянами в Бездне, появившееся впервые на страницах журнала «Студенческий голос» [3].

Исследователи не раз обращались к рукописным изданиям, как к источнику для изучения студенческого движения в университетах, в частности — в Московском [4]. Еще более значимым представляется нам использование рассматриваемых источников для изучения социальной психологии «молодого поколения», которое вступало на историческую арену во второй половине 1850-х годов. Рукописные газеты и журналы, выпускавшиеся без цензуры рядовыми участниками общественного движения, раскрывают перед нами думы и чаяния поколения, вошедшего в историю под именем шестидесятников.

Назрела необходимость издания свода памятников рукописной журналистики эпохи падения крепостного права в России. Издание такого свода должно предшествовать планомерное обследование наших архивохранилищ. Конечно, большая часть рукописных газет и журналов не сохранилась по вполне понятным причинам. Однако отдельные еще не известные исследователям издания, по-видимому, могут быть обнаружены. Находки последних лет — лучшее этому подтверждение.

---

[1] ЦГАОР, ф. 109 Третьего отделения, оп. 214, ед. хр. 192.

[2] Я. З. Черняк. Три агитационно-сатирические стихотворения 60-х годов в бумагах Огарева. — «Литературное наследство», т. 63, стр. 674.

[3] Г. Вульфсон и Е. Бушканец. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1862 годах. Казань, 1955, стр. 88—89.

[2] См. например, — С. Гессен. Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М., 1932; П. С. Ткаченко. Московское студенчество и общественно-политическая жизнь России второй половины XIX в. М., 1958.

ВОСПОМИНАНИЯ РАЗНОЧИНЦА А. А. БИРЮКОВА — КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДПОЛЬЯ КАЗАНИ В НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА*

Г. Н. Вульфсон

В конце 50-х начале 60-х годов прошлого столетия в России сложилась революционная ситуация. Падение крепостного права встряхнуло весь народ, вызвало появление разночинца, «как главного массового деятеля» русского освободительного движения второго этапа, названного В. И. Лениным разночинским или буржуазно-демократическим [1].

Исследование разночинно-демократического движения в целом или отдельных его вопросов возможно при введении в научный оборот многочисленных и самых разнообразных источников. Важное место в группе этих источников принадлежит мемуарной литературе.

Мемуаристика — как источник разночинно-демократического движения в России — большая, самостоятельная тема. Она ждет своего исследователя. Особое значение имеет изучение разночинно-демократического движения эпохи падения крепостного права по мемуарам, авторами которых были разночинцы-демократы, принимавшие непосредственное участие в этом движении.

Среди мемуаров, принадлежащих перу разночинцев и освещающих «эпоху шестидесятых годов» есть и воспоминания А. А. Бирюкова. И те из мемуаров Бирюкова, которые были ранее опубликованы, и те, которые не опубликованы, представляют значительный интерес, как источник для изучения разночинно-демократического движения в Поволжье и на Урале конца 50-х начала 60-х годов.

Предметом данной статьи является та часть неопубликованных воспоминаний Бирюкова, где речь идет о революционном подполье Казани начала 60-х годов прошлого столетия.

---

* В основе статьи лежит доклад, сделанный на одном из заседаний Группы по изучению революционной ситуации в России в 1859—1861 годах (Москва. Институт истории Академии наук СССР). Автор выражает благодарность академику М. В. Нечкиной-руководителю Группы и всем ее участникам за высказанные замечания и пожелания.

[1] См. В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 93—101.

* *
*

Аркадий Афанасьевич Бирюков родился в 1840 году, на Урале, в селе Петропавловском Шадринского уезда Пермской губернии, в многодетной семье сельского причетника. Сначала он учился в Шадринском духовном училище, затем в Пермской семинарии, которую и закончил в 1860 году. Не пожелав надеть на себя рясы, бывший семинарист с пятью рублями в кармане кое-как добрался до Казани, сдавал экзамены в университет и был принят.

Став студентом, он вскоре вошел в один, а затем и другой разночинно-демократический кружок, которых в ту пору было в университете несколько. Кружки привели Бирюкова в нелегальную организацию — предшественницу Казанского отделения «Земли и воли» 60-х годов. В 1863 году он принял участие в так называемом «Казанском заговоре», был судим и отбывал наказание.

Оказавшись на свободе уже в конце 60-х годов, Бирюков не был вновь принят в университет и нигде постоянно не служил. С трудом зарабатывая гроши случайной работой, он испытывал тяжелые материальные лишения. Из этого состояния Бирюков не мог выйти даже в те лучшие времена, когда, по его собственным словам, был «литературным поденщиком» в газетах, издававшихся в Казани. Одинокий, бесприютный, голодный и оборванный, он часто болел и иногда попадал в больницы, но чаще перемогался на ногах. Постоянное недоедание, ночевки в холодных и сырых ночлежках вконец подорвали его здоровье. Бирюков умер в Казани, в апреле 1881 года, можно сказать, на улице, едва успев перешагнуть порог лачуги знакомого портного.

* *
*

Впервые к написанию «Воспоминаний» Бирюков обратился осенью 1873 года. Их автору шел тогда тридцать четвертый год. Бирюков обладал бесспорными литературными способностями, хорошей, ясной памятью, но не это явилось главной побудительной причиной, заставившей его взяться за перо. За плечами были годы безрадостного детства в родительском доме, годы ненавистной бурсы, сменившиеся светлой, но короткой полосой в жизни, когда наступило «просветление ума» и появилось искреннее, горячее желание помочь «бедному русскому мужику». Во имя этой благородной и высшей цели он готов был участвовать в изменении существующего порядка в России. И он действительно участвовал... За плечами был арест, изнурительное следствие, четырехлетнее тюремное заключение с последующим гласным и негласным полицейским надзором.

Обо всем этом хотелось, **нужно** было рассказать. В этом Бирюкова убеждали и старые (со студенческих лет) и новые друзья, группировавшиеся вокруг Н. Я. Агафонова — одного из издателей и редактора Камско-Волжской газеты.

Письмо Бирюкова к Агафонову от 27 сентября 1873 года — единственный источник, раскрывающий авторский замысел мемуаров и ход работы над ними [1]. Видимо, в конце лета, как это нетрудно понять из письма, между Бирюковым и Агафоновым состоялась договоренность о том, что первый напишет воспоминания о «шестидесятых» годах, а второй опубликует их в своей газете.

Оказавшись в начале сентября в больнице, Бирюков немедленно приступил к работе над мемуарами. Автор работал быстро, он явно торопился и не возражал против опубликования «Воспоминаний» по частям. «Предлагаемая Вам рукопись «Воспоминания 60-х годов»,— читаем мы в указанном письме,— есть начало тех воспоминаний, которые я Вам обещал. Она может быть напечатана отдельно от воспоминаний студенчества» [2].

Закончив первую часть мемуаров и пересылая ее Агафонову, Бирюков писал ему: «Я старался в ней (первой части — Г. В.) быть кратким затем, что эти воспоминания не могут иметь такого значения и интереса, как **студенческие воспоминания и особенно история 63 года,** которые будут **очень подробны»** [3]. В этом же письме он сообщал, что намерен «довести свой рассказ до того времени, когда начались у нас отношения с поляками, т. е. закончить покойным студенческим клубом» [4].

Следовательно, «Воспоминания» Бирюкова по задуманному им плану должны были состоять из трех частей. Первая — посвящалась, главным образом, Пермской семинарии, вторая — должна была быть посвящена Казанскому университету (студенческим делам) и, наконец, третья — событиям 1863 года.

В конце сентября 1873 года у Бирюкова была готова только первая часть. Над другими частями он продолжал работать и в течение трех недель (примерно к 20 числам октября), надеялся завершить всю рукопись, в соответствии с задуманным планом. «Мне остается в клинике пробыть еще почти три недели, и в это время я надеюсь» завершить свой рассказ «покойным студенческим клубом»[5]. Но к третьей части мемуаров в этот раз Бирюков даже не приступил, да и вторая — была

---

[1] Письмо к Н. Я. Агафонову было известно М. В. Васильеву — первому публикатору «Воспоминаний» А. А. Бирюкова, но он в свое время не придал должного внимания этому источнику. В том числе М. В. Васильев прошел и мимо датировки этого документа.

[2] Научная библиотека Казанского университета, отдел рукописей. Инв. № 213/III, л. 695.

[3] Там же, подчеркнуто мной — Г. В.

[4] Там же.

[5] Там же.

доведена только до весны 1861 года,— т. е. до событий, связанных с Куртинской панихидой и вынужденным отъездом А. П. Щапова в Петербург.

Итак, осенью 1873 года Бирюков написал две части «Воспоминаний» и передал их Агафонову. Однако опубликовать их из-за цензурных препон уже в конце 1873 года оказалось невозможным, а с начала 1874 года об этом и вовсе нельзя было помышлять. В январе 1874 года цензор, читавший «Камско-Волжскую газету», был уволен в отставку, а цензурование газеты предлагалось перенести в Москву, что на практике, по справедливому замечанию С. А. Венгерова, «было равносильно прекращению издания» [1]. И действительно в том же 1874 году газета навсегда прекратила свое существование. Так «Воспоминания» Бирюкова тогда не увидели света и на многие десятилетия оказались скрытыми от читателей в личном архиве Агафонова.

Обе части «Воспоминаний» сначала вторая, а затем и первая были опубликованы казанским краеведом М. В. Васильевым в 1930 и 1932 годах [2]. В небольшом предисловии ко второй публикации он писал: «К сожалению, о третьей, самой интересной части «Воспоминаний» ничего не известно. Была она написана или нет — остается под вопросом» [3].

Теперь на этот вопрос можно ответить. «Воспоминания» Бирюкова, написанные в больнице, как мы знаем, не были доведены им до конца (в соответствии с авторским планом) и не были напечатаны. Спустя несколько лет Бирюков снова вернулся к мысли о напечатании «Воспоминаний», но не тех, которым им были написаны в больнице. Бирюков не обратился к своим прежним «Воспоминаниям», не стал их переделывать и дописывать, а написал по сути **новые** мемуары, дав им и новое название: «Воспоминания бурсака семинарии пятидесятых годов и студента Казанского университета шестидесятых годов».

* *
*

Новые «Воспоминания» создавались Бирюковым, видимо, после 1876 года, когда у бывших издателей «Камско-Волжской газеты», да и у самого Бирюкова, появились надежды на воз-

---

[1] С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. Спб. 1889, стр. 912.

[2] Вторая часть мемуаров была озаглавлена А. Бирюковым «Университет и студенты в начале 60-х годов» и под таким заголовком напечатана в «Ученых записках» Казанского университета. См. «Ученые записки КГУ», Казань, 1930, кн. 5, стр. 861—877. Первая часть опубликована также под заголовком, данным Бирюковым «Воспоминания 60-х годов». См. «Каторга и ссылка», 1932, № 10 (95), стр. 226—246.

[3] «Каторга и ссылка», 1932, № 10 (95), стр. 228.

можность опубликования мемуаров. Эти надежды были связаны, казалось бы, с реальными фактами.

В 1876 году Агафонову и его кружку, где наиболее активную роль играл К. В. Лаврский — друг Бирюкова со студенческих лет, удалось выпустить литературный сборник «Первый шаг». Заметим, что там были опубликованы и мемуары Лаврского «Из воспоминаний казанского студента» [1]. Ободренные успехом издатели сборника приступили к подготовке второго тома. Вот для этого-то тома Бирюков и написал новые «Воспоминания» [2]. Однако и эти «Воспоминания» не были напечатаны, так как издание второго тома «Провинциального литературного сборника» было запрещено [3].

Современники, близко стоявшие к кружку Агафонова, знали, что Бирюков написал мемуары и выражали надежду, что когда-нибудь они будут напечатаны. Известный казанский краевед-библиограф П. П. Васильев писал в 1881 году в некрологе о Бирюкове: «Несколько лет тому назад, он написал интересные **Студентские Воспоминания,** которые, со временем, могут быть напечатаны, если рукопись не затеряна тем лицом, у которого она находится» [4].

Трудно сказать какие «Воспоминания» имел ввиду П. П. Васильев (он ведь принимал участие как в создании первого сборника, так и в подготовке второго), но всего вероятнее последние.

Новые «Воспоминания» — объемистая рукопись на сорока восьми листах, написанных мелким, убористым почерком, с очень небольшими помарками и вставками, представляла из себя, по нашему мнению, уже переписанный самим же Бирюковым с черновика текст, над которым однако еще продолжалась работа.

Эти «Воспоминания» состоят из четырех частей или разделов неравномерных по своему объему и полноте излагаемых фактов.

---

[1] Л. О. (Лаврский К. В.). Из воспоминаний казанского студента. — «Первый шаг». Провинциальный литературный сборник. 1876. Казань, 1876, стр. 337—414.

[2] ЦГАЛИ СССР, ф. 1215, оп. 1, арх. № 3, лл. 399—422 об.

[3] До 1962 года рукопись-подлинник «Воспоминания бурсака пятидесятых годов и студента Казанского университета шестидесятых годов», подписанная Бирюковым «А. Б.», хранилась в Центральном Государственном архиве ТАССР, в личном фонде Н. Я. Агафонова (фонд № 1223). Ныне эти «Воспоминания» находятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Ценный исторический источник — неопубликованные «Воспоминания» А. А. Бирюкова готовятся нами к печати.

[4] П. Васильев. Календарь-указатель города Казани на 1882 год. Казань, 1881, стр. 143. Д. А. Корсаков, учившийся с Бирюковым на одном курсе и факультете, затем профессор Казанского университета, в небольшой заметке о Бирюкове в Словаре С. А. Венгерова писал: студенческие воспоминания Б. (Бирюкова) не изданы и находятся в настоящее время в руках одного Казанского библиографа». См. С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. III, 1892, стр. 299.

Первый раздел, никак не озаглавленный автором, посвященный, главным образом, Пермской духовной семинарии, в годы, когда там учился А. Бирюков занимает тринадцать листов, т. е. немногим более одной четвертой части всей рукописи.

Второй, самый большой раздел, назван автором «В университет. 1860—1861 учебный год». Ему отведено 20 листов, т. е. почти 50% рукописи.

Два первых раздела по содержанию близки к уже известным «Воспоминаниям 60-х годов» и «Университет и студенты в начале 60-х годов».

Что касается третьего и четвертого разделов, то они и в хронологическо-сюжетном плане абсолютно новые части. Оба последних раздела никак не озаглавлены автором, но каждый из них имеет свое цифровое обозначение.

Третий раздел (по объему он равен первому), так же как и предыдущий, посвящен университету, но предметом повествования являются события, происшедшие в 1861—1862 учебном году. (Вспомним, что в «Воспоминаниях», написанных в больнице, Бирюков довел свой рассказ только до лета 1861 года).

И, наконец, четвертый — умещается фактически на одном листе. Он состоит всего из сорока семи строк. По сути это лишь конспект раздела. Бирюков не сдержал слова и не рассказал «очень подробно», как обещал в свое время, об «истории 63 года». Более того, он вообще почти не коснулся этого сюжета и заканчивая четвертый раздел, а вместе с ним и «Воспоминания» в целом, писал: «Об этом, (т. е. «Казанском заговоре» или, как он сам говорит об «отношении с поляками» — Г. В.) я поговорю подробнее когда-нибудь в другой раз» [1].

Очень сдержанно, с большими недомолвками, пишет Бирюков и о Студенческом клубе, но о нем-то, надо полагать, он и не намеревался рассказывать «очень подробно». Для этого у него были достаточно веские причины. «Воспоминания» писались для опубликования. Бирюков хотел их напечатать в 1877 или 1878 гг. Это было неспокойное время. Правительство не только усилило цензурный гнет, но и обрушило новые репрессии на участников освободительного движения. Бирюков знал, например, что в 1874 году были произведены обыски сначала на квартире у профессора А. В. Петрова, а затем и в университетском «патологическом кабинете», который находился в его ведении. Во время обысков было найдено немало нелегальной литературы, а ведь есть основания предполагать, что этот самый Петров и был одним из «распорядителей» Студенческого клуба.

Естественно, что рассказывая о Студенческом клубе, Бирюков не назвал ни одного имени, не сообщил о конкретных фак-

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 1215, оп. 1, арх. № 3, л. 422 об.

тах, связанных с деятельностью его членов. Такая сдержанность автора мемуаров была вполне объяснима и оправдана.

Несмотря на это, именно в последнем, четвертом разделе содержатся наиболее важные сведения, имеющие особо важное значение для изучения революционного подполья Казани начала 60-х годов прошлого столетия.

Казань конца 50-х начала 60-х годов прошлого столетия нашла довольно широкое отражение в мемуарной литературе [1], но вопросы, связанные с возникновением и деятельностью революционного подполья, в них по сути не рассматриваются. Неопубликованные «Воспоминания» Бирюкова, как мы видим, составляют в этом отношении исключение.

Ценность и значимость этих мемуаров становится еще более очевидной, если рассматривать их в непосредственной связи с другими ныне известными документами и в том числе показаниями лиц, привлеченных по делу т. н. «Казанского заговора», в первую очередь, показаниями автора «Воспоминаний».

* *
*

Казанское революционное подполье 60-х годов было самым неразрывным образом связано с всероссийской тайной организацией — «Землей и волей», возникновение которой относят ко второй половине 1861 года [2]. Видимо, в конце 1861 года руководящий центр этой организации (официальной именуемый Центральным комитетом) принял решение о необходимости объединить местные (периферийные) тайные, революционные кружки и организации, а в ряде городов создать местные комитеты «Земли и воли».

Вожди революционной демократии — Герцен, Огарев, Чернышевский — придавали очень большое значение Казани как одному из центров разночинно-демократического движения. Еще осенью 1861 года здесь возник нелегальный кружок (некоторые участники называли его «политический кружок»), где ведущую роль играли И. Умнов — ученик Чернышевского по гимназии, А. Христофоров, М. Элпидин и другие. Не позднее февраля 1862 года в Казань прибыл П. А. Ровинский — представитель центра «Земли и воли» и установил с этим кружком связь. С этого времени и начинается организация Казанского

[1] См. Е. Г. Бушканец. Казань в воспоминаниях современников. Аннотированный указатель. Вып. 2. Казань, 1956, стр. 5—14.

[2] О «Земле и воле» 60-х годов см. М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х годов. — «История СССР», 1957, № 1; М. В. Нечкина. Возникновение первой «Земли и воли». — Сб. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960; Я. И. Линков. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земли и воли» 1860-х годов. М., 1964, 460 стр.; Э. С. Виленская. Революционное подполье в России в начале 1860-х годов, М., 1965.

комитета — Казанского отделения «Земли и воли». Летом 1862 года А. А. Слепцов побывал в ряде городов Поволжья с целью оформления там местных комитетов. Когда он приехал в Казань и явился к Ровинскому «по рекомендации Чернышевского», как свидетельствует сам А. А. Слепцов [1], местный комитет «Земли и воли» здесь уже был создан.

Деятельность комитета была многогранной. Некоторые стороны ее ныне выяснены, другие находятся в стадии изучения. Тщательность конспирации привела к тому, что Комитет не оставил о своей деятельности почти никаких документов. Нередко приходится обращаться к косвенным источникам. Поэтому каждый новый источник, приоткрывающий завесу над деятельностью Комитета, заслуживает внимания.

Возникновение Студенческого клуба было связано с деятельностью Казанского отделения «Земли и воли», но это навсегда осталось тайной для царских властей. Однако сведения о существовании Студенческого клуба все же дошли сначала до попечителя Казанского учебного округа, а затем до губернатора и министров внутренних дел и просвещения.

Донос о Студенческом клубе Стендер — попечитель учебного округа получил в середине февраля 1863 года. Во всяком случае, 17 февраля в секретном донесении на имя губернатора он сообщал о том, что по дошедшим до него сведениям «в старой Горшечной улице, в Казани открыт **в недавнее время** студенческий клуб, распорядителями которого избраны лекарь Бургер и доктор Петров» [2].

Деятельность клуба была хорошо законспирирована, осведомитель Стендера располагал далеко неполными сведениями, да и самому осведомителю попечитель не вполне доверял. С вынужденной откровенностью попечитель признается губернатору, что не имеет возможности узнать с какой целью создан клуб и в чем его назначение. Следовательно, самого основного о клубе Стендер не знал и не имел возможности узнать. Видимо, оправдываясь перед губернатором, он вообще поставил под сомнение самый факт существования подобного клуба. Поскольку он, попечитель, достоверно не знает существует ли означенный клуб вообще, то и сообщает о нем губернатору лишь для сведения, но «если таковой клуб действительно существует», то он просит губернатора, чтобы тот со своей стороны «принял надлежащие меры» [3].

---

[1] Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1961 гг». М., 1965, стр. 429.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 1857, 1863, л. (подчеркнуто мной — Г. В.), ф. 92, оп. 1, арх. № 8395, 1863, л. 1, а также см. Г. М. Залкинд. Дело о Казанском студенческом клубе 1863 года. — «Ученые записки Казанского университета», 1930, кн. 5, стр. 886—894.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 1857, 1863, л. 1.

Сообщению Стендера губернатор придал серьезное значение. В тот же день он телеграфировал министру внутренних дел: «...Студенты устроили клуб,— распорядители лекарь Бургер и доктор Петров,— мною приняты меры к открытию этого» [1]. Отправив телеграмму, губернатор «сторожайше предписал» полицмейстеру немедленно приступить к поискам этого «тайного» клуба и обо всем, что будет дознано по этому делу тотчас же докладывать лично ему. Шли дни, но обнаружить местонахождение клуба или собрать о нем какие-нибудь новые важные сведения не удавалось. Правда, Стендеру и полицейским властям стало известно, что в клуб входит **пятьдесят** человек.

Против своего желания, по необходимости, сообщил попечитель о клубе и министру просвещения. И снова не преминул добавить, что он не уверен существует ли данный клуб в действительности. Сообщение попечителя напугало министра просвещения не менее, чем несколько дней тому назад сообщение казанского губернатора. Министр в тот же день сделал соответствующее представление Александру II, а копию донесения Стендера направил Валуеву — министру внутренних дел.

Дважды (1 и 9-го марта) Валуев запрашивал губернатора о том, как идут поиски клуба, и что по сему предмету дознано. Запросы министра поставили губернатора в очень тяжелое положение. Ничего конкретного сообщить в Петербург он не мог. Он уже и сам начал сомневаться в действительном существовании нелегального студенческого клуба. После второго запроса Валуева он еще раз в самой категорической форме предписал полицмейстеру «совершенно секретным, негласным образом, дознать, действительно ли существует означенный клуб, и где именно, не ограничиваясь при розысках указанною улицею... За действиями сказанных же доктора Петрова и лекаря Бургера усилить секретное наблюдение» [2].

Несмотря на огромные усилия местных властей, напасть на след Студенческого клуба не удалось, хотя на его поиски, по рекомендации Валуева, одновременно были брошены агенты попечителя и чины официальной полиции. Между тем, сведения о клубе дошли до царя и теперь нужно было точно установить существует ли этот клуб, и если да, то немедленно прекратить его существование. В этой ситуации Валуев видел только один выход: он предложил губернатору вызвать Петрова и Бургера на«откровенную беседу». Поскольку откровенной беседы не получилось, а у губернатора против Петрова и Бургера не было никаких улик, он ограничился тем, что сделал им «строгое внушение» [3].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 1857, 1863, л. 3.
[2] Там же, л. 15 об.
[3] Там же, л. 16 об.

20-го марта казанский полицмейстер подал губернатору секретный рапорт, в котором писал, что при самом тщательнейшем его наблюдении «никакого тайного студенческого клуба не открыто, как в Старо-Горшечной улице, так и в других местах города»[1]. Далее полицмейстер пустился рассуждать о том, что такового клуба не только не было, но «и быть не могло». В доказательство своего безапеляционного утверждения он выставляет два, как ему кажется, неопровержимых аргумента: «Во-первых, по совершенной бедности здешних студентов, большинство коих едва имеет дневное пропитание, во-вторых, по неприязненным отношениям к студентам самих жителей Казани, которые при существовании подобного клуба тотчас бы довели до моего сведения»[2]. Переписав это донесение от своего имени, губернатор на следующий день отправил его министру внутренних дел.

Сделав Петрову и Бургеру «строгое внушение» и отослав министру донесение с «вескими» доводами, что тайного клуба «и быть не могло», губернатор как-то успокоился. Действительно, на протяжении почти двух недель со дня отправки последнего донесения в Петербург никаких сведений и запросов о Студенческом клубе к нему не поступало. 2-го апреля 1863 года, официально заведенное «Дело о Студенческом Клубе» было прекращено.

Немалая заслуга в этом принадлежала Петрову и Бургеру. После вызова к губернатору они поняли, что местные власти располагают какими-то сведениями и еще тщательнее законспирировали всю работу клуба.

Не располагая какими-либо другими источниками, кроме официального «Дела о Студенческом клубе», Г. М. Залкинд в статье, посвященной этому сюжету, опубликованной в 1930 году, пришел к заключению: «У полиции, конечно, могли быть... подозрения о существовании подпольного студенческого клуба. Да и нам кажется, что нелегальные сборища студентов в частных квартирах безусловно в то время существовали, не представляя собою вполне регулярных собраний клубного типа. Был ли нелегальный студенческий клуб на Старо-Горшечной улице и были ли его руководителями лекарь Бургер и д-р Петров — продолжает еще оставаться нерешенным вопросом»[3].

Новые «Воспоминания» Бирюкова помогает решить этот нерешенный вопрос. Прежде всего, Бирюков совершенно определенно утверждает факт существования Студенческого клуба. Вот как он об этом пишет: «Эта новая Читальная комната помещалась в Старо-Горшечной улице, в Профессорском переулке,

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 1857, 1863, л. 23, об.

[2] Там же, л. 23 об.

[3] Г. М. Залкинд. Дело о Казанском студенческом клубе 1863 года. «Ученые записки Казанского университета», Казань, 1930, кн. 5, стр. 894.

носившем тогда странное название: **Анютин хвост.** Она была известна под названием Студенческий клуб»[1].

Приведенное свидетельство Бирюкова не только утверждает факт существования клуба и уточняет адрес его нахождения, но и указывает, что Студенческий клуб — это **новая Читальная комната.** Заметим, что слово «Читальная» он пишет с прописной (заглавной) буквы. Что представляла из себя эта «новая Читальная комната»? Ответ на этот вопрос мы также находим в «Воспоминаниях» Бирюкова.

После того, как осенью 1861 года в Казани были прекращены студенческие волнения, местные власти по указанию и при поддержке правительства усилили свои гонения на демократическую часть студенчества. Репрессии и ограничения прав студентов следовали одно за другим. «Читальная комната,— пишет Бирюков,— была закрыта под тем предлогом, что будто бы нужно было помещение. Шумные порицания и одобрения в аудиториях были запрещены. Право самосуда над маловажными проступками товарищей было отнято; взамен читальной комнаты студентам отвели в самом верху курительную комнату, едва помещавшую около двадцати человек»[2]. Студенты со дня на день ждали, что последует распоряжение начальства «о захвате вспомогательной кассы и частных библиотек студенческих»[3].

Особенно тяжело, отмечает Бирюков, разночинное студенчество переживало закрытие читальной комнаты, которая со дня открытия ее сделалось местом сходок и совещаний[4]. В этой же читальной комнате были «все лучшие русские журналы и газеты»[5].

Бирюков указывает, что студенты никак не могли помириться с закрытием читальной комнаты, «с недостатком газет и журналов»[6]. С целью ликвидации этого неудобства, т. е. отсутствия возможности иметь и читать нужную литературу, рассказывает Бирюков в неопубликованных «Воспоминаниях», среди какой-то части студентов «составился» **кружок,** решивший выписывать книги в складчину»[7]. Произошло это, как нетрудно понять из четвертого раздела «Воспоминаний» вскоре после начала 1862—1863 учебного года, т. е. осенью 1862 г.

Сама по себе идея приобретать книги в складчину не была новой. На этом принципе были организованы все частные студенческие (факультетские) библиотеки, которые, кстати, универ-

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 1215, оп. 1, арх. № 3, л. 422 об.
[2] Там же, л. 419.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 410 об.
[5] А. Бирюков. Университет и студенты в начале 60-х годов. «Ученые записки Казанского университета», 1930, кн. 5, стр. 866.
[6] ЦГАЛИ, ф. 1215, оп. 1, арх. № 3, л. 422.
[7] Там же.

ситеское начальство не решилось закрыть и после разгрома студенческих волнений осенью 1861 года. Но несмотря на то, что частные студенческие библиотеки закрыты не были (их существовало в 1862 году несколько) и туда продолжала поступать легальная и запрещенная литература, у какой-то группы студентов возникла необходимость создать «новую Читальную комнату».

Организатором «новой Читальной комнаты» был кружок, который Бирюков характеризует так: «Но кружок этот был **замкнутый**, в который попасть было нельзя иначе, как по рекомендации нескольких членов, ручавшихся за солидарность убеждений нового члена с убеждениями кружка» [1]. Кроме того, «каждый при вступлении вносил три рубля» [2].

Денежный взнос в три-четыре рубля имел место и при организации частных (факультетских) студенческих библиотек, но никакого ручательства за солидарность взглядов от желающего пользоваться библиотекой не требовалось. Старая читальная комната не была конспиративным заведением. В нее могли прийти в любое время студенты, независимо от своих взглядов и убеждений. На собраниях, которые были в старой читальной комнате, могли присутствовать представители каких угодно курсов и факультетов, участники различных кружков. Никаких ограничений для участия в старой Читальной комнате не существовало. Охотников до участия в «новой Читальной комнате» было много, но в силу того, что кружок был замкнутый, число участников было ограничено и строго учтено.

Таким образом, «новая Читальная комната» по своей организационной структуре принципиально отличалась от старой читальной комнаты и частных студенческих библиотек.

Бирюков совершенно точно указывает, что «новая Читальная комната», Студенческий клуб и «замкнутый кружок» — это одна и та же нелегальная организация, хотя, разумеется, последние слова им и не употребляются. Продолжая рассказывать (насколько это было возможным в мемуарах, предназначавшихся для печати) **о кружке**, Бирюков как бы мимоходом заметил, что «здесь (т. е. в кружке — Г. В.) было выработано известное направление и цель» [3]. Однако автор «Воспоминаний» не только не раскрывает этого направления и цели, но несколькими строками ниже спешит добавить, что «определенной умышленной какой-нибудь цели у этих людей не было»[4].

Наконец, в «Воспоминаниях» Бирюкова содержится еще два сведения о Студенческом клубе. Первое. «В 1862 и 63 учебном

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 1215, оп. 1, арх. № 3, лл. 422—422 об. Подчеркнуто мною — Г. В.

[2] Там же, л. 422 об.

[3] Там же.

[4] Там же.

году» в этом замкнутом кружке «было 62 человека»[1]. Второе: «В нем (Студенческом клубе — Г. В.) был и буфет с чаем и кофе; водки дозволялось только две рюмки на человека»[2]. Последнее сведение, как увидим ниже, также имело значение.

Итак, в четвертом разделе «Воспоминаний» Бирюков, соблюдая осторожность, рассказал о кружке — тайной революционной организации, законспирированной под названием «новая Читальная комната» или «Студенческий клуб». Этот кружок, как мы видели, безуспешно искала казанская полиция. Этим же кружком (но не зная, что кружок и Студенческий клуб одна и та же организация), очень интересовалась Главная следственная комиссия по делу «Казанского заговора». На это обратил внимание еще в 20-х годах Б. П. Козьмин, работая над книгой «Казанский заговор»[3].

Но правильно указав, что следственная комиссия интересовалась тем же самым кружком, о котором попечитель казанского учебного округа доносил в феврале местному губернатору как о нелегальном студенческом клубе, Б. П. Козьмин далее допускает ошибку, считая, что об этом же кружке писал в своих воспоминаниях И. М. Красноперов. Излагая ту часть «Записок разночинца», где Красноперов вел речь о кружке, Б. П. Козьмин пишет: «...душою и центром» студенческих сборищ был кружок историко-филологический, привлекавший к себе студентов из других факультетов: медицинского, юридического, естественного. У кружка была своя большая библиотека, состоявшая из книг научного и беллетристического содержания. Члены кружка собирались раз в неделю, по четвергам»[4]. Далее Б. П. Козьмин, исходя из сведений, сообщаемых Красноперовым, говорит о том, что собрания кружка проходили «большею частью в стенах же университета, в курительной комнате; на эти **собрания допускались все студенты**»[5].

По мнению Б. П. Козьмина, сведения Ив. Красноперова о кружке частично подтверждают сведения об этом же кружке Мрочека, сообщенные им следственной комиссии по делу «Казанского заговора»[6]. В действительности, как это видно из показаний Мрочека и других лиц, привлеченных по делу о «Казанском заговоре», И. Красноперов вел речь в своих воспоминаниях совсем о другом кружке[7].

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 1215, оп. 1, арх. № 3, л. 422 об .
[2] Там же.
[3] Б. Козьмин. Казанский заговор 1863 года. М., 1929, стр. 59.
[4] Там же, стр. 61.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 60.
[7] Кружок историко-филологический был организован одновременно с частной студенческой библиотекой историко-филологического факультета не позднее 1858 года. Открытие же библиотеки было специально приурочено к 14 декабря и «этот день положено было праздновать каждогодно». ЦГАЛИ, ф. 1215, оп. 1, арх. № 3, л. 420 об.

Поручик Александр Мрочек (А. А. Слепцов свидетельствовал, что Мрочек принадлежал к Казанской организации «Земли и воли», но это свидетельство не подтверждается другими источниками), привлеченный по делу «Казанского заговора», давал свои показания довольно охотно. Из разговоров, которые вели с Мрочеком студенты, в частности, Ив. Орлов, Полиновский, Сергеев и другие, и из бесед на трех собраниях, в которых он участвовал, Мрочек сделал заключение, что в среде студентов существовала обширная и планомерная революционная организация. Ему стало известно, что студенты разделены на несколько кружков, связанных с Центральным комитетом [1]. В одном из кружков, показывал Мрочек, где было до пятидесяти человек, **председателем был «доктор»**, секретарем и «оратором» — Полиновский, Сергеев — казначеем, Жеманов, Ив. Орлов и некоторые другие — старшими членами, Красноперов, Шулятников и остальные — младшими членами. Кружок этот носил название старшего [2].

Заполучив от Мрочека все эти данные, следственная комиссия, естественно, особо заинтересовалась «старшим» кружком. Большинство арестованных студентов вынуждено было давать показания об этом кружке. Дважды давал показания о кружке и А. Бирюков. 23 августа 1863 года следственная комиссия задала ему следующий вопрос: «Полиновский, Сергеев и Ив. Орлов рассказывали... Мрочеку, что всех студентов, принадлежит к кружку Полиновского человек пятьдесят, и что кружок их носит название старшего. Объясните о целях, для которых этот кружок организован и о всех лицах участвовавших в нем» [3].

Ответ Бирюкова представляет значительный интерес и является важным дополнением к его воспоминаниям о Студенческом клубе — «замкнутом кружке». Приведем полный текст его показания: «Я знал между студентами один кружок, если можно назвать кружком несколько человек, согласившихся выписывать книги. Этот кружок образовался в первых числах нынешнего года (1863 — Г. В.), поступающий в него должен был внести четыре рубля серебром в год за право чтения книг и журналов. Я узнал о нем не раньше, как в марте месяце и, не имея возможности доставать журналы, внес в этот кружок два рубля за полгода.

Всех согласившихся выписывать журналы было человек сорок, настоящего числа я не знаю, и в том числе: Полиновский, Сергеев, Иван Орлов, Бутков, Павел Орлов, Пономарев, Арефь-

---

[1] Анализируя эту часть показаний Мрочека, Б. П. Козьмин заметил: «Весьма вероятно, что, говоря о центральном комитете, Мрочек имел в виду комитет Казанского отделения «Земли и воли». Такое суждение представляется, на наш взгляд, убедительным.

[2] См. А. Ершов. Казанский заговор. — «Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 202.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 1215, оп. 1, арх. № 6, 1863, л. 106.

ев, Какосов, Попов, Князев,— из остальных одних не припомню в настоящее время, других вовсе не знаю.

Цель, как мне казалось, этого кружка была та, чтобы вознаградить недостаточность в чтении книг и журналов. Не об этом ли кружке говорили Полиновский, Сергеев и Иван Орлов Мрочеку? Других кружков я не знал. Названия «старшего» я этому кружку не слыхал: политических целей в нем не предполагаю. Книги были в квартире Орлова. Я брал их и читать уносил домой» [1].

Ответ Бирюкова не удовлетворил следователей, но они не допрашивали его по этому вопросу более двух недель (в это время комиссия настойчиво собирала сведения о кружке) и только 9 сентября Бирюков дал новые показания. Прежде всего он «вспомнил» еще некоторых участников кружка. К ранее названным он добавил Жеманова, Миттермана, Лаврского и Щербакова [2]. Называя эти имена, Бирюков ничем не рисковал: все они были арестованы и находились под следствием. Важнее было другое — он вынужден был признать факт наличия собраний кружка. Не признавать того, что уже признали и подтвердили на очных ставках другие арестованные, было бессмысленно. Задача Бирюкова состояла теперь лишь в том, чтобы преуменьшить значение кружка, придать ему безобидный или, как он сам говорил, «мирный характер».

«Характер наших собраний был полусерьезный и редко оканчивался без водки и пения песен. Время проводили в разговорах. Анекдоты, иногда медицинские споры, споры по поводу журнальных статей, грамотность народа, как существенное его благо — вот предметы, около которых вертелись наши разговоры» [3]. И для того, чтобы показания его казались более правдоподобными, он добавил: «Политические вопросы, которыми так сильно занято в настоящее время общество и правительство также было предметом споров, но весьма редко. В этом случае предоставлялось думать всякому, кто как хочет» [4].

Сопоставляя показания Бирюкова с четвертой частью его неопубликованных «Воспоминаний» нетрудно понять, что во время следствия и, спустя почти пятнадцать лет в мемуарах, он говорил об одном и том же кружке. И как в первом, так и во втором случае подчеркивал, что побудительной причиной организации кружка было желание некоторых студентов приобретать литературу в складчину. Думается, что члены «замкнутого кружка» специально договорились выставить «на случай» именно это обстоятельство как главную причину, побудившую их объединиться.

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 1215, оп. 1, арх. № 6, 1863, лл. 106, 106 об.
[2] Там же, л. 115 об.
[3] Там же, л. 116.
[4] Там же.

В действительности, при кружке была создана библиотека, где имелось немало и антиправительственной литературы. И. Орлов одновременно был библиотекарем легальной частной студенческой библиотеки медицинского факультета и «новой Читальной комнаты» [1]. О его заведовании медицинской студенческой библиотекой знали многие, в том числе и университетское начальство, о втором его заведовании было известно только членам Студенческого клуба. Указание Бирюкова на то, что он брал книги на квартире Ивана Орлова, и читать их уносил домой, никак не наводило следствие на Студенческий клуб. И. Орлов сам сообщил следователям: «В бытность свою в университете я управлял студенческою читальною комнатою и медицинской студенческой библиотекою» [2].

Хотя арестованные студенты и пытались отрицать показания Мрочека, следственная комиссия все-таки установила, что кружок, в который входило до пятидесяти человек, существовал, что у кружка были председатель, секретарь, казначей и библиотекарь. Но комиссия так и не смогла узнать, что кружок этот был известен его членам под названием «Студенческий клуб».

Кому пришла мысль назвать «замкнутый» или «старший» кружок «Студенческим клубом» неизвестно, но сделано это было, видимо, из конспиративных целей. И для того, чтобы «клуб» походил на клуб, был организован буфет с чаем, кофе и даже водкой. Факт употребления на собраниях водки затем был умело использован на допросах многими членами кружка. Одни заявляли, что они были пьяны и не слышали или не помнят, о чем шла речь на собраниях, другие, как например, Бирюков, утверждали, что собрания вообще носили «полусерьезный характер и редко заканчивались без водки и пения песен». Песни и особенно антиправительственные члены кружка, конечно, пели (об этом есть указания самих участников кружка), а вот водку употребляли в ограниченном количестве (не более двух рюмок на человека [3]) и конечно пьяных на собраниях кружка не было.

«Воспоминания» Бирюкова помогают уточнить и дату возникновения Студенческого клуба. Во время допросов Бирюков показал, что кружок образовался в январе 1863 года, а он вступил в него в марте. Последняя часть показания может быть и справедлива, так как Бирюков числился в кружке в «младших членах», следовательно, стаж его пребывания в кружке был не-

---

[1] И. Орлов заведовал не старой, а новой читальной комнатой, так как он поступил в Казанский университет в сентябре 1861 года. См. А. И. Михайловский. Преподаватели, учившиеся и служившие в Казанском университете (1804—1904). Ч. 1, вып. 2, Казань, 1904, стр. 522.

[2] См. А. Ершов. Казанский заговор. — «Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 206.

[3] ЦГАЛИ, ф. 1215, оп. 1, арх. № 3, л. 422 об.

велик, так как стаж имел немаловажное значение при переводе из «младших» членов в «старшие». Что касается утверждения о возникновении кружка в январе 1863 года, то сам Бирюков в своих «Воспоминаниях» вносит поправку и организацию кружка относит к началу 1862/1863 учебного года. Уточнение даты и перенос ее на осень 1862 года имеет немаловажное значение.

К осени 1862 года Казанский комитет «Земли и воли» был уже вполне организационно оформлен и активно проводил свою работу. Одной из важнейших задач Комитета было укрепление и расширение местного отделения «Земли и воли». В своей деятельности Комитет в значительной степени опирался на передовое, демократически настроенное студенчество. На базе студенческих кружков Комитет стремился создать такую нелегальную студенческую организацию, которая представляла бы из себя ответвление Казанского отделения «Земли и воли».

С этой целью, на наш взгляд, и был создан нелегальный Студенческий клуб или «новая Читальная комната».

В пользу этого говорят многие факты. В клуб входило более пятидесяти или, как свидетельствует Бирюков в «Воспоминаниях», шестидесяти человек. Разумеется, не все они были членами Казанского отделения «Земли и воли». Некоторые, особенно из числа «младших» членов, только еще готовились вступить в эту организацию (точнее, их готовили для вступления). Известно, что Иван Умнов, который играл важную роль в Комитете и был одним из его руководителей, имел контакт с некоторыми членами нелегального Студенческого клуба. Действуя осторожно и тактично, Умнов обратился к Бирюкову с просьбой взять на себя распространение нескольких экземпляров прокламации «Свобода». Бирюков (как сам свидетельствует в показаниях) взялся за это поручение [1]. Во время одной из встреч с Лаврским Умнов прямо сказал ему о том, что «надо сблизиться с народом и действовать на него пропагандою посредством распространения прокламаций» [2]. Зная, что Лаврский сочувствует их «общему делу», Умнов показал ему пачку (штук сто) прокламаций «Долго давили вас, братцы» и сказал, что надо бы найти человека, который взялся бы отвезти часть их в Чистопольский уезд [3]. Во время этой беседы Умнов дал понять, что это поручение исходит не лично от него, Умнова, а от организации «Земля и воля». Лаврский тотчас же спросил «как велико общество» и получил ответ: «главное правило: каждый должен знать не более одного или двух» [4].

Мы не знаем точно были ли приняты в Казанскую организацию «Земли и воли» Лаврский, Бирюков, да и некоторые дру-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 1215, оп. 1, арх. № 6, л. 141.
[2] ЦГА ТАССР, ф. 13, арх. № 56, л. 155.
[3] Там же.
[4] Там же.

гие члены клуба, но видим, что Комитет привлекал «младших» членов к работе, давая им ответственные поручения.

Но среди тех, кто входил в клуб, были и такие (мы имеем ввиду, в первую очередь, т. н. должностных лиц: председателя, секретаря, казначея и «старших» членов), кто бесспорно принадлежал к «Земле и воле». Когда на одном из собраний представители польских революционеров поставили перед членами кружка в категорической форме вопрос о необходимости начать восстание, то Полиновский как секретарь и «оратор» ответил: «Мы не имеем еще распоряжений, через своих агентов, от комитета «Земля и воля» о том, чтобы начать революцию. Поэтому до получения такого распоряжения начать восстание не можем. Когда же получим распряжение о восстании, то готовы в огонь и воду» [1].

Из приведенного видно, что среди членов клуба были члены Казанской организации «Земля и воля», для которых решение комитета было обязательным. Твердую линию Комитета эти же члены Студенческого клуба проводили относительно распространения прокламаций. Они наотрез отказались распространять привезенный поляками подложный манифест, призывающий крестьян к восстанию от имени царя, и предложили прокламацию составленную и одобренную Казанским комитетом «Земли и воли».

Среди должностных лиц особого внимания заслуживают председатель и секретарь. Еще в донесении Стендера от 17 февраля 1863 года, как об этом писалось выше, указывалось, что распорядителями клуба избраны лекарь Бургер и доктор Петров. Мрочек в своих показаниях сообщил, что председателем был «доктор» и что одно из ответственных собраний происходило в квартире «доктора». Когда Мрочека спросили, на каком основании он пришел к такому заключению, то он дал следующий ответ: «Все присутствующие студенты называли хозяина — доктор и относились к нему с несравненно большим почтением, чем к остальным товарищам» [2]. Естественно, арестованные студенты были специально допрошены о «докторе». Они ответили, что доктором «в шутку» называли Полиновского [3], так как он учился в университете «на доктора». После того, как дело о «Казанском заговоре» было закончено и принимавшие участие в «казанском деле» польские революционеры Кеневич, Иваницкий, Мрочек и Станкевич были казнены, властям удалось арестовать Черняка. На одном из допросов в июле 1864 г. Черняк показал, что, приехав в Казань в марте 1863 года, он присут-

---

[1] См. А. Ершов. Казанский заговор. — «Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 203.

[2] Там же, стр. 204.

[3] Там же.

ствовал на собрании студентов, которое проходило у доктора [1].

Вопрос о «докторе» — председателе является одним из сложных, запутанных. В донесениях и отношениях попечителя учебного округа, казанских губернатора и полицмейстера, одним словом, в бумагах о «Студенческом клубе» фамилии Петрова и Бургера значатся без инициалов. Но было два Петрова и два Бургера [2]. Оба первых — доктора медицины, двое вторых — лекаря. Все четверо жили в одно время, окончили Казанский университет и все были связаны с передовым студенчеством. Но никто из них не был специально привлечен по делу «Казанского заговора», хотя некотрые арестованные называли доктора А. В. Петрова и лекаря К. И. Бургера. До сих пор остается загадкой почему никто из них не был не только не арестован, но даже и привлечен к дознанию.

Имеющиеся материалы позволяют предполагать, что председателей было двое: А. В. Петров и К. И. Бургер и что оба они были членами Казанского комитета «Земли и воли», но вопрос этот пока еще до конца не исследован и нуждается в дальнейшем изучении. Небезынтересно отметить, что «Доктор» присутствовал на двух самых важных собраниях, где польские революционеры излагали свой план вооруженного восстания, которое должно было начаться с Казани, но не вступал в разговоры и имя его присутствующими не произносилось. Самые ответственные разговоры вел секретарь и «оратор» В. Полиновский.

Владимир Полиновский стал студентом, когда ему было уже 22 года. До поступления в университет служил на казенной службе и дослужился до коллежского регистратора, однако по чиновничьей лестнице идти не пожелал и вышел в отставку. Учился Полиновский успешно и когда на первом курсе подал прошение о зачислении на казенную стипендию, так как «вовсе не имел... средств по содержанию себя» [4], то университетское начальство перевело его в казеннокоштные студенты.

19 ноября 1862 года он снова подал прошение, в котором писал, что «теперь неожиданно открылись небольшие средства и я пока нахожу возможным для себя не пользоваться полным казенным содержанием, а желал бы получить только единовременное вспоможение» [5]. Просьба Полиновского была удовлет-

---

[1] См. А. Ершов. Казанский заговор. — «Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 204.

[2] Александр Васильевич Петров и Дмитрий Иванович Петров. Есть данные, что они были двоюродными братьями. Александр (Вильгельм-Александр) Иванович Бургер и Карл-Фридрих (Карл-Фридерик) Бургер. В некоторых документах он значится под именем Фридриха Ивановича. Бургер А. И. и Бургер К. И. были родными братьями.

[3] Вопрос о председателе — «докторе» в данной статье нами не рассматривается и требует специального изучения.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. МФ, арх. № 817, 1862, л. 105.

[5] Там же.

ворена: он получил пособие в сумме 50 рублей и перешел жить на частную квартиру. Заметим, что все это происходило именно тогда, когда создавалась «новая Читальная комната» — Студенческий клуб.

Есть все основания полагать, что Полиновский был одним из организаторов, а может быть и инициатором «замкнутого» или «старшего» кружка». Ведь неслучайно во время следствия многие из студентов называли этот кружок «кружком Полиновского». Полиновский был хорошо знаком с И. Умновым, а возможно и с П. А. Ровинским, через своего старшего брата Александра. Александр Полиновский вспоминал в начале 90-х годов, что когда он был студентом Казанского университета, то жил в одном частном доме в одной комнате с П. А. Ровинским [1]. По делам революционного подполья В. Полиновский был связан с Н. Копиченко — одним из организаторов и руководителей Нижнегородского комитета «Земли и воли» и имел с ним шифрованно условную переписку [2].

Все эти факты подтверждают, что В. Полиновский был одним из активных членов Казанской организации «Земли и воли» и, находясь в числе должностных лиц клуба, выполнял наиболее ответственные поручения Комитета.

Не все члены клуба знали, что их клуб является ответвлением Казанского отделения «Земли и воли». Казанский комитет был очень тщательно законспирирован. Известно, какую высокую оценку организации Казанского комитета дал Герцен в письме к Сохновскому: «Комитет в Казани отлично устроен; это образец ума и логики» [3].

О хорошо продуманной и осуществленной конспирации в Казанской землевольческой организации свидетельствовал член Центрального комитета «Земли и воли» А. А. Слепцов. Он указывал, что сделано это было «из опасения провалов под влиянием начавшейся в обществе реакции, а с другой стороны, — ввиду ужасной пестроты местного студенчества, которая всегда была особенно заметной именно в Казанском университете» [4].

И. Орлов в особой записке на имя председателя следственной комиссии писал, что вполне раскрыть существующую здесь (т. е. в Казани) организацию «положительно невозможно», так как «каждый участвующий обязывается иметь еще одно только лицо и ни под каким видом не группировать около себя центра. Он знает только своего клиента и своего патрона, но ближай-

---

[1] П...н...ий, М. (А. М. Полиновский). Воспоминания старого студента Казанского университета (1848—1852 годы). — «Волжский вестник», 1891, № 13, (15), 27 января.

[2] См. комментарий М. К. Лемке к ПСС и писем А. И. Герцена, т. XVI, стр. 351, 352, 355.

[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке. т. XVI, стр. 201.

[4] Там же, стр. 338.

ших к центру (Комитету — Г. В.) уже не знает». Строгость этой системы так велика, указывал Орлов, что даже он, пользуясь особым доверием у студентов, мог узнать «фактически» деятельность только около 12 человек» [1].

Известно, что Казанское отделение «Земли и воли» было организовано по принципу древнего устава иллюминатов, составленного Вейсгауптом. Основа же Вейсгаупта, указывает Слепцов, «состояла в продолжительном сроке испытания желающих вступить в общество и постепенном введении их в круг идей и дел союза» [2]. Это указание Слепцова имеет особое значение для понимания роли, какую играл нелегальный студенческий клуб для Казанского комитета «Земли и воли»; ведь именно в клубе многие его члены проходили испытательный стаж.

Вместе с тем студенческий клуб был не только ответвлением местной организации «Земли и воли», но и ее оболочкой. Студенческий клуб — «новая Читальная комната» как бы прикрывали Казанский комитет «Земли и воли». Этим во многим объясняется, почему Казанский комитет не был раскрыт.

---

[1] См. А. Ершов. Казанский заговор. — «Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 209.

[2] А. И. Герцен. ППС и писем под ред. М. К. Лемке. Т. XVI, стр. 338.

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СХОДКИ СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 4 ДЕКАБРЯ 1887 года

Р. И. Нафигов

О сходке студентов Казанского университета и Ветеринарного института 4 декабря 1887 года написано немало. Понятен и закономерен глубокий и непрекращающийся интерес исследователей к сходке, где принял революционное боевое крещение В. И. Ленин.

Ценные материалы по истории революционного движения, о федосеевских кружках даны в публикациях Н. Л. Сергиевского, С. И. Мицкевича, А. Я. Аросева, М. К. Корбута, С. Н. Лившица. Хорошо знают историки труды о семье Ульяновых, Б. М. Волина, И. С. Зильберштейна, А. Л. Карамышева, работы М. С. Шагинян.

Писатели и историки — Б. П. Рождественский, И. Кондратьев, А. М. Валеев, В. Н. Смирнова, З. Д. Иванова, Ж. А. Трофимов, Г. Е. Хаит, Н. И. Жучкова, В. В. Снедкова и другие — внесли немало нового в изучение жизни семьи Ульяновых в Казани.

Настало время и для широких обобщений, и для серьезной научной критики (некоторые авторы иногда только повторяют ранее известное), и для дальнейшего нового всестороннего исследования. Некоторые, известные казалось бы, факты и обстоятельства требуют уточнения и поправок.

Охват архивных документальных источников прежде был ограниченным. В настоящем есть возможность поднять самый широкий круг источников и наметились уже разные направления поисков. Так, казанскими историками по-новому поставлен вопрос об использовании так называемого фонда вещественных доказательств, что дает немало для выяснения авторства того или иного революционного документа, а это влечет за собой установление целого круга общих знакомых данного лица. Кажущийся вначале сугубо частным вопрос приобретает порой важное значение, позволяет выявить политическое направление революционной группы или кружка, его связи с другими кружками и группами — не редко не только в Казани или Поволжьи, но и с революционными кружками Москвы, Петербурга.

Возникла необходимость самого пристального изучения таких архивных фондов, которым прежде не уделялось достаточ-

[1] Историография вопроса не является предметом исследования в данной статье.

но большого внимания, например, фонда попечителя Казанского учебного округа, инспектора студентов, земской фельдшерской школы и т. д. При этом приходится просматривать буквально все дела «фонда». Естественно, что это весьма трудоемкая работа, требующая значительного времени. Но труд такой оправдан, и он приносит свои плоды. Уже первые розыски привели к выявлению неизвестных историкам документов, имеющих принципиальное значение для освещения всей темы. Выявлены документы непосредственно о студенте В. И. Ульянове и о семье Ульяновых, о Н. Е. Федосееве и его окружении.

Возникают и новые проблемы, не затронутые предшествующими исследователями. Можно перечислить здесь некоторые из них: об учителях, воспитавших молодых революционеров, активных участников сходки; о преемственности революционных традиций студентов Казанского университета, пронесших через десятилетия знамя Чернышевского-Добролюбова; о студентах, связанных с Большим Обществом Пропаганды в 70-х годах, с людьми, общавшимися с членами Русской секции I Интернационала, с окружением Александра Ульянова.

Можно сказать в заключение, что настала пора создания больших творческих коллективов для ускорения процесса собирания материала и написания крупных коллективных монографий, что не исключает, конечно, издания и отдельных небольших статей и сообщений.

* * *

Нам представляется необходимым изучение состава участников сходки. В работах 20-х — начала 30-х годов, особенно в трудах А. Аросева, М. Корбута, эта тема освещалась односторонне, — главным образом по характеристике возрастного состава участников сходки.

Ни коим образом не претендуя на исчерпывающую полноту, нам хотелось бы рассказать о некоторых новых фактах, о членах Симбирского землячества, выпускниках Симбирской гимназии, принимавших участие в сходке 4 декабря.

Неизвестно даже точно, сколько человек принимало участие в сходке. Назывались и называются различные цифры. В капитальном научном издании многотомной истории КПСС число участников сходки определено примерно в 200 человек [1].

На уровне прежних исследователей 20-х — начала 30-х годов осталось и определение количества исключенных и уволенных за участие в сходке студентов, причем и эти данные у разных авторов разные. М. Корбут определяет количество исклю-

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза в шести томах, т. 1. Изд. политической литературы, Москва, 1964, стр. 169.

[2] М. К. Корбут. Казанское революционное подполье конца 80-х годов и Ленин. «Каторга и ссылка», 1929, № 7, стр. 82.

ченных и уволенных цифрой 102 [1]. До сих пор не определено точно, сколько же студентов Ветеринарного института приняли участие в сходке: одни пишут 30—40 студентов, другие — 70—80.

С самого начала укажем, что на основе анализа всевозможных архивных докуметов нам удалось подсчитать общее количество участников сходки 4 декабря. Только студентов Казанского университета, участников сходки, оказалось 256 человек. И это еще, нам думается, не окончательные данные. Каждый из 256 установлен по бесспорным архивным документам путем сравнения различных списков-— факультетских, правления университета, канцелярии попечителя учебного округа, сведений, содержащихся в фондах архива губернатора, полицеймейстера, прокурора Окружного суда. Казанской судебной палаты, вещественных доказательств и начальника Казанского губернского жандармского управления. Факты эти тщательно сопоставлялись, проверялись и затем только были отобраны как достоверные. К сожалению, мы не успели провести такую же работу в отношении студентов-участников сходки из Ветеринарного института. На сегодня мы можем привести, как бесспорный, лишь список 22 студентов Ветеринарного института, исключенных из института за активное участие в сходке. Можно однако утверждать, что число участников сходки было значительно больше числа исключенных.

Следовательно, общее количество студентов, участвовавших в сходке, не около 200 человек, как приводится в последних изданиях, а по минимальным подсчетам — не менее 300 человек.

Также следует уточнить число исключенных и уволенных из университета участников сходки. Подсчеты М. Корбута и других авторов, в основном повторявших цифры, приведенные М. Корбутом, не точны. По нашим подсчетам общее количество исключенных и уволенных только из университета студентов за участие в сходке 4 декабря 1887 года — по прошению и без прошения, со строгим выговором и просто с выговором, без выговора — составляет 163 человека, из них исключенных —45, уволенных —118.

В списке студентов Казанского университета, участников сходки 4 декабря 1887 года оказалось кроме В. И. Ленина еще 20 студентов, выпускников Симбирской гимназии и четверо из них — одного с В. И. Лениным выпуска. Это — Глядков Константин (юрфак), Разумов Владимир (юрфак), Дардальонов Алексей (медфак), Стратонов Федор (медфак). Первый из них был уволен из университета, Разумов и Стратонов подвергались аресту, но были оставлены со строгим выговором, Дардальонову был объявлен выговор.

Исключили из университета выпускников Симбирской гимназии: студента физико-математического факультета Полянского Сергея, медицинского факультета Троицкого Леонида и

Тургеневского-Захарова Алексея. Выговор вынесен старшекурснику студенту-юристу Алексею Орловскому, окончившему курс Симбирской гимназии вместе с А. И. Ульяновым.

Факт активной роли в сходке выпускников Симбирской гимназии, а, следовательно, и Симбирского землячества, еще и еще раз подтверждается этими данными. Четыре гимназических товарища, одноклассников В. И. Ульянова (Ф. Стратонов не учился в одном классе, он был «приходящим» учеником, но сдавал экзамены вместе) были с ним и на революционной сходке. Следует добавить, что все они до окончания гимназии изъявляли желание учиться в Казанском университете.

Анализ списка студентов-участников сходки дает основание утверждать, что участники сходки были связаны с Н. Е. Федосеевым. Об этом писали и прежде историки, основываясь на факте участия в сходке Н. А. Мотовилова, близкого друга Н. Е. Федосеева [1].

В сходке 4 декабря 1887 года приняли участие многие студенты-первокурсники, только что окончившие гимназии и семинарии. Так, даже по далеко не точным данным инспектора студентов Казанского университета, поданным попечителю в феврале 1888 года можно выделить следующие цифры о числе участников сходки: из 19 поступивших в университет в августе 1887 года воспитанников I-й Казанской гимназии 6 участвовали в сходке; из 19 выпускников 3-й Казанской гимназии соответственно 10 приняли участие, из Самарской гимназии выпуска 1887 года — трое; из Симбирской гимназии из 14 поступивших в августе 1887 года участниками сходки инспектор не точно назвал четверых [2] и т. д.

В сходке приняли участие 11 студентов Казанского университета, бывших воспитанников Казанской I-й гимназии. Это — П. Матвеев, С. Книзе, П. Останков, П. Логинов, К. Никишев, А. Тушнов, П. Кузнецов, М. Жуковский, С. Ложкин, А. Иванов, Н. Алексеев.

Почти все перечисленные учились в одно время с Н. Е. Федосеевым, правда, в одном классе с Федосеевым учился только А. Иванов. Но следует учесть, что Н. Е. Федосеев мог быть в товарищеских отношениях не только со своими одноклассника-

---

[1] И. Кондратьев. Ленин в Казани. Изд. II. Татарское книжное издательство, Казань, 1962, стр. 46.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 974, инспектор студентов, д. 59, 1887 г., л. 7. Инспектор не знал, что из поступивших в 1887 г., в Казанский университет выпускников Симбирской гимназии участвовали в сходке 4 декабря 1887 года пять человек: В. Ульянов, К. Глядков, А. Дардальонов, В. Разумов, Ф. Стратонов. Неточности вкрадываются даже в специальные сообщения. Так, Г. Е. Хаит в статье «Из жизни семьи Ульяновых в Казани и Самаре» («Новый мир», 1957, № 4, стр. 147) пишет, что из выпускников Симбирской гимназии 1887 года «только двое — Владимир Ульянов и его бывший одноклассник и однокурсник Константин Глядков — участвовали в сходке». И что остальные непричастны.

ми. Об этом свидетельствует и то, что в кружке его были учащиеся из других классов (П. Кувайцев учился в IV классе, а А. Кожухин в VI классе, тогда как Н. Федосеев учился в V классе). Следовательно, нельзя исключать возможности знакомства Н. Е. Федосеева и с другими учащимися гимназии — и с теми, кто участвовал в сходке и, например, с В. Ардашевым, двоюродным братом В. И. Ульянова, учившимся в одном классе гимназии с Н. Федосеевым. Мог он знать и о Н. Веретенникове, другом двоюродном брате В. И. Ульянова, учившемся в 3 классе (2-й год по болезни), с которым в свою очередь в одном классе учился А. Стопани, ставший впоследствии видным революционером, большевиком-ленинцем. С сентября 1887 года в IV классе I-й Казанской гимназии учился Д. И. Ульянов [1]. Гимназию окончил впоследствии и другие выдающиеся революционеры.

Н. Е. Федосеев признавал сам, что он заведовал до выхода из гимназии тайной нелегальной студенческой библиотекой, «из которой он снабжал книгами своих совоспитанников [2].

К студенческой нелегальной библиотеке с 1885 года не прерывно имели отношение члены и руководящее ядро тайного Симбирского землячества, студенты Казанского университета В. Бурлаков, Д. Гончаров, В. Волков — все одноклассники А. И. Ульянова [3].

Этот факт сам по себе представляет значительный интерес. Во время обыска в 1886 году в квартире студента В. Волкова нашли несколько десятков экземпляров запрещенных брошюр, книг, прокламаций, отпечатанных типографским способом и на гектографе, в том числе «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце», «Царь Голод», первый номер газеты «Рабочий» за 1885 год, брошюру Аксельрода «Все для народа и посредством народа», два экземпляра брошюры о С. Л. Перовской, часть книг студенческой библиотеки и др. литературу, а также типографские принадлежности [4]. С декабря 1884 года до весны 1885 года группа революционеров Казани, с которой был связан В. Волков, отпечатала в своей типографии работу Ф. Энгельса «Развитие научного социализма», «Коммунистический манифест» [5]. У В. Волкова была обнаружена и часть нелегальной библиотеки гимназистов Симбирска, вывезенная им оттуда 18 августа 1885 года во время обысков и арестов членов тайного революционного кружка [6].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 87, св. 283, д. 7713, л. 49.

[2] Там же, л. 76.

[3] В. Бурлаков в 1885 году перевелся в Петербургскую Военно-Медицинскую академию и там в последующие годы был в дружеских отношениях с А. И. Ульяновым.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1661, лл. 13—15.

[5] Там же, л. 27—28.

[6] Там же, л. 13.

Студент В. Волков был одноклассником А. И. Ульянова по Симбирской гимназии и до своего ареста в 1886 году руководителем Симбирского землячества в Казани. Он поддерживал контакты со студентами университета и Ветеринарного института — братьями Н. и И. Зобниным, И. Овсянкиным, а те в свою очередь, с П. А. Голубевым, которого, как известно, хорошо знал Н. Е. Федосеев.

Естественно предположить, что и часть студенческой библиотеки попала к Н. Е. Федосееву через П. Голубева при арестах группы, в которые входил В. Волков. По архивным документам видно, что часть нелегальной библиотеки была вывезена в 1886 году и спрятана лицами, посланными П. Голубевым и не известными местными властям [1].

В Волков вместе со своими гимназическим товарищем-одноклассником Д. Гончаровым участвовал в Казани в устройстве тайной типографии. Д. Гончаров же, как свидетельствуют архивные документы, был дружен с В. Бурлаковым, вместе с которым в 1885 году заведовал кассой и библиотекой Симбирского землячества в Казани [2].

В 1887 году Д. Гончаров с И. Женжуристом, К. Барсовым, С. Зиминым, В. Карбышевым, Ф. Шестаковым и еще тремя выпускниками Симбирской гимназии был связан с группой высланных из Петербурга революционеров, и они вели среди студентов Казанского университета политическую антиправительственную работу [3]. Д. Гончаров был исключен из университета «за обнаруженное вредное направление и дурное влияние на товарищей [4].

Следует отметить, что Барсов, Женжурист и Зимин были в революционных кружках еще с 1882 года и работали тогда совместно с В. С. Осипановым. Эта группа организовала срыв университетского акта 5 ноября 1886 года. М. К. Корбут, красочно описавший это событие и демонстрацию 500 студентов с красным шарфом не знал, кто были организаторами и руководителями демонстрации.

В Казани в марте 1887 года было распространено более 200

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1661, л. 41.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 977, инспектор студентов, д. 50, л. II.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 17297, л. 51.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 977, инспектор студентов, д. 55, л. 1, Д. И. и М. И. Ульяновы в своих воспоминаниях следующим образом отзывались о Д. Гончарове:

«Видался Владимир Ильич и с Д. А. Гончаровым, студентом-медиком, исключенным в 1887 году из Казанского университета за участие в демонстрации. Он служил фельдшером в Тростянке, в 8—10 верстах от Алакаевки. Гончаров не принадлежал в то время ни к какой политической партии, но настроен был очень радикально. К Владимиру Ильичу он относился с огромным уважением». См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Госполитиздат, М., 1956, 1, стр. 56.

отгектографированных группой Н. Д. Баранова-А. П. Жаркова прокламаций по поводу событий 1-го марта 1887 года [1].

Следует подчеркнуть, что Н. Д. Баранов еще с 1884 года по Петербургу был связан со столичными революционерами, с членами революционных кружков г. Орла, Саратова. Лично был знаком и поддерживал дружеские отношения с членом благоевской с.-д. группы А. Герасимовым.

Не менее значительно имя и А. П. Жаркова — симбирского гимназиста, а затем студента Казанского ветеринарного института. Он тесно был связан с 1882 года с товарищами по гимназии А. И. Ульянова: В. Аверьяновым, В. Волковым, Д. Гончаровым, В. Бурлаковым.

По делу Баранова-Жаркова был привлечен также студент Казанского университета В. Карбышев, старший брат впоследствии известного Героя Советского Союза генерала Д. М. Карбышева. Оказалось при этом, что прокламации о событиях 1 марта 1887 года «писаны Карбышевым» [2]. По архивным документам достоверно и точно устанавливается, что В. Карбышев был в одной революционной группе с одноклассниками А. И. Ульянова в Казани [3].

13 мая 1887 года казанская жандармерия произвела очередную облаву и аресты. У студента Казанского университета А. Ерофеева был найден экземпляр воззвания «Союза соединенного С.-Петербургского студенчества» от 7 марта 1887 года. 12 мая у него ночевал проезжавший из Петербурга в Саратов студент С. Феокритов. Он вез печатные революционные брошюры Женевского издания, «Манифест Коммунистической партии», программу марксистской группы «Освобождение труда», перевод книги Ф. Энгельса «Бакунисты за работой» [4].

А. Ерофеев работал совместно с А. Пумпянской и по революционным делам имел тесные взаимоотношения со многими студентами Казанского университета: К. Козловским, И. Женжуристом, В. Калининым и др. Любопытно, что у К. Козловского нашли при обыске написанный им ответ Казанских студентов на воззвание петербургского студенчества от 7-го марта 1887 года [5].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 199, оп. 1, д. 3725, «Обзор важнейших дознаний», стр. 90.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 199, оп. 1, д. 3725. «Обзор важнейших дознаний», стр. 90.

[3] Там же, ф. 977, инспектор студентов, д. 55, л. 3.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 199, оп. 1, д. 3725. «Обзор важнейших дознаний», стр. 92—93. О связи С. Феокритова с группой А. И. Ульянова пишет Е. П. Крикунов в книге «А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа», Нальчик, 1963, стр. 65, стр. 169. Но он не отмечает, что С. Феокритов после ареста дал достаточно откровенные показания, назвав имена товарищей, от которых получил революционную литературу, что повлекло новые аресты.

[5] ЦГА ТАССР, ф. 199, оп. 1, д. 3725 «Обзор важнейших дознаний»,... стр. 93.

По телеграмме министра Делянова от 23 мая 1887 года названные выше студенты университета и несколько студентов из Ветеринарного института должны были быть высланы из Казани [1]. Но почти все они оставались в Казани до осени и принимали участие в событиях 4 декабря.

Следует более основательно изучить деятельность члена этой группы Ф. Шестакова также принимавшего участие в сходке [2]. Он получал до 1 марта 1887 года в количестве 50 экземпляров газету «Independance Belge» [3], где накануне 1 марта появлялись корреспонденции о подготовке активных революционных акций [4].

Жандармы подозревали Ф. Шестакова в числе лиц, находившихся в непосредственных отношениях с редакцией газеты «Самоуправление» [5]. Правда, в жандармском документе говорится, что подозрение это имеет гадательный характер.

Но какими бы оговорками не обставлялся этот факт и какие бы не требовались новые доказательства, нельзя совсем не принимать его во внимание. Ведь в том же документе констатируется, что газету «Самоуправление» в России получали, и что «Подробности перевода газеты в Россию остаются до сего времени не вполне выясненными» (там же, стр. 4).

Получили «Самоуправление» и в Казани. В конце сентября 1888 года акушерка П. Пушкарева должна была получить в Москве революционную литературу (в том числе № 2 газеты «Самоуправление») [6]. Интересно, что один экземпляр второго номера газеты «Самоуправление» в это время уже имелся в Казани [7]. Следовательно, были у казанцев и другие каналы получения заграничного революционного органа [8].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 17298, лл. 18, 25.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 199, оп. 1, д. 3726, л. 3—4.

[3] Там же, ф. 92, оп. 1, д. 17298, л. 6.

[4] В. П. Крикунов. А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик, 1963, стр. 151. Но в этой интересной исследовательской книге нет сведений о получении указанной газеты в Казани.

[5] ЦГА ТАССР, ф. 199, оп. 1, д. 3726 «Обзор важнейших дознаний», стр. 4.

[6] ЦГА ТАССР, ф. 199. оп. 1, д. 3726. «Обзор важнейших дознаний»... стр. 11. В августе П. Пушкарева в Казани виделась с А. Копыловой, членом Московского революционного кружка, распространявшего «Самоуправление» и с О. Фигнер (там же, стр. 10).

[7] Там же, стр. 14.

[8] Так что верно заявление жандармов о незнании ими подробностей перевода газеты в Россию. Гадательными их подозрения в отношении Ф. Шестакова можно считать только потому, что он не был пойман с поличным; с газетой «Самоуправление» в руках. Газету эту получали в Казани и позднее — после отъезда Ф. Шестакова за границу. Более того в № 3 «Самоуправления» в 1889 году была помещена одна корреспонденция из Казани. См. публикацию Г. Хаита «От первой ссылки к марксистскому кружку (Некоторые новые данные, касающиеся юности В. И. Ленина)». «Новый мир», 1959, № 4, стр. 196.

Эти давние связи проливают свет на подготовку революционных событий 1887 года, указывают на знакомство целого ряда участников сходки 4 декабря с произведениями не только народовольческого толка, но и с некоторыми трудами членов группы «Освобождения труда», с социал-демократической печатью.

С этими людьми имел дело Н. Е. Федосеев. Признавая на допросе факт заведования тайной студенческой библиотекой, он не назвал жандармскому полковнику имен своих знакомых, не сказал, как к нему попала студенческая библиотека. Многое неизвестно и нам до сих пор. Но бесспорно, теперь, что Н. Е. Федосеев был связан с руководством Казанского революционного подполья, с товарищами А. И. Ульянова.

Н. Е. Федосеев в протоколе допроса во Владимире 28 января 1893 года указал, что в 1886—1887 академическом году, будучи гимназистом в Казани, жил на квартире у врачебного инспектора Мандельштама [1]. Он безусловно был знаком с М. Л. Мандельштамом [2], следовательно, мог знать многое о петербургских событиях 17 ноября 1886 года, возможно, видел материалы, которые привезли с собой ссыльные и получали из Петербурга, уже в Казани. Н. Е. Федосеев и от М. Мандельштама мог узнать об А. И. Ульянове, с которым М. Мандельштам учился в Петербурге на одном курсе, у которого и бывал на квартире [3].

О связи Н. Е. Федосеева с политическими ссыльными, высланными из Петербурга за участие в Добролюбовской демонстрации, с активными участниками сходки 4 декабря имеются определенные документальные свидетельства в архиве ЦГА ТАССР.

18-го февраля 1888 года при обыске на квартире Г. Плетнева и А. Комлева были найдены гектографированные брошюры: «Царь Голод», «Наши задачи в селе», речь Якова Стефа-

---

[1] Н. Федосеев. Статьи и письма. М., 1958, стр. 302.

[2] В одном из писем к Н. А. Мотовилову, Н. Е. Федосеев пишет о том, что М. Л. Мандельштам «сидит в полиции уже второй месяц (с 17 декабря), у него был обыск». Н. Федосеев. Статьи и письма. М., 1958, стр. 32. Датировка письма Н. Е. Федосеева в названном выше сборнике декабрем 1887 года не точна. М. Мандельштам был арестован 15 декабря 1887 года, вернее в ночь на 16 декабря. См. ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, д. 7039, л. 25. Так что письмо Н. Е. Федосеева следует датировать январем 1888 года.

[3] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. Гос. изд. М. — Л., 1927, стр. 79, 101.

О связи М. Мандельштама с А. И. Ульяновым говорится и в публикации С. Н. Семанова «Александр Ульянов под наблюдением Петербургского охранного отделения», «Исторический архив», М., 1960, № 2, стр. 202. Правда, Н. Л. Сергиевский утверждает, что ему известно об отсутствии близости Н. Е. Федосеева с М. Мандельштамом. См.: Историко-революционный сборник. Под. ред. В. И. Невского. Т. 1, Госиздат, М. — П., 1924, стр. 78.

новича; кроме того, у них были обнаружены: жестяной ящик для гектографа, немного белого желатина, склянка с остатками высохших анилиновых чернил и жестяная кастрюля со следами гектографической массы.

Н. Е. Федосеев проявлял живейший интерес к судьбе Г. Плетнева и А. Комлева. 27 февраля 1888 года он писал Н. А. Мотовилову, что 18 февраля «засадили в полицию Комлева и Плетнева» и отмечал, что «Сегодня Комлева выпустили на поруки отца»[1].

Следовательно, Н. А. Мотовилов также знал, кто такие Г. Плетнев и А. Комлев. Этот факт очень важен, ибо он несомненно помогает установлению круга знакомых Федосеева, а точнее его единомышленников.

Должно обратить внимание и на такие слова в письме Н. Е. Федосеева: после довольно точного перечисления того, что нашли у Плетнева и Комлева при обыске, следует многозначительное: «...аппаратов для печатания не нашли». А они, как можно заключить по архивным документам, могли быть в квартире бывших студентов и могли бы быть обнаружены, если бы... если бы их своевременно не переправили в более надежное место.

Г. Плетнев не скрывал в своих показаниях, что по прочтении «Царь Голода» признал ее «чрезвчайно поучительным сочинением по политической экономии» (вспомните слова А. М. Горького, познакомившего казанских рабочих с «Царь Голодом» с знаменитой брошюрой А. Н. Баха) [2] и решил отгектографировать ее.

Плетнев не сказал, куда он дел гектограф, фактически не ответил и на вопрос, как он научился гектографированию (рецепт он якобы взял из какой-то записной книжки, уничтоженной им в настоящее время, и записал рецепт еще в бытность в гимназии).

Выводы напрашиваются сами собой. Н. Е. Федосеев хорошо знал о печатании Г. Плетневым и А. Комлевым запрещенных брошюр и речей, знал и сообщал единомышленнику и старшему товарищу Н. А. Мотовилову о сохранности «аппаратов для печатания».

Правда, кое-что узнали и жандармы помимо воли и показаний арестованных. Бывший студент Изергин, также привлеченный к следствию, дал пространные показания. Он сообщил, что проживая в ноябре 1887 года вместе с Г. Плетневым в одной квартире «в ящике его (Плетнева — Р. Н.) письменного стола видел найденные у него впоследствии гектографированные и рукописные брошюры» [3]. Сам же Плетнев решительно отрицал

---

[1] Н. Федосеев. Статьи и письма. М., 1958, стр. 34.
[2] А. М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 13, стр. 570.
[3] ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1664, 1888, л. 32.

свое участие в печатании и распространении воззваний и другой литературы в ноябре или в начале декабря 1887 года, всячески подчеркивая, что решил гектографировать только в конце декабря и отгектографировал за три недели до обыска [1].

Нам представляются в данном случае достоверными показания Изергина. И это не просто догадки. Что Г. Плетнев уклонялся от исчерпывающих ответов жандармам, видно было уже из приведенных выше материалов его показаний. Он и А. Комлев тайно печатали прокламации, призывающие к борьбе с самодержавием и в ноябре, и в декабре 1887 года — до самого последнего часа перед обыском и арестом. И это подтверждается другими материалами архива.

У проживавшего вместе с Г. Плетневым студента Г. Иванова при обыске, как сообщает полковник Гангардт, «в боковом кармане надетого на нем сюртука были найдены три экземпляра гектографированных воззваний, относящихся к студенческим беспорядкам, происшедшим в городе Казани 4 декабря 1887 года...» [2]. У этого же студента нашли воззвание и Московских студентов к русскому обществу в связи со сходками, происходившими в Москве в конце ноября.

А. Комлева царские ищейки разыскали в квартире студента юридического факультета Н. Степанова. Тот тоже был обыскан и у него обнаружили только что отгектографированный экземпляр воззвания «Прощальное письмо протестующих Казанских студентов».

В печатании этой листовки вместе с Г. Плетневым, А. Комлевым и другими исключенными студентами принимал участие также А. М. Горький [3].

Если мы на сегодня еще недостаточно полно представляем роль Н. Е. Федосеева в организации сходки 4 декабря, то его активная деятельность по пропаганде, посредством издания различных прокламаций бесспорна.

Г. Плетнев имел на руках «Царь Голод» издания 1884 года (второе казанское издание брошюры Баха). И получил он ее, как признавался, для прочтения «около двух лет тому назад, но от кого именно — положительно не помнит...» [4]. Жандармам

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1664, 1888, л. 28—29.

[2] Там же, л. 24—25.

[3] См. сборник статей «Горький в Татарии». Татарское книжное издательство, Казань, 1961, стр. 24. Из статьи М. Елизаровой «Горький в Казани (1884—1888 гг.)». В работе М. Елизаровой и в целом в сборнике неплохо раскрыта вся тема сборника, приводится подборка материалов, а также используются рукописные документы фондов центральных и местных музеев. Для нашей темы существенны факты, приводимые в сборнике о том, что Н. Евреинов принимал участие и в работе Федосеевского кружка, что Г. Плетнев в Казани держал связь между кружками города (стр. 133), а М. Горький и Г. Плетнев совместно печатали листовки Федосеевского кружка (стр. 23).

[4] ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1664, л. 28.

и полицейским можно и должно было не указывать, от кого получена работа Баха. Но мы знаем точно, что издавала ее Казанская революционная группа И. Смирнова — В. Муратова. А получили ее и студенты Казанского университета, в том числе Н. Зобнин, а также бывший выпускник университета П. Голубев, которого хорошо знал с 6-го класса гимназии Н. Е. Федосеев.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, у кого снимали комнату Г. Плетнев и А. Комлев. Жили они на квартире Л. Т. Владзимирской. У нее тоже был произведен обыск, «ничего предосудительного у нее лично не обнаружено» [1]. Но обыск-то произведен! И не случайно. Л. Т. Владзимирская в 1887 году являлась членом «противоправительственного» кружка С. Н. Галкиной [2]. Той, которая выслана из Петербурга за участие в Добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 года и которая поддерживала, будучи в Казани, связи с окружением А. И. Ульянова и была вместе с А. Амбаровой одним из организаторов сходки 4 декабря 1887 года.

Круг общих знакомых Н. Федосеева — Г. Плетнева — М. Горького смыкается с кругом общих знакомых В. Ульянова — Е. Чирикова — А. Амбаровой — через Л. Владзимирскую — С. Галкину.

Если вспомнить еще факт, установленный М. Корбутом в 1931 году, что студент Изергин являлся одним из знакомых В. И. Ульянова [3], тогда проблема эта получает довольно убедительное доказательство. Изергин, как показано выше, был близок в 1887 году и к Г. Плетневу, хотя и не удержался затем во время допросов на позициях революционера.

Для выявления общих знакомых и связей различных революционных кружков должна быть более внимательнее изучена деятельность С. Полянского, братьев Н. и И. Зегржда, К. Глядкова. Как и Изергин, Глядов имел уже на сходке гектографированные листовки. Он вместе с С. Полянским, В. Ульяновым (по донесению инспектора Потапова) был в первой партии организаторов сходки. Когда некоторые студенты, очевидно, испугавшись появления инспектора, пытались выйти из актового зала, Глядов кричал: «Куда вы?» «назад» [4]. Этот гимназический одноклассник В. Ульянова и после сходки, 6 декабря пе-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1664, л. 24. Брат ее Эразм — студент Казанского университета.

[2] «Деятели революционного движения в России». Биобиблиографический словарь, т. III, вып. 1, М., 1933, стр. 609.

[3] М. К. Корбут. Казанское революционное подполье конца 80-х годов и Ленин. «Каторга и ссылка», М., 1931, № 8—9; стр. 19.

В кружке С. Галкиной был и студент Ветеринарного института К. Выгорницкий (см.: Г. Е. Хаит. В Казанском кружке «Новый мир», 1958, № 4, стр. 189), известный, по имеющейся литературе как близкий товарищ и П. Андреюшкина и В. Ульянова.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 18308, л. 93.

редавал гектографированные прокламации другим лицам [1]. Можно ли исключать возможность получения им этих воззваний от группы Г. Плетнева? Во всяком случае уже на сегодня устанавливаются по документальным источникам связи К. Глядкова с Ф. С. Безбородовым, студентом III курса медфака, перешедшим в Казанский университет из Московского [2]. Последний в свою очередь был в контакте с группой С. Галкиной — А. Амбаровой.

Распространял революционные листовки и студент А. Тургеневский-Захаров, проживавший вместе с С. Полянским [3]. С ними вместе жил и студент Иосиф Зегржда, «вредное влияние» на которого оказывал по сообщению попечителя Казанского учебного округа в Департамент народного просвещения С. Полянский и старший брат И. Зегржда [4].

Все это детали, но они важны, поскольку более полно обрисовывают политический и моральный облик ведущей группы участников сходки, и что особенно важно: позволяют установить более широкий круг знакомых, товарищей, единомышленников студента В. И. Ульянова.

Следует подчеркнуть и такой принципиально важный факт, как участие в сходке 4 декабря 1887 года студентов-представителей многих национальностей народов России: русских, поляков, украинцев, евреев, немцев, башкир.

Университетский список участников сходки не является полным. Некоторые студенты, близко стоявшие к участникам сходки, их товарищи и единомышленники, не были выявлены властями.

Малоисследован вопрос об откликах на сходку казанских студентов в других городах и университетах страны. Хотелось бы упомянуть здесь о некоторых фактах.

У бывшего студента Технологического института И. Хоммера, высланного в начале января 1888 года из Петербурга в Иркутск, при обыске была отобрана «переписка с изложением обстоятельств происходивших в Казани, в декабре 1887 года, студенческих беспорядков» [5].

В конце февраля 1888 года у слушательницы Фребелевских курсов Ольги Петлиной нашли письма, присланные ей из Томска учениками реального училища. В одном из писем сказано: «На днях приехало несколько человек из Казани, они привезли две

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 977, ректор, д. 1986, л. 119.

[2] Там же, л. 121, 123.

[3] М. К. Корбут. Казанское революционное подполье конца 80-х годов и Ленин, «Каторга и ссылка», М., 1931, кн. 8—9, стр. 19.

[4] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 18308, л. 155.

ЦГА ТАССР, ф. 199, оп. 1, д. 3726, «Обзор важнейших дознаний...», стр. 30—31.

И. Хоммер переписывался с лицами, связанными с участниками покушения 1 марта 1887 года.

вещи, ходящие (так в тексте — Р. Н.) по рукам во время беспорядков: «Прощание с товарищами исключенных студентов», очень горячо написанное, и «К обществу» [1]. Важно отметить, что эти учащиеся-реалисты, авторы письма в Петербург, входили в Томске в революционный кружок, руководимый политическими ссыльными. Они были связаны с редакцией «Сибирской газеты», где участвовали также ссыльные Волховской, Клеменц и Голубев [2].

В июне 1888 года у некоей Ф. Копацинской, проживавшей в полуверсте от Тобольска, нашли чириковскую «Оду Русскому царю» и ее письмо бывшему студенту Казанского университета Ф. Шестакову [3].

Во всех почти поволжских городах распространялась листовка «Чего нам ждать», где говорилось о выступлениях и казанских студентов 4 декабря 1887 года.

* * *

Приведенные выше факты представляют, на наш взгляд, определенный интерес, выявляя некоторые неизвестные или малоизвестные стороны революционного процесса 80-х годов XIX столетия.

С их помощью можно более точно представить географию распространения революционных листовок и прокламаций, широту и глубину влияния событий 1-го марта 1887 года, сходки студентов Казанского университета 4 декабря.

Факты эти заставляют по-новому взглянуть на революционную деятельность группы А. И. Ульянова — В. С. Осипанова, имевшую в определенной степени воздействие на революционный процесс всей России.

Рассмотренные документы, раскрывая круг друзей и товарищей Н. Е. Федосеева, являются определенным доказательством его роли в подготовке сходки. По-новому также следует в связи с этими документами рассматривать воспоминания А. М. Горького, письма Н. Е. Федосеева к Н. А. Мотовилову, более серьезно и глубоко анализируя их как исторические источники.

Все изложенное позволяет судить об особой роли в подготовке и проведении сходки 4 декабря бывших воспитанников Симбирской гимназии.

Нельзя не отметить и революционных связей казанцев с первыми марксисткими группами, возглавляемыми Г. В. Плехановым, Д. Благоевым, П. Точисским.

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 199, оп. 1, д. 3726. «Обзор важнейших дознаний», стр. 32.

[2] Там же, стр. 34.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 199, оп. 1, л. 3726, «Обзор важнейших дознаний», стр. 40.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ПЕЧАТИ КАЗАНСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ 1905 ГОДА.

Л. Б. Муллина

Изучение печати казанских большевиков периода начала, развития и наивысшего подъема революции 1905—1907 гг. — одного из важнейших участков работы Казанского комитета РСДРП, дает возможность оценки роли печати в формировании политической армии в революции.

Источники по истории печати казанских большевиков разнообразны — от нелегальных и легальных газет до материалов сыскно-следственных учреждений. При некоторой условности классификации их можно разделить на четыре основные группы: 1) периодическая печать, 2) листовки, 3) эпистолярное наследие, дневники и мемуары, 4) материалы политического надзора, сыска и следствия.

К источникам первой группы относятся нелегальная большевистская газета «Рабочий», легальная газета «Волжский Листок», материалы центральных партийных газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь».

«Рабочий» [1] — орган Казанского комитета РСДРП — важный источник, характеризующий политическую позицию и тактику казанской большевистской организации с июля по сентябрь 1905 г. За это время вышло три номера газеты [2]. Важным дополнением к газете явились два приложения, которые в определенной мере можно рассматривать как самостоятельные номера [3]. «Рабочий» печатался в два столбца на небольших (форматом 24×32 *см*) листах шестью шрифтами. Первый номер имел 4 страницы, второй и третий — по 6. Относительно небольшой тираж газеты (1500 экземпляров) объясняется трудностями по сбору, обработке и печатанию материала, которые были

[1] Полный комплект газеты хранится в архиве института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Государственной библиотеке имени Ленина.

[2] По воспоминаниям ответственного пропагандиста комитета В. В. Адоратского было издано четыре номера газеты, а пятый готовился к печати. См. Воспоминания о Ленине, т. 1, М., 1956, стр. 268. Однако, судьба четвертого и пятого номеров не известна.

[3] Не их ли В. В. Адоратский имел в виду, говоря о пяти номерах «Рабочего»?

неизбежны при постановке нелегального политического органа. Однако, если учесть, что каждый экземпляр передавался из рук в руки, обсуждался и прочитывался по меньшей мере 10 читателями, то можно говорить о массовости газеты.

В силу того, что редакционный архив не сохранился, анализ газеты затрудняется, так как, естественно, черновики статей со следами авторской или редакторской правки, неопубликованные материалы обогатили бы наши знания о деятельности нелегальной большевистской газеты, а следовательно, и работы местной партийной организации.

Ценность газеты «Рабочий» заключается, прежде всего, в том, что она является достоверным и значительным по полноте сведений источником для изучения вопросов, связанных с идейной позицией и тактикой Казанского комитета РСДРП на том этапе, когда революция приближалась к периоду наивысшего подъема. Газета позволяет рассмотреть такие вопросы как: 1) отношение большевиков к печати как орудию борьбы за массы; 2) значение «Рабочего» в пропаганде решений партии и произведений В. И. Ленина, 3) роль печатной агитации в организации массовой политической стачки и вооруженного восстания, 4) агитация среди крестьянства.

Наряду с этими наиболее важными сторонами партийно-политической жизни Казанского комитета РСДРП газета дает возможность анализировать отдельные эпизоды, явления, факты, связанные с развитием революционного движения как в Казанской губернии, так иногда и по России в целом. Например, «Рабочий» — самый полный среди вышедших из революционного лагеря источников по истории июльской стачки рабочих Алафузовского завода.

«Рабочий» как источник не все вопросы истории печати позволяет решать с одинаковой полнотой. Для характеристики одних, например, борьбы за всеобщую политическую стачку и вооруженное восстание, он дает значительный материал, другие вопросы, в том числе определение круга корреспондентов, связей комитета с другими городами — позволяет выдвинуть, для исследования третьих, в частности вопросов авторства, материалы газеты служат исходным материалом.

Нельзя не сожалеть, что три номера этой уникальной газеты не опубликованы и не стали до сих пор достоянием широкой исторической общественности. Правда, составители ряда документальных сборников практиковали включение в них отдельных материалов из «Рабочего»[1]. Но разрозненные, включенные

[1] Так, в сборнике листовок, изданном в 1941 г. (составитель И. А. Айнетдинов), была опубликована (неполностью) одна статья, в сборнике листовок 1955 г. издания (составитель А. И. Лебедева, редактор С. И. Мухамедов) — четыре. См. листовки казанских большевиков 1903—1907 гг. К., Таткнигоиздат, 1941; Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг. Таткнигоиздат, 1955. Относительно бо-

вместе с другими документами в разделы о рабочем, крестьянском и солдатском движении, они не дают целостного представления о газете.

Легальная казанская газета «Волжский Листок», превратившаяся с 1 октября 1904 г. из справочной и торгово-промышленной в ежедневную общественно-политическую газету, — источник, с одной стороны, самостоятельный, с другой — дополняющий нелегальную печать. Анализ «Волжского Листка» позволяет определить роль этой газеты в пропаганде вопросов большевистской стратегии и тактики, марксистской теории. Своеобразие ее, как источника, заключается в легальном его характере [1]. Поэтому исследователь должен учитывать, что статьи большевиков писались с вынужденными оговорками и недомолвками, появлялись на страницах газеты со следами цензорских купюр или вовсе запрещались к печати.

При сравнении подцензурных казанских изданий по таким показателям как объем номера и особенно тираж видно как под влиянием большевиков «Волжский Листок» превращался в популярную в крае газету [2].

«Волжский Листок» позволяет изучить борьбу либерального и марксистского направлений, проследить как либералы теряли свои позиции. Газета знакомит нас с той частью борьбы с цензурой, которая был вынесена на ее страницы.

Изучение газеты дает возможность сделать вывод о том, что это легальное издание внесло большой вклад в пропаганду стратегического плана большевиков в революции, особенно — пропаганду идей гегемонии пролетариата и изоляции либеральной буржуазии. С этими вопросами было неразрывно связано освещение марксистской теории, чему в немалой степени способствовал библиографический раздел.

Номера «Волжского Листка» за те периоды, когда цензура была смягчена или упразднена, дают богатый материал по истории стачечного и профсоюзного движения. Газета представляет несомненный интерес не только для исследования печати, но и для изучения ряда вопросов, связанных с развитием революции

лее полно газета отражена в сборнике документов и материалов, вышедшем в свет в 1957 г. (составители В. В. Снедкова, Р. Ш. Хакимова, И. А. Георгиевская, Х. С. Салимов, редакторы — кандидаты исторических наук Х. Х. Хасанов и С. И. Мухамедов). Здесь было напечатано шестнадцать статей и заметок, но и это составляет небольшую (приблизительно 1/4) часть от общего числа статей и корреспонденций. См. Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг. Документы и материалы. К., Таткнигоиздат, 1957.

[1] Несмотря на это, нам известны лишь два полных комплекта ее номеров за 1905 год; один из них хранится в научной библиотеке им. Лобачевского Казанского университета, другой — в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[2] См. нашу статью «Волжский Листок» в 1905 г.» в сб. статей «Из истории местной периодической печати», Казань, изд-во Казанского университета, К., 1960.

в Татарии. Исследование «Волжского Листка» выявляет его роль в создании широкой демократической антисамодержавной армии.

Отсутствие редакционного архива восполняется в какой-то мере цензорскими гранками. Они позволяют судить об интересах и позиции редакции, отдельных ее групп и цензора М. Н. Пинегина.

Параллельный анализ газет «Рабочий» и «Волжский Листок» позволяет выдвинуть, исходя из местного материала, интересный вопрос о взаимосвязи нелегальной и легальной большевистской печати периода первой русской революции.

Изучение «Волжского Листка» помогает отметить некоторые ошибочные оценки, преувеличивающие или наоборот преуменьшающие революционное значение газеты. Так, в книге одного из первых исследователей революции 1905—1907 гг. в Татарии С. Лившица «Казань в годы первой революции» содержится оценка «Волжского Листка» как легального органа Казанского комитета РСДРП [1]. Она была поддержана тогда, как это видно из предисловия к книге, истпартотделом Татарского обкома ВКП(б) [2]. Вслед за С. Лившицем такая же оценка (и так же априорно) была высказана И. Н. Фирсовым в работе «1905 год в Казани» [3]. Придавая большое значение использованию большевиками «Волжского Листка», мы тем не менее не считаем возможным, исходя из содержания самой газеты, считать ее легальным органом большевистской партии.

Вместе с тем в литературе встречаются и утверждения, умаляющие роль «Волжского Листка» в пропаганде большевистской стратегии и тактики. Например, в разделе «Даты жизни и деятельности Я. М. Свердлова (1885—1917 гг.)» (заключающем первый том его избранных произведений), сказано, что будучи летом 1905 г. в Казани, Я. М. Свердлов «сотрудничает в либеральной легальной газете «Волжский Листок»[4]. Думается, что такая формулировка фактически игнорирует систематическую борьбу сплоченной группы членов комитета за газету.

Важным историческим источником являются материалы газет ЦК РСДРП «Вперед», «Пролетарий», «Новая Жизнь». Публикация на их страницах около 40 корреспонденций о революционном движении в Казанской губернии свидетельствует о том значении, которое Центральный комитет придавал, во-первых, развитию революции на местах, во-вторых, обмену опытом борьбы, в-третьих, неослабной связи с большевистскими комитетами.

---

[1] С. Лившиц. Казань в годы первой революции (1905—1907 гг.). К., 1930, стр. 72.

[2] Там же, стр. 5.

[3] И. Н. Фирсов. 1905 год в Казани. К., Таткнигоиздат, 1948, стр. 72.

[4] Я. М. Свердлов. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1957, т. 1, стр. 375.

Ценность этих корреспонденций заключается в том, что, с одной стороны, в них на большом фактическом материале отражено развитие революции в крае, с другой, они помогают понять как казанские большевики оценивали те или иные события. Особый интерес вызывает тот факт, что комитет писал о трудностях, не скрывал слабых сторон движения, например, относительную отсталость казанского рабочего.

Ко второй группе источников относятся листовки, которых в 1905 г. было издано казанскими большевиками более 70 [1]. Листовки — специфический вид партийной литературы, дополняющий прессу. Их ценность как исторического источника определяется еще и тем, что большую часть 1905 г. (напомним, что газета «Рабочий» издавалась на протяжении 3-х месяцев) листовки были единственным средством нелегальной печатной пропаганды Казанского комитета РСДРП.

Они были разнообразны по сюжету, технике печати, тиражу, аудитории, для которой они непосредственно предназначались. Заслугой партийной организации является то, что большинство прокламаций было воспроизведено, хотя и на ручном, но печатном станке. Наряду с печатными станками широко использовались гектографы. На гектографах издавалась литература на татарском языке. Отсутствие печатных листовок позволяет сделать вывод, что усилия комитета достать татарские шрифты не увенчались успехом.

Казанский комитет РСДРП стремился увеличить тиражи листовок. Это видно из сравнения тиражей прокламаций, изданных, например, в декабре 1904 и в марте 1905 г. Из 15 декабрьских листовок 1904 г. [2] тиражом до 500 экземпляров было отпечатано 12 наименований, до 1000 экземпляров и более — 3. Но уже в марте 1905 г. (несмотря на то, что главная типография тогда еще только налаживалась) было издано листовок тиражом до 500 экземпляров только 5 наименований, зато от 500 до 1000 — 7, а от 1000 до 2000 и более — 3 [3].

Однако, с углублением революции и эти тиражи уже не могли удовлетворить бурного роста спроса на литературу. Партийная организация учитывала это. В мае-июне 1905 г. было отпечатано прокламаций тиражом до 500 экземпляров — 2, от 500 до 1000 — 0, от 1000 до 2000 — 3, от 2000 до 3000 — 5, от 3000 до 4000—5000 и более — 5. Таким образом, за полто-

---

[1] Подлинники листовок хранятся в Центральном партийном архиве института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Партийном архиве Татарского Обкома КПСС, Центральном Государственном архиве ТАССР и в Государственном музее Татарии.

[2] Поскольку в этом месяце было выпущено 15 листовок, то для сопоставления мы брали первые 15 воззваний, отпечатанных в последующие месяцы.

[3] Здесь и далее пересчет наш.

ра-два месяца вместо тиража в 500—1000 экземпляров преобладающим стал тираж в 2000—5000 экземпляров.

Партийная организация сумела превратить листовки в массовый вид литературы. Их общее количество и тиражи значительно превосходили подобные издания меньшевиков и эсеров. Начальник Жандармского Управления, например, с ужасом писал в Департамент Полиции, что большевистский комитет «наводняет Казань прокламациями» [1].

Распределение листовок по группам в зависимости от аудитории, к которой они были непосредственно обращены, помогает понять-работу в каких классах и слоях населения казанские большевики считали особенно важной.

Мы считаем целесообразным выделить при этом особо листовки, обращенные к широким народным массам. 25 воззваний этой группы позволяют проследить как партийная организация разъясняла решения партии, подчиняла освещение революционных событий общероссийского значения политическому воспитанию масс. Прибавляя 25 этих прокламаций к каждой из следующих групп листовок, мы видим, что в 1905 г. было издано большевистских листовок: для рабочих — 46, крестьян — 30, солдат — 31, учащихся, студентов и интеллигенции — 30 [2]. Эти цифры доказывают, что печатная агитация комитета охватывала основные составные части антисамодержавного фронта революции и что в центре ее были рабочие. В свою очередь, первое место среди воззваний для рабочих занимают листовки к рабочим Алафузовских фабрик и заводов. В этом еще одно подтверждение замысла комитета поднять на борьбу казанский пролетариат с помощью алафузовских рабочих.

Листовки представляют ценный источник для характеристики того, как: 1) вопросы стратегического плана увязывались со стачечной борьбой; 2) большевики боролись за превращение экономических стачек в политические; 3) агитация за вооруженное восстание вырастала из агитации за политическую стачку.

Листовки свидетельствуют о том, какое большое значение придавал комитет пропаганде ленинской аграрной программы.

Сопоставление листовок с газетой «Рабочий» показывает, что они проводили единую линию политического воспитания масс.

Несколько публикаций [3] познакомили широкие круги историков и общественности с листовками. Тем не менее недостатки их

---

[1] ЦГАОР, ф. 102,00, 1905, ед. хр. 1800, ч. 28, л. 12.

[2] Сюда не входят листовки, издававшиеся студенческим Союзным Советом и Объединенной группой учащихся средних учебных заведений г. Казани, работавших под влиянием Казанского комитета РСДРП.

[3] Пути революции, 1923, №№ 2—3; сб. Листовки казанских большевиков 1903—1907 гг. Казань, 1941 (составитель И. А. Айнетдинов); сб. Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг. Казань, 1955 (составитель А. И. Лебедева, редактор С. И. Мухаме-

археографической обработки (не указывается тираж, техника воспроизведения и т. д.) затрудняют изучение листовок по сборникам. Их составители, повторяя датировку, данную в свое время Казанским комитетом РСДРП, для большинства листовок указывают лишь месяц и год издания. Именно так датировано, например, 39 листовок из 61, вошедшей в сборник листовок 1955 г. издания. Это затрудняет решение вопросов, связанных с оценкой своевременности листковой агитации. Задача уточнения датировки может быть решена привлечением источников других групп и, прежде всего, документов сыскно-следственных учреждений.

В донесениях полицмейстеру, губернатору, а также в Департамент Полиции о распространении «преступных» воззваний обычно указывается, какие листовки, когда, кем и где распространялись. Используя самые ранние даты распространения, нам удалось установить, если и не всегда абсолютно точное, то во всяком случае более точное время издания следующих листовок:

№№	Название листовки	Принятая датировка	Более точная, по самой ранней дате ее распространения	Где распространялась в этот день	Основание датировки (ссылка на архивный документ)
1	2	3	4	5	6
1	Товарищи!	январь 1905 г.	13 января 1905 г.[1]	а) в городском театре, б) на улицах Казани между I и II горой.	ЦГАОР, ф. 102, 00, 1905, ед. хр. 5, ч. 27, л. 20
2	Гнусная бойня в Иваново-Вознесенске	июнь 1905 г.	21 июня 1905 г.	У ворот Алафузовского завода, при выходе рабочих со смены (собрано чинами полиции до 50 экз.)	ЦГАОР, ф. 102, 00, 1905 г. ед. хр. 5, ч. 27, т. 2, л. 120.
3	К столярам	август 1905 г.	3 августа 1905 г.	62 экз. листовки подобрано полицией по дороге, которой бастующие столяры возвращалась в город со сходки, состоявшейся у газового завода.	ЦГАОР, ф. 102, 00, 1905 г. ед. хр. 4, ч. 10, л. 104.

дов); Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг. Документы и материалы. Казань, 1957 (составители В. В. Снедкова, Р. Ш. Хакимова, И. А. Георгиевская, Х. С. Салимов, редактор Х. Х. Хасанов).

[1] Здесь, как и во всех других случаях, дата распространения листовки показывает, что она была издана не позже этого срока, что очевидно, не исключает, что она могла быть издана и несколько ранее его.

№№	Название листовки	Принятая датировка	Более точная, по самой ранней дате ее распространения	Где распространялась в этот день	Основание датировки (ссылка на архивный документ)
1	2	3	4	5	6
4	Ко всей учащейся молодежи.	сентябрь 1905 г.	19 сентября 1905 г.	Во время сходки в Казанском университете «в громадном количестве».	ЦГАОР, ф. 102, 00, 1905 г., ед. хр. 3, ч. 115, л. 111.
5	Ко всем [1]	ноябрь 1905 г.	4 ноября 1905 г.	В театре.	ЦГАОР, ф. 102, 00, 1905 г., ед. хр. 5, ч. 27, т. 3, л. 44.
6	Бюллетень № 4	ноябрь 1905 г.	10 ноября 1905 г.	У ворот Алафузовского завода, при выходе рабочих со смены. Подобраны чинами полиции до 500 экз.	ЦГАОР, ф. 102, 00, 1905 г., ед. хр. 5, ч. 27, т. 3, л. 51.

У части листовок дата их распространения, судя по архивным документам, опережает известную нам дату издания. Причина кроется, очевидно, в том, что один и тот же текст был отпечатан разными способами. При этом, как правило, на гектографе текст воспроизводился несколько раньше, чем на печатном станке. Прибегнув к прежней схеме, уточним (или исправим) даты издания еще нескольких листовок. (См. таблицу на стр. 71).

Источники первых двух групп позволяют не только проследить, как развивалась борьба печати за превращение экономических стачек в политические, но так же дают возможность оценить фактические результаты этой борьбы.

Шесть статей и корреспонденций в «Рабочем» по истории июльской стачки рабочих Алафузовского завода подтверждают, что стачка была событием в революционной борьбе казанского пролетариата, она сопровождалась ежедневными легальными

[1] В середине октября и в ноябре комитет издал 2 листовки с одним и тем же названием — «Ко всем». Доказательством, что речь идет именно о второй, ноябрьской, листовке служит то, что сведения о распространении ее 4 ноября содержатся в том же документе, более того на той же странице, где говорится о распространении этой же листовки, 15 ноября и сразу в 2-х местах — у ворот Алафузовского завода и в районе 2-й полицейской части. Поэтому предположить, что комитет (обычно такой оперативный) в середине ноября (т. е. после манифеста 17 октября и казанских событий 17—21 октября) так усиленно и на таких важных объектах распространял листовку о начале всероссийской октябрьской стачки, невозможно.

№№	Название листовки	Принятая датировка	Более точная, по самой ранней дате ее распространения	Где распространялась в этот день	Основание датировки (ссылка на архивный документ)
1	2	3	4	5	6
1	К воспитанникам учительского института	февраль 1905 г.	27 января 1905 г.	в учительском институте (собрано 21 экз. гектографированных листовок). Около учительского института найдено 8 гектограф. листовок.	ЦГАОР, ф. 102, 00, 1905 г., ед. хр. 5, ч. 27, лл. 42—44
2	Письмо товарища к товарищам рабочим Алафузовских заводов	9 марта 1905 г.	5 марта 1905 г.	в разных частях города собрано 10 экз. гектографированных листовок на татарском языке.	Там же, л. 114.
3	Письмо солдата к солдатам	июль 1905 г.	апрель 1905 г.[1]	40 экз. гектограф. листовок отобрано при обыске, вместе с другими листовками Казанского Комитета РСДРП, у студента духовной семинарии И. А. Леонтьева в д. Новые Тяныли.	ЦГАОР, ф. 102, д. п.7, ед. хр. 2431, л. 3.
4	Ко всем[2]. Граждане!	13 октября 1905 г.	12 октября 1905 г.	на сходке в Казанском университете.	ЦГАОР, ф. 102, 00, 1905, ед. хр. 3, ч. 75, л. 78.

[1] Поскольку листовка «Письмо солдата к солдатам» было обнаружена полицией 1 мая 1905 г. в уезде Казанской губернии, есть основания утверждать, что она была воспроизведена на гектографе в конце апреля 1905 г.

[2] Эта листовка требует особого комментария. В донесении Казанского губернатора Департаменту Полиции сообщалось, что на сходке 12 октября распространялась листовка под названием «Граждане!», в то время как определяемая нами озаглавлена «Ко всем». Однако, 2 обстоятельства не оставляют сомнения, что это одна и та же листовка: 1) присутствовавший на сходке пунктуальный агент записал в донесении, что речь студента Кулеши была тождественна с содержанием прилагаемой при этом прокламации под заглавием «граждане!», экземпляры коей раздавались публике во время митинга, и подробно (по пунктам) пересказал эту речь. Она оказалась пересказом листовки «Ко всем»; 2) название «Граждане!», которым жандармы обозначили листовку для себя, это первое слово, с которого начинается листовка «Ко всем». Неизвестно, распространялся ли на сходке гектографированный текст этой листовки (что более вероятно) или печатный.

митингами. Из анализа выдвинутых требований (8 из них в той или иной форме излагали требования программы-минимум РСДРП), а также политического содержания собраний видно, что эта стачка не была экономической и что по своей форме она приближалась к стачке революционной, т. е. такой, когда выставляются экономические и политические требования.

Поэтому мы позволим себе не согласиться ни с С. Лившицем, который не замечал в стачке политической борьбы и считал, что «она носила чисто экономический характер», ни с С. И. Мухамедовым, односторонне оценившим требования алафузовских рабочих как «только экономические» [1]. Авторы других исследований, отмечая значение собраний в политическом воспитании рабочих, в то же самое время даже не поднимали вопроса о характере этой и других казанских стачек 1905 г.

Следующая группа источников, включающая письма современников, дневники, мемуары — отложилась главным образом в Центральном Партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, Партийном архиве Татарского обкома КПСС и в Государственном музее ТАССР.

Воспоминания и примыкающие к ним материалы, созданные до Октябрьской революции и особенно в 1905—1907 гг., составляют небольшую, но ценную часть мемуарного наследства. Ценность писем участников революции (многие из них оказались парлюстрированными полицейскими властями) состоит в том, что они содержат описания революционных событий, сведения об авторах и адресатах писем, их связях с уездами губернии, а также с другими городами, как русскими, так и заграничными.

В архиве В. В. Адоратского — ответственного пропагандиста Казанского комитета РСДРП в 1905 г., наряду с дневниковыми записями за 1898—1904 гг. и письмами из казанской тюрьмы (декабрь 1905 г.) находятся и другие важные документы, например, речь, произнесенная при встрече нового, 1905 г., а также библиотека, содержащая ряд нелегальных изданий. Архив дает важный материал для характеристики революционной деятельности В. В. Адоратского. Он помогает, в частности, выявить индивидуальные особенности В. В. Адоратского как публициста, проявившиеся в склонности к разработке определенных вопросов большевистской стратегии и тактики, способах их аргументации, особенности его языка и стиля. Знание этих особенностей позволило определить, что несколько статей в нелегальной газете «Рабочий» были написаны В. В. Адоратским [2].

---

[1] С. Лившиц. Казань в годы первой революции. (1905—1907 гг.). К., 1930, стр. 52. Очерки истории партийной организации Татарии. К., Татгосиздат, 1962, стр. 48.

[2] См. нашу статью «Об атрибуции некоторых статей газеты казанских большевиков «Рабочий» (1905 г.) в сб. «Из истории Татарии» Казань, КГПИ, 1965, стр. 205—229.

Среди материалов мемуарного характера, относящихся к послеоктябрьскому периоду, особое место занимают стенограммы конференций или вечеров воспоминаний о революции 1905—1907 гг. в Татарии, организованных в первой половине 20-х гг. отделом истории партии при Областном комитете ВКП(б) [1].

Выступления-воспоминания многих участников революции, застенографированные на конференциях [2], изменяются от преимущественного описания отдельных событий революционной борьбы (особенно ярких — и это понятно на начальном этапе собирания мемуаров) до раскрытия идейной позиции и структуры казанской партийной организации, деятельности различных ее звеньев. (Это отчетливо видно, например, из сравнения материалов конференций 1921 и 1925 гг. Участники вечеров воспоминаний 1925 г. пытались преодолеть тематическую распыленность. В самой ее организации заметно стремление сосредоточить усилия на выяснении определенных вопросов, вынесенных в повестку дня). Так, 28 декабря 1925 г. был зачитан доклад А. П. Машкина о работе Окружной организации; при этом доклад был предварительно обсужден «совместно с т.т. Дамперовым, Островым, Фирсовым, Фроловым, Мирославским [3]. Постановка отдельных сюжетов в повестку дня практиковалась и на конференции 1926 г. [4]. Материалы этого последнего совещания интересны для историка еще и тем, что отдельные выступления основывались на знакомстве с источниками и литературой вопроса [5].

Полнота и достоверность материалов конференций Татистпарта как мемуарного источника кроется, на наш взгляд, главным образом в том, что в значительной степени он создавался коллективно. Часть докладов предварительно обсуждалась, выступления дополнялись и уточнялись участниками конференции.

Свидетельства мемуарного происхождения, помогающие воссоздать историю печати казанских большевиков, условно можно разбить на две группы: 1) освещающие печатную пропаганду и агитацию местного комитета РСДРП в 1905 г.;

---

[1] Например, среди выступивших на конференции 1925 г. были Адоратский, Бубнова, Бакинский, Дамперов, Зарницын, Лапина-Зарницына, Калмыков, Фирсов, Фортунатов, Триллиссер, Титова, Ямзин. Понятно, что общий круг участников, к сожалению, не отмеченный в стенограмме, был значительно шире.

[2] Стенограммы заверялись председателем и секретарем собрания или заведующим Татистпартом.

[3] Партархив ТАТ ОК КПСС, ф. 36. ед. хр. 404, л. 63. С этой же целью были образованы секции о работе в войсках, среди крестьян и в уездах, профессионального движения.

[4] Например, о деятельности подпольных типографий, пропагандистской и военной группах комитета.

[5] Так, В. В. Адоратский указал на некоторые неточности, допущенные в работе С. Лившица «Казань в годы первой революции». См. Партархив ТАТ. ОК КПСС, ф. 36, ед. хр. 412, лл. 10—12.

2) содержащие общие сведения о революционном движении в крае и деятельности партийной организации.

Удельный вес сведений о печати в стенограммах конференций невелик [1]. Немногие воспоминания, к их числу относятся выступления А. Л. Бакинского, Б. М. Фрумкина, А. П. Машкина, К. Калмыкова рассматривают преимущественно этот сюжет. Деятельность казанских большевиков по организации печати освещена в них неравномерно. Такие ее звенья как подпольные типографии, распространение нелегальной литературы охарактеризованы более подробно.

Воспоминания К. Калмыкова, А. Л. Бакинского, С. А. Козловой и других [2], дополненные и проверенные документами сыска и следствия, позволяют нарисовать картину деятельности нелегальных типографий Казанского комитета РСДРП. Мемуары Е. И. Зарницына, К. Калмыковой, Ю. М. Лапиной-Зарницыной [3] ценны, прежде всего, потому, что в них раскрываются принципы организации работы по распространению нелегальной литературы (в том числе создание складов литературы, объединение распространителей по группам). Подобных сведений нет в источниках других групп.

Однако, многие вопросы темы не нашли (или почти не нашли) отражения в материалах конференций Истпарта. К ним относятся состав и организация дела в редакции «Рабочего», борьба большевиков за овладение «Волжским Листком», проблема авторства.

Отдельные наблюдения авторов мемуаров, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к печатной пропаганде и агитации. Например, утверждение М. А. Трилиссера и Л. В. Попова [4], что связь комитета с солдатами осуществлялась через хозяйственную команду и госпиталь, дает основание предположить, что эта же линия связи использовалась для распространения большевистской литературы в войсках казанского гарнизона.

Следует отметить, что другие мемуары 20-х — нач. 30-х гг., собранные Татистпартом, немногочисленны, а их использование затрудняется недостатками археографической обработки [5].

---

[1] Заметим, однако, что Татистпарт стремился привлечь внимание к вопросам печати. В изданном как пособие «Плане воспоминаний» он выдвигал среди прочих и такие вопросы: «Печать. В какое время издавался в Казани «Рабочий». Кто писал статьи. На какие темы издавались листки и кто был автором. Насколько часто получалась заграничная литература. Какая именно. Источники, откуда изыскивались средства; какая была «техника» и насколько успешно работала». Н. Знаменский. План воспоминаний о пролетарской революции в Татреспублике. Казань, 1923, стр. 7.

[2] Партархив Тат. ОК КПСС, ф. 36, ед. хр. 404, д. л. 5—7, 23—26, 74—75.

[3] Там же, ед. хр. 412, л.л. 212—213, ед. хр. 404, л.л. 63—74.

[4] Там же, ед. хр. 412, л. л. 20, 150—152.

[5] Как пример, можно привести биографию Я. С. Ксенофонтова написанную И. Абрамовым, в которой есть ссылка на подтверждение ее 10 то-

Среди первых публикаций мемуаров, осуществленных в газетах «Известия ТАТЦИКа», «Красная Татария», журналах «Пути революции» и «Пролетарий Татарстана», отметим книгу воспоминаний «На путях к революции», написанную В. Залежским. В ней содержатся сведения о поисках квартиры для первой типографии комитета, транспортировке литературы из поволжских городов на пароходах [1].

В сложные 30—40 гг. архивные фонды пополнялись буквально единичными мемуарами и публиковались они редко, как правило, к юбилейным датам. Решения XX и XXII съездов КПСС ознаменовали новый этап в развитии советской исторической науки. Требование расширить и углубить источниковедческую базу исследований повысило интерес к мемуарной литературе.

Мемуары 50—60-х годов по истории революции 1905—1907 гг. в Татарии шире освещают такие важные для изучения печати вопросы, как издание газеты «Рабочий» и использование большевиками легального «Волжского Листка». Они раскрывают и такие стороны постановки печати, которые почти не затрагивались в других воспоминаниях и в источниках других групп: состав редакции «Рабочего», борьбу за превращение «Волжского Листка» в легальный партийный орган, отчасти раскрытие авторства статей. Часть воспоминаний этого периода была собрана и введена в научный оборот автором настоящей статьи (воспоминания Н. Н. Накорякова, И. И. Маловичко, Е. И. Зарницына, А. Я. Цитронблата и др.) [2]. Они позволили расшифровать состав группы, выделенной Казанским комитетом РСДРП для издания «Рабочего» и завоевания «Волжского Листка» (Я. М. Свердлов, А. А. Адоратский, А. С. Кулеша, Н. И. Дамперов, Н. Н. Накоряков) и доказать, что они работали коллективно (об этом говорит практика совместного написания принципиально важных статей). С помощью воспоминаний устанавливается авторство Я. А. Свердлова, А. А. Адоратского, Н. Н. Накорякова и других.

Часто воспоминания 50—60-х годов более подробны, содержат больше имен, фактов, чем воспоминания этого же автора, но написанные в 30—40 гг. [3].

варищами, но их подписей в документе нет. (Партархив Тат. ОК КПСС, ф. 36, ед. хр. 17, л.л. 131—132). В тех случаях, когда на мемуарах есть пометка работника архива «проверить по существу», выявить следы этой работы не удается. (Там же, ед. хр. 48, л.л. 4—5, ед. хр. 51, л.л. 39—40). Но все воспоминания датированы, встречаются и такие, где личность подписавшего человека не раскрыта. (Там же, ед. хр. 17, л.л. 110—112).

[1] В. Залежский. На путях к революции. М.-Л., «Земля и фабрика», 1925, кн. 1, стр. 159—163.

[2] Госмузей ТАССР, фонды, инв. №№ 13—13834, 13—13836, 13—13835, 120336, 121846, 13—13837, 13—13780, 13—13779, 13—13778.

[3] Это хорошо видно, например, из сравнения воспоминаний З. А. Тихомирновой, написанных в 1935 г. (Партархив ТАТ ОК КПСС, ф. 36, ед. хр. 1, л.л. 16—19) и в 1962 г. (Госмузей ТАССР, фонды, инв. 13—13838).

При работе с воспоминаниями важно как и при каких обстоятельствах они создавались. Поскольку эта группа источников несет на себе наибольший отпечаток индивидуальности и субъективности, требуется подвергать ее показания критическому анализу. Иногда необходима проверка не только объективности описываемых событий, но и роли автора воспоминаний в них. Приведем в качестве примера дневники М. М. Хомякова [1], секретаря редакции «Волжского Листка» в первой половине 1905 г., сочувствовавшего большевикам. В них автор свидетельствует о борьбе большевиков за газету и характеризует в этой связи некоторых членов комитета РСДРП. Эти сведения представляют несомненный интерес. Однако, мы не можем признать за М. М. Хомяковым роли руководителя левого крыла редакции, как он это утверждает. Заметим попутно, что анализ этого источника помогает внести критические коррективы и в оценку того, что было опубликовано М. М. Хомяковым на страницах «Волжского Листка». Весь облик автора дневников (его идейных позиций, общего уровня развития [2]) противоречит тому, что несколько статей, написанных с последовательно большевистских позиций и опубликованных в газете во время дискуссии с либералами, принадлежат М. М. Хомякову, хотя они и были подписаны его обычным псевдонимом «Синьор». Этот вывод подтверждается и другими мемуарными источниками [3].

В этой связи уместно отметить, что С. Лившиц, основываясь только на принадлежности псевдонима «Синьор» М. М. Хомякову, ошибочно считал, что последний вел полемику с либералами единолично [4].

Многие вопросы истории печати казанских большевиков не могут быть решены без привлечения источников четвертой группы — материалов политического наблюдения, судебных следствий и ряда других, непосредственно с ними связанных. Они представлены документами фонда Департамента Полиции Центрального Государственного архива Октябрьской революции, Главного Управления по делам цензуры и печати Центрального Государственного Исторического архива в Ленинграде и фондами Казанского Губернского Жандармского Управления, Отдельного цензора, канцелярии Казанского губернатора, Казанской Судебной палаты Центрального Государственного архива Татарской АССР.

---

[1] Этот источник был введен в научный оборот в работе автора «Волжский Листок» в 1905 г. См. сб. «Из истории местной периодической печати», Казань, изд-во Каз. ун-та, 1960.

[2] Не последнее место в нем занимает обоснование периодических переходов от атеизма к религии и наоборот. См. Дневник М. М. Хомякова, 1925 г. Фонды Госмузея ТАССР, инв. № 13356—1.

[3] Письмо Н. Н. Накорякова в Госмузей ТАССР от 30 января 1959 г. Инв. № 120335.

[4] С. Лившиц. Казань в годы первой революции (1905—1907 гг.). К., 1930, стр. 84.

При анализе этих материалов необходимо учитывать, что они принадлежат главным образом представителям двум противоположных лагерей. С одной стороны, участники революции, с другой — хранители самодержавия.

Документы сыска и следствия, как и источники трех других групп, освещают тему неравномерно. Наиболее скудны сведения об издании газеты «Рабочий» и листовок (исключая «технику»). И это понятно. Ведь властям так и не удалось привлечь кого-либо по обвинению в этом, а тем более организовать судебный процесс.

Более подробно источники этой группы позволяют осветить деятельность газеты «Волжский Листок» (сведения о ней сосредоточены главным образом в фондах Главного Управления по делам цензуры и печати и Казанского Отдельного цензора).

Власти признавали усиливающееся влияние большевиков на газету (в отчете за 1905 г. цензор назвал ее даже «органом социал-демократической партии») [1]. Это объясняет, почему главный удар цензуры был направлен именно на «Волжский Листок». Однако, большевики действовали настолько конспиративно, что в обширной цензорской документации нет упоминаний о фамилиях или хотя бы псевдонимах публицистов-большевиков. Тем не менее цензорский фонд чрезвычайно интересен, прежде всего, для характеристики правительственных гонений на демократическую печать и состояния казанской прессы в 1905 г.

Гонения цензуры на «крамольную» газету раскрывают циркуляры Главного Управления по делам печати Министерства Внутренних дел, отчеты и донесения казанского цензора М. Н. Пинегина. Они показывают, что последний с большим рвением выполнял распоряжения не только петербургского начальства, но и местных властей. Систематические жалобы редакции газеты на цензора и вызванные ими пространные объяснительные записки М. Н. Пинегина выявляют, на наш взгляд, еще один способ борьбы с цензурой (в дополнение к тому, который развернулся на страницах «Волжского Листка»). Мемуары свидетельствуют, что авторами некоторых жалоб были большевики, прикрывающиеся именем издателя газеты.

Изучение документов правительственного надзора и практики революционных газет в 1905 г. показывает, что оценка царской цензуры как бессильной, высказанная исследователем армянской печати С. Арешяном, представляется слишком оптимистичной. Отметим, что этот вывод С. Арешян распространяет не только на последние месяцы 1905 г., когда предварительная цензура была отменена, а на весь 1905 г. и даже на 1906—1907 гг. [2]. Анализ

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 420, ед. хр. 38, л. 55.

[2] С. Арешян. Царская цензура и армянская печать в годы первой русской революции. Известия Академии наук Арм. ССР, обществ. науки, 1955, № 12, стр. 77—78.

«Волжского Листка» показывает, что борьба с цензурой была непременным условием превращения его в пропагандиста идей революционной партии. «Волжский Листок» не исключение. Об этом же пишут многие исследователи печати 1905—1907 гг. Яркие факты о цензурных гонениях на ярославскую газету «Северный край», в редакцию которой входил В. Р. Менжинский, приводит А. В. Девяткина [1]. С постоянной угрозой закрытия, как доказывает В. Ю. Самедов, приходилось считаться большевикам, проникшим в редакцию газеты «Баку» [2].

В резком противоречии с мнением С. Арешяна находится деятельность первой в Закавказье легальной большевистской газеты на армянском языке «Кавказский рабочий листок». В своей работе о ней Д. Ватейшвили показал, что даже после манифеста 17 октября газета продолжала издаваться в условиях неоднократных конфискаций и судебных преследований [3].

Документы цензорского фонда, особенно годовые отчеты [4], дают дополнительный материал для показа борьбы «Волжского Листка» с черносотенными казанскими изданиями (газетами «Казанский телеграф», «Русь православная», журналом «Деятель»). Они подчеркивают победу «Волжского Листка» [5]. Однако, мы не можем согласиться с тем преднамеренно однобоким и превратным объяснением влияния «Волжского Листка», причину которого цензор усматривал в его «лучших литературных силах» [6]. Не отрицая этого (что также в значительной степени было заслугой сотрудников-большевиков), мы видим основную причину в идейной направленности газеты.

Документы сыскно-следственных учреждений являются одним из главных источников при воссоздании истории подпольных типографий.

В фондах Департамента Полиции и Казанского Губернского Жандармского управления отложились сведения о всех четырех типографиях, работавших с конца 1904 г. до начала 1906 г. Во внешне бесстрастных, написанных в казенной трафаретной ма-

---

[1] Она пишет, что обычно номер приходилось делать дважды, так как цензор вычеркивал до $^1/_3$ материала, что «газетные полосы возвращались от цензора» в окровавленном виде». А. В. Девяткина. Большевики в редакции «Северного края» (1904—1905 гг.). Краеведческие записки Ярославского обл. музея. Выпуск второй, Ярославль, 1957, стр. 170, 175.

[2] В. Ю. Самедов. Использование легальной газеты «Баку» большевиками в 1905 году. Труды института истории партии при ЦК КП Азербайджана, 1962, № 26, стр. 151.

[3] Д. Ватейшвили. Кавказский союзный комитет РСДРП — организатор и руководитель «Кавказского рабочего листка». Сб. Из истории местной большевистской печати. М., Госполитиздат, 1961, стр. 142—150.

[4] В них содержатся также необходимые при изучении печати сводные данные о материальном положении казанских газет и журналов, их издателях и редакторах, тиражах (и их изменениях) и др.

[5] В этом случае нельзя пройти мимо признания такого тенденциозного автора, как М. Н. Пинегин.

[6] ЦГА ТАССР, ф. 420, ед. хр. 38, л. 55.

нере секретных донесениях, протоколах, сведениях о «подозрительных» лицах отразился накал борьбы целого аппарата жандармов с героями-подпольщиками. Исход борьбы и определил в конечном счете полноту сведений о каждой из типографий.

Самыми ценными для историка являются материалы о главной типографии, разгромленной 30 ноября 1905 г. (в доме Беловой на Первой горе) и организованной на смену ей в апреле 1906 г. новой типографии (в доме Шамраевской на Поповой горе).

Детальное описание оборудования (по делу главной типографии, например, опись вещественных доказательств состоит из 113 пунктов) важно потому, что исходя из него (как и перечня отпечатанных изданий), можно судить об объеме работы каждой из типографий. Эти сведения дают возможность считать, что типография в доме Беловой выполняла основную часть издательской работы комитета. Они позволяют также решить остававшийся неясным вопрос — где печаталась газета «Рабочий». Вещественные доказательства выявляют и другую важную роль большой типографии, как своеобразной лаборатории по выделке подложных паспортов и печатей.

Жандармские материалы содержат ценные сведения об организационной стороне дела — распределении обязанностей между работниками типографии, связи последних с комитетом, характеризуют образ жизни подпольщиков. Они позволяют сделать вывод, что казанские большевики придавали большое значение специализации революционеров в области «техники». Это подтверждается тем, что работники большой типографии и типографии 1906 г. были печатниками по профессии, а часть из них (А. А. Мунгалов, П. Я. Рябиков, П. М. Рябов) приехали в Казань, имея опыт подпольной работы. Это, с одной стороны, показывает связь и координацию в работе Центрального комитета РСДРП и партийных организаций на местах (казанской в том числе), с другой, наталкивает на поиски новых сведений об этой связи.

Работу Казанского комитета РСДРП по распространению литературы материалы сыска и следствия характеризуют едва ли не наиболее подробно, по сравнению с другими источниками. Значительная часть фондов Департамента Полиции, Казанского Жандармского Управления, Казанской Судебной Палаты составляют дела по обвинению в распространении большевистских газет и листовок. Заметим, что удельный вес подобных сведений по группам эсеров и меньшевиков более чем скромен. Это подчеркивалось и в отчетах Жандармского Управления «О состоянии революционного движения по Казанской губернии». Главная ценность свидетельств правительственных органов заключается в подробности информации: в донесениях указывается обычно фамилия арестованного, дата, место и условия задержания, перечень наименова-

ний и общее количество найденных у него запрещенных изданий [1].

Особый интерес представляют те страницы дел Судебной палаты, которые посвящены легальной большевистской газете «Новая Жизнь». Они не только расширяют представления о местных центрах продажи этой газеты [2], но и свидетельствуют о распространении запрещенных номеров ее [3].

Однако, документы, отнесенные нами к четвертой группе источников, не содержат данных, раскрывающих принципы, на которых была построена работа по распространению литературы. Характерно, что даже когда арестовывались хранители складов и руководители групп разносчиков, это не приводило к расшифровке принципов устройства этой работы.

При работе с документами мы придавали особое значение проверке их достоверности через взаимное сопоставление. Например, участие Е. И. Зарницына в распространении литературы доказывается: 1) объявлением в газете «Рабочий» об его аресте и изъятии при обыске 300 экземпляров «Рабочего»; 2) донесением в Департамент Полиции об остоятельствах ареста Е. И. Зарницына 7 июля 1905 г. и списком взятой у него литературы; 3) воспоминаниями Е. И. Зарницына и А. М. Комлевой об устройстве складов для хранения литературы, составе и районе действия возглавлявшейся Е. И. Зарницыным группы распространителей.

Только комплексное изучение источников всех групп позволяет объективно и полно раскрыть тему. В самом деле, если страницы «Волжского Листка» позволяют судить о том, как пропагандировали через нее большевики вопросы стратегии и тактики, то мемуары называют имена сотрудников редакции — членов комитета РСДРП, а документы правительственного лагеря характеризуют обстановку гонений и напряженную борьбу редакции с цензурой. Так, источники каждой группы вносят свой вклад в решение вопроса об использовании казанскими большевиками легальной печати. (Рамки статьи не позволяют проиллюстрировать эту мысль по другим аспектам темы).

Таким образом, учет специфики источника, проверка его достоверности, параллельное изучение разнообразных источников позволяют раскрыть наиболее важные вопросы, показывающие роль и место печати казанских большевиков в революции 1905—1907 гг.

---

[1] Естественно, что например, мемуарные источники зачастую не могут дать исследователю таких данных.

[2] Документы позволяют прибавить к известной конторе — в редакции газеты «Волжский Листок» (она указана на страницах «Новой Жизни») еще два источника ее распространения — контору «Новой Жизни», возглавлявшуюся Е. Д. Титовой, и книжный магазин Дубровиных. ЦГА ТАССР, ф. 1, ед. хр. 1624, л. 144.

[3] Так, только по сведениям полицмейстера от 9 декабря 1905 г. в Казани было обнаружено 38 экземпляров подвергшегося аресту номера «Новой Жизни» от 2 декабря 1905 г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВОЛЖСКОГО СУДОХОДСТВА В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л. Н. Фурер

Важнейшие вопросы развития капитализма в России были поставлены и изучены В. И. Лениным. В своих трудах он исследует эту тему, начиная от первоначального накопления и технического переворота в отдельных отраслях материального производства и кончая формированием буржуазии и пролетариата, перерастанием капитализма в свою высшую, последнюю стадию — империализм. Значительное место в произведениях Владимира Ильича занимают проблемы транспорта и в частности волжского судоходства. Отмечая, что все отрасли хозяйства, в той или иной степени, зависят от транспорта, В. И. Ленин показал место и роль речного транспорта в системе народного хозяйства.

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин специально рассмотрел роль судоходства в образовании внутреннего рынка. Он анализирует количество пароходов и непаровых судов, их грузоподъемность, стоимость, количество служащих на них; объем и стоимость перевозок за период с 1868 по 1895 годы. Владимир Ильич подчеркивал: «Капитализм и здесь требует существования массы людей, всегда нуждающихся в работе и готовых по первому требованию взяться за нее, как бы непостоянная ни была эта работа»[1]. Особо останавливается В. И. Ленин на перевозках водным транспортом лесных строительных материалов и дров[2].

Еще в 1901 г. в статье «Уроки кризиса» он указал, что волжское судоходство является составной частью монополистических объединений, например, в «Товариществе нефтяного производства бр. Нобель»[3].

Таким образом, В. И. Ленин проанализировал в связи с общей проблемой развития капитализма в России и ряд существенных вопросов истории судоходства.

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 554—555.
[2] В. И. Ленин. ППС, т. 3, стр. 526.
[3] Там же, т. 5, стр. 83—84.

О Волге и волжском судоходстве существует большая и разнообразная литература. Один из исследователей отмечал, что «Волга описана, переписана и все-таки не дописана множеством специалистов»[1]. С тех пор прошло свыше 100 лет, перечень опубликованных по истории волжского судоходства работ включает около 300 названий, но изучение темы продолжается.

Какие же вопросы привлекали внимание дореволюционных историков? Труд бурлаков, механизация водного транспорта, развитие перевозок, положение судорабочих — таков в основном круг проблем, которые разрабатывались дворянскими и буржуазными историками. Они стремились затушевать эксплуататорские отношения на транспортных предприятиях, старались показать «заслуги» пароходных акционерных обществ, их прогрессивную и «культурно-цивилизаторскую» роль.

Одной из наиболее ранних статей было «Исследование о бурлаках» И. Вернадского[2]. Автор, чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел, по предписанию министра собрал чрезвычайно обширный и ценный фактический материал о жизни бурлаков. Эта работа является наиболее интересным опубликованным исследованием о бурлаках. И. Вернадский подробно повествует о происхождении бурлаков, их труде, занятиях зимой, взаимоотношениях с судохозяевами и т. д. Особый интерес представляет приводимый им материал о побегах бурлаков. Однако освещение ряда вопросов дается исследователем с ярко выраженных дворянских позиций. Так, говоря о побегах бурлаков, он считает, «что неусыпное преследование беглецов и немедленная высылка их к нанимавшему необходимы для того, чтобы дать твердость и прочность условиям и предохранить судохозяев от лишних убытков, вредно действующих на ход торговли вообще и даже на самую плату бурлаков. Безнаказанность виновных в нарушении договора есть истинное зло, ничем невознаградимое как в хозяйственном, так и в нравственном отношении»[3]. (Очевидно, что такая характеристика носит односторонний характер и дать ее мог защитник интересов правящих кругов.)

Статистический материал о численности бурлаков в середине 30-х годов приводит К. И. Арсеньев[4]. Аналогичные данные для начала 50-х годов дает П. Небольсин[5]. Небольсин расска-

---

[1] Н. С. Толстой. Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии. М., 1857, стр. 118.

[2] И. Вернадский. Исследование о бурлаках. «Журнал министерства внутренних дел», 1857, ч. 23, кн. 4, стр. 71—118; ч. 24, кн. 5, стр. 1—42.

[3] Там же, ч. 24, кн. 5, стр. 33.

[4] К. И. Арсеньев. Гидрографическое обозрение России. «Журнал министерства внутренних дел», 1836, ч. 19, стр. 26—39.

[5] П. Небольсин. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. «Вестник импер. русского географического общества», 1852, т. 4, стр. 112—113.

зывает также об условиях работы бурлаков [1]. Ряд интересных сведений о составе бурлаков, в том числе и национальном, в начале 60-х годов содержится в статье И. П. Корнилова [2]. Ф. Г. Тернер осветил вопрос об условиях оплаты бурлаков [3]. О тяжелых условиях их труда писали М. Прокофьев, Я. Криживоблоцкий и др. авторы [4]. В то же время Я. Криживоблоцкий обрушивается на «распущенность» и «невоздержанность» бурлаков [5]. Различные формы обмана бурлаков судохозяевами выяснил И. Ф. Барковский [6]. М. Прокофьев показал полную зависимость бурлаков от хозяина [7]. И. Барковский и М. Прокофьев пытались проанализировать причины упадка бурлачества [8].

Одной из значительных работ, посвященных бурлачеству, является книга Н. Боголюбова «История корабля» [9]. Автор освещает условия работы и жизни бурлаков, жульнические махинации, на которые пускаются судовладельцы, чтобы обмануть бурлаков. Он признает, что жизнь бурлака «невесела, тяжела», называет бурлачество «тупоумным промыслом», пишет о том, что после путины бурлак вынужден побираться «христа ради» [10]. Однако классовая ограниченность не позволяет автору вскрыть действительные причины ухода крестьян в бурлаки [11]. Исследователь видит в бурлаке только «первого задиру, первого нарушителя тишины и порядка, буяна и вора» [12]. Н. Боголюбов желает возвратить часть бурлаков в деревню, т. к. мол там меньше «соблазна и поводов к распущенности» [13]. Автор занимает резко выраженную шовинистическую позицию, с презрением относится к татарскому и другим нерусским народам Поволжья.

Чрезвычайно богатый материал о судоходстве на Волге и в частности о бурлачестве содержится в мемуарной записке выдающегося русского транспортного деятеля П. П. Мельникова. Записка под названием «Сведения о русских железных доро-

[1] П. Небольсин. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. «Вестник импер. русского географического общества», 1852, т. 4, стр. 108.

[2] И. П. Корнилов. Волжские бурлаки, «Морской сборник», 1862, № 7, стр. 7—8.

[3] Ф. Г. Тернер. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благостояния. СПБ., 1860, стр. 307.

[4] М. Прокофьев. Судоходство и пароходство по рекам Волге, Оке, Каме, Шексне и Свири. Вып. 1, СПБ., 1869, стр. 34, 65; Я. Криживоблоцкий. Материалы для географии и статистики России. Костромская губерния. СПБ., 1861, стр. 406, 409.

[5] Я. Криживоблоцкий. Указ. соч., стр. 409.

[6] И. Ф. Барковский. Пути и способы перевозки грузов с низовых пристаней реки Волги к С. Петербургу. СПБ., 1870, т. I, стр. 41.

[7] М. Прокофьев. Указ. соч., стр. 110.

[8] И. Ф. Барковский. Указ. соч., стр. 5; М. Прокофьев. Указ. соч., стр. 13.

[9] П. Боголюбов. История корабля, т. I, М., 1879, стр. 354; т. II, М., 1880, стр. 670.

[10] Н. Боголюбов. Указ. соч., т. II, стр. 660.

[11] Н. Боголюбов. История корабля. т. II, М., 1880, стр. 660.

[12] Там же, стр. 660.

[13] Там же, стр. 660—661.

гах» была составлена в 1871 году, и часть ее «Поездка на Волгу» опубликована в журнале «Красный архив»[1]. Содержание записки основано на воспоминаниях П. П. Мельникова о поездке по Волге в 1841 г. П. П. Мельников приводит материал об условиях судоходства, объеме перевозок, видах судов, способах их передвижения, о тяжелом труде бурлаков и их количестве. Автор критикует деятельность судоходного начальства, говорит о преимуществе пароходов перед другими видами тяги и о противниках введения пароходства[2]. Сообщаются сведения об истории акционерных обществ «По Волге» и «Меркурий» (в организации последнего автор принимал непосредственное участие). Однако известная ограниченность взглядов Мельникова, проявившаяся в характеристике деятельности пароходных обществ, помешала ему правильно оценить положение бурлаков. Так он пишет, что «жизнь в многочисленных артелях развивает порочные наклонности к пьянству, к карточной игре и тому подобное, так что бурлаки волжские слывут своей безнравственностью, и что хорошие помещики, пользуясь еще крепостным правом, строго запрещали своим крестьянам наниматься на суда»[3].

С иных, революционных позиций писал о бурлаках декабрист А. Бороздин. Он был сторонником ликвидации тяжелого труда бурлаков и требовал «уничтожения постыдного для человечества хода судов людьми на лямках»[4]. Н. А. Некрасов, после разговора с Н. Г. Чернышевским о впечатлениях своего прошлого, пишет стихотворение «На Волге» (детство Валежникова), где дает яркую картину рабского труда бурлаков[5].

Не меньшее внимание исследователи уделили и механизации водного транспорта.

Интересный материал о строительстве пароходов содержится в малоизвестной статье Людвига Нобеля «О медленности развития механической промышленности в России»[6]. Один из видных заводчиков Петербурга и крупный акционер различных пароходных обществ Л. Нобель пытается выяснить причины отставания механической промышленности. Статья написана с ярко выраженных буржуазных позиций. Главное препятствие медленного развития русской машиностроительной промышленности автор видит в тарифной политике царского правительства (которое разрешало беспошлинно ввозить машины и облагало

---

[1] П. П. Мельников. Поездка на Волгу. «Красный архив», т. 4—5 (89—90), 1938, стр. 313—335.

[2] Там же, стр. 321.

[3] П. П. Мельников. Поездка на Волгу. «Красный архив», т. 4—5 (89—90), 1938, стр. 317.

[4] А. Бороздин. Из писем-показаний декабристов, стр. 147, цит. по работе В. С. Виргинского. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949, стр. 50.

[5] А. Н. Пыпин. «Н. А. Некрасов». т. II, 1905, стр. 257.

[6] Людвиг Нобель. О медленности развития механической промышленности в России. «Журнал для акционеров», 1860, № 121.

высоким денежным сбором иностранный металл), а не в крепостном праве [1]. Правда, формирование квалифицированных кадров для пароходства он связывает с необходимостью отмены крепостного права.

Определенный историографический интерес для изучения экономической жизни Поволжья представляют «Нижегородские сборники», издаваемые Нижегородским губернским статистическим комитетом, выходившие с 1867 г. в Н. Новгороде под редакцией А. С. Гациского. Статьи, помещенные в сборниках, дают материал о первых пароходах на Волге и их строителях. В сборниках освещались вопросы, связанные с началом развития пароходства, значительно правильнее, чем работы многих позднейших авторов. Наибольшую ценность представляют работы А. И.-ва «О пароходстве на Волге и ее притоках» [2], «О пароходах, построенных на Пожевском заводе в 1817 году» [3].

В уже упоминаемой нами книге Н. Боголюбова «История корабля» подробно рассматривается развитие судостроения и судоходства у всех прибрежных народов с древнейших времен до конца 70-х годов XIX века [4]. Вместе с тем, в работе имеются фактические ошибки. Так, автор приписывает изобретение коноводной машины иностранцу Пуадебарду [5]. Действительным же изобретателем ее был русский механик Сутырин. Допускаются неточности в количестве пароходов, плававших по Волге, и т. д. [6].

В 1887 г. Н. А. Богуславский издал исследование «Волга как путь сообщения», широко использовав данные, добытые изысканиями Волжской описной партии» [7]. Работа содержит существенный материал о механизации водного транспорта. Однако в ней имеется ряд ошибочных фактов и положений. Так, автор относит появление первого парохода только к 1820 г. и считает, что развитию пароходства мешала, главным образом, некультурность народных масс.

Ценные сведения о замене коноводной тяги пароходами приводит М. Прокофьев в брошюре «Судоходство и пароходство по рекам Волге, Оке, Каме, Шексне и Свири» [8].

---

[1] Людвиг Нобель. О медленности развития механической промышленности в России. «Журнал для акционеров», 1860, № 121.

[2] «Нижегородский сборник», т. III. Н. Новгород, 1870.

[3] «Нижегородский сборник», т. IV, Н. Новгород, 1871, стр. 337—342.

[4] Н. Боголюбов. История корабля, т. I. М., 1879, стр. 354; т. II, М., 1880, стр. 670.

[5] Н. Боголюбов. Указ. соч., т. II, стр. 660.

[6] Н. Боголюбов. История корабля, т. II, М., 1880, стр. 652.

[7] Н. А. Богуславский. Волга как путь сообщения. СПБ., 1887, стр. 82.

[8] М. Прокофьев. Судоходство и пароходство по рекам Волге, Оке, Каме, Шексне и Свири. Вып. 1, СПБ., 1869, стр. 68; вып. 2, СПБ., 1870, стр. 183.

Многие авторы неоднократно отмечали, что развитие пароходства (в противоположность железнодорожному строительству) проходило без сколько-нибудь существенной финансовой помощи со стороны царского правительства [1].

В целом же в трудах дореволюционных историков преимущественно освещались технические вопросы механизации водного транспорта.

Буржуазная историческая литература определенное внимание уделяла и экономике транспорта, особенно перевозке грузов. В этом отношении большой интерес представляют «Труды экспедиции, снаряженной вольным экономическим и русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и производительности в России», начавшие выходить с 1870 года. Одним из наиболее ценных иследований, помещенных в «Трудах», была статья И. Ф. Борковского «Пути и способы перевозки грузов с низовых пристаней реки Волги к С. Петербургу», написанная в 1868 году [2]. Автор характеризует Верхневолжский район, как транзитный при перевозке хлеба с Нижней Волги к Петербургу, отмечает условия и способы доставки хлеба, сообщает сведения о грузоподъемности пароходов, кабестанов и коноводных «машин», приводит материал об изменении фрахтовых цен и стоимости погрузки. Другое исследование И. Борковского, относящееся к 1867—1871 годам, «Торговое движение по волжско-мариинскому водному пути» больше внимания уделяет Средней Волге [3]. Красочные схемы, приводимые автором, дают наглядное представление о характере грузопотоков на Волге. Обе работы носят, в основном, статистический и описательный характер. Непропорционально много внимания уделяется верхнему течению Волги и Мариинскому водному пути. Верховье Волги и Оки (в трудах этой же экспедиции) было описано М. Раевским [4].

К. Э. Ласский, Н. Н. Овсянников, И. Ф. Борковский и др. исследователи рассматривали влияние железнодорожного стро-

---

[1] П. Евреинов. Буксирное пароходство по рр. Волге и Каме. СПБ., 1878, стр. 19; Верхнее Поволжье от Ярославля до Нижнего Новгорода и волжское судоходство. Под редакцией Н. Н. Бехтерева. Казанский округ путей сообщения. СПБ., 1915, стр. 100.

[2] И. Ф. Борковский. Путь и способы перевозки грузов с низовых пристаней реки Волги к С. Петербургу (1868). «Труды экспедиции, снаряженной импер. вольно-экономическим и русским географическим обществом для исследования хлебной торговли и производительности в России», т. I, СПБ., 1870, стр. 70.

[3] И. Ф. Борковский. Торговое движение по волжско-мариинскому водному пути. «Труды...», т. IV, вып. 2, СПБ., 1874, стр. 44.

[4] М. Раевский. Западный район экспедиции по изучению хлебной торговли и производительности в России. «Труды...», т. IV, вып. 1, ч. 1, СПБ., стр. 90.

ительства на перевозки по Волге [1]. Причины снижения фрахтовых цен пытался выяснить С. Шарапов [2].

В книге офицера генерального штаба М. Лаптева содержится материал о влиянии судоходства на экономику Казанской губернии [3]. Кроме того, он дает также описание различных типов непаровых судов, говорит об условиях судоходства, истреблении лесов, замене бурлацкой тяги машинами, количестве грузов, судов, судорабочих, их зарплате, несчастных случаях с судорабочими.

У некоторых современников вызвало возражение утверждение М. Лаптева, что с развитием пароходства складочным местом для сибирских товаров сделалась Пермь, вместо Казани [4]. Один из них писал: «Книга г. Лаптева о Казанской губернии вышла в 1861 г., в то время, когда волжское пароходство находилось на значительной степени развития; почему же спрашивается, только тогда, а не ранее, как следовало ожидать, начало выказывается такое влияние пароходства? Пароходы ходили до 1861 г., но прежде сибирские товары отправлялись на Казань, которая служила для них складочным пунктом, почему же с этого времени в торговом движении на Волге возникает перемена? Лаптев не разрешает этих вопросов. Высказанное им мнение об уменьшении размеров казанской торговли принадлежит к числу голословных и ничем не доказанных мнений» [5]. Возражения Н. Н. Овсянникова представляются нам убедительными, т. к. документальные источники не подтверждают мнение М. Лаптева. Однако тот же Н. Н. Овсянников считает, что по другим вопросам сведения, сообщаемые М. Лаптевым, отличаются достоверностью и более близки к истине, чем официальные данные Казанского округа путей сообщения [6].

Вместе с тем, несмотря на ряд серьезных исследований и правильных выводов, сделанных буржуазными учеными в конце XIX и начале XX вв., изучение экономики водного транспорта находилось еще в зачаточном состоянии.

Не могло не привлечь внимания историков и положение транспортного пролетариата.

---

[1] К. Э. Ласский. О значении реки Волги. Н. Новгород. 1896, стр. 21; Н. Н. Овсянников. Об отношении Сибирского транзита к Нижегородской ярмарке. «Нижегородский сборник», т. IV, Н. Новгород, 1871, стр. 49—102; И. Ф. Борковский. Пути и способы перевозки грузов с низовых пристаней реки Волги к С. Петербургу. СПБ., 1870, стр. 63.

[2] С. Шарапов. Падающее дело. «Русский вестник», 1869, т. 245, стр. 130.

[3] М. Лаптев. Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния. СПБ., 1861, стр. 613.

[4] Там же, стр. 404.

[5] Н. Н. Овсянников. Об отношении Сибирского транзита к Нижегородской ярмарке. «Нижегородский сборник», т. IV, Н. Новгород, 1871, стр. 23.

[6] Там же, стр. 27.

Существенный материал о положении судорабочих приводит М. Прокофьев в брошюре «Судоходство и пароходство по рекам Волге, Оке, Каме, Шексне и Свири» [1]. Автор, выражая интересы либеральной буржуазии, критикует отдельные стороны деятельности администрации (взяточничество, бюрократизм), но заявляет, что «идеал наш не может быть сходен с идеалом социалистов» [2]. Он резко нападает на социалистов и редакцию «Современника», на Некрасова, Шелгунова, Флеровского, Чернышевского. Что же касается тяжелого положения судорабочих, то М. Прокофьев пишет: «Когда улучшится судоходное дело, когда оно будет свободно от рутины, тогда и положение рабочего класса улучшится само собою» [3]. Ограниченность такого утверждения очевидна. В целом же, несмотря на реакционность отдельных высказываний автора, богатый фактический материал, приводимый в работе, дает возможность выяснить ряд интересных моментов из жизни волжского пролетариата.

Вышедшая в 1894 году книга Г. П. Сазонова «Ростовщичество-кулачество» написана на основании наблюдений и исследований автора, сделанных им в 1880—1882 годах [4]. Исследователь описывает тяжелый труд артелей грузчиков, нищенскую оплату их труда, полную зависимость от подрядчиков, кулака. «Кулак ловко опутывает сетями народ и чем дальше, тем жертв его прожорливости становится все больше и больше», — писал Г. П. Сазонов [5]. Автор излагает материал с народнических позиций — несмотря на всю очевидность развития капитализма, он утверждает, что капиталистический строй у нас невозможен [6].

Во время революционного подъема начала XX в. и первой русской революции появился ряд статей, написанных работниками врачебно-санитарного надзора на путях сообщения. Целью этих работ было «исследование различных сторон жизни на судах для определения сторон, заслуживающих наибольшего внимания, для определения главных пунктов деятельности врачей и других подробностей, необходимых для правильной постановки дела [7]. Однако значение «Материалов для изучения санитарного состояния водных путей» оказалось значительно шире.

---

[1] М. Прокофьев. Судоходство и пароходство по рекам Волге, Оке, Каме, Шексне и Свири. Вып. 1, СПБ., 1869, стр. 68; вып. 2, СПБ., 1870, стр. 183.

[2] М. Прокофьев. Указ. соч., вып. 2-й, СПБ., 1870, стр. 13.

[3] Там же, стр. 1.

[4] Г. П. Сазонов. Ростовщичество-кулачество. Наблюдения и исследования. СПБ., 1894, стр. 221.

[5] Там же, стр. 33.

[6] Там же, стр. 86.

[7] А. Десятов. Врачебно-санитарный надзор на внутренних водных путях. Материалы для изучения санитарного состояния внутренних водных путей. Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора на рр. Волге и Каме и по Мариинской системе за 1902 год. СПБ., 1902, стр. 4.

Они показали тяжелейшее положение транспортного пролетариата.

Из этой серии статей наибольший интерес представляют труды врача А. Ф. Никитина. Он рисует «ужасные для здоровья и жизни человека условия работы грузчиков» и различных категорий судорабочих [1]. В другой статье автор показывает, как из-за «экономии» хозяев возникают болезни и эпидемии [2]. Об ужасных жилищных условиях речников писал и врач А. Десятов [3]. О невыносимо тяжелой работе машинной команды рассказал В. Строганов [4]. Врач А. В. Чириков, анализируя санитарное состояние непаровых судов бассейна р. Волги, пришел к выводу, что питание «решительно не отвечает количеству труда, затрачиваемого матросом на исполнение тяжелой работы» [5].

Однако вышеперечисленные исследования, а также другие статьи из этой серии, обстоятельно показывая тяжелые условия труда и жизни речников, обвиняли в них не существующий эксплуататорский строй, а лишь отдельных капиталистов.

Таков в основном круг проблем, которые привлекали внимание дореволюционной историографии волжского судоходства. В 90-е годы в предисловии к одной работе отмечалось: «Кормилица Волга с находящимися по ее берегам городами и селениями, ради их прошлого и настоящего, возбуждает общий, год от году возрастающий, интерес. Надобно думать, что в недалеком будущем поволжский край дождется и своего историка и своего географа, а покуда работы по изучению этой местности будут ограничиваться собиранием и накоплением необходимых материалов» [6].

Итак, до Великой Октябрьской социалистической революции были написаны работы, освещающие, главным образом, частные вопросы истории волжского судоходства. Круг источников ограничивался личными наблюдениями авторов, периодическими и статистическими изданиями. Во многих исследованиях отсутствовала критика источника. Материал большей частью излагался в духе умеренно-либеральной тенденции. В силу ошибочной методологии многие важные вопросы не только не разрабатывались, но даже и не ставились. Труды дореволю-

---

[1] А. Ф. Никитин. Очерк санитарно-экономического положения грузчиков на Волге. СПБ., 1904, стр. 69.

[2] А. Десятов. Опыт деятельности врачебно-санитарного надзора. «Материалы для изучения санитарного состояния внутренних водных путей». СПБ., 1903.

[3] Там же, стр. 11.

[4] В. Строганов. Отчет о деятельности санитарного врача Рыбинского участка за 1902 год. Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора. Т. V., СПБ., 1902.

[5] А. В. Чириков. Санитарное состояние непаровых судов бассейна р. Волги. «Сборник докладов...», СПБ., стр. 144.

[6] Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань, 1892.

ционных историков, как правило, рассматривали историю судоходства вне связи с общим развитием капиталистических отношений. Однако, несмотря на существенные недостатки, дореволюционная литература по истории водного транспорта объективно способствовала изучению проблемы развития капитализма в России.

* *
*

В советской литературе освещение истории волжского судоходства можно разделить примерно на три этапа: 1) с начала 20-х годов до середины 30-х годов; 2) с середины 30-х гг. до XX съезда КПСС; 3) с 1956 года по настоящее время. Эти три периода в основном совпадают с общими этапами развития советской исторической науки.

После Великой Октябрьской революции увеличивается, расширяется круг вопросов, разрабатываемых советскими учеными. Историки стремятся создать обобщающие работы о волжском судоходстве. Изменяется методология и проблематика исследований. Высказываются мнения о необходимости изучения истории волжского пролетариата, промышленного переворота на водном транспорте, влияния судоходства на развитие капитализма в Поволжье и других важных вопросов истории волжского транспорта.

С революционных, марксистских позиций подошел к изучению истории речного судоходства выдающийся советский ученый М. Н. Покровский. Уже в 1921 году он указал на настоятельную необходимость систематического изучения истории пролетариата торгового транспорта [1]. Однако неотработанность некоторых отдельных элементов в целом правильной схемы русской истории, созданной М. Н. Покровским, которая неизбежна в начальном этапе ее становления, сказывалась и на высказывании его о бурлаках [2]. Так, он считал бурлака «самым старым образчиком эксплуатируемого рабочего в России», «жертвой еще торгового капитала», рассматривая бурлака не как феодально зависимого крестьянина, а как рабочего эпохи промышленного капитализма, «жертву капиталистической эксплуатации» [3].

Специальную работу бурлакам посвятил Ю. Гессен. Его сравнительно небольшое исследование «Бурлаки в первой половине 19 века» написано в значительной степени по архивным

[1] М. Н. Покровский, Н. А. Некрасов. «Правда», 6 декабря 1921 года.

[2] См. А. С. Бейлис, В. Ф. Инкин, В. Н. Кужик. «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. II. Рец. «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 131.

[3] М. Н. Покровский, Н. А. Некрасов. «Правда», 6 декабря 1921 года.

источникам [1]. Автор показывает, откуда приходили бурлаки на Волгу, отмечает известный избыток бурлаков на волжских пристанях. Однако с некоторыми его положениями нельзя согласиться. Так, Ю. Гессен пишет: «...в кабачках и в крайне тяжелой работе формировался тот духовный их облик, который позволял бурлака отождествлять с грубым человеком, для которого нет ничего святого, с буяном, драчуном» [2]. В односторонности этого высказывания определенно чувствуется влияние дворянских и буржуазных историков. Говоря о побегах бурлаков, исследователь не делает соответствующих обобщений. Побеги бурлаков не только «влекли за собой материальный ущерб для судохозяев, замедляли движение судов»[3], что особенно подчеркивали и дворянско-буржуазные авторы, видя в побегах «препятствие для судоходства», но были составной частью общей борьбы крестьянских масс против феодально-крепостнических порядков.

Неправильно также утверждение Ю. Гессена, что бурлаки «оставались в тяжелой экономической зависимости от судохозяев, приближавшейся к рабству» [4]. И. Вернадский и другие авторы отмечали, что в середине 50-х годов кабальная зависимость бурлаков от судохозяев была уже чрезвычайно редким явлением [5]. Название работы значительно шире ее содержания, т. к. автор освещает лишь некоторые вопросы, связанные с жизнью бурлаков, и хронологически охватывает период только до конца 30-х годов XIX века.

Раздел о бурлаках (стр. 257—310) в монографии И. А. Шубина носит во многом этнографический характер [6]. Автор не понимает, что характеристика бурлаков, которые он в изобилии приводит в книге, давались, как правило, их классовыми противниками и требуют к себе критического отношения. Шубин характеризует бурлаков лишь как «темных и некультурных людей, нередко с участием определенно преступного элемента», среди которых царит настроение «грубости, бесшабашности, разгула и злобы» [7].

Н. Дубилет и А. Пак в книге «Кама» рассказывают о восстании крепостных и бурлаков на Иньве в 1861 году [8]. Однако

---

[1] Ю л. Г е с с е н. Бурлаки в первой половине 19-го века. «Архив истории труда в России», кн. 2, Петроград, 1921, стр. 25—36.

[2] Там же, кн. 2, Петроград, 1921, стр. 25.

[3] Там же, стр. 31.

[4] Там же, стр. 36.

[5] И. В е р н а д с к и й. Указ. соч., «Журнал министерства внутренних дел», 1857, кн. 5, ч. 24, стр. 4.

[6] И. А. Ш у б и н. Волга и волжское судоходство. М., Транспечать, НКПС, 1927, стр. 908.

[7] И. А. Ш у б и н. «Волга и волжское судоходство». М., Транспечать, НКПС, 1927, стр. 302.

[8] Н. Д у б и л е т и А. П а к. Кама. Пермь, 1950, стр. 110.

с утверждением авторов, что этот «бунт принял массовый и организованный характер (подчеркнуто нами — Л. Ф.) согласиться нельзя[1]. Как убедительно показала С. Свирская, «Караванный бунт» был стихийным выступлением крепостного крестьянства[2].

С. А. Архангельский в работе «Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области» в главе «Начало промышленного переворота в Нижнем Новгороде и его областей» (стр. 141—176) выясняет ряд вопросов из истории волжского судоходства[3]. Исследователь отмечает, что «вольность найма судорабочих была в очень значительной степени условной»[4]. Но утверждение, что «господствовавшее в стране крепостное право распространилось и на эту область и вольные рабочие деградировали до положения крепостных[5], а также что «судорабочий, отказавшийся от работы, приравнивался к крепостному, осмелившемуся нарушить барскую волю»[6], не подтверждается источниками. Доводы в обоснование этого положения неубедительны[7].

Вызывает возражение и утверждение автора, что «официальное оформление перехода к паровому транспорту на Волге и Оке было связано грандиозным кризисом бурлачества в 40—50-х годах прошлого века»[8]. Источники свидетельствуют об упадке бурлачества, но не о грандиозном кризисе. Бурлачество продолжает играть значительную роль до середины 60-х годов[9]. Характеристика отношений судорабочих к пароходам носит в работе односторонний характер. Архангельский отмечает только их резко отрицательное отношение к новому виду транспорта, хотя имеются и диаметрально противоположные высказывания современников[10]. Автор не прав, утверждая, что паровой транспорт был дешевле непарового уже в начале 50-х годов (стр. 148). В действительности фрахтовые цены на пароходах были выше, чем на непаровых судах, но быстрота и

---

[1] Н. Дубилет и А. Пак, Кама. Пермь, 1950, стр. 28.

[2] В. Свирская. «Караванный бунт». «Вопросы истории», 1950, № 3—4, стр. 118—122.

[3] С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Горьковское обл. гос. издательство, 1950, стр. 319.

[4] Там же, стр. 150.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 153.

[7] См. Ю. З. Полевой, Н. И. Павленко, С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области. «Вопросы истории», 1950, № 3—4, стр. 123—126.

[8] С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 149.

[9] С другой стороны А. А. Митаишвили преувеличивает роль бурлацкого труда в 80-е годы XIX в. См. А. А. Митаишвили. Внутренний водный транспорт СССР и пути повышения его экономичности. Изд. «Речной транспорт», М., 1957, стр. 161.

[10] «Промышленность», т. III, М., 1861, стр. 113.

сравнительная безопасность доставки товаров обеспечивали пароходам полную загрузку. В целом вышеназванная глава, несмотря на ряд верных наблюдений и выводов, имеет недостатки, снижающие ее научную ценность.

Несмотря на обширную литературу, до сих пор у нас нет монографий о бурлаках. Изветный собиратель материалов по истории волжского судоходства Ф. Н. Родин в итоге своих наблюдений пришел в середине 20-х годов XX века к выводу, что «вопрос о волжском бурлачестве научно совершенно не разработан и ожидает как собирателей, так и исследователей» [1]. Появление отдельных работ (по этой теме) в последующие годы дало только некоторый дополнительный материал, не решив вопроса в целом [2].

Значительно глубже советские историки осветили проблему механизации водного транспорта. Наиболее капитальное исследование в этой области было написано И. А. Шубиным под названием «Волга и волжское судоходство» (история, развитие и современное состояние судоходства и судостроения) [3]. Автор рассматривает историю судоходства и судостроения на Волге с древнейших времен до 1925 года. Приводимый им чрезвычайно богатый фактический материал дает возможность ознакомиться с разнообразными моментами истории волжского судоходства. Эта работа является пока лучшей книгой о волжском судоходстве. Видный советский историк В. К. Яцунский совершенно справедливо отметил, что по истории механизации водного транспорта она представляет наибольший интерес [4].

Будучи до Октябрьской революции управляющим делами съездов судовладельцев волжского бассейна, автор был хорошо знаком с судоходством [5]. Однако, с другой стороны, тесные связи И. Шубина с судовладельцами не могли не нало-

---

[1] Н. Ф. Родин. К истории волжского бурлачества (обычное право волжского бурлачества и история кабального договора найма). «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», вып. 34, ч. IV. Саратов, 1926, стр. 70.

[2] Н. Р. Романов. Очерки по истории бурлачества в XVIII веке и первой половине XIX века. (По архивным материалам Чувашии). Научно-исслед. ИЯЛИ при Совете Министров ЧАССР. Записки. Вып. II, Чебоксары, 1949; Л. Н. Фурер. Волжское судоходство в 50-е и 60-е гг. XIX в. (к истории промышленного переворота в России). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1958; Б. А. Сутырин. Развитие речного транспорта в Камско-Чусовском бассейне в 1840—1870 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Свердловск — Пермь, 1965.

[3] И. А. Шубин. Волга и волжское судоходство. М., Транспечать НКПС, 1927, стр. 908.

В. К. Яцунский. Промышленный переворот в России. «Вопросы истории», 1952, № 12, стр. 62.

[5] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 95, оп. 18, д. 393, л. 11.

жить определенного отпечатка на его книгу. Деятельность буржуазии, в первую очередь, акционерных обществ, часто идеализируется. Автор ничего не говорит о действительных причинах образования акционерных компаний и их целях, заслуги же этих обществ отмечаются неоднократно [1]. Нельзя согласиться с Шубиным и в том, что одной из причин медленности развития пароходства на Волге была «новизна дела среди малокультурного населения» и «отношение населения к новым судам было определенно отрицательное, а нередко и резко враждебное» [2].

Широкие хронологические рамки работы не позволили Шубину осветить все затронутые вопросы с достаточной глубиной и самостоятельностью, тем более, что автор почти не использовал архивных источников. Приводится слишком много описательного и статистического материала без достаточного анализа. В работе имеются и отдельные неточности фактического характера. Так он пишет, что Выксунские заводы выпустили 8 пароходов (стр. 835). Однако эта цифра значительно преуменьшена. На основании поименного списка пароходов, приведенного в приложении к «Журналу главного управления путей сообщения и публичных зданий», можно установить, что уже к 1859 г. заводы выпустили свыше 30 пароходов [3]. Неверно датирует Шубин организацию мастерских в Спасском затоне. Он пишет, что они были основаны в 1858 г. (стр. 823). По документам общества «Кавказ и Меркурий», которому принадлежал затон, организация мастерских относится к 1852 году [4]. Начало строительства пароходов в Н. Новгороде на заводе Колчиных И. А. Шубин отодвигает к 1865 г. (стр. 812). В действительности завод был создан в 1857 г. Начальник Ярославского округа путей сообщения в 1863 г. писал, что завод «приобрел уже известность весьма хорошею постройкою нескольких пароходов» [6]. Несмотря на многочисленные недостатки, Шубину удалось поднять большой и ценный фактический материал. Монография И. А. Шубина подводила своего рода итог многолетнего изучения истории судоходства на Волге.

В 30-е — 40-е годы исследование истории волжского судоходства почти не ведется [6]. Это можно в значительной степени

---

[1] И. Шубин. Указ. соч., стр. 418, 422, 424, 438.

[2] Там же, стр. 401.

[3] «Журнал главного управления путей сообщения и публичных зданий», 1860, т. 31, кн. 5. Приложение, стр. 1—30.

[4] ЦГИАЛ, ф. 101, оп. 1, д. 678, л. 65.

[5] Там же, ф. 218, оп. 1, д. 4171, л. 34.

[6] Исключением являются воспоминания выдающегося советского исследователя и кораблестроителя А. Н. Крылова «На Волге в 1870—1880 годы», где описывается внешний вид пароходов и дается характеристика двигателей. См. «Морской сборник», 1941, № 1, стр. 69—72.

объяснить тем, что Великая Отечественная война выдвинула другие проблемы.

В конце 40-х и начале 50-х годов в советской литературе уделяется много внимания приоритету русской науки и техники. Это общее направление определенным образом отразилось и на изучении волжского судоходства. Наиболее видными представителями данного направления являются В. С. Виргинский и В. В. Данилевский.

Работа В. С. Виргинского «Начало парового судоходства в России» — очерк о борьбе за механизацию водного транспорта [1]. Широко использовав архивные материалы, автор освещает состояние транспорта в России в первой трети XIX века и первые опыты по созданию самодвижущихся судов. В. С. Виргинский уделяет большое внимание утверждению приоритета русских ученых и заслуг русского народа в развитии речного транспорта. Он показывает острую конкурентную борьбу между судовладельцами и хозяевами коноводных машин и др. Исследование В. С. Виргинского обогатило научную мысль новыми фактами и выводами.

Глава «Гужевые и водные пути сообщения в России в первой трети XIX в.» (стр. 29—49) работы В. С. Виргинского «Возникновение железных дорог в России» представляет не меньший научный интерес [2]. Книга написана на основе архивных источников и малоизвестных публикаций первой половины XIX века. Автор рассматривает гужевой транспорт и дорожное строительство, естественные и искусственные внутренние водные коммуникации, состояние судоходства на них, тяжелое положение судорабочих, изобретения русских новаторов в области судоходства. Исследователь документально подтверждает постройку в 1816 году на Пожевском заводе В. А. Всеволжского первых пароходов для Волги. Чрезвычайно интересен раздел «Русская общественность о необходимости борьбы с транспортной отсталостью», особенно ценен материал о П. П. Мельникове. К сожалению, ряд важных документов остался вне поля зрения автора. Так, В. С. Виргинский, освещая борьбу П. П. Мельникова с транспортной отсталостью, не привлек его записки от 1841 года. Эта записка рассматривалась в 1841 г. комиссией проектов и смет, а затем через 2 года специальным комитетом «для рассмотрения предположений о введении на судоходных путях России буксирных пароходов» [3]. В целом же труды В. С. Виргинского, посвященные

[1] В. С. Виргинский. Начало парового судоходства в России. (Из истории русской транспортной техники до 40-х годов прошлого века). М., 1948, стр. 46.

[2] В. С. Виргинский. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949, стр. 272.

[3] В записке П. П. Мельников обосновал необходимость введения пароходов в России, предложил план их постройки и эксплуатации. ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 5, д. 1490, л. 27—31.

водному транспорту, являются самостоятельными научными исследованиями, в которых автор заново поставил ряд вопросов с точки зрения марксистско-ленинского учения.

В 1948 г. вышла книга известного советского журналиста Г. Кублицкого «Великая речная держава» [1], в 1952 г. появилось ее второе, переработанное издание [2]. Автор поставил задачу собрать материалы, относящиеся к истории отечественного речного транспорта с древнейших времен до наших дней. Выход такого популярного издания имел большое значение и сыграл безусловно положительную роль в освещении истории механизации волжского транспорта. Однако в книге имеются серьезные неточности. Вызывает возражение утверждение автора, что настоящее развитие пароходства «начинается, по существу, также только после отмены крепостного права» [3]. Многочисленные и разнообразные источники убедительно показывают, что уже с конца 40-х годов, а особенно в середине 50-х гг., это развитие приобретает особо интенсивный характер, а к 1860 г. появляются даже первые признаки перепроизводства пароходов. Автор преувеличивает тормозящее значение в строительстве паровых судов монополии Берда и «суеверных предрассудков» народных масс [4].

Один из выдающихся советских ученых по истории техники В. В. Данилевский в докладе «Жизнь и деятельность В. И. Калашникова» нарисовал яркий образ замечательного русского новатора-механика [5]. Но с общей характеристикой волжского парового флота, которую дает в этом докладе автор для начала 70-х годов XIX века, мы не можем согласиться. Вызывает серьезное сомнение характеристика пароходных механизмов, которые В. В. Данилевский называет безнадежно отсталыми. И. А. Шубин и др. авторы очень высоко оценивали пароходные машины того времени [6]. Далее В. В. Данилевский пишет: «В целом волжский паровой флот того времени был как бы своеобразным пловучим музеем, состоявшим в подавляющей своей части из допотопных пароходов [7]. Такое утверждение противоречит действительности. Если мы посмотрим,

---

[1] Г. Кублицкий. Великая речная держава (материалы к истории отечественного речного транспорта). М., 1948, стр. 214.

[2] Его же. Великая речная держава. Изд. 2-е, переработанное. М., 1952, стр. 334.

[3] Г. Кублицкий. Великая речная держава. Изд. 2-е, переработанное, М., 1952, стр. 63.

[4] Там же, стр. 52—53.

[5] В. В. Данилевский. Жизнь и деятельность В. И. Калашникова. (Доклад на заседании 28 ноября 1949 г. ОТН АН СССР. Мин. реч. флота СССР, комиссии по истории техники. ОТН АН СССР и секции по научной разработке проблем транспорта АН СССР, посвященном столетию со дня рождения В. И. Калашникова (1849—1959). «Труды по истории техники», вып. 1, АН, М., 1952, стр. 66—84.

[6] И. А. Шубин. Указ. соч., стр. 438.

[7] В. В. Данилевский. Указ. соч., стр. 69.

когда строились пароходы, плававшие в начале 70-х годов на Волге, то увидим, что абсолютное большинство их было выпущено в самом конце 50-х и даже в 60-е годы [1]. (Так что превратиться в «плавучий музей» к 70-м годам им было еще рано.) Не умаляя ни в коей мере заслуг В. И. Калашникова, мы считаем, что В. В. Данилевский рисует слишком мрачную картину состояния волжского судоходства 70-х годов XIX века.

Историю знаменитого судостроительного Сормовского завода в монографическом исследовании осветил А. И. Парусов [2]. В интересной и полной работе сравнительно скупо показана деятельность завода в 50—60-х годах XIX в. Парусов считает, что в эти годы строительство машин для пароходов происходило в России на 11 заводах (стр. 72), тогда как по нашим подсчетам речные пароходы строились на 26 отечественных предприятиях [3].

К 40-летию Великой Октябрьской революции по решению Коллегии Министерства речного флота РСФСР издается сборник статей «Речной транспорт СССР. 1917—1957» [4]. Книга, подготовленная большим творческим коллективом, показывает основные этапы истории развития речного транспорта. Почти в каждой статье сборника получила, в той или иной степени, освещение дореволюционная история речного транспорта, в частности, механизация волжского судоходства. Сборник открывается статьей З. А. Шашкова «Основные этапы развития советского речного транспорта», в которой он отмечает недостатки речного транспорта до Октябрьской революции [5].

Значительный интерес представляет статья «Флот» [6]. Авторы поставили целью «...в общих чертах нарисовать картину его исторического развития до Великой Октябрьской революции» [7]. Эта задача в основном была выполнена. В очерке дана история и краткая характеристика судов, плававших на Волге и ее притоках. Приводятся данные об ущербе, нанесенном флоту первой мировой войной. Однако исследователи допускают ряд

---

[1] Материалы для статистики речного судоходства Европ. России. ч. I, СПБ., 1872, стр. 278—281.

[2] А. И. Парусов. Сормово в XIX в. Горький, 1942. (Рукопись диссертации). Позднее вышла работа: Парусов А. И. Из истории Сормова 50—90-х годов XIX в. Уч. записки Горьковского гос. университета, вып. XXVI (серия историко-филологическая), Горький, 1954.

[3] См. Л. Н. Фурер. Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье (середина XIX века). Госмузей ТАССР. Казань, 1959, стр. 30.

Речной транспорт СССР. 1917—1957. Сборник статей о развитии речного транспорта в СССР за 40 лет. Изд. «Речной транспорт», М., 1957, стр. 472.

[5] Там же, стр. 11.

[6] Авторы А. Ф. Видецкий, В. Г. Аминин, И. А. Ерухимович, А. Н. Куликов, Н. М. Турков.

[7] «Речной транспорт...», стр. 130.

неточностей. Так, они датируют создание пароходного общества «Кавказ и Меркурий» 1850—1858 гг. (стр. 130), тогда как еще в 1848 г. было возбуждено ходатайство о создании общества «Меркурий», а в 1849 г. был утвержден его устав. Этот год и считается официальной датой основания общества «Кавказ и Меркурий» [1]. Возникновение общества «Самолет» авторы относят к 1852 г.; источники же говорят, что общество возникло в 1853 г. [2].

В статье «Судостроение и судоремонт» [3] освещаются основные этапы развития строительства и ремонта судов в России. Однако иногда неоправданно пропускаются довольно большие периоды в истории механизации транспорта. Так, например, упомянув, что в бассейне Волги первые пароходы появились в 1817 г. (в действительности в 1816 г. — Л. Ф.) [4], авторы перескакивают сразу к XX веку (стр. 235—236).

В целом же механизация водного транспорта, особенно развитие пароходства на Волге получила сравнительно подробное освещение в литературе, хотя сюжет далеко неисчерпан.

Многочисленные авторы, писавшие о волжском судоходстве, почти не затрагивали проблемы формирования и положения пролетариата [5]. И. А. Шубин отмечал: «Этот вопрос, — очень сложный и до сих пор совершенно неразработанный, — требует особого исследования, которое невозможно в нашей настоящей работе, как по самому существу своему, так и по чисто техническим условиям в виду сильно разросшегося объема книги» [6].

Изучение истории рабочих водного транспорта, обобщение закономерностей его возникновения и развития тесно связано с анализом всей совокупности вопросов истории рабочего класса. Это важная и актуальная проблема. Нужно раскрыть своеобразие, отличительные черты, весь сложный и трудный путь становления речников как одного из отрядов рабочего класса, формирования его идеологии, развития его сплоченности и силы.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 101, оп. 1, д. 684, л. 146.

[2] «Журнал мануфактур и торговли». 1853, № 4, стр. 15. См. также Пароходное общество «Самолет», Очерк 50-летней деятельности 1853—1903. СПБ., 1903.

[3] Авторы: Н. М. Белов, М. Ф. Коннов, Я. Л. Левин, Н. Ф. Рукавишников.

[4] ЦГИАЛ, ф. 652, д. 1097, л. 4.

[5] Некоторый статистический материал содержится в работе А. Г. Рашина. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940. Его же. Формирование рабочего класса в России. М., 1958 (2-е изд.). Его же: К вопросу о формировании рабочего класса в России. «Исторические записки», 1959, № 53. Интересно, что процесс формирования категории работных людей в Поволжье в 17 и 18 вв. получил определенное освещение в литературе. См. Н. Б. Голикова: Из истории формирования кадров наемных работников в первой четверти XVIII в. «История СССР», 1965, № 1, стр. 75—93.

[6] И. А. Шубин. Указ. соч., стр. 754.

С этой точки зрения интересен очерк «Труд и кадры»[1]. На основе документов и воспоминаний в нем нарисована яркая картина работы и жизни речников. Нельзя не согласиться с утверждением, что труд работников речного транспорта в дореволюционной России был еще более тяжелым, чем труд рабочих на фабриках и заводах (стр. 396). Однако некоторые положения статьи нам представляются не совсем верными. Так, вряд ли будет правильно категорически утверждать, что на речном транспорте в силу сезонного характера его работы не было постоянных кадров (стр. 396). Машинная команда (оставшаяся на ремонт) и некоторые другие категории речников работали круглый год. Касаются проблемы формирования и положения пролетариата и авторы статьи «Порты»[2]. Нам представляется, что при объяснении трудностей погрузки переоценивается значение призыва грузчиков в армию в 1914—1917 гг. и участие их в гражданской войне. Неправильно, нам кажется, говорить о «полном отсутствии старых кадровых грузчиков...»[3] в эти годы. Необходимо упомянуть об анархосиндикалистских, рваческих тенденциях, которые имели место среди определенной части грузчиков. Недаром В. И. Ленин в конце 1918 г. в телеграмме Нижегородскому Совнархозу требовал принятия самых строгих мер к членам профсоюза грузчиков, пытавшимся монополизировать право разгрузки и помешать посторонним принимать участие в разгрузочной работе[4].

Изучение проблемы продолжается. Б. А. Сутырин, в упоминаемой уже выше работе, выделил специальную главу «Положение и формирование кадров пролетариата на речном транспорте Урала в 1840—1870-х годах». Автору удалось показать социальные сдвиги, связанные с ростом отходничества крестьян, с развитием вольнонаемного труда и зарождением ядра транспортного пролетариата[5].

Конец 50-х — начало 60-х годов характеризуется усилением внимания к экономическим вопросам развития волжского судоходства. В 1957 году вышла книга видного специалиста по экономике водного транспорта А. А. Митаишвили[6]. Интересен анализ причин отставания речного транспорта, сделанный

---

[1] Авторы: Б. А. Калинин, К. Н. Количенко, В. С. Протасов, П. П. Сидоров.

[2] Сб. Речной транспорт СССР, 1917—1957. Изд. «Речной транспорт», М., 1957. Авторы: Е. Е. Архипов, П. А. Иттенберг, С. А. Постников. Сб. Речной транспорт СССР, 1917—1957. Изд. «Речной транспорт», М., 1957.

[3] Там же, стр. 193.

[4] Ленинский сборник XXXV, стр. 41.

[5] Б. А. Сутырин. Развитие речного транспорта в Камско-Чусовском бассейне в 1840—1870 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Свердловск — Пермь, 1965, стр. 20.

[6] А. А. Митаишвили. Внутренний водный транспорт СССР и пути повышения его экономичности. Изд. «Речной транспорт», М., 1957, стр. 258.

автором, хотя со всеми его доводами по этому вопросу нельзя полностью согласиться. Так, рассматривая влияние железнодорожного строительства на речные перевозки, вряд ли можно утверждать, что «речной транспорт не только не встречал поддержки со стороны царского правительства, но, напротив, поощряя железнодорожное строительство, царские чиновники чинили всякого рода препятствия развитию судоходства» (стр. 59). Ведь крупнейшими акционерами общества «Кавказ и Меркурий» в конце 50-х годов были ст. сов. Новосельский, тайн. сов. Мальцов, барон Фредерихс, тайн сов. Устинов, ген. ад. Игнатьев и т. д. [1]. Позднее его акционерами являлись вел кн. Константин Николаевич и другие близкие к царскому двору лица [2].

В книге достаточно широко представлен материал о развитии речного флота в конце XIX и начале XX вв. А. А. Митаишвили выясняет структуру перевозок, мощность и удельный вес различного типа судов, их принадлежность. Кратко проанализированы и общие недостатки развития речного флота дореволюционной России. В целом, несмотря на отдельные недостатки, автору удалось дать экономическую характеристику речного транспорта, показать особенности, отличающие его от других видов транспорта.

В последние годы все больше привлекает внимание советских исследователей история развития империализма в России. В связи с этой общей проблемой появился ряд статей, затрагивающих, в той или иной степени, историю волжского судоходства. Наиболее значительными работами в этой области являются труды В. П. Можина [3]. Он проследил, как банковский капитал внедрялся в речной транспорт, проанализировал соглашения синдикатского типа среди судовладельцев Волжского и Каспийского бассейнов. Автор показал, что во время первой мировой войны монополизация усилилась, финансовый капитал хозяйничал в 19 пароходных обществах, на долю которых приходилось $^3/_4$ всех судоходных капиталов России. Выводы о развитии монополий в судоходстве строго аргументированы и сделаны на основании не исследовавшихся ранее архивных материалов. Своими статьями В. П. Можин внес существенный вклад в разработку истории судоходства в период империализма.

В. А. Нардова особо выделила вопрос «Монополистические тенденции в нефтяной промышленности в 80-х годах XIX в.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 101, оп. 1, д. 684, л. 287, об. — 288 об.

[2] Там же, д. 733, л. 1—22.

[3] В. П. Можин. Монополии в судоходстве России и их борьба за господство. Сб. «Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки». М., 1959, стр. 91—116; его же. Монополизация водного транспорта России. Научные доклады высшей школы. Экономические науки. 1958, № 3.

и проблема транспортировки нефтяных грузов»[1]. В статье автор отмечает, что темпы роста бакинской нефтяной промышленности были неразрывно связаны с успехами в транспортировке нефтяных грузов. Подробно останавливаясь на деятельности объединения «Бр. Нобель», она указывает, что с самого начала своей деятельности фирма взяла курс на монополизацию нефтяной промышленности, сосредоточив в своих руках средства перевозки[2]. Введение наливного флота на Каспии и Волге, подчеркивает В. А. Нардова, дало Нобелю колоссальную экономию, а вместе с тем и преимущества по сравнению с прочими нефтепромышленниками[3]. В работе подробно рассказывается о попытках Нобеля затормозить создание другими предпринимателями наливного флота на Волге. Вполне обоснован и вывод исследователя, что коренные изменения в транспортировке нефтяных грузов в конце 70-х начале 80-х годов, открыв широкие возможности перед бакинской нефтью, обеспечили бурное развитие нефтяной промышленности в последней четверти XIX в.

Итак, подведем некоторые итоги изучения волжского судоходства в послеоктябрьский период. Мы видим, что в 20-е годы советские исследователи поставили вопрос о необходимости изучения истории транспортного пролетариата, разработали существенные стороны истории бурлачества. Работа И. А. Шубина до сих пор считается лучшим монографическим исследованием о волжском судоходстве.

С середины 40-х годов до середины 50-х годов внимание историков, главным образом, занимают проблемы отечественного приоритета в судоходстве.

Со второй половины 50-х годов особенно расширяется круг изучаемых проблем. Исследуются недостатки речного транспорта до Октябрьской революции и основные этапы его развития; промышленный переворот в судоходстве и его социальные и экономические последствия; появляются работы, где специально выясняются отдельные стороны формирования и положения транспортного пролетариата; усиливается интерес к экономике водного транспорта и развитию монополий в судоходстве.

---

[1] См. сборник «Монополии и иностранный капитал в России», изд. АН М. — Л., стр. 59—93.

[2] Там же, стр. 61.

[3] К сожалению, В. А. Нардова и В. П. Можин не использовали статьи «Совещание нефтеторговцев и пароходовладельцев», Казанской газеты «Волжский листок» (1905 г., № 286), где анализировалась работа Астраханского совещания по распределению запасов нефти и раскрывалась фактическая власть крупных монополий (особенно Нобеля и фирмы «Мазут») над мелкими предпринимателями. Статья эта написана Я. М. Свердловым. См. Л. Б. Муллина «Волжский листок» в 1905 году. Сб. «Из истории местной периодической печати». Изд. Казанского университета, 1960, стр. 39—40.

Исследования советских авторов, как правило, опираются на широкий круг источников, особенно архивных.

Однако, несмотря на обширную литературу, многие важные проблемы истории волжского судоходства остались вне поля зрения авторов. Ряд вопросов нуждается в дополнительной разработке. Нет обобщающего монографического исследования о бурлаках. Крайне необходимо специальное изучение процесса формирования пролетариата и буржуазии на волжском транспорте. Несомненно заслуживает внимания деятельность пароходных акционерных обществ.

Большинство работ о волжском судоходстве касается технических вопросов.

Почти совершенно не исследованным остается период первой русской революции, хотя архивные материалы свидетельствуют об активном участии речников в революционном движении [1]. Ждут своего освещения и 1914—1917 годы. Если монополизация в судоходстве в это время нашла отражение в литературе, то революционный процесс почти не привлек внимания исследователей.

История революционно-демократического, рабочего движения, связь его с местными социал-демократическими организациями, деятельность большевиков на транспорте остаются не изученными. Исследования по отдельным вопросам будут способствовать созданию крупных обобщающих трудов, отвечающих требованиям современной исторической науки.

---

[1] См., например, ЦГА ТАССР, ф. 82, оп. 4, л. 1—1 об., 6, 7; оп. 1, д. 933, л. 74; д. 931, л. 6 — 6 об, 18, 36, 230; оп. 4, д. 716, л. 7 — 7 об. и др.

В. И. ЛЕНИН О КРЕСТЬЯНСТВЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. Л. Литвин

В. И. Ленин видел в крестьянстве, прежде всего, союзника пролетариата в борьбе за победу социалистической революции, за отстаивание ее завоеваний. В. И. Ленин неоднократно указывал, что в годы гражданской войны колебания крестьянства как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу власти Советов и власти Колчака и Деникина. Поэтому понятно то большое место, которое занимает вопрос о крестьянстве в работах В. И. Ленина [1].

В трудах В. И. Ленина, написанных после октября 1917 года, давалось научное обоснование аграрной политики Советской власти, определялись этапы аграрной революции в стране, показывалась дифференциация крестьянства в ходе каждого из них, отмечалась роль различных слоев деревни в социальных преобразованиях, в борьбе с контрреволюцией.

Н. К. Крупская в речи на совещании крестьян Московской губернии 23 января 1925 года говорила: «Владимир Ильич хорошо знал крестьянскую жизнь. Раньше, когда он жил в Самарской губернии, он постоянно имел дело с крестьянами, и позже,

[1] Теме В. И. Ленин и крестьянство в 1918—1920 гг. посвящена обширная литература: С. Канатчиков. Ленин и крестьянство. Л., 1924; В. Карпинский. Пролетарский вождь крестьянства. Л., 1924; Э. Квиринг. Ленин и крестьянство. М., 1924; Л. Крицман. Ленин и путь к социализму. «Вестник Коммунистической Академии», 1925, № 11, стр. 22—27; А. Агров. В. И. Ленин и организация сельского хозяйства. М., 1925; В. Филов. В. И. Ленин о классовом расслоении в деревне. М.-Л., 1926; Н. К. Крупская. Что говорил Ленин о колхозах и о мелком крестьянском хозяйстве. М.-Л., 1930; Ю. А. Поляков. В. И. Ленин о расслоении крестьянства в условиях диктатуры пролетариата. «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина». М., 1960, стр. 329—390; В. М. Селунская. История разработки В. И. Лениным кооперативного плана (1918—1923 гг.). «В. И. Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства». М., 1960, стр. 241—290; Е. А. Луцкий. История аграрного законодательства Октябрьской революции в трудах В. И. Ленина. «Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной сессии «В. И. Ленин и историческая наука». Киев, 1965, стр. 100—105; В. Р. Герасимюк. В. И. Ленин и борьба за хлеб в первые месяцы Советской власти. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 1, стр. 75—84; и др.

когда мы жили в Сибири, в Минусинском уезде, постоянно ему приходилось иметь дело с крестьянами. Каждое воскресенье, бывало, приходят к нему за советами окрестные крестьяне. Владимир Ильич был юристом и указывал крестьянам, как им защищать свои права» [1].

М. И. Калинин, выступая осенью 1925 года со статьей «Теоретические и практические замечания о нашей борьбе в деревне», предлагал сочинения В. И. Ленина в качестве главной настольной книги при изучении крестьянского вопроса, потому что «никто столько не поработал, как Ленин, над изучением классовых отношений в деревне», потому что «$^{9}/_{10}$ по изучению вопросов, связанных с крестьянством, в нашей партии падало на тов. Ленина» [2].

В годы гражданской войны Среднее Поволжье интересовало В. И. Ленина как место боевых действий, где на Восточном фронте дважды (летом и осенью 1918 г., весной и летом 1919 г.) решалась судьба революции; как важный хлебный район для снабжения продовольствием рабочих промышленных городов и армий [3].

В. И. Ленин лично хорошо знал Поволжье. В 1921 году на вопрос анкеты делегата X Всероссийского съезда РКП(б): «Какие местности России знаете хорошо и сколько лет там прожили?» — В. И. Ленин ответил, — «Лучше других Поволжье, где родился и жил до 17 лет» [4].

О первых, в 1918 году, высказываниях В. И. Ленина о средневолжском крестьянстве можно судить по воспоминаниям В. П. Антонова-Саратовского и А. А. Булышкина.

В. П. Антонов-Саратовский, тогда председатель Саратовского губисполкома, был у В. И. Ленина на приеме в двадцатых числах января 1918 года. Позже он рассказывал: «...я готовился развернуть перед ним историю саратовских событий. Не успел я открыть рта, как Ильич перебил меня вопросом: «Ну, как у вас? Как саратовские мужики... Они ведь у вас там злой народ?..». Он ставил ряд вопросов о местном крестьянском движении, о том, как оно развивается, много ли сожгли имений, можно ли рассчитывать нам на мужицкую поддержку,

---

[1] См. сб. «Крестьяне в Москве в годовщину смерти В. И. Ленина». М., 1925, стр. 11.

[2] М. И. Калинин. За эти годы, М.-Л., 1926, кн. 2, стр. 233, 240, 256.

[3] В последние годы появились работы, ставящие своей целью обобщить высказывания В. И. Ленина о какой-либо отдельной области Поволжья, полнее показать роль вождя революции в проведении социалистических преобразований на местах. См. А. И. Ключников. В. И. Ленин о Саратовской губернии. Саратов, 1960; В. Ф. Морозов. Переписка В. И. Ленина с пензенскими большевиками в 1918 г. «История СССР», 1962, № 4, стр. 100—112; В. И. Ленин и Самарская большевистская организация. Куйбышев, 1964; В. И. Ленин и Татария. Казань, 1964; Человеку, другу, вождю. Саратовцы В. И. Ленину и о В. И. Ленине. Саратов, 1965; и др.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 415.

дадут ли они хлеба, наконец, — что мы делаем для привлечения крестьянства на свою сторону». Затем В. И. Ленин предложил В. П. Антонову-Саратовскому в работе обратить самое серьезное внимание на крестьян: «Рабочий все равно за вами пойдет, а вот мужик может наделать много хлопот... побольше ему внимания... бедноту организуйте... середняка с собой свяжите...» [1].

А. А. Булышкин, в начале 1918 года член Самарского губкома РСДРП(б), был у В. И. Ленина в Петрограде, примерно в то же время, что и В. П. Антонов-Саратовский. В воспоминаниях он отмечал, что «В. И. Ленин интересовался положением волжских крестьян, уральского казачества, расспрашивал о нуждах самарских большевиков» [2].

При встречах с местными работниками в январе 1918 года В. И. Ленин расспрашивал об отношении крестьян Поволжья к Советской власти. В. И. Ленин указывал на необходимость проводить в деревне разумную политику: организовывать бедноту, заручаться поддержкой середняка — в этом он видел залог успехов власти Советов.

Следующие известные нам высказывания В. И. Ленина о крестьянстве Среднего Поволжья были сделаны им в начале лета 1918 г. В конце мая 1918 года вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, вокруг которого стали быстро концентрироваться белогвардейцы и кулаки. Это контрреволюционное выступление отрезало от России самые хлебные районы Сибири, Урала, Поволжья, на страну надвинулся голод. Летом 1918 года В. И. Ленин характеризовал то время в письмах к Кларе Цеткин (26 июля 1918 г.) и к Я. А. Берзину (3 августа 1918 г.) как «самые трудные недели за всю революцию», как «критический момент: борьба с англичанами и чехословаками, и кулаками» [3].

Ф. Ф. Раскольников, тогда заместитель наркома по морским делам, бывший у В. И. Ленина в начале июня 1918 года, отмечал, что в разговоре с ним об общем положении страны, В. И. Ленин подчеркивал опасность кулацких мятежей на Волге. «А на Волге настоящая Вандея, — с горечью произнес Владимир Ильич... Я хорошо знаю приволжскую деревню. Там всегда были сильны кулаки...» [4].

Для работ и выступлений В. И. Ленина в 1918—1920 гг. характерно было обращение к истории французских революций 1789—1795 гг., 1848—1849 гг., к опыту Парижской Коммуны

---

[1] В. П. Антонов-Саратовский. Отблески бесед с Ильичем. «Пролетарская революция», М., Истпарт. 1924, № 3, стр. 183—184.

[2] См. сб. «Рабочие и крестьяне России о Ленине». Воспоминания, М., 1958, стр. 98.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 128, 135.

[4] См. Ф. Ф. Раскольников. Рассказ комфлота. М., 1934, стр. 6; его же. На боевых постах. М., 1964, стр. 258.

(1871 г.). «Вандея» со времени французской революции стала именем нарицательным для обозначения места контрреволюционных реакционных мятежей, главное участие в которых принимало зажиточное крестьянство. Определяя положение на Волге летом 1918 года как Вандею, В. И. Ленин тем самым подчеркивал опасность момента, необходимость быстрейшей ликвидации мятежей.

Когда, примерно в конце июня 1918 г., В. П. Антонов-Саратовский снова приехал к В. И. Ленину и стал рассказывать ему о кулацких восстаниях в Поволжье, В. И. Ленин спросил его: «Что вы делаете? — Давлю кулаков. — Так и надо, — ответил В. И. Ленин. — Сейчас настал такой момент, когда мы можем погибнуть. Не допускайте никаких восстаний. Малейшую вспышку немедленно приканчивайте. Все, что есть у вас в руках, бросайте на ликвидацию. Расправляйтесь беспощадно со всеми, иначе рабочие будут растерзаны, и Советская власть погибнет» [1].

11 июля 1918 года В. И. Ленин беседовал с петроградским рабочим В. Н. Каюровым, ездившим к себе на родину, в село Тереньга Симбирской губернии. В. Н. Каюров, позже вспоминая об этом, писал, что он приехал к В. И. Ленину взволнованный выступлениями крестьян против твердых цен на хлеб, засильем эсеровской агитации в деревне и т. д. «...Владимир Ильич на все мои уверения, что крестьяне нас поколотят, смеясь ответил: «Конечно-конечно, товарищ, они нам покажут, это им не впервой, если не сломаете хребет кулакам, прежде чем они вам успеют сломать» [2]. 12 июля 1918 года в письме «К питерским рабочим», которое он посылал с В. Н. Каюровым в Петроград, еще раз подчеркивая необходимость разгрома кулацких выступлений, В. И. Ленин писал: «Тов. Каюров побывал в Симбирской губернии, видел сам отношение кулаков к бедноте и к нашей власти. Он понял превосходство то, в чем не может быть сомнения ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего: именно — что кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и свергнут ее неминуемо, если рабочие не напрягут тотчас же все силы, чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы разбить наголову кулаков прежде, чем они успели объединиться...» [3]. В этом же письме В. И. Ленин призывал питерских рабочих «десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семью, где должно помочь организации бедноты, где необходим питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь» [4].

---

[1] «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 185.

[2] В. Н. Каюров. Мои встречи и работа с В. И. Лениным. «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 42.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 521.

[4] Там же, стр. 522. Характерно, что во второй половине апреля 1919 г.,

В ответ на письмо В. И. Ленина в Петрограде стали формироваться рабочие отряды. С одним из таких отрядов В. Н. Каюров прибыл из Петрограда в Москву, чтобы следовать дальше в Казанскую губернию, и снова встретился с В. И. Лениным. На сей раз В. И. Ленин «не ограничиваясь напутствием нашему отряду, просил нас сообщать о настроении крестьян непосредственно ему или Я. М. Свердлову», — писал В. Н. Каюров [1].

В. И. Ленин указывал, что рабочие продовольственные вооруженные отряды должны помогать бедноте в борьбе с кулаком. В телеграмме А. Е. Минкину, председателю Пензенского исполкома Совета, (12 августа 1918 г.) он предлагал также использовать подавление кулаков для повсеместной беспощадной борьбы со спекулянтами хлебом, для конфискации у крупных богатеев хлеба и для массовой мобилизации бедноты, наделяемой хлебом. «Надо закрепить власть бедноты в прифронтовой полосе окончательно» [2].

В письме к Кларе Цеткин (26 июля 1918 г.) В. И. Ленин выражал твердую уверенность, что в России не повторится «обычный» (как в 1794 и 1849 гг.) ход революции» и буржуазия будет побеждена» [3].

Внимательно следил В. И. Ленин за настроением крестьян прифронтовых губерний. Он просил В. Н. Каюрова, поехавшего с отрядом в июле 1918 года в Казанскую губернию, сообщать о настроении поволжских крестьян. В. И. Ленина интересовало буквально все: отношение крестьян к Советской власти, продовольственной политике, Красной Армии и т. д.

Об этом В. И. Ленин говорил тогда во многих своих выступлениях.

29 июля 1918 года В. И. Ленин выступил с речью на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы. Это заседание было созвано в связи с тяжелым военным и экономическим положением республики, отрезанной вследствие иностранной военной интервенции и белогвардейских мятежей от основных продовольственных, сырьевых и топливных районов.

когда армии Колчака рвались к Волге, В. И. Ленин опять предложил Петроградской партийной организации послать рабочих в прифронтовые места, «ибо иначе не спасти ни Питера, ни России... Других рабочих уровня питерцев у нас нет». (См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 296).

[1] «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 46. Отряд В. Н. Каюрова прибыл в Казанскую губернию, но большой работы провести не успел. В связи с развернувшимися боями за Казань в августе-сентябре 1918 г. значительная часть отряда В. Н. Каюрова вошла в состав 5 Красной Армии Восточного фронта.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 148.

[3] См. там же, стр. 128.

В плане речи В. И. Ленин записал: «VI. Усталость от войны (Симбирск: крестьянская губерния) + измены начальников (как бывало в Великой французской революции)». И дальше: «Усталость от войны: измены начальников, сдача Симбирска (примеры подобные бывали в Великой французской революции: никакой безнадежности)» [1]. В первом случае В. И. Ленин в начале, как пример усталости от войны ставит Симбирскую губернию, подчеркивая, что она крестьянская, во втором случае — измену начальников [2], тут же подчеркивая, что история подобное знает, что никакой безнадежности нет.

В речи В. И. Ленин развивал эти положения, отмечая, прежде всего, что крестьяне при действительном сравнении власти Советов с господством буржуазии (Комуч и чехословацкий корпус) очень скоро поворачиваются «против чехословаков за Советскую власть» [3]. Глубокое знание конкретной обстановки, крестьянской психологии, настроения деревни позволили В. И. Ленину 29 июля 1918 года, т. е. в дни наибольших успехов белогвардейщины на Волге, с уверенностью сказать: «Я знаю, что среди крестьян Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, где наблюдалась самая большая усталость и неспособность идти на военные действия, замечается перелом. Они, испытав нашествие казаков и чехословаков, испробовав на деле, что такое Учредительное собрание или крики: долой Брестский мир, узнали, что все это ведет к тому, что возвращается помещик, капиталист садится на трон, — и они становятся теперь самыми ярыми защитниками власти Советов» [4].

В. И. Ленин внимательно следил за настроением крестьянства. В августе 1918 года он заслушивает доклад члена Революционного Военного совета Восточного фронта К. Х. Данишевского о причинах падения Казани. «Он хотел знать все мельчайшие подробности падения Казани, — позже вспоминал К. Х. Данишевский, — что было сделано нами, чтобы предотвратить падение; каково настроение татарских деревень, рабочих Казани и т. д.» [5].

Почему В. И. Ленин в данном случае обратил внимание на татарскую деревню видно из воспоминаний Данишевского, который в беседе с В. И. Лениным сказал ему, «что при нашем отступлении через татарские деревни кулачество активно выступало против красных частей, арестовывало одиночек-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 525—526.

[2] Видимо, имеется в виду предательство М. А. Муравьева, который, будучи командующим войсками Восточного фронта, изменил Советской власти и в июле 1918 г. пытался поднять мятеж.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 17.

[4] Там же, стр. 18.

[5] К. Х. Данишевский и С. С. Каменев. Воспоминания о Ленине. Сб. 1, М., 1934, стр. 24. Казань была захвачена белогвардейцами 6 августа 1918 г.

красноармейцев и небольшие группки их, указал, что татарская деревня под влиянием кулачества держится в лучшем случае нейтрально»[1]. Отсюда видно, что вопрос В. И. Ленина о настроении татарских деревень был неслучайным. Его интересовало, прежде всего, как поведут себя крестьяне тех мест, где была большая прослойка кулачества.

До лета 1918 года В. И. Ленин говорил, как правило, о настроении крестьян в целом, не выделяя его отдельные слои. Объясняется это, на наш взгляд, развитием аграрной революции в стране. На ее первом этапе, как известно, решались преимущественно задачи буржуазно-демократических преобразований, на втором — были вплотную начаты преобразования собственно социалистические. Границей перехода первого этапа во второй является лето — осень 1918 года. Для первого этапа (с 25 октября 1917 г. до лета — осени 1918 г.) была характерна общекрестьянская борьба с помещиками за землю, для второго — классовая борьба внутри деревни: бедняки, часть середняков против кулачества.

В октябре 1918 г. в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский В. И. Ленин, давая оценку событиям, происходившим в деревне, писал: «*Буржуазная* революция была нами доведена *до конца*. Крестьянство шло за нами *в целом*. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы объединяли крестьянство *вообще*. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу. *Этот* процесс развился летом и осенью 1918 года. Чехословацкое контрреволюционное восстание разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний. Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, *а из жизни* училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии... Все, знающие дело и бывавшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает *сама* «Октябрьскую» (т. е. пролетарскую) революцию. Наступает перелом. Волна кулацких восстаний сменяется подъемом бедноты, ростом «комитетов бедноты»[2].

Борьбу за хлеб в 1918—1919 гг. В. И. Ленин тесно связывал с борьбой за социализм, с борьбой с самым многочисленным эксплуататорским классом — кулаками. 18 марта 1919 г., выступая с отчетным докладом ЦК VIII съезду РКП(б), он говорил о словах Ф. Энгельса, «который не только указывал, что среднее крестьянство является нашим союзником, но выражал даже уверенность, что быть может, удастся обойтись без репрессий, без мер подавления и по отношению к крупному крестьянству. В России это предположение не оправдалось:

[1] К. Х. Данишевский и С. С. Каменев. Воспоминания о Ленине. Сб. 1, М., 1934 г., стр. 24.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 313, 314—315.

мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике»[1].

В. И. Ленин указывал на два возможных пути ликвидации кулачества: экономический и «комбедовский», т. е. методами хозяйственными или методами насильственной экспроприации. Выбор того или иного пути, говорил В. И. Ленин, определяется особенностями исторической ситуации[2].

В годы гражданской войны капитализм в городе и деревне был побежден политически. Экономическая победа над ним еще предстояла в годы НЭПа. Поэтому В. И. Ленин требовал беспощадно подавлять кулацкие контрреволюционные выступления, отбирать у кулаков излишки хлеба, запрещать им спекуляцию и эксплуатацию чужого труда. Выступая на совещании делегатов комитетов бедноты центральных губерний 8 ноября 1918 г. В. И. Ленин подчеркивал: «Кулакам же мы говорим: мы и против вас ничего не имеем, но отдайте ваши излишки хлеба, не спекулируйте и не эксплуатируйте чужого труда. До тех же пор, пока этого не будет, мы будем с вами вести беспощадную борьбу»[3].

Глубокое знание В. И. Лениным социальной психологии каждого слоя крестьянского населения определяло тактику большевистской партии, Советской власти по отношению к деревне, политику в каждый период аграрных преобразований в стране, политику отношений к различным слоям крестьянства.

Об отношении к середняку В. И. Ленин говорил неоднократно. В докладе Совнаркома V Всероссийскому съезду Советов 5 июля 1918 года он отмечал: «...не только с крестьянами беднейшими, но и с средними мы не боремся... С средними крестьянами мы идем путем соглашения»[4]. В речи на совещании делегатов комитетов бедноты центральных губерний 8 ноября 1918 г. В. И. Ленин указывал: «С средними крестьянами мы можем работать вместе и вместе с ними бороться против кулаков. Против середняков мы ничего не имеем»[5]. А 20 ноября 1918 года в статье «Ценные признания Питирима Сорокина» В. И. Ленин формулировал основную задачу момента: «уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»[6].

На VIII съезде партии (18—23 марта 1919 г.) был поставлен вопрос об отношении к среднему крестьянству. В отчетном

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 44; В. И. Погудин. Проблема ликвидации кулачества как класса в советской историографии. «Вопросы истории», 1965, № 4, стр. 144—145.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 182.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 508.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 182.

[6] Там же, стр. 195.

докладе ЦК съезду В. И. Ленин говорил, что главным уроком истекшего, 1918 года, является — «быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству», что «от нас потребуется частая перемена линии поведения...» [1]. И объяснял это противоречивостью поведения среднего крестьянства и мелкобуржуазной демократии, которые колеблются между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии. Съезд по докладу В. И. Ленина о работе в деревне (23 марта 1919 г.) принял резолюцию о проведении политики прочного союза со средним крестьянством. Таким образом, был завершен переход от политики нейтрализации середняка к союзу с ним.

Это было вызвано изменением настроения середняка (за которым внимательнейшим образом следил В. И. Ленин), поворотом середняка в сторону Советской власти.

В. И. Ленин считал необходимым знакомить трудящихся с настроениями в деревне, поэтому он в докладах и выступлениях приводит примеры об этом.

12 марта 1919 года В. И. Ленин принимает делегатов от крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии, сопровождавших эшелон с хлебом в подарок Москве и Петрограду, беседует с ними, благодарит их, направляет в Моссовет с запиской, в которой подчеркивает, что «это такой замечательный подвиг, который вполне заслуживает совсем особого приветствия» [2]. А на следующий день, 13 марта, выступая на митинге в Народном доме в Петрограде, В. И. Ленин отмечал поворот значительной части крестьянских масс к Советской власти. «Там, где побывали чехословаки, за Волгой и в Уфимской губернии, **настроение даже зажиточных крестьян** (подчеркнуто нами — А. Л.) круто изменилось в пользу Советской власти, ибо чехословаки дали им жестокий предметный урок. Всего несколько дней тому назад ко мне явилась делегация крестьян от 5-ти волостей Сарапульского уезда, — тех самых волостей, которые сумели в самое последнее время отправить по 40 тысяч пудов хлеба Москве и Петрограду. Когда я спросил у этой делегации об отношении крестьян к Советской власти, депутация мне ответила: «Да, чехословаки нас научили, и теперь никто не отклонит нас от Советской власти» [3].

В огне гражданской войны сгорали мелкобуржуазные иллюзии и колебания, практика жизни показывала крестьянину-середняку, что спасти его может только диктатура пролетариата.

Отношение беднейшего крестьянства к Советской власти никогда не вызывало у В. И. Ленина никаких сомнений. В. И. Ленину было ясно, что беднейшее крестьянство без колебаний пойдет только за пролетариатом. Но «только тогда

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 136.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 268.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 31—32.

пойдет, когда увидит, что со старым режимом не церемонятся, а все делают для благоденствия народа»[1].

О внимании В. И. Ленина к настроению крестьянства Поволжья летом 1919 года, во время боев с Колчаком, рассказывает Н. К. Крупская, побывавшая тогда с агитпароходом «Красная Звезда» на Волге и Каме. «Владимир Ильич расспрашивал меня подробно обо всем, — вспоминала она, — особенно интересовало его то, что я рассказывала о Красной Армии, о настроении крестьян, о настроении чувашей, татар, о том, как растет в массах доверие к Советской власти»[2].

В. И. Ленин в речи о продовольственном и военном положении на Московской конференции фабзавкомов, представителей правлений профсоюзов, уполномоченных Московского центрального кооператива и совета общества «Кооперация» 30 июля 1919 г. обращался к примеру средневолжского крестьянства. Говоря о том, что в революции третьего пути быть не может, он отмечал: «...между диктатурой буржуазии и диктатурой рабочего класса середины быть не может. Этот довод проникает не только в головы рабочих масс, он проникает даже в голову самого несознательного крестьянина... Вы знаете, что в Самаре крестьянство, среднее крестьянство, было на стороне буржуазии. Кто же теперь оттолкнул его от Колчака?.. Когда он увидал, что большевистские тяготы были тяготами для победы над эксплуататорами и что колчаковская власть принесла восстановление капитализма держиморд, он сказал сознательно: «Я выбираю диктатуру рабочих масс и пойду на то, чтобы добить до конца диктатуру бюрократической буржуазии, — как он называет диктатуру Колчака, — чтобы была диктатура пролетариата, диктатура народа»[3].

В. И. Ленин, приводя этот пример, показал, что крестьянство переходило на сторону Советской власти. В. И. Ленин увидел эту тенденцию, обосновал закономерность этого перехода. Это был вывод В. И. Ленина о том, что как ни тяжелы условия гражданской войны, возврата к диктатуре буржуазии быть не может.

Вновь к средневолжскому району В. И. Ленин возвращается в работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (16 декабря 1919 г.), написанной в связи с опубликованием статьи эсера Н. В. Святицкого «Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание»[4]. Анализируя эту статью В. И. Ленин отмечал, что наименее большевистскими были осенью 1917 г. чисто крестьянские районы: Поволжско-

---

[1] В. И. Ленин. Речь на рабочей конференции Пресненского района 14 декабря 1918 г. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 380.

[2] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 426.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 128—129.

[4] См. сб. статей «Год русской революции (1917—1918)». М., 1918, стр. 104—119.

Черноземный, Сибирь, Восточно-Уральский, — и делал вывод о том, что именно там, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 г. был наименьший, наблюдался наибольший успех контрреволюционных движений [1]. И опять следовало заключение о том, что нужна долгая и жестокая борьба, тяжелый опыт, чтобы колеблющаяся мелкая буржуазия поняла преимущества диктатуры пролетариата.

В 1920—1922 годах В. И. Ленин развивает дальше это положение. Выступая на IX Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. он указывает, что «мы победили Колчака и Деникина лишь после того, как у них изменился социальный состав их армий, когда основные крепкие кадры растворились в мобилизованной крестьянской массе» [2].

В отчетном докладе XI съезду партии 27 марта 1922 г., В. И. Ленин говорил о годах гражданской войны, что тогда «любой беспартийный крестьянин понимал, что делается. Идет помещик. Коммунисты умеют с ним бороться. Вот почему крестьянин в массе своей был за коммунистов, вот почему мы победили» [3].

В начале августа 1920 года район Среднего Поволжья вновь привлекает внимание В. И. Ленина в связи с вспыхнувшим в ряде уездов Саратовской и Самарской губерний контрреволюционным выступлением, которое поднял бывший начдив 2-ой туркестанской дивизии Сапожков. К восстанию вскоре присоединились зажиточные крестьяне Бузулукского и Новоузенского уездов, казаки-перебежчики, дезертиры. Характерны меры, предлагаемые В. И. Лениным для его подавления. Он рекомендовал в телеграмме от 2 августа 1920 г. заместителю командующего войсками Туркестанского фронта К. А. Авксентьевскому: 1) обязать все ревкомы и исполкомы оставаться на местах до последней возможности, энергично ведя агитацию против изменника и всячески препятствуя его агитации среди населения; 2) установить самую тесную связь между ревкомами, исполкомами и воинскими отрядами, обеспечив согласованность действий, принять меры к охранению технической связи; 3) вести тщательное наблюдение за движением отрядов Сапожкова, используя местных жителей, сообщая результаты наблюдения ближайшим войсковым начальникам; 4) пресекать в корне всякое проявление сочувствия и тем более содействия местного населения Сапожкову, используя всю полноту революционной власти; в тех случаях, где содействие имело место, потребовать выдачу виновных главарей; от селений, лежащих на пути следования отрядов Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия. Сле-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 16.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 284.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 110.

дуя указаниям В. И. Ленина были приняты срочные меры и Сапожковская авантюра была ликвидирована [1].

Следующее упоминание В. И. Лениным крестьянства Поволжья относится к декабрю 1920 года, к его докладу на VIII Всероссийском съезде Советов. В. И. Ленин говорил о том, что любой аграрный законопроект будет только тогда прочен, когда большинство крестьян будет убеждено и привлечено к его проведению. «...Потому что, — как справедливо сказал т. Кураев в одной статье, на основании опыта Татарской республики, — трудящиеся середняк и бедняк — друзья Советской власти, лодыри же — ее враги. Вот настоящая истина, в которой нет ничего социалистического, но которая так бесспорна и очевидна, что на любом сельском сходе, на любом собрании беспартийных крестьян она пройдет в сознание и станет убеждением подавляющего большинства крестьянского трудящегося населения» [2].

В. И. Ленин внимательно прислушивался к мнению крестьян, стремился максимально использовать их инициативу, одобрить справедливые требования. Особенно много ходоков из различных слоев крестьянства было у В. И. Ленина в феврале-марте 1921 г., когда готовился переход к новой экономической политике в деревне.

1 марта 1921 года В. И. Ленин пишет заместителю наркома земледелия Н. Осинскому, что у него был И. А. Чекунов, который побывал в Нижегородской и Симбирской губерниях. «Крестьяне, говорит, потеряли доверие к Сов. власти. Можно ли, спрашиваю, поправить налогом? Думает, что да. В своем уезде добился, при помощи рабочих, смены худой советской власти хорошею. Вот за таких людей нам надо изо всех сил уцепиться для восстановления доверия массы крестьян. Это основная политическая задача и притом не терпящая отлагательства», — писал В. И. Ленин [3]. И тут же предлагал назначить И. А. Чекунова уполномоченным Наркомзема для создания «Совета беспартийных крестьян», дать ему задание съездить в Симбирскую губернию и привезти «беспартийного крестьянина пожилого, русского, земледельца, сторонника трудовых крестьян и рабочих... Лучше тройка: Чекунов+симбиряк+еще один из нехлебной губернии: эту тройку «стариков»

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 347—348.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 147. В. В. Кураев был представителем ВЦИК в Татарии по проведению семенной кампании. В ноябре 1920 г. направил В. И. Ленину письмо с материалами о ее ходе. 20—22 декабря 1920 г. В. В. Кураев выступил в «Правде» со статьями «Ссыпка семян в общественные амбары». Статьи обобщали опыт проведения семенной кампании в Татарии. Их и использовал в докладе В. И. Ленин.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 85—86. И. А. Чекунов — крестьянин села Фоминки Владимирской губернии. В 1919—1921 гг. неоднократно бывал на приеме у В. И. Ленина. С 1921 г. — член коллегии Наркомзема.

(очень бы хорошо, если бы все были и беспартийные и христиане) мы тотчас превратим либо в членов коллегии с совещательным голосом, либо в ядро «совета беспартийных крестьян», либо в подобную кооперацию»[1].

Так в решающие моменты развития революции, чутко прислушивался В. И. Ленин к настроениям крестьянства, шел навстречу их интересам, считался с мнением местных практиков. «Мы убеждены, — говорил он, — что если наша революция достигла настоящих успехов, то это потому, что именно власти на местах, опыту самих мест, мы всегда уделяли самое главное внимание... Мы всецело полагались на местные элементы... Мы открывали им полный простор действий... именно с мест ждали того энтузиазма, который создал непреоборимость и быстроту действий нашей революции»[2].

* * *

Большое количество документов, написанных В. И. Лениным и адресованных к различным губернским организациям Среднего Поволжья, связано с проведением продовольственной политики.

Летом 1918 года, когда Сибирь и юг страны были захвачены контрреволюцией, Среднее Поволжье превратилось в одну из главных житниц страны. Для борьбы с голодом Советское правительство принимает решительные меры, основной из них было установление хлебной монополии. В. И. Ленин внимательно следил, чтобы принятые постановления о хлебе строго соблюдались. Когда Народный комиссариат продовольствия обратился к нему 17 июля 1918 года с жалобой на незаконные действия Казанской губпродколлегии, В. И. Ленин в тот же день шлет в Казань телеграмму, в которой требует отменить повышение твердых цен на хлеб, восстановить общегосударственные цены. В Казань для реорганизации губпродкома приехал член коллегии Наркомпрода Д. П. Малютин[3].

В. И. Ленин предлагал использовать различные методы (не только продразверстку) для увеличения заготовки хлеба: товарообмен, устройство ссыпных пунктов, льготный провоз хлеба в голодные местности, агитацию и пропаганду.

В Поволжье в 1919 году были М. И. Калинин, Н. К. Крупская, специально уполномоченные ЦК и ВЦИК Е. Ярославский, Н. В. Крыленко и др. Летом 1919 г. уполномоченный Союза коммун Северной области С. Ф. Малышев возглавлял в Поволжье экспедицию баржелавок с товарами для обмена на хлеб. Телеграммой в Саратовский губисполком от 11 июля

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 85—86. И. А. Чекунов — крестьянин села Фоминки Владимирской губернии. В 1919—1921 гг. неоднократно бывал на приеме у В. И. Ленина. С 1921 г. член коллегии Наркомзема.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 249.

[3] Ленинский сборник. т. XVIII, стр. 177.

1919 г. В. И. Ленин запрашивал о ее работе и просил сообщать: «верно ли, что на левом берегу Волги урожай колоссальный, что не хватает людей для уборки? Сколько тысяч, когда нужны из северных губерний? Питер и Москва без хлеба. Нужны героические меры» [1].

Еще в феврале 1919 г. на приеме у В. И. Ленина был председатель Самарского губисполкома А. П. Галактионов [2]. Позже, по рекомендации В. И. Ленина он выступал перед рабочими Москвы и говорил, что хлеба в Поволжье много, но нужно его взять.

25 июля 1919 г. В. И. Ленин, прочитав телеграмму политкомиссара поезда «Октябрьская революция» П. И. Воеводина, писавшего, что в Самарской губернии урожай небывалый, что не хватает рабочих рук для уборки хлеба, просил напрячь все силы, работникам Наркомпрода и Наркомзема принять конкретные меры [3].

В. И. Ленин требовал суровых мер по отношению к саботажникам, максимальной энергичности и самоотверженности от продовольственных работников на местах, категорически запрещал всякую волокиту. Так, 6 января 1919 года он телеграфировал Симбирскому губпродкомиссару о поступившей на него жалобе от комитета 42 организаций голодающих рабочих Петрограда и Москвы, «хлеб от крестьян Вы обязаны принимать днем и ночью. Если подтвердится, что Вы после 4 часов не принимали хлеб, заставляли крестьян ждать до утра, то Вы будете расстреляны» [4].

При большой разрухе транспорта очень трудно было организовать вывоз хлеба. В. И. Ленин предлагал самые решительные меры. Весной 1919 года на железнодорожных линиях: Казань — Сарапул и Волга — Бугульма скопилось 9—10 миллионов пудов заготовленного хлеба. По настоянию В. И. Ленина туда срочно были посланы ответственные работники Наркомпрода во главе с Н. П. Брюхановым. Перед ними были поставлены конкретные задачи. Так, те, кто поехал на железнодорожную линию Казань — Сарапул, получили задание мобилизовать местное крестьянство и вывезти хлеб, хотя бы до Казани, откуда легче подвести его к промышленным районам. С 18 марта по 10 апреля 1919 г. по всей России было прекращено движение пассажирских поездов, — все паровозы и вагоны были мобилизованы на вывоз хлеба. В результате значительное количество хлеба было вывезено [5].

В начале 1920 года В. И. Ленин ставит задачу отдельно перед Казанским губисполкомом и командармом Запасной

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 11.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 260.
[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 21—22.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 238.
[5] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 32—34, 66—67.

армии в Казани обеспечить перевозку всей ржи и пшеницы из Аракчинского и Паратского затонов на заволжские мельницы для перемола и доставку муки для погрузки на станцию Юдино, требует специально для этого построить в Юдино платформу; и напоминает: «исполнение аккуратно телеграфируйте» [1].

В 1921 году в связи с засухой и неурожаем В. И. Ленин встает во главе организации помощи голодающим в Поволжье [2]. 18 июля 1921 г. он телеграфирует XII Симбирскому съезду Советов о принимаемых возможных мерах [3], 2 августа 1921 г., обращаясь к крестьянам Украины, предлагает «из каждого уезда, обеспеченного хлебом, послать хотя бы двух-трех выборных от крестьян в Поволжье, чтобы отвезти туда хлеб, чтобы своими глазами увидеть размеры бедствия, нужды, голода, чтобы рассказать, по возвращении, своим землякам о необходимости спешной помощи» [4].

19 июля 1921 года В. И. Ленин, в ответ на предложение М. И. Калинина собирать по фунту с пуда собранного хлеба на помощь голодающим в Поволжье, предлагает провести это немедленно, потребовать от каждого уезда в порядке самой большой спешности посылки нескольких вагонов хлеба в Поволжье [5]. Он тут же реагирует на сведения с мест о том, что крестьяне Самарской и Симбирской губерний выражают желание работать (летом 1921 г.) в уборочных отрядах хлебородных губерний, выступать там инспекторами-агитаторами сбора продналога, предлагал это важное, необходимое и полезное начинание поддержать [6].

Нужды трудового крестьянства всегда были очень близки В. И. Ленину: и в годы гражданской войны, и в месяцы борьбы с голодом в Поволжье. Об этом красноречиво свидетельствуют произведения В. И. Ленина, воспоминания многочисленных ходоков из деревень к нему.

В апреле 1919 года, в связи с поступающими с мест жалобами крестьян, в том числе и из губерний Среднего Поволжья, о том, что местные власти принудительно заставляют крестьян вступать в артели и коммуны, В. И. Ленин совместно с наркомом земледелия С. П. Середой публикует циркуляр-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 120—121, 132.

[2] Об этом см. И. М. Климов. Помощь Советского правительства и великого русского народа трудящимся Татарской республики в борьбе с голодом 1921—1922 годов. «Уч. зап. Каз. ун-та», 1954, т. 114, кн. 5, стр. 103—148; его же. Помощь русского народа трудящимся Татарии в борьбе с голодом. «Вопросы истории», 1954, № 7; его же. Образование и развитие Татарской АССР. Казань, 1960; М. А. Сайдашева. В. И. Ленин и некоторые вопросы социалистического строительства в Татарии. Казань, 1963; и др.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 43.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 77.

[5] Ленинский сборник, т. XXIII, стр. 155.

[6] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 57.

ное письмо, в котором указывалось на недопустимость принуждения перехода крестьян к общественной обработке, в коммуны и другие виды коллективного хозяйства [1].

22 декабря 1920 года В. И. Ленин посылает записку членам ЦК и наркомам с заметками, составленными во время выступлений на беспартийном совещании крестьян. В ней были и следующие записи: «Бывшая Казанская губерния, Царевококшайского уезда. Леса. Земли мало. Ржи на семена не хватило. Разверстка сильная. Хлопочите для нас норму, иначе съедим последние яровые семена... Самарской губернии. Старое железо для починки дать. Иначе не сладим. Премии за хорошую обработку. Выставки устроить. Прокатные пункты» [2].

Крестьяне отвечали В. И. Ленину беззаветной любовью, уважением, преданностью. Имя В. И. Ленина звучало для них синонимом партии большевиков, Советской власти. Во многих сборниках писем, воспоминаний [3] мы находим десятки резолюций крестьянских собраний, в том числе и из деревень, волостей и уездов Среднего Поволжья, личных заявлений, писем и телеграмм на имя В. И. Ленина, с заверениями в преданности идеям социалистической революции. Здесь и поздравления В. И. Ленину с Новым годом (1 января 1919 г.) от сочувствующих партии коммунистов села Чиганары Ядринского уезда Казанской губернии и письмо от крестьян деревни Кокушкино (22 декабря 1922 г.), известной В. И. Ленину по первой ссылке (1887—1888), где идет рассказ об изменениях в деревне, о том, что деревня переименована в Ленино, о нуждах крестьян [4].

На приемах у В. И. Ленина бывали представители крестьянства различных районов страны, и не было случая, чтобы они не получили исчерпывающего ответа на свои вопросы, необходимой практической помощи.

Весной 1922 года в гостях у В. И. Ленина побывали представители деревни Алакаевки, Самарской губернии, где Владимир Ильич жил в 1889—1893 гг. Они обратились к нему с просьбой помочь хлебом. В. И. Ленин просит Центральную комиссию помощи голодающим при ВЦИК оказать крестьянам Алакаевки содействие хлебом и семенами. «Так как я был с этой деревней знаком лично, то считал бы политически полезным, чтобы крестьяне не уехали без какой-либо помощи наверняка»,— писал он. Крестьяне получили сто пудов продовольствия. В расписке они отмечали: «Мы, уполномоченные, воз-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 381, 495; «Известия ВЦИК», 10 апреля 1919 г.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 384—385.

[3] См. сб. «Рабочие и крестьяне России о Ленине». М., 1933; «Рабочие и крестьяне России о Ленине». М., 1958; «Письма трудящихся к В. И. Ленину». М., 1960; и др.

[4] См. сб. «В. И. Ленин и Татария», Казань, 1964, стр. 186—187.

вратясь домой, в Самарскую губернию, удостоверим пославших нас крестьян, что в центре действительно проявляется сугубая забота к преодолению великого голодного бедствия и что наш великий вождь тов. Ленин принял близко к сердцу все нужды пострадавшего крестьянства» [1].

* * *

В годы гражданской войны вырабатывалась политика по отношению к крестьянству. Делалось это изучением настроения крестьянства на местах, пониманием того, что крестьянство неоднородно, что бедняк пойдет за пролетариатом, что середняк при разумной политике будет поддерживать Советскую власть.

В. И. Ленин вырабатывал эту тактику по отношению к крестьянству в суровые годы гражданской войны, она проводилась динамично, с конкретным анализом районов России. Надо было обладать гениальностью В. И. Ленина, чтобы изучая районы локально, определять политику в целом.

В. И. Ленин уделял большое внимание укреплению союза рабочего класса с крестьянством, видя в этом залог успехов Советской власти. Он посылает рабочих-питерцев в деревню, чтобы революционизировать ее, помочь беднякам в борьбе с сельской буржуазией.

В. И. Ленин считал, что в годы революции нельзя обгонять развитие крестьянских масс, а следует дожидаться, когда их собственный опыт вызовет движение вперед. Он знал, что переделать психологию крестьянина «быстро нельзя, это долгий и трудный процесс борьбы» [2], что мелкого собственника нужно убедить в преимуществе общественной обработки земли, что нужно время, чтобы привычку к свободной торговле хлебом подчинить интересам пролетарского государства. «Крестьянин своим экономическим положением в буржуазном обществе неизбежно поставлен так, что он либо идет за рабочим, либо за буржуазией. Середины нет», — говорил В. И. Ленин [3], — и был твердо уверен в том, что крестьянство поддержит рабочий класс.

В. И. Ленин понимал, что из крестьянской массы выделяются умные организаторы, сторонники Советской власти. В. И. Ленин бережно относился к ним, привлекал к активной работе, прислушивался к их опыту.

Все это делает изучение ленинской политики по крестьянскому вопросу в годы гражданской войны актуально важной проблемой на современном этапе.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 108—109, 593; А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. М., 1934, стр. 107—108.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 361.

[3] Там же, стр. 365.

КРЕСТЬЯНСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С. М. Каштанов, А. Л. Литвин, Ю. И. Смыков

Научная разработка аграрного вопроса в России занимает видное место в трудах В. И. Ленина. Он дал глубокий анализ основных процессов развития сельского хозяйства, крестьянства, классовой борьбы в деревне. Особенно большое значение для понимания коренных проблем всей аграрной истории страны имеют такие классические исследования В. И. Ленина как «Развитие капитализма в России», «Аграрная программа РСДРП в демократической революции», «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.», а также знаменитые статьи о кооперации, написанные в январе 1923 г.

Литературное наследие В. И. Ленина по аграрному вопросу позволяет вместе с тем с правильных методологических позиций проследить путь русской и советской историографии крестьянства России в целом, отдельных крупных ее районов, в частности.

Цель настоящей статьи — дать обзор дореволюционной и советской литературы по истории крестьянства Среднего Поволжья. Необходимость в такой работе давно назрела. Историография накопила интересный опыт освещения аграрной эволюции происходившей на территории Средней Волги. Даже самый общий обзор проделанного в этой области представляет, на наш взгляд, определенный научный интерес, поможет выявить общие закономерности и некоторые особенности развития историографии аграрного и крестьянского вопросов в России, позволит определить дальнейшие задачи исследования.

Не претендуя на охват всех вопросов темы, получивших освещение в исторической литературе, авторы останавливаются лишь на трех ее разделах: 1. Крестьянство Среднего Поволжья середины XVI — середины XIX вв. (С. М. Каштанов). 2. Реформа 1861 г. и пореформенное крестьянство второй половины XIX — начала XX вв. (Ю. И. Смыков). 3. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны (А. Л. Литвин).

*
* *

В историко-географическое понятие «Среднее Поволжье» различными авторами вкладывается разное содержание. Т. П. Ржаникова, например, включает в «Среднее Поволжье» правобережную часть губерний Казанской (Симбирская, Свияжская, Казанская и Пензенская провинции) и Нижегородской (Алатырская и Арзамасская провинции и Нижегородский уезд), а также Шацкую провинцию Воронежской губернии (административные единицы берутся ею в границах 1765—1766 г.г.) [1]. Н. П. Гриценко указывает, что в «Среднее Поволжье» входят губернии Казанская, Симбирская и Самарская, в то время как Нижегородская губерния относится к Верхнему Поволжью [2]. По Н. Л. Рубинштейну «Среднее Поволжье» — это губернии Нижегородская, Казанская, Симбирская и частично Саратовская [3]. У И. Д. Ковальченко к «Среднему Поволжью» отнесены губернии Казанская, Пензенская и Симбирская, Самарская же и Саратовская фигурируют в числе «юго-восточных, степных» [4]. Имеются и другие точки зрения. Никакой договоренности относительно границ «Среднего Поволжья» в литературе не существует.

Авторы, имея в виду особенности темы настоящей работы, понимают под «Средним Поволжьем» губернии Казанскую, Пензенскую, Симбирскую и Самарскую в границах 1918—1920 г.г.

Научный интерес к быту и хозяйству крестьян Среднего Поволжья зародился еще в XVIII в., но ученые путешественники, писавшие на эту тему, ограничивались, как правило, указанием некоторых современных им особенностей положения крестьян (И. Лепехин, Г. Ф. Миллер, И. Георги и др.) и не изучали историю крестьянства. Такой характер литература о крестьянстве Среднего Поволжья сохранила до середины XIX в. (см., напр., труд Гакстгаузена). В 40-х — 50-х гг. в «Журнале Министерства Государственных Имуществ» был издан ряд хозяйственно-статистических описаний губерний Среднего Поволжья. Если в 40-х — начале 50-х гг. основным сюжетом

---

[1] Т. П. Ржаникова. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева (50-е — нач. 70-х годов XVIII в.). Канд. дисс., Л., 1953, (ГБЛ, м/п), стр. 6, прим. 2. То же самое см.: В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 1, Изд-во ЛГУ, 1961, стр. 286, прим. 3.

[2] Н. П. Гриценко. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (очерки), Грозный, 1959, стр. 4, прим. 1; то же (автореферат докт. дисс.), М., 1961, стр. 4.

[3] Н. Л. Рубинштейн. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка. — «Из истории рабочего класса и революционного движения», М., 1958, стр. 100.

[4] И. Д. Ковальченко. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. — «История СССР», 1959, № 1, стр. 64—65 и др.

этих описаний были производительные силы края [1], то со второй половины 50-х гг. увеличивается интерес к производственным отношениям [2]. Характерная для этого периода развития общественной мысли идея улучшения производительных сил постепенно вытесняется сознанием необходимости перемен в области социальных отношений. Во второй половине 50-х годов внимание к крестьянскому вопросу было огромным. В 1858—1860 гг. выходил «Журнал землевладельцев», основанный казанским и пензенским помещиком А. Д. Желтухиным. В нем печатались материалы о современном положении крестьян Казанской, Пензенской, Самарской и др. губерний [3]. Волнение крестьян села Большая Танеевка Саранского уезда нашло отражение в «Колоколе» [4].

Наряду с изданием хозяйственно-статистических [5] и этнографических [6] описаний сельского населения, накануне отмены крепостного права появляются работы, где рассматривается вопрос о причинах колонизации Поволжья и Приуралья в XVI—XVII вв. (1857 г.) [7], а также публикуются грамоты XVI — XVIII вв., относящиеся к Казанскому краю [8].

---

[1] Пелль. Хозяйственные заметки о Казанской и некоторых частях Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Вятской губерний. — ЖМГИ, ч. 16. СПб., 1845, стр. 127—146; П. Морозов. Статистическое и хозяйственное описание Городищенского уезда Пензенской губернии — ЖМГИ, ч. 33, СПб., 1849, стр. 79—98; Хозяйственно-статистическое обозрение Пензенской губернии.— ЖМГИ, ч. 34, СПб., 1850, отд. II, стр. 90—107; А. Марковский. Отличительные черты Городищенского уезда в сельскохозяйственном отношении — ЖМГИ, ч. 42, СПб., 1852, стр. 279—284; О хлебной промышленности в селе Екатериновке Самарской губернии — ЖМГИ, ч. 46, СПб., 1853, стр. 144—152; (Киттар). Казанская выставка сельских произведений в 1852 году — ЖМГИ, ч. 47, СПб., 1853, стр. 1—22; Ф. Целлинский. Агрономическое путешествие по южным уездам Казанской и Вятской губерний. — ЖМГИ, ч. 52, СПб., 1854, отд. III, стр. 23—48; П. Сабуров. 1853-й год в Пензенской губернии в сельскохозяйственном отношении. — ЖМГИ, ч. 53, СПб., 1854, отд. III, стр. 63—72.

[2] Я. А. Соловьев. Очерк хозяйства и промышленности Самарской губернии — ЖМГИ, ч. 62, СПб., 1857, стр. 204—245.

[3] Об этом журнале см. Н. М. Дружинин. «Журнал землевладельцев» 1858—1860 гг., ч. 1. — Труды института истории РАНИОН, сб. статей, вып. 1, М., 1926, стр. 463—518.

[4] Танеевское дело — «Колокол», л. 27, 1858, 1 ноября.

[5] С. Михайлов. Историко-статистическое описание села Владимирского-Басурманова в Козмодемьянском уезде (К), 1857, стр. 24—26; Н. (О.). Линдегрен. Чистопольский уезд. — Ж-л МВД, ч. 35, 1859, кн. 4; А. Горизонтов. Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда. СПб., 1859; В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России, СПб., 1858, стр. 10—11, 13, 62—64, 70—71, 78.

[6] В. Сбоев. Исследования об инородцах Казанской губернии, К., 1856; его же. О быте крестьян в Казанской губернии, К., 1856. Последняя брошюра заслужила суровую оценку Н. Г. Чернышевского, считавшего, что «дельных замечаний» в ней «почти нет» (ПСС, т. II, М., 1949, стр. 786—787.).

[7] С. В. Ешевский. Русская колонизация Северовосточного края — «Сочинения С. В. Ешевского», ч. III, М., 1870, стр. 603—666; Я. А. Соловьев. Указ. соч., стр. 205—209.

[8] Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казан-

В статистических обозрениях поволжских губерний, опубликованных в 60-х гг., имеются небольшие исторические очерки, посвященные преимущественно политической истории (по Карамзину и др.) [1]. В обозрениях Пензенской и Симбирской губерний (конец 60-х гг.) говорится о крестьянских войнах под предводительством Разина и Пугачева (по Костомарову и др.)[2]. Крайне отрицательную оценку крестьянским войнам дает автор пензенского описания Сталь.

В 60-х — начале 70-х гг. выходит ряд публикаций [3] и исследований [4], посвященных землевладению и крестьянству Среднего Поволжья XVI —XVIII вв. Главное место среди них занимают труды Н. А. Фирсова, изучавшего историю крестьянства преимущественно в юридическом плане [5]. У него смешано воедино положение «инородцев» различных областей, а царское правительство представлено как «благотворная сила, для которой нет разницы между людьми» [6].

Вторым после Фирсова крупнейшим историком крестьянства Среднего Поволжья был Г. Перетяткович, широко использовавший материал писцовых книг XVI—XVII вв. Перетяткович объяснял завоевание и колонизацию Поволжья с позиций геополитической теории. Он взял на вооружение тезис Фирсова о «демократизме» русской власти и дополнил его другими апологетическими тезисами (о распространении христианства, перенесении трехполья, заселении диких лесов и т. п.). В исследовательском методе Перетятковича весьма положительным моментом было стремление уточнить хозяйственную специфику отдельных районов, однако географическую среду он считал определяющим фактором, не учитывая экономических законо-

---

ской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым, т. 1, Казань, 1859.

[1] М. Лаптев. Казанская губерния, СПб., 1861, стр. 1—25.

[2] Сталь. Пензенская губерния, ч. 1, СПб., 1867, стр. 11—15; Липинский. Симбирская губерния, ч. 1, СПб., 1868, стр. 1—40.

[3] Алатырские крепостные книги — «Летопись занятий Археографической комиссии», 1864 г., стр. 134—176; Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, вып. 2, Симбирск, 1866.

[4] Б. Несколько сведений о состоянии Казанской губернии в прошлом веке, К., (1869); Вл. Ауновский. Село Промзино в 1739 году, по отказным книгам Алатырского уезда, и сравнение его с нынешним. — «Симбирский сборник», т. II, Симб., 1870, отд. 1, стр. 21—41; И. Беляев. Пугачевский бунт в Краснослободском уезде. — Сборник истор., геогр. и стат. материалов о Пензенской губернии, Пенза, 1870, стр. 143—169; Мариинский посад, К., 1875.

[5] Н. А. Фирсов. Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 года и колонизация закамских земель, К., 1870 и другие работы. Критическую оценку взглядов Н. А. Фирсова см. также в кн.: П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50 годах XVIII века. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 13.

[6] Н. Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, К., 1866, стр. 198—199.

мерностей [1]. А. Можаровский преувеличивал прогрессивную роль монастырей в освоении Среднего Поволжья [2]. В обобщающем труде В. И. Семевского о крестьянах второй половины XVIII в. использовался между прочим и материал, относящийся к средневолжским губерниям, однако в иллюстративном плане, ибо автор не вел порайонного изучения истории крестьян, хотя и выделил районы преобладания оброка и барщины (к последним он отнес и губернии Среднего Поволжья) [3].

В конце 70-х — 80-х гг. развивается историческое краеведение, изучение судеб отдельных местностей и их крестьянского населения в XVI—XIX вв. [4], продолжается публикация источников, характеризующих землевладение XVI—XVIII вв. [5].

Уже с конца 60-х гг. и особенно в 80-х гг. наблюдается рост интереса к истории крестьянских войн под предводительством Разина и Пугачева в районе Среднего Поволжья. Эти войны обычно рассматриваются как «бунты», вызванные различными злоупотреблениями местных чиновников или помещиков, а также инстинктами «толпы», однако исследователи нередко приводят ценный архивный материал, позволяющий воссоздать фактический ход борьбы крестьян [6]. Кроме того, в 80-х годах привлекли к себе внимание историков, с одной стороны, события периода «Смуты» начала XVII в. [7], с другой стороны, — т. н. «Акрамовский бунт» 1842 г. [8]. Н. П. Загоскин, изучавший события начала XVII в., тенденциозно противопоставлял пассивности «инородцев» активность русской «земщины» [9].

Возникавшее в это время демократическое направление в исследовании истории крестьянства Среднего Поволжья по-

---

[1] Г. Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках, М., 1877, стр. 270—271, 322—323; его же. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края), Одесса, 1882.

[2] А. Можаровский. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год, М., 1880, стр. 9.

[3] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, СПБ., 1881, т. II, СПб., 1901.

[4] Г. Петерсон. Приложение к историческому очерку Керенского края. 8. Село Шеино и его владельцы (из Шеинского архива Н. Х. Логвинова). (Пенза, 1882); его же. Приходская летопись села Поливанова-Сергиевского Керенского уезда, (Пенза, 1889); Село Верхний Услон, К., 1881; Л. Королев. Село Подберезье, К., 1887.

[5] Список с писцовых книг по г. Казани с уездом, К., 1877; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца, т. 1, К., 1882.

[6] См. указанную работу И. Беляева; Г. П. Петерсон. Исторический очерк Керенского края, Пенза, 1882, стр. 14—23, 38—44; Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII века, стр. 198—209; Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. III, СПб., 1884, стр. 111—181; П. Ф. Кузьмин. Пензенская губерния, Пенза, 1885, стр. 58—59, 61—63.

[7] Н. П. Загоскин. Казанский край в Смутное время, К., 1891.

[8] В. Магнитский. Рассказы об акрамовском картофельном бунте чуваш в 1842 году — «Волжский вестник», 1883, № 34, стр. 681—684.

[9] Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 59—60.

давлялось правительством. Написанная в конце 80-х годов книга Д. Л. Мордовцева [1], в которой разоблачались зверства поволжских помещиков, произвол и продажность местной администрации первой половины XIX в., была запрещена и сожжена [2].

С середины 90-х гг. и до начала Первой русской революции изучение истории крестьянства Среднего Поволжья вступает в полосу интенсивного накопления сырого архивного материала XVII — первой половины XIX вв., причем как в исследованиях [3], так и в публикациях [4] весьма отчетливо проявляется имевшая место и ранее тенденция подмены истории крестьянства историей помещичьего, монастырского и дворцового (удельного) землевладения. Среди работ этого времени необходимо отметить ценное исследование П. Мартынова об основании и заселении сел и деревень Симбирского уезда [5]. К положительным чертам историографии данного периода относится использование до-

---

[1] Д. Л. Мордовцев. Накануне воли. Архивные силуэты, СПб., 1889.

[2] Подробнее см.: Э. С. Паина. Крестьянское движение в России в XIX — начале XX вв. М., 1963, стр. 4—5.

[3] Е. М. Лебедев. Спасский монастырь в Казани (историческое описание), К., 1895, стр. 103—104; А. Васильев. К истории землевладения в Свияжском уезде, К., 1895; В. М. Терехин. Исторические материалы в отношении инородцев Пензенского края конца XVII ст. — Известия Общества археологии, истории и этнографии (далее — ИОАИЭ), т. XIV, вып. 2, К., 1897, стр. 195—202, вып. 6, К., 1898, стр. 658—661; С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века, СПб., 1897, стр. 356—360; Е. Будде. Из истории Казанского края, К., 1898; И. Покровский. Бортничество (пчеловодство) как один из видов натурального хозяйства и промысла близ Казани в XVI—XVII вв. — ИОАИЭ, т. XVII, вып. 1, К., 1901, стр. 67—73; А. Росницкий. Село Никольское Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии (историко-статистический очерк), (Пенза, 1904); История уделов за столетие их существования. 1797—1897, т.т. I—III, СПб., 1901—1902.

[4] В. и Г. Холмогоровы. Материалы для истории, археологии, статистики и колонизации Пензенского края. XVII и XVIII ст. — Сб. Пенза. губ. статистического комитета, вып. I, IV, V, Пенза, 1893—1901; В. Холмогоров. Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII века (Описание Синбирской и Карсунской десятин Патриаршей области), Симбирск, 1898; А. Н. Зерцалов. Материалы для истории Синбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Синбирской приказной избы). 1665—1667 гг., Симбирск, 1896; его же. Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв., Симбирск, 1900; П. Мартынов. Город Симбирск за 250 лет его существования, Симбирск, 1898, стр. 351—400 (приложения); Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца, т.т. II—IV, Симбирск, 1898—1904; Десятни Пензенского края (1669—1696) — «Русская историческая библиотека», т. 17 (сборный), СПб., 1898; (Л. Б. Вейнберг и А. А. Полторацкая). Материалы по истории Пензенской и соседних губерний, Пенза, 1889; Г. Кунцевич. Грамоты Казанского Зилантова монастыря — ИОАИЭ, т. XVII, вып. 5—6, К., 1901, стр. 268—344; Архив Симбирского Окружного суда, вып. 1. Гражданские дела Буинского уездного суда, Симбирск, 1901; Древние грамоты и разные документы (материалы для истории Казанской епархии), собр. протоиереем Е. Маловым. К., 1902; Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского дворца), под ред. П. Мартынова, Симбирск, 1902.

[5] П. Мартынов. Селения Симбирского уезда, Симбирск, 1903.

кументов XVI—XVII вв. в этнографических трудах [1]. Появляются этнографо-историко-географические этюды [2]. Зато заметно уменьшается интерес к истории разинского и пугачевского движений, которые рассматриваются по преимуществу в плане описания «бедствий», вызванных этими движениями [3]. В работе Е. П. Трифильева о положении крестьян в России при Павле I указываются случаи крестьянских движений в Среднем Поволжье в конце XVIII в. [4]. Все волнения этого времени автор связывает с желанием помещичьих крестьян перейти в разряд государственных [5].

Накопление большого фактического материала при явно недостаточной его критике, отсутствие исторических построений широкого плана — все это было характерно для идейного кризиса буржуазной исторической науки на рубеже XIX — XX вв.

В период революции 1905—1907 гг. и накануне февральской революции 1917 г. интерес к истории крестьянских войн резко возрастает. Больше половины всех исследований этого времени, касающихся крестьянства Среднего Поволжья, посвящено крестьянским движениям под руководством С. Разина и Е. Пугачева. В 1906 г. вышла книга Н. Н. Фирсова о «Разиновщине», в 1908 г. — о «Пугачевщине» [6]. Автор развивает прогрессивную мысль, о том, что в силу сходства социального положения русских крестьян и «инородцев» последние были солидарны с русскими в их борьбе с угнетателями. Менее передовой в идейном отношении, но ценной по фактическому материалу была работа А. И. Соловьева [7]. В книге С. И. Порфирьева, вышедшей в 1916 г., содержалось исследование порайонного распространения разинского движения в Казанском крае. Автор сосредоточил внимание на выяснении национального, а не социального состава участников движения [8].

---

[1] В. Магницкий. Список селений «мишарей» в Буинском уезде Симбирской губернии. — ИОАИЭ, т. XVII, вып. 2—3, К., 1901, стр. 125—127.

[2] В. Магницкий. Волости и деревни Чебоксарского уезда по одному фолианту 1 народной переписи — ИОАИЭ, т. XIV, вып. 2. К., 1897, стр. 223—225; Н. Катанов. Об одной выписи 1700 года, данной татарам Свияжского уезда, по копии И. Н. Юркина — там же, вып. 3, К., 1897, стр. 361—362.

[3] В. Э. Красовский. Алатырская старина. Симбирск, 1899, стр. 11—13; В. Н. Поливанов. Курмышская старина. Симбирск, 1899, стр. 11—12.

[4] Е. П. Трифильев. Из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков, 1904, стр. 144—147, 256—257, 266—268.

[5] Там же, стр. 290.

[6] Н. Н. Фирсов. Разиновщина; его же. Пугачевщина, СПб., М., б. г., стр. 76—89; см. об этих работах в предисловии к кн.: Н. Фирсов. Разин и Разиновщина. Пугачев и Пугачевщина. Казань, 1930, стр. 11.

[7] А. И. Соловьев. Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губернии. Симбирск, 1907.

[8] С. И. Порфирьев. Разинщина в Казанском крае. Казань, 1916.

Растет интерес к экономическому положению крестьянства. Однако данная проблема получает освещение лишь с юридических позиций. Так И. М. Покровский писал, что в Казанском крае в XVII в. существовали известные центральной России социально-юридические категории крестьянства: собственно «крестьяне», бобыли, задворные люди, холопы, кабальные люди, закладчики, работники-наймиты, новосадцы и др.[1]. Изучив землевладение и хозяйство казанского архиерейского дома в XVI—XVIII вв., Покровский пришел к ложному выводу о том, что бегство крестьян и запустение дворов (в XVI—XVII вв.) «не может свидетельствовать об угнетенности домовых крестьян», ибо «то и другое явление слишком обычны для тогдашнего времени»[2]. Тем самым отрицался факт угнетения крестьян и всеми другими феодалами. Не более убедительна попытка И. Тихомирова представить положение пензенских помещиков и крестьян первой половины XVIII в. одинаково «тяжелым»[3]. В книге А. Яблокова крестьянские повинности в пользу монастыря характеризуются в описательном плане[4]. В статье А. Шишкина пугачевское восстание объясняется с позиций известной чичеринско-соловьевской теории о закрепощении и раскрепощении сословий, согласно которой освобождение дворян от обязательной службы (1762 г.) подорвало моральные основания крепостного права и определило направленность крестьянского движения против прикрепления к помещику. На основе анализа архивных материалов Шишкин приходит к выводу, что крестьяне сами не убивали помещиков, но лишь стремились разграбить их имущество, дабы не допустить возвращения господ в насиженные гнезда (цель — стать государственными крестьянами)[5]. Автор замалчивает то, что физическое уничтожение помещиков, осуществлявшееся руками «казаков», «калмыков» и «каторжников», находилось в прямой связи с жалобами и показаниями помещичьих крестьян. Так проявилась в работе Шишкина характерная для этого времени тенденция изображать противоречия между помещиками и крестьянами в сглаженном виде.

В начале XX в. вышло в свет исследование И. И. Игнатович о положении помещичьих крестьян в первой половине XIX в. В этой работе показывается распределение крестьянского насе-

---

[1] И. М. Покровский. К истории поместного экономического быта в Казанском крае в половине XVII века. К., 1909, стр. X.

[2] И. Покровский. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. К., 1906, стр. 175.

[3] И. Тихомиров. К истории колонизации Пензенского края в начале XVIII века — Журнал м-ва нар. просв., 1910, ноябрь, стр. 61—71.

[4] А. Яблоков. Первоклассный мужской Успено-Богородицкий монастырь в городе Свияжске Казанской губернии. К., 1906, стр. 134—140.

[5] А. Шишкин. Пугачевцы в пензенских и тамбовских вотчинах — «Русский архив», 1911, кн. 4, стр. 507—523.

ления по губерниям (в процентах). Автор отмечает для средневолжских губерний преобладание барщины над оброком [1].

В последнее десятилетие перед Октябрьской революцией заметно снизилась интенсивность публикации документов по истории землевладения и крестьянства Среднего Поволжья, однако некоторые вышедшие в это время издания представляют значительную ценность [2].

Итак, в 1906—1916 гг. наблюдаются две основные тенденции в развитии историографии крестьян Среднего Поволжья: одна сводится к попытке объяснить классовую борьбу крестьян тяжелым социальным положением (Н. Н. Фирсов), другая состоит в отрицании классового антагонизма между землевладельцами и крестьянами (И. М. Покровский, И. Тихомиров и др.). Это раздвоение можно объяснить выделением в лагере интеллигенции революционного крыла и консервативного, которое выражало охранительные идеи.

После Октябрьской революции классовая борьба становится основной темой в историографии крестьянства Среднего Поволжья. В 1920—1934 гг. вышел ряд исследований [3] и публикаций [4], посвященных крестьянским войнам под предводительством Разина и Пугачева в районах Среднего Поволжья. Ме-

---

[1] Мы пользовались 3-м изданием этого труда: И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, Л., 1925, стр. 68—106.

[2] И. Покровский. Казанский архиерейский дом, приложения; его же. К истории поместного экономического быта; Списки с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда (1565—1567 г.), К., 1909; Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII веке, изд. под редак. Д. А. Корсакова, К., 1908; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца, тт. V—VI, Симбирск, 1912. Упоминания о разного рода земельных документах см. также в кн.: В. Ф. Залесский. К истории просвещения инородцев Казанского края в XVIII столетии, К., 1911, стр. 3.

[3] Н. Н. Фирсов. Чтение по истории Среднего и Нижнего Поволжья, вып. II, [К., 1920]; его же. Разин и Разиновщина. Пугачев и Пугачевщина, К., 1930 и др. его работы (все они в источниковедческом отношении крайне слабы, по форме представляют собой научно-популярное изложение событий; критику их см. в указанной книге П. К. Алефиренко, стр. 14); Н. Костин. Краткий очерк истории Краснослободского уезда и города Краснослободска Пензенской губернии, [Пенза], 1921; А. Заозерский. Бунтовщики (Эпизод из истории Пугачевского бунта) — «Века», Пгр., 1924, стр. 111—132; А. Губайдуллин. Участие татар в Пугачевщине — «Новый Восток», кн. 1 (7), М., 1925, особенно стр. 268; П. Никишин. Пугачевское движение в Пензенской провинции. — «Под знаменем ленинизма», 1927, № 12, стр. 27—31; С. И. Тхоржевский. Пугачевщина в помещичьей России. Восстание на правой стороне Волги в июле-октябре 1774 года, М., 1930; Б. Тихомиров. Разиновщина. М.-Л., 1930; С. Г. Томсинский. Крестьянские движения в феодально-крепостной России, 1932.

[4] Крестьянские движения XVII—XVIII вв. Сб. документов и материалов с примечаниями. Составил В. Викторов, М., 1926, стр. 227—237; Пугачевщина, тт. I—III, М.-Л., 1926—1931; Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина. М.-Л., 1931.

нее основательно изучалось крестьянское движение первой половины XIX в.[1]

Новым моментом в разработке истории крестьянских войн и волнений явилось осмысление классового характера крестьянской борьбы, признание классовой неоднородности «инородцев», исследование степени и характера участия в пугачевском движении различных групп татарского населения (А. Губайдуллин), учет расслоения внутри русского крестьянства (Б. Н. Тихомиров), постановка вопроса о Поволжье как центре социальных и национальных противоречий XVII—XVIII вв., показ единства классовых целей борьбы русского и «инородческого» крестьянства, указание на то, что в районах правобережья Волги, где основной силой восстания 1774 г. были крестьяне, «движение имело больший размах, чем принято думать» (С. Г. Томсинский, С. И. Тхоржевский, Б. Н. Тихомиров, Н. Н. Фирсов, П. А. Преображенский). Вместе с тем, в исторической литературе 20-х — начала 30-х годов несколько модернизировалась сущность крестьянских войн XVII—XVIII вв., стиралась их специфика. Авторы свободно и без всяких оговорок оперировали при характеристике явлений XVII—XVIII вв. такими понятиями, как «крестьянская революция», «буржуазия», «рабочие» и т. п.[2].

Эта концепция в наиболее полном виде оформилась в конце 20-х — начале 30-х годов. В начале 20-х годов еще продолжало бытовать представление о социальной однородности «инородцев»[3].

Кроме крестьянских войн, в рассматриваемый период изучались побеги крестьян в Среднее Поволжье из других районов и побеги внутри Среднего Поволжья из одних уездов в другие, а также сыск беглых[4].

---

[1] Исследования: в 1925 г. переиздана книга И. И. Игнатович; Е. А. Мороховец. Крестьянское движение в Поволжье в 1839 г. — Труды института истории РАНИОН, сб. статей, вып. 1, М., 1926, стр. 433—462. Публикации: Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. 1. Подготовил к печати Е. А. Мороховец, М., 1931, стр. 11, 46 и др.; Е. Медведев, М. Газизов. К истории «картофельных бунтов» в Казанской губернии. — «Центральный архив Татарстана», Бюллетень № 1 (22), 1933, стр. 43—47.

[2] Общий обзор советской историографии крестьянских войн см.: В. В. Мавродин. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII—XVIII веков — «Вопросы истории» (далее — В. И.), 1961, № 5, стр. 24—46; подробную историографию войны под предводительством Пугачева см. в кн.: В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. т. 1, изд-во ЛГУ, 1961, стр. 5—284.

[3] С. Ф. Ташкин. Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии, К., 1922.

[4] П. А. Преображенский. Беглые крестьяне Самарского края в XVIII веке. — Известия Самарского гос. университета, вып. 3, Самара, 1922, II Научный отдел, стр. 1—11; А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. — Труды Института истории РАНИОН, сб. статей, вып. 1, М., 1926, стр. 333—336; Труды Историко-археографического института и публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, т. X. Материалы по истории крестьянских движений, вып. 1. Разгром Разинщины, Л., 1934, стр. 260—278.

Интересный архивный материал был привлечен для иллюстрации самых одиозных форм помещичьего произвола во второй трети XIX в [1].

Изучая степень задолженности пензенских и саратовских помещиков в конце XVIII в., Е. П. Подъяпольская привела ценные сведения о займе денег помещиками под залог своих крепостных крестьян [2].

Таким образом, сразу после Октябрьской революции сама тематика исследований по истории крестьянства Среднего Поволжья приобрела совершенно иной классовый характер. История крестьян стала рассматриваться с сугубо антипомещичьих позиций.

Наряду с этим увеличился интерес к истории крестьянской, и в частности «инородческой» (мордовской и чувашской), колонизации южных областей Среднего Поволжья [3]. Специальные работы были посвящены расселению [4] и социальному положению [5] мордовского крестьянства XVI—XVII вв. Меньше изучалась помещичья колонизация [6].

Экономическая история Среднего Поволжья разрабатывалась в этот период недостаточно. Лишь в отношении Пензенского края исследовалась по источникам проблема разложения дворянского землевладения [7] и товаризация сельскохозяйственного производства [8]. Совсем почти прекратилась публикация

---

[1] П. О. Никишин. Пензенские помещики и их крепостные накануне реформы 1861 года (Бытовые очерки, составленные по архивным документам), Пензпечать, (1926).

[2] Е. Подъяпольская. К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII столетия — Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького, т. III, Саратов, 1929, стр. 268.

[3] П. (А.). Преображенский. Колонизация Самарского края. — Известия Самарского сельскохозяйственного института, т. 1, № 1, Самара, 1923. Б. Часть неофициальная, стр. 1—94; М. Н. Тихомиров. К истории колонизации Самарского края — Известия Самарского гос. университета, вып. 5, Самара, 1923; Т. А. Земляницкий. Чуваши в Самарской губернии. — «Вестник Среднего Поволжья», 1926, № 1, стр. 111—114; А. А. Гераклитов. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы. — Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького, т. III, Саратов, 1929, стр. 221—233.

[4] М. Е. Евсевьев. Мордва Татреспублики. — «Материалы по изучению Татарстана», вып. II, К., 1925, стр. 182 и др.

[5] А. А. Гераклитов. Мордовский «беляк». — Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском гос. университете, т. II, Саратов, 1927, стр. 103—112.

[6] А. Хвощов. Очерки по истории Пензенского края, Пенза, 1922; Ел. Подъяпольская. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда, Саратов, 1927.

[7] Б. Н. Гвоздев. Некоторые сведения о промышленности Пензенского края в 18 веке. Пенза, 1925, стр. 23; общие сведения за XVII — первую половину XIX в. см. в популярной брошюре: М. А. Лебедев. Краткие сведения из истории Пензенского края, Пенза, 1928.

[8] Б. Д. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века. — «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы», вып. 35, Л., 1929, стр. 75—83, 94—95 (об уездах Верхнеломовском, Нижнеломовском, Инсарском, Керенском, Наровчатском и Краснослободском).

материалов по экономической истории крестьянства Среднего Поволжья [1].

Во второй половине 30-х — начале 40-х гг. история крестьянства начинает изучаться в тесной связи с историей отдельных народов Поволжья. Были выявлены и затем переизданы документы, относящиеся к истории Татарии и Мордовии [2]. Классовая борьба остается и в это время главной темой историографии крестьянства, однако, если в 20-х — начале 30-х гг. изучались в первую очередь «Разинщина» и «Пугачевщина», то теперь в центре внимания становится крестьянское движение первой половины XIX в. Ему посвящаются публикации архивных документов [3] и специальные исследования, в которых вводится в научный оборот большое количество ранее неизвестных источников [4]. П. Г. Григорьев пересмотрел старое представление о волнениях 1841—1842 гг. как об «Акрамовском бунте» и указал на широкий размах этого движения [5]. Усилилась тенденция дифференцированного изучения участия крестьянства различных национальностей в классовой борьбе как XIX в., так и периода разинского восстания [6]. Эту тенденцию нельзя не поставить в связь с развитием социалистической национальной культуры автономных республик Поволжья, усилением интереса к национальной истории и ростом национальных кадров историков. Исходя из анализа царистских иллюзий и положительных идеалов крестьянства XVIII в., А. Н. Коган дает оригинальную трактовку крестьянской психологии и тактики в пе-

---

[1] Из писцовых книг XVI—XVII вв. была опубликована часть, относящаяся лишь к городу Казани, но не к уезду (Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г., Л., 1932).

[2] История Татарии в документах и материалах, М., 1937 (здесь изредка встречаются и некоторые впервые опубликованные источники, а также, в порядке исключения, выдержки из исследований Чечулина, Семевского и др.); Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1, (ч. 1), II, III, ч. 1, Саранск, 1939—1940.

[3] П. В. Озеров. Волнения чувашского крестьянства в 1842 году — «Красный архив», 1938, т. II (87), стр. 98—128; Восстание чувашского крестьянства в 1842 г. Сборник архивных документов, Чебоксары, 1942.

[4] С. В. Токарев. Крестьянские картофельные бунты, Киров, 1939, стр. 63—73; П. В. Озеров. Мари в крестьянском восстании 1842 года в Поволжье. — Труды Марийского научно-исследовательского института социалистической культуры, вып. II, 1940, стр. 29—65; П. Г. Григорьев. Волнения чувашского крестьянства в 1841—42 г. — Записки Чувашского научно-исслед. института языка, литературы и истории, вып. 1, Чебоксары, 1941, стр. 3—54.

[5] П. Г. Григорьев. Указ. соч., стр. 30.

[6] Участие марийцев в движении Степана Разина (по материалам МарНИИ) — «Марийская автономная область», Йошкар-Ола, 1936, № 7—8, стр. 61—80; М. М. Каликаев и Н. А. Мартынов. Участие народа мари в крестьянской войне под руководством Степана Разина в 1670—1671 гг. — Труды Марийского научно-исслед. ин-та социалистической культуры, вып. II, 1940, стр. 3—28; А. А. Гераклитов. Алатырская мордва. По переписям 1624—1721 гг., Саранск, 1938.

риод пугачевского восстания [1], которому в рассматриваемый период уделялось мало внимания [2]. Несколько уменьшилось внимание к проблеме крестьянских побегов в район Среднего Поволжья, однако написанная на эту тему статья А. Г. Манькова важна установлением предела крестьянских побегов на юго-восток в начале XVII в. (бежали не дальше Алатырского уезда) [3].

В разработке истории феодального освоения Среднего Поволжья все яснее проявляется стремление связать вопрос о распространении помещичьего и монастырского землевладения [4] с проблемой закрепощения нерусского крестьянского населения [5].

В плодотворном историко-географическом плане изучал историю мордовского крестьянства XVII — начала XVIII вв. А. А. Гераклитов [6].

Социально-экономические процессы, протекавшие в среде крестьянства, исследовались в это время слабо [7]. Очень важным, но в те годы еще одиноким опытом анализа «имущественного расслоения» крестьянства Среднего Поволжья в конце XVIII в. была статья К. В. Сивкова, посвященная положению крестьян пензенских вотчин князей Куракиных [8].

Порайонное изучение состояния производительных сил XVIII в. успешно вел П. И. Лященко. В отношении губерний Среднего Поволжья у него нет однако достаточно четких выводов, ибо, с одной стороны, в его работе фигурирует общая группа «Средневолжских губерний», с другой стороны, Пензенская и Казанская губернии получают диаметрально-противоположные географо-экономические характеристики [9].

---

[1] А. Н. Коган. Распространение самозванства в русской деревне в период Пугачевского восстания. — Ученые записки гос. педагогического и учительского института им. В. В. Куйбышева, вып. 7, 1943, стр. 217—225.

[2] См. еще К. Котков и С. Вернер. Очерки по истории мордовского народа XVIII в., Саранск, 1943.

[3] А. Г. Маньков. Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в 1-й четверти XVII века.— Ученые записки ЛГУ, № 80, серия исторических наук, вып. 10, Л., 1941, стр. 45—58.

[4] О царском землевладении XVII в. в Алатырском, Саранском и Симбирском уездах см.: А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в., М., 1937, стр. 19, 23 (впервые эта книга вышла в 1917 г. под названием «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве»).

[5] Материалы по истории мари в XVII веке — «Марийская автономная область», Йошкар-Ола, 1936, № 4, стр. 22—36; К. Котков и С. Вернер. Указ. соч.

[6] А. А. Гераклитов. Алатырская мордва, Саранск, 1938.

[7] См. публикацию документов (извлечение из дипломной работы М. М. Семина): И. Кузнецов. Крепостные крестьяне села Барашева-Усада в первой половине XIX в.— «Красный архив», 1936, № 4, стр. 117—150.

[8] К. В. Сивков. К вопросу об имущественном расслоении крестьянства в XVIII в.— «Исторические записки» (далее — И. З.), 11, 1941, стр. 282—285.

[9] П. И. Лященко. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке — И. З., 15, 1945, стр. 97—127, особенно стр. 109, 113, 117 (речь идет главным образом об урожайности).

Оценивая этот период развития историографии в целом, можно заметить, что исследование национального аспекта истории крестьян в известной мере отодвинуло на второй план изучение социальных процессов. Упрощенной представляется характеристика помещичьего и монастырского освоения Среднего Поволжья как «колониальной эксплуатации», а крестьянских движений — как борьбы против «национального гнета».

В 1946—1956 гг. в разработке истории крестьянства Среднего Поволжья наблюдается не только резкий количественный рост исследований, но и существенный качественный сдвиг, состоящий прежде всего в широком обращении к изучению различных сторон социально-экономического развития поволжской деревни. Борьба за землю помещичьих и государственных крестьян, борьба за землю внутри общины, различные формы экономического и внеэкономического закабаления крестьянства, развитие товарно-денежных отношений, эволюция форм ренты, рост расслоения крестьянства, наемный труд в рамках крепостного хозяйства, отходничество и отрыв части крестьян от земледелия, разложение крепостного хозяйства — таковы основные вопросы аграрной истории Среднего Поволжья, ставшие предметом исследования в этот период. Изучение всех форм классовой борьбы крестьянства (от побегов до крестьянских войн и восстаний), продолжавшееся с не меньшей активностью, чем раньше, было поставлено в тесную связь с исследованием социально-экономических отношений.

Для статей и монографий рассматриваемого времени характерно введение в научный оборот солидного комплекса первоисточников, почерпнутых из центральных и местных архивов. Появились в этот период и новые публикации архивных материалов, главным образом по социальной истории Среднего Поволжья [1].

Из социально-экономических исследований несколько специальных работ посвящено Пензенскому и Симбирскому краю

---

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. II, т. III, ч. II, т. IV, ч. I, Саранск, 1948—1953; Саранская таможенная книга за 1692 г., Саранск, 1951; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. Подготовил к печати К. В. Сивков, М., 1951, №№ 1, 2, 199—202, 231—233; Н. Р. Романов. Выпись из переписной книги Чебоксарского уезда 1649—1650 годов — Ученые записки Научно-иссл. института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 219—235. См. также обзор документов, среди которых есть относящиеся к Среднему Поволжью: В. З. Джинчарадзе и Ф. А. Останкович. Обзор хозяйственно-имущественных материалов фонда Воронцовых, хранящихся в ЦГАДА — И. З. 37, 1951, стр 252—279.

в XVIII в.[1]. Особенный интерес представляет диссертация Т. П. Ржаниковой, которая пришла к выводу, что в 50-х — 70-х гг. XVIII в. Среднее Поволжье превратилось в важнейший земледельческий район России. Очень ценны ее наблюдения о первых признаках внутрикрестьянской борьбы, о распространении смешанной ренты (опровержение тезиса В. И. Семевского о поляризации барщины и оброка), уменьшении с середины XVIII в. бегства в район Среднего Поволжья и др.[2]. Изучив процесс помещичьего закрепощения мордовского крестьянства, И. М. Корсаков отверг традиционное мнение о том, что мордовские крестьяне начиная с XVIII в. были только государственными и удельными[3].

В ряде работ освещается характер аграрных отношений первой половины XIX в. в Пензенской и Симбирской губерниях[4], в Самарском крае[5] и в Казанской губернии[6], массовое бегство из Пензенской и Симбирской губерний в 20-х — 30-х гг.

---

[1] Т. П. Ржаникова. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Пугачева (50-е — нач. 70-х годов XVIII в.). Канд. дисс., Л., 1953 (ГБЛ, м/п); ср. В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева, Т. П. Ржаникова. Об особенностях крестьянских войн в России — В. И., 1956, № 2, стр. 77—78; И. А. Булыгин. Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII века (на примере владений А. И. Полянского). Канд. дис., М., 1954 (ГБЛ, м/п); его же. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII в. (по материалам Пензенской губернии). М., 1966; Е. Н. Ошанина. Очерки по истории поместного землевладения и хозяйства в Симбирском крае во второй половине XVII — начале XVIII вв.) (по материалам архива Пазухиных)). Канд. дисс., М., 1954 (ГБЛ, м/п); ср. ее же. Хозяйство помещиков Пазухиных в XVII—XVIII веках.— В. И., 1956, № 7; Э. С. Коган. Крестьянское и помещичье хозяйство в пензенской и саратовской вотчинах Куракиных во второй половине XVIII века. Канд. дисс., М., 1955 (ГБЛ, м/п).

[2] Т. П. Ржаникова. Указ. соч., стр. 369, 373, 385, 516.

[3] И. М. Корсаков. К вопросу о помещичьем закрепощении мордвы.— Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР, № 13, Саранск, 1951, стр. 126—139.

[4] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М.—Л., 1946, стр. 85, 100, 416, 417 и др.; Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых, М., 1955, стр. 151—169; В. М. Тарасова. Экономика Симбирской губернии в первой трети XIX века и хозяйство Тургеневых.— Ученые записки Марийского гос. пед. института им. Н. К. Крупской, т. IX, Йошкар-Ола, 1955, стр. 24—86.

[5] И. М. Катаев. Усольская вотчина на Самарской луке в XVIII—XX вв., ч. 1. Период разложения феодализма. (Докт. дисс.), б/м и б/г (ГБЛ, м/п.); его же. На берегах Волги. История усольской вотчины графов Орловых, Челябгиз, 1948; Н. М. Дружинин. Киселевский опыт ликвидации общины.— «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 361—372.

[6] Е. И. Чернышев. Татария в период разложения крепостного строя — «Материалы по истории Татарии», вып. 1, К., 1948, стр. 305—320; М. Г. Софронов. Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа П. Д. Киселева. Канд. дисс., Казань, (ГБЛ, м/п.).

XIX в. [1]. Социально-экономическая история удельных крестьян Среднего Поволжья нашла отражение в трудах Н. П. Гриценко [2].

Более ранний период истории крестьянства Казанского края (XVI—XVII вв.) изучался слабее. Внимание уделялось в основном лишь судьба чувашского крестьянства этого времени [3]. В. Д. Димитриев поставил вопрос об эволюции «ясака» в XVI—XVIII вв. [4].

В некоторых работах, посвященных землевладению и хозяйству крупных феодалов XVII—XVIII вв., упоминались их средневолжские владения, но история последних специально не изучалась [5]. Был проявлен интерес к судьбам отходников-должников [6], экономическому устройству [7] и классовой борьбе [8] беглых в районах Среднего Поволжья в XVII—XVIII вв. Кроме того, исследовалось отходничество из Среднего Поволжья в Нижнее

---

[1] И. Игнатович. Крестьянские восстания первой четверти XIX века.— В. И., 1950, № 9, стр. 69.

[2] Н. П. Гриценко. Организация управления удельными крестьянами и их эксплуатация.— Ученые записки Чечено-Ингушского гос. пед. института, № 10, Грозный, 1948, стр. 205—248; его же. Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами,—там же, стр. 249—287; его же. Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю в конце XVIII — начале XIX века.— В. И., 1954, № 10, стр. 108—115; его же. Развитие товарно-денежных отношений в удельной деревне в период разложения феодально-крепостнического строя (1797—1863 гг.) — Ученые записки Грозненского гос. пед. института, № 9, серия историческая, вып. 2, Грозный, 1956, стр. 98—124.

[3] М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к Русскому государству — «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 96—97; Т. Г. Гусев. Присоединение Чувашии к Русскому государству — Записки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, вып. IV, Чебоксары, 1950, стр. 65, 75, 80; В. Д. Димитриев. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии — Ученые записки Научно-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 173—218.

[4] В. Д. Димитриев. О ясачном обложении в Среднем Поволжье. — В. И., 1956, № 12, стр. 107—115.

Д. И. Петрикеев. Земельные владения боярина Б. И. Морозова.— И. З., 21, 1947, стр. 61, 71, 98; К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885), М., 1947.

[6] Е. Н. Кушева. Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в.— «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 252, 257.

[7] И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVIII в.— И. З. 43, 1953, стр. 146—149; М. А. Баранов. Крестьяне монастырских вотчин накануне секуляризации. (По документам Спас-Евфимьева монастыря в г. Суздале). Канд. дисс., М., 1954 (ГБЛ, м/п), стр. 163—164; Н. И. Павленко. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (по материалам XVII—XVIII вв.) — И. З., 54, 1955, стр. 399.

[8] В. Ю. Гессен. Нападения беглых крестьян на помещичьи вотчины в 20—30-х годах XVIII века.— В. И., 1954, № 12, стр. 104—105.

в XVII в.[1], бурлачество чувашского крестьянства в XVIII — начале XIX вв.[2].

Изучение истории производительных сил края отставало от изучения истории производственных отношений. В конце 40-х гг. XX в. старый (идущий от Перетятковича) тезис о прогрессивном значении освоения Поволжья русским крестьянством приобрел характер известной недооценки предшествующего уровня развития земледелия у народов Среднего Поволжья[3]. В обобщающих трудах содержались довольно иллюстративные сведения, относящиеся к истории производительных сил Среднего Поволжья XVIII — первой половины XIX в.[4].

В изучении истории классовой борьбы новым моментом было прежде всего расширение круга рассматриваемых крестьянских движений. Наряду с прежними темами, предметом исследования оказались крестьянская война начала XVII в.[5] и волнения крестьян накануне выступления Е. Пугачева[6].

При освещении истории крестьянских войн под предводительством С. Разина[7], Е. Пугачева[8] и крестьянских волнений

---

[1] И. В. Степанов. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в.— Ученые записки ЛГУ, № 112, серия историч. наук, вып. 14, Л., 1949, стр. 146; его же. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в.— И. З., 36, 1951, стр. 152—156.

[2] Н. Р. Романов. Очерки по истории бурлачества в XVIII и первой половине XIX века. По архивным материалам Чувашии.— Записки Научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, вып. II, Чебоксары, 1949, стр. 55—110.

[3] В. В. Мавродин. Русское многонациональное государство и финноугорские народы (К постановке вопроса). — Ученые записки ЛГУ, № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948, стр. 43. Критику этой точки зрения см.: Ш. Ф. Мухаммедьяров. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI веках — «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», Сб. III, М., 1959, стр. 89—94.

[4] П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начало XIX века, ОГИЗ, Госполитиздат, 1947, стр. 226, 244, 717—719 (о мельницах и лесопилках); М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР — «Материалы по истории земледелия СССР», сб. II, М.-Л., 1956, стр. 82—84 (о полбе); В. С. Лехнович. К истории культуры картофеля в России — там же, стр. 369, 384.

[5] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова и народы Поволжья.— Записки научно-иссл. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР, 9, Саранск, 1947, стр. 24—48, особенно 24, 37—40, 43, прим. 1.

[6] Наиболее интересный материал собрала Т. П. Ржаникова в указанной диссертации; см. также Н. Л. Рубинштейн. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века — В. И., 1956, № 11, стр. 39—40 (к сожалению, автор обходит молчанием тезис В. И. Семевского об ослаблении классовой борьбы в начале 70-х гг.).

[7] Д. Ф. Каржавин. Степан Разин в Симбирске, Ульяновск, 1947, особенно стр. 21—25 (научно-популярная книга); М. М. Зевакин. К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под руководством Разина.— Записки Научно-исслед. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР, № 11, Саранск, 1949, стр. 201—222; И. Воронин. Сподвижник Степана Разина — там же, стр. 155—159; В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина 1667—1671 гг. М., 1955, стр. 93—119, 126—133; И. П. Паньков. Новые материалы о крестьянской войне под предводи-

первой половины XIX в.[1] тенденция изучения отдельных национальных групп восставших стала все больше вытесняться тенденцией анализа социальных особенностей движения на определенной территории. Э. С. Коган и Е. И. Глазатова углубили выдвинутый еще в 20-х — 30-х гг. тезис об особом значении крестьянской войны 1773—1774 гг. на правобережье Волги. По наблюдениям Глазатовой острая классовая борьба развернулась здесь еще до вступления Пугачева.

Основные вопросы истории крестьянства периода феодализма на территории Татарской АССР и Мордовской АССР получили довольно подробное освещение в соответствующих обобщающих трудах[2], причем следует особенно подчеркнуть фундаментальный характер исследования истории крестьянства Мордовии.

Совершенно новый этап в историографии крестьянства Среднего Поволжья составляют 1957 — первая половина 60-х гг. Если основным пафосом историографии предшествующего периода было монографическое описание отдельных феодальных хозяйств с их системой господского землевладения и крестьянского землепользования (работы Т. П. Ржаниковой, И. А. Булы-

---

тельством Степана Разина.— Ученые записки Чарджоуского гос. пед. института, вып. 1, Чарджоу, стр. 51—65; И. В. Степанов. Крестьянская война под предводительством Степана Разина в Среднем Поволжье.— Ученые записки ЛГУ, № 205, серия ист. наук. вып. 24, изд-во ЛГУ, 1956, стр. 125—166.

[8] К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885), М., 1947, стр. 149—150; его же. Крепостное право в вотчинах Шереметева (заключительная выставка музея), М., 1949, стр. 23—24; К. А. Котков. Крестьянское движение на территории Мордовии во 2-й половине XVIII века, Саранск, 1949; С. Петров. Пугачев в Пензенском крае, Пензоблиздат, 1950; Э. С. Коган. Волнения крестьян пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачева — И. З., 37, 1951, стр. 104—124; Е. И. Глазатова. Крестьянство Казанского края в восстании Емельяна Пугачева. Канд. дисс., Л., 1952 (ГБЛ, м/п.); М. Зевакин. Пугачев в Саранске — «Литературная Мордовия», № 6 (10), Саранск, 1952, стр. 236—248; Н. Л. Рубинштейн. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века.— В. И., 1956, № 11, стр. 41 и след.

[1] Е. И. Чернышев. Татария в период разложения крепостного строя — «Материалы по истории Татарии», вып. 1, Казань, 1948, стр. 320—342; П. Г. Григорьев. Крестьянское движение среди чуваш во второй четверти XIX века, Чебоксары, 1948. Канд. дисс. (ГБЛ, м/п); его же. Волнение удельных крестьян чуваш и татар во второй четверти XIX в. в Симбирской губернии.— Записки научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, вып. IV, Чебоксары, 1950, стр. 82—130; Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг., М., 1952, стр. 43, 45—46, 60, 70—71, 141; Н. П. Гриценко. Волнения удельных крестьян Среднего Поволжья в связи с общественной запашкой (1828—1860 гг.).— Ученые записки Ульяновского гос. пед. ин-та, вып. V, Ульяновск, 1953, стр. 139—208; Т. Г. Григорьев. Крестьянское движение в Чувашии накануне падения крепостного права. — Ученые записки Научно-иссл. ин-та языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, вып. XI, 1955, стр. 3—49.

[2] История Татарской АССР, т. 1, Казань, 1955; Очерки истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1955, гл. VI—IX, XII—XIV.

гина, Е. Н. Ошаниной, Н. П. Гриценко и др.), то самой примечательной чертой литературы нового периода является рассмотрение аграрных отношений Среднего Поволжья в общероссийских рамках, в сравнении с другими хозяйственно-экономическими районами. При этом расширилась сама тематика исследований путем включения в нее гораздо большего, чем прежде, числа вопросов, связанных с историей производительных сил. Производительные силы и производственные отношения стали изучаться в тесной взаимосвязи. В трудах Н. М. Дружинина [1], Н. Л. Рубинштейна [2], П. К. Алефиренко [3], В. К. Яцунского [4], И. Д. Ковальченко [5] и др. [6] содержатся чрезвычайно интересные наблюдения о месте Среднего Поволжья среди других районов России XVIII — первой половины XIX вв. в отношении площади посевов (зерновых, картофеля, технических культур), урожайности, товарности земледелия, развития крестьянских промыслов, размеров помещичьего землевладения (мелкое, среднее и крупное), крестьянского землепользования, форм ренты. П. К. Алефиренко также характеризует в порайонном плане степень распространения беглых, различные способы

---

[1] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II, М., 1958, стр. 342—357, 361 и сл., 578—579.

[2] Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк), М., 1957, стр. 124—127, 228—229, 263—264, 381; его же. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка.— «Из истории рабочего класса и революционного движения», М., 1958, стр. 98, 100; его же. Некоторые вопросы сельскохозяйственной статистики XVIII в.— «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России», М., 1961, стр. 86—87.

[3] П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века, Изд-во АН СССР, 1958, стр. 20, 55—79, 179 и сл., 228—245, 298 и сл.

[4] В. К. Яцунский. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны.— «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России», М., 1961, стр. 113—148.

[5] И. Д. Ковальченко. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. — «История СССР», 1959, № 1, стр. 64, 65, 67, 70, 75, 79; его же. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1959 г.», М., 1961, стр. 197—198, 218—219; 224; его же. О товарности земледелия в России в первой половине XIX в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г.», Вильнюс, 1964, стр. 479.

[6] Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (По материалам внутренних таможен), М., 1958, стр. 251 (см. о Ломовском уезде); Н. И. Павленко. К вопросу об эволюции дворянства в XVII—XVIII в. — «Вопросы генезиса капитализма в России», Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 63, 65—68 и др.; Н. М. Шепукова. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г.», Вильнюс, 1964, стр. 394, 404; Е. И. Индова. Дворцовое хозяйство России. Первая половина XVIII века, М., 1964.

крестьянского сопротивления и т. п.[1]. У М. Н. Тихомирова описание землевладения и хозяйства Среднего Поволжья XVI — начала XVII вв. помещено в ряду аналогичных описаний других районов[2].

Главная тема работ, построенных на локальном материале,— перерастание имущественного неравенства в социальное расслоение крестьянства[3], зарождение кулачества в феодальной деревне[4].

Особое место в историографии этого периода принадлежит трудам историков Чувашской АССР, подробно и всесторонне изучающих историю социально-экономического развития и классовой борьбы чувашского крестьянства XVI — первой половины XIX вв. (В. А. Нестеров, Н. Р. Романов, В. Д. Димитриев, П. Г. Григорьев, И. Д. Кузнецов)[5]. История марийского крестьянства получила лишь весьма беглое освещение в кратком учебном пособии для школ[6]. Появились исторические очерки, авторы которых стремятся выяснить экономическую специфику отдельных областей Среднего Поволжья XVII — первой половины XIX в.[7]. Исследования Н. П. Гриценко об удельных крестьянах Среднего Поволжья были опубликованы в виде моно-

---

[1] П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 98—106, 109—111, 116 (прим. 85), 138 (прим. 172), 140 (прим. 176), 188, 264 и сл.

[2] М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 467—507.

[3] М. Г. Софронов. Развитие капиталистических отношений среди государственных крестьян Казанской губернии в 40—50-е годы XIX в. — «Известия Казанского филиала АН СССР», серия гуманитарных наук, 2, Казань, 1957, стр. 91—104; И. А. Булыгин. Расслоение крепостного крестьянства во владениях Полянских в последней трети XVIII в. — «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», М., 1958, стр. 324—341; Э. С. Коган. Расслоение крестьянства в Архангельской вотчине Куракиных в конце XVIII в. — там же, стр. стр. 296—323; ее же. Очерки истории крепостного хозяйства. По материалам вотчин Куракиных 2-й половины XVIII века, М., 1960; П. К. Алефиренко. Крестьянское хозяйство во владениях графа М. Г. Головкина в 40—50-х годах XVIII в.— «Материалы по истории сельского хозяйства СССР», Сб. V, М., 1962, стр. 132—162. Работы М. Г. Софронова, И. А. Булыгина и Э. С. Коган основаны на материале их канд. диссертаций, написанных в предшествующий период.

[4] И. Д. Кузнецов. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957; его же. Очерки по истории и историографии Чувашии, Чебоксары, 1960, стр. 109—127.

[5] «Материалы по истории Чувашской АССР», Чебоксары, 1958; В. Д. Димитриев. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773—1775 годов). Чебоксары, 1959; см. также указанные работы И. Д. Кузнецова.

[6] История Марийской АССР. Учебное пособие для учащихся 7—8 классов, Йошкар-Ола, 1964, стр. 9—24.

[7] А. Дергачев. Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 года, Пензкнижиздат, 1958; И. С. Ромашин. Очерки экономики Симбирской губернии XVII—XIX вв. (В помощь учителю средней школы), Ульяновск, 1961; А. Г. Каревская. Классовая борьба в помещичьей деревне Самарской губернии середины XIX века.— Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, вып. 41. Историко-филологический факультет, Куйбышев, 1963, стр. 425—466.

графии [1]. Стало подробнее изучаться землевладение татар во второй половине XVI—XVII вв. [2], русское феодальное землевладение XVI в. в Казанском и Свияжском уездах [3], земледельческое освоение Среднего Поволжья в XVII в. [4].

Что касается истории классовой борьбы крестьянства Среднего Поволжья, то изучение ее еще теснее сомкнулось с исследованием социально-экономических отношений [5]. Специальные труды, посвященные только классовой борьбе как таковой [6], не доминируют в общем комплексе работ, характеризующих исто-

---

[1] Н. П. Гриценко. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (очерки), Грозный, 1959; его же. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук), М., 1961; ср. Ф. А. Фургин. Удельные крестьяне накануне и в годы революционной ситуации. — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1962, стр. 185—188.

[2] Ш. Ф. Мухамедьяров. Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. — «Известия Казанского филиала АН СССР», серия гуманитарных наук, 2, Казань, 1957, стр. 191—196; Е. И. Чернышев. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г.», Рига, 1963, стр. 174—183.

[3] Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. — И. З., 70, 1961, стр. 223—250; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, М., 1964, стр. 139—148; С. М. Каштанов. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича — Труды Моск. Гос. Историко-архивного ин-та, т. 16, М., 1961, стр. 442—445, 456—457; С. М. Каштанов, А. Л. Литвин. К проблеме достоверности исторических источников. — «Из истории Татарии. Краеведческий сборник», Казань, 1965, стр. 298—304.

[4] Е. Н. Ошанина. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. — «Русское государство в XVII веке», М., 1961, стр. 50—74; Л. Г. Заничева. Социально-экономическое положение крестьян Шацкого уезда в XVII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», Минск, 1964, стр. 202—211 (есть данные о Саранском и Ломовском уездах).

[5] См. указанные работы Н. М. Дружинина, П. К. Алефиренко, А. Дергачева, А. Г. Каревской, историков Чувашской АССР, «Историю Марийской АССР» и др. См. также В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 1, Изд-во ЛГУ, 1961, стр. 286—295, 318—323, 342—347, 350, 361, 385—389.

[6] Е. И. Глазатова. Восстание крестьян Казанского края на первом этапе Крестьянской войны (конец 1773 г. — начало 1774 г.) — Ученые записки Читинского гос. пед. ин-та, вып. 1, Чита, 1957, стр. 99—118; С. А. Коробов. Волнения крестьян Марийского края во второй четверти XIX века. — Приволжский лесотехнический институт им. М. Горького. Сб. трудов кафедр общественных наук, Йошкар-Ола, 1957, стр. 175—195; И. И. Игнатович. Волнения крестьян князя М. В. Кочубея в Саратовской и Самарской губерниях в 1860—1862 гг. — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 176—189; ее же. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века, М., 1963; М. В. Кукушкина. Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях в 1856—1860 гг. И. З., 68, 1961, стр. 117, 130, 133, 135—138; Ю. А. Тихонов. Крестьянская война 1670—1671 гг. в Лесном Заволжье — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран», М., 1963, стр. 272—273 (автор устанавливает связь восстания в Лесном Заволжье с восстанием в Козьмодемьянске); Э. С. Паина. Жалобы помещичьих крестьян первой половины XIX в. как исторический источник — «История СССР», 1964, № 6, стр. 115.

рию социальных отношений и классовой борьбы в Среднем Поволжье. Вместе с тем были изданы капитальные публикации, освещающие ход крестьянской войны под предводительством Степана Разина [1] и крестьянское движение конца XVIII — первой половины XIX вв. [2].

* * *

Итак, историография крестьянства Среднего Поволжья прошла весьма сложный путь, отмеченный накоплением огромного фактического материала и разработкой важных социально-экономических проблем. Разработка эта в последние годы становится все более зрелой, открывая новые возможности для осмысления всей суммы накопленных фактов и для изучения еще мало освоенных тем.

II

Дореволюционная и советская историография реформы 1861 г. прослежена в широком плане и проанализирована в работах П. А. Зайончковского [3] и статье Б. Г. Литвака [4]. Их периодизация литературы о падении крепостного права, ее марксистско-ленинская оценка позволяют более тесно увязать путь историографии реформы 1861 г. в Среднем Поволжье с общим развитием исторических взглядов по этой важной проблеме.

В дореволюционной историографии история падения крепостного права отразилась весьма слабо. Так, например, реформе 1861 г. в Казанской губернии были посвящены три газетные статьи (Владимирцев, Клепацкий) [5], а также небольшой очерк А. Н. Спасского [6]. Эти авторы освещали прежде всего процесс подготовки реформы в крае, а главное — все вопросы рассматривали с дворянско-буржуазных позиций. Либерально-идеалистическое восприятие событий 1861 г. выливалось у них в безудержные похвалы «великому освободителю» Александру II.

---

[1] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб-к. документов, т. II, Август 1670 г. — январь 1671 г. Ч. 1. Массовое народное восстание в Поволжье и смежных областях, М., 1957.

[2] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг., М., 1961, Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., М., 1961; Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг., М., 1962; Крестьянское движение в России в 1857 — май 1861 гг., М., 1963.

[3] П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., М., 1958, стр. 10—24; Его же. Советская историография реформы 1861 г. — В. И., 1961, № 2, стр. 85—104.

[4] В. Г. Литвак. Советская историография реформы 19 февраля 1861 г. — «История СССР», 1960, № 6, стр. 99—120.

[5] Владимирцев. Полвека назад. — «Камско-Волжская речь», 1911, №№ 39—40; Клепацкий. Из казанской старины. — «Казанский телеграф», 1911, 24 февраля.

[6] А. Н. Спасский. Очерки по Родиноведению. Казань, 1912, стр. 269—273.

В таком же духе оценивались отдельные, частные вопросы отмены крепостного права и в крайне немногочисленной самарской литературе [1].

Не получили правильного освещения в либерально-буржуазной литературе и такие события, как выступление крестьян в с. Бездна Казанской губернии и «Куртинская панихида», даже в том случае, когда о них писали демократически настроенные исследователи — И. И. Игнатович, А. З. Попельницкий, Н. А. Фирсов [2].

Марксистскую концепцию реформы 1861 г. еще в период господства в исторической науке дворянско-буржуазной историографии дал В. И. Ленин. Он впервые поставил вопрос о реформе как составной части революционной ситуации конца 50- начала 60-х годов. В статьях «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «По поводу юбилея» и «Пятидесятилетие падения крепостного права», написанных в 1911 г., В. И. Ленин показал истоки и причины реформы, борьбу классов вокруг нее, раскрыл сущность этого акта и его историческое значение для пореформенного социального и экономического развития России. Эти и другие работы В. И. Ленина сыграли впоследствии определяющую роль в оформлении и утверждении марксистско-ленинского направления в исследовании проблемы падения крепостного права.

Однако даже в первые годы Советской власти далеко не все историки понимали ленинскую концепцию реформы 1861 г. В литературе тех лет еще проявлялись рецидивы либерально-народнического подхода при освещении вопросов отмены крепостного права. Примером этому в историографии Среднего Поволжья является работа П. А. Преображенского, опубликованная в 1923 г., в которой автор затушевывает крепостнический характер реформы, стремится показать ее якобы «освободительные» намерения [3].

В 1920—1930-х годах советские историки-марксисты начали большую работу по расширению источниковедческой базы для изучения всей проблемы отмены крепостного права. В частности, появляются интересные публикации «Красного архива», посвященные крестьянскому и общественному движению в ряде

---

[1] 50-летие Самарской губернии. Самара, 1901; П. В. Алабин. 25-летие Самары как губернского города. Самара, 1877.

[2] И. И. Игнатович. Бездна. — В кн.: Великая реформа, т. 5. М., 1911, стр. 211—219; Ее же. Встреча на местах. — Там же, стр. 172—178; А. З. Попельницкий. Как принято было Положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами. — «Современный мир», 1911, № 2, стр. 211—235; № 3, стр. 167—187; Его же. Первые шаги крестьянской реформы. — В кн.: Великая реформа, т. 5. М., 1911, стр. 179—211; Н. А. Фирсов. Студенческие истории в Казанском университете. — «Русская старина», 1889, тт. XI, XII, XIII.

[3] П. А. Преображенский. Крестьянская реформа 1861 г. в Самарской губернии. Самара, 1923.

губерний Среднего Поволжья [1], с небольшими предисловиями М. В. Нечкиной, В. Р. Лейкиной, И. В. Кузнецова, М. Л. Лурье и др. Все эти публикации во многом способствовали повышению научного интереса к исследованию реформы и борьбы вокруг нее на местах.

Широкое и всестороннее изучение реформы 1861 г. и связанных с ней вопросов началось только со второй половины сороковых годов. Особенно подробно в те годы исследовалось крестьянское движение в период падения крепостного права в масштабах отдельных районов, на основе материалов местных архивов. В Татарии эту работу начал Е. И. Устюжанин, который еще в 1941 г. опубликовал статью о Бездненском восстании 1861 г. [2]. Позднее он дал более широкую картину размаха и остроты крестьянского движения в Казанской губернии в период проведения реформы [3].

Бездненское восстание и т. н. «Куртинская панихида» нашли яркое отражение в документальном сборнике [4] с предисловием Г. Н. Вульфсона. В своих последующих работах и, прежде всего в кандидатской диссертации, он рассмотрел все основные компоненты борьбы вокруг реформы 1861 г. как составной части революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. [5]. Вместе с Е. Г. Бушканцем он проследил освещение бездненских событий в «Современнике» Н. Г. Чернышевского и «Колоколе» А. И. Герцена [6].

---

[1] «Бездненское восстание 1861 г.» («Красный архив», т. 5 (36), 1929, стр. 180—191); «Из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г.» (Там же, стр. 201—204); «Восстание в Бездне» (т. 4, (35), 1929, стр. 176—208); «Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездна Крестьянам» (т. 4, 1923, стр. 407—410); «К истории демонстрации — панихиды по убитым в с. Бездна Казанской губернии крестьянам в 1861 г.» (т. 4 (17), 1926, стр. 181—185); «Семьдесят пять лет назад (19 февраля 1861 г.)» (т. 1, (74), 1936, стр. 5—36); «Кандеевское восстание 1861 г.» (т. 1, (92), 1939, стр. 91—132); «Реформа 1961 г. и крестьянское движение» (т. 2 (75), 1936, стр. 62—82).

[2] Е. И. Устюжанин. Бездненское восстание 1861 года. «Ученые зап. Каз. гос. пед. ин-та». 1941, Вып. 4, стр. 79—105.

[3] Е. И. Устюжанин. Крестьянское движение в Казанской губернии в период реформы 1861 года. В кн.: «Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948, стр. 414—487; Его же. Волнение крестьян села Бездны 1863—1865 годов (Из истории крестьянских движений в Татарии в период реформы 1861 года). «Ученые зап. Казан. гос. пед. ин-та». 1949. Вып. 7, стр. 31—52; Его же. Крестьянское движение в 50-х годах XIX в. В кн.: Материалы по истории Татарии, стр. 331—341. Его же. Буржуазные реформы 60-х годов в Татарии. В кн.: История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 288—332.

[4] Бездненское восстание 1861 года. Сб. документов. Подготов. к печати А. И. Сочилов и Г. Н. Вульфсон. Казань, 1948.

[5] Г. Н. Вульфсон. Борьба вокруг реформы 1861 г. в Казанской губернии. Канд. дисс. М., 1950.

[6] Г. Н. Вульфсон и Е. Г. Бушканец. Бездненское восстание в освещении «Современника» Н. Г. Чернышевского и «Колокола» А. И. Герцена. Казань, 1951.

Результаты исследований по истории борьбы помещичьих крестьян Казанской губернии в годы революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. были изложены Е. И. Устюжаниным и Г. Н. Вульфсоном в специальной работе [1].

В те же годы в историографии Татарии были сделаны первые шаги по изучению уставных грамот [2], без которых вообще невозможно исследовать реформу 1861 г., но разработка этого источника не была систематической и полной и, к сожалению, с тех пор фактически не возобновляется.

С начала 1950-х годов вопросы подготовки и реализации реформы стали изучаться и в других автономных республиках и областях Среднего Поволжья. И. М. Корсаков сделал анализ уставных грамот по 275 имениям ряда уездов (из губернии Пензенской, Симбирской и Тамбовской), вошедших позднее в Мордовию, и нескольким выкупным сделкам по этому району [3]. По его мнению, отрезки в Мордовии составляли 28% от дореформенных крестьянских наделов, а по отдельным селениям доходили до 56%. Реформам 1863—1866 гг. в отношении удельных и государственных крестьян на территории Мордовии посвящена кандидатская диссертация Л. С. Рябинского [4]. Исследовав уставные грамоты и владенные записи, автор пришел к выводу, что крестьяне разных национальностей Мордовии получили, в пределах своих разрядов, примерно равное количество земли. Ряд интересных наблюдений он сделал и в отношении пореформенного землепользования и землевладения мордовской государственной деревни, указав, в частности, на неравномерное распределение и обмен земли, как на завуалированную форму отрезков.

Реализацию реформы 60-х годов среди всех категорий крестьян Чувашии, а также крестьянское движение края в период падения крепостного права рассмотрел Т. Г. Григорьев [5]. Для земель бывших помещичьих крестьян он вывел процент отрезки в среднем для всей Чувашии равный 26,6% (без указания источника), но неоправданно расценил их (отрезки) как основное зло, которое существовало в этом многонациональном районе

---

[1] Е. И. Устюжанин и Г. Н. Вульфсон. Борьба помещичьих крестьян Казанской губернии в период революционной ситуации 1859—1861 гг. — «Уч. записки Казанск. ун-та», т. 112, 1952, стр. 77—113.

[2] Е. И. Чернышев. Крестьянская реформа в Казанской губернии. — В кн.: Материалы по истории Татарии. Вып. 1, Казань, 1948, 366—413.

[3] И. М. Корсаков. Крестьянская реформа 1861 г. в Мордовии. — «Записки Мордовск. н.-и. ин-та яз. лит. и истории при Сов. Мин. Мордовской АССР». Т. 15. 1952, стр. 139—154.

[4] Л. С. Рябинский. Реформы 1863—1866 годов в отношении удельных и государственных крестьян на территории Мордовии. Канд. дисс. М., 1964.

[5] Т. Г. Григорьев. Реформы 60—70-х годов XIX в. в Чувашии. — В кн.: Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. II. Чебоксары, 1956, стр. 5—31; Его же. Крестьянское движение в Чувашии в период падения крепостного права. — Там же, стр. 32—59.

Поволжья в пореформенные годы. Владенные записи, определявшие положение государственных крестьян, автор не изучал. Нет четкости и обобщающих данных по классовой борьбе в деревне края. Более обстоятельный очерк о проведении реформ 60-х годов в Чувашии дал с привлечением свежего архивного материала И. Д. Кузнецов [1]. Он особенно подчеркнул многочисленные крепостнические пережитки, сохраненные государственным аппаратом в помещичьей, удельной и государственной деревне края.

М. И. Терешкина исследовала осуществление реформы 1861 г. в Марийских районах, изложив свои наблюдения в кандидатской диссертации, статьях и главе в «Очерках истории Марийской АССР» [2]. Изученные ею отдельные уставные грамоты и владенные записи позволяют подметить некоторые особенности «освобождения» марийского крестьянства.

По Самарской губернии [3] особенно выделяется работа А. Г. Каревской, основанная на изучении уставных грамот. Автор дала обстоятельный анализ социально-экономической обстановки в крае накануне падения крепостного права, раскрыла сущность проекта самарского дворянства по ограблению крестьян, проследила специфику реализации реформы в губернии. Исследование уставных грамот позволило ей представить действительную картину отрезков от крестьянских земель по всем уездам, а также вывести общую цифру (41,3%) по губернии. При этом оказалось, что особенно значительному обезземеливанию подверглись крестьяне степной и переходной местностей края.

Ряд важных и интересных особенностей осуществления реформы 1861 г. в Симбирской губернии удалось определить В. И. Канатову на основе тщательного анализа уставных грамот и выкупных платежей: прямую зависимость величины отрезков от размеров дореформенного надельного землепользования, некоторое уменьшение наделов при переходе крестьян на выкуп, значительное распространение дарственных наделов

---

[1] И. Д. Кузнецов. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963, стр. 26—53.

[2] М. Терешкина. Крестьянская реформа в Марийских районах. Канд. дисс. Йошкар-Ола, 1951; Ее же. Крестьянская реформа в Марийских районах. — «Тр. Марийск. н. и. н-та языка и литературы». Вып. 9. Йошкар-Ола, 1956, стр. 3—35; Ее же. Отмена крепостничества. Буржуазные реформы 60—70-х годов XIX в. — В кн.: Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965, стр. 207—219.

[3] В. Левашев. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1940; И. Катаев. Крестьянская реформа 1861 года в вотчине Орловых-Давыдовых (по материалам Усольского вотчинного архива). «Коммунист» (Куйбышев), 1941, № 4, стр. 72—78; А. Г. Каревская. Проведение крестьянской реформы 1861 г. в Самарской губернии. Канд. дисс. Куйбышев, 1959.

и др.[1]. Он внес также поправку в принятую ранее величину отрезки крестьянского надельного землепользования по Симбирской губернии (32,6% вместо 27,9%).

Таким образом, советская историография проблемы падения крепостного права в губерниях Среднего Поволжья уже располагает рядом серьезных исследований, которые помогают пониманию реформы в целом. Вместе с тем, эта литература выявила ряд вопросов, решение которых назрело. Прежде всего — изучение и обработка уставных грамот по Казанской и Пензенской губерниям, а выкупных актов — буквально по всем районам Среднего Поволжья. Серьезные задачи стоят также в области освещения на основе единой методики крестьянского движения тех лет, всестороннего выяснения результатов реформ 60-х годов и т. д. Такая работа позволит вплотную подойти к созданию обобщающего труда по истории реформы в Среднем Поволжье, что, в свою очередь, явится исходным моментом для исследования проблемы развития капитализма в сельском хозяйстве края на протяжении второй половины XIX в.

Буржуазная историография, не говоря уже о дворянской, не смогла дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения социально-экономическим процессам пореформенной России. Исследователи либерально-народнического направления не замечали капиталистической эволюции деревни и классового расслоения крестьянства, стремились всячески затушевать борьбу широких крестьянских масс и т. п.

Народническая литература Среднего Поволжья не создала работ широкого исторического плана о пореформенной аграрной эволюции края. Она была представлена главным образом различными небольшими очерками и обзорами, опытами описаний и исследований отдельных сторон крестьянского хозяйства и быта[2]. Иногда делались попытки обобщить накопленную сумму фактов[3]. Такие издания часто содержали богатый и разнооб-

---

[1] В. И. Канатов. Своеобразие проведения реформы 1861 года в Среднем Поволжье (по материалам Симбирской губернии). — «Вестник Московского университета» Серия IX. История 1964, № 5, стр. 37—54.

[2] И. А. Лишин. Очерк Николаевского уезда Самарской губернии. СПб., 1880; Быт Самарского крестьянина. Казань, 1873; Кощаковская волость Казанского уезда. Опыт подворно-статистического исследования крестьянского хозяйства. Казань, 1884; К. Лаврский. Татарская беднота. Стат. эконом. очерк двух деревень Казанской губернии. Казань, 1884; С. Л. Маслов. Плуги и другие улучшенные сельскохозяйственные орудия в крестьянском хозяйстве Казанской губернии. Казань, 1905; Н. В. Пономарев. Кустарная промышленность в Казанской губернии. — В кн.: Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. СПб., 1895, стр. 15—44; В. Н. Косолапов. Кустарные промыслы Казанской губернии. Вып. 1—9. Казань, 1901—1905 гг. и др.

[3] См., например: А. П. Энгельгардт. Очерк крестьянского хозяйства в Казанской и других средневолжских губерниях. Казань, 1892; Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии, Часть экономическая. Казань, 1896.

разный фактический материал. Однако, все нужды крестьянской жизни они объясняли безземельем, налоговым бременем, низкой культурой ведения сельского хозяйства, которые можно легко преодолеть законодательными актами правительства, укреплением общины и т. д.

Губернские земства и статистические комитеты Среднего Поволжья публиковали многочисленные сборники статистических материалов, часто собранные путем подворных описей [1]. В своем первоначальном виде эти данные представляют значительный интерес для исследователя-аграрника. Но их обработка и публикация отличалась тенденциозностью, была направлена на то, чтобы подтвердить взгляды народников. В обобщающих сводках за столбцами средних цифр затушевывалось действительная картина положения пореформенной деревни, исчезал процесс разложения крестьянства и т. д.

В 90-х годах, как известно, в связи с выходом первых работ В. И. Ленина окончательно оформляется марксистское направление в русской историографии. В своих трудах В. И. Ленин нанес сокрушительный удар народничеству, выявив капиталистический характер развития пореформенной экономики России, в том числе и сельского хозяйства. Позднее, борясь против меньшевиков-ликвидаторов, он разрабатывает такие вопросы, как условия и особенности развития капитализма, степень и уровень капиталистических отношений в сельском хозяйстве различных районов страны, характер аграрного строя России и др. Работы В. И. Ленина явились той методологической основой, на которой начало развиваться подлинно научное изучение аграрного вопроса в нашей стране.

После победы Октябрьской революции аграрная история дореволюционной России оказалась, как это убедительно показал К. Н. Тарновский [2], тесно связанной с самыми острыми вопросами идейной борьбы 1920-х — начала 1930-х годов, а советские историки-аграрники выдвинулись на передовую линию этой борьбы. Им пришлось бороться против различных мелкобуржуазных направлений, ведущее место среди которых занимали неонародничество и откровенный ревизионизм, возглавляемый Сухановым. Теоретической основой этих направле-

---

[1] Статистические таблицы Самарской губернии. 2 т. Самара, 1870—1871 гг.; Сборник сводный статистических сведений по Самарской губернии. Т. VII. Самара, 1892; Сборник Пензенского статистического комитета. Вып. 1—5. Пенза, 1894—1907 гг.; Кустарные промыслы Симбирской губернии. Кн. 1. Пенза; Материалы для исследования промыслов населения Казанской, губернии. Казань, 1887; Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып. 13. Свод по губернии. Казань, 1909; Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. I—XII. Казань, 1896; Мелкая промышленность Казанской губернии. Казань, 1911, и др.

[2] К. Н. Тарновский. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 — начало 1930-х годов). — И. З., 78, 1965, стр. 31—62.

ний было учение о некапиталистическом развитии крестьянского хозяйства. На практике их идейный арсенал использовался для идеологического обоснования ненужности коллективизации сельского хозяйства.

В этой сложной обстановке и проходил процесс становления и развития советской исторической науки в области исследования аграрной эволюции дореволюционной России. Именно в это время появились первые обобщающие марксистские труды по истории пореформенного сельского хозяйства и крестьянства [1], а также работы, ограниченные или определенными хронологическими рамками [2], или отдельными сторонами аграрных отношений — крестьянское движение (особенно в период первой русской революции и в 1917 г.) [3], наемный труд в сельском хозяйстве и крестьянские организации [4]. В этих работах на первый план выдвигались разработка проблемы развития капитализма как ведущей линии аграрной эволюции пореформенной России и классовой борьбы как основного фактора политической обстановки в деревне.

Все эти монографические исследования во многом способствовали повышению научного интереса к аграрной тематике на местах. При этом, положение на «центральном аграрном фронте», естественно, оказывало существенное влияние на выбор тем, содержание и идейную направленность работ местных историков. Их первые шаги в изучении истории крестьянства периода капитализма и империализма были также сопряжены с острой идеологической борьбой, повторявшей в общих чертах (с определенным местным преломлением) столкновения двух лагерей общественной мысли по аграрному вопросу.

В 1920-х первой половине 1930-х годов в историографии аграрной истории Среднего Поволжья прежде всего началось осмысливание и освещение исторического прошлого национального (чувашского, татарского, марийского и др.) крестьянства. Повышенное внимание к судьбам национального крестьянства

---

[1] С. М. Дубровский. Очерки русской революции, вып. 1. Сельское хозяйство, изд. 2-е. М., 1922; А. В. Шестаков. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г). М., 1924.

[2] А. Гайстер. Сельское хозяйство капиталистической России (от реформы 1861 г. до революции 1905 г.). М., 1928; С. М. Дубровский. Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX в., изд. 1-е. Л., 1925; А. Тюменев. От революции к революции. Из общественно-политических итогов революции 1905 г. Л., 1925; Ю. Ларин. Экономика до советской деревни. М. — Л., 1926; и др.

[3] «Крестьянское движение в 1902 г.». М., 1923; А. В. Шестаков. Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. М. — Л., 1926; его же. Крестьянство в революции 1905 г. М. — Л., 1930; С. М. Дубровский. Крестьянство в 1917 г. М. — Л., 1927; и др.

[4] А. В. Шестаков. Очерки по истории наемного труда в сельском хозяйстве России, т. 1, ч. 1—2. М., 1924; Его же. Крестьянские организации в 1917 г. Сб. «Аграрная революция», т. II; А. Казаков. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М. — Л., 1930.

Средней Волги было тесно связано с начавшимся тогда в автономных республиках Поволжья процессом национально-государственного строительства, с первыми шагами Коммунистической партии по ликвидации фактического неравенства ранее угнетенных народов этого обширного края. В связи с этим национальный вопрос в целом принял здесь особую остроту и значимость.

Татарские, чувашские, марийские и другие националисты, фальсифицируя, а то и просто замалчивая исторические факты, стремились доказать, что в среде их народов никогда не было классового расслоения и антагонизма, что их нации всегда выступали как единый трудовой народ. Они проповедывали мысль о том, что национальное крестьянство Поволжья не смогло выделить из своей среды ни пролетариата, ни буржуазии. Вместе с тем, историю своих народов они излагали, как правило, в плане резкого противопоставления русскому народу [1]. Им во многом вторили местные неонародники, не желавшие замечать глубоких социальных изменений, проходивших в пореформенной деревне Среднего Поволжья. Крестьянское хозяйство рассматривалось ими как семейно-потребительская организация, в отрыве от развития производительных сил и классовой борьбы [2].

Все эти теоретические построения использовались националистической мелкобуржуазной интеллигенцией для выступлений против национальной политики Коммунистической партии, для обоснования необходимости создания «своих» самостоятельных национально-государственных объединений (мусульманских, чувашских и др.). Наиболее откровенно подобные устремления нашли воплощение в планах татарских буржуазных националистов и их агентуры — султангалеевщине [3].

Советские историки, писатели, общественные деятели выступили против националистического и неонароднического подхода к изучению истории народов, и в том числе крестьянства, Среднего Поволжья. В 1920-х — первой половине 1930-х годов эта борьба особенно остро развернулась в историографии Татарии и Чувашии.

---

[1] Г. И. Комиссаров. Имеет ли чувашский народ перспективу? Уфа, 1917; Д. И. Петров (Юман). Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921; В. В. Тюмеров. Волнения чувашских крестьян во время первой революции 1905 г. Чебоксары, 1926; Ф. Егоров. Материал по истории народа мари. Козмодемьянск, 1929; и др. По существу такие же утверждения содержались и в отдельных работах историков 1920-х годов, считавших себя марксистами. См., например: С. А. Коричев. Заметки к вопросу об истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1924.

[2] См. например: Б. Гаврилов. Опыт исследования чувашского земледелия. Вып. 1. Чебоксары, 1926; А. С. Говоров. Ивановка. Опыт монографического описания села Ивановки Екатерининской волости Самарской губернии. Самара, 1926.

[3] Подробнее см. об этом: Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1962, стр. 193—209.

В Казани был опубликован специальный сборник материалов и статей, разоблачавший султангалеевщину и великодержавный шовинизм [1]. Националистические взгляды на историю татарского народа были подвергнуты критике в работах М. Сагидуллина [2], М. Корбута [3], Ф. Сайфи [4] и др. [5]. Так, например, в статье Ф. Сайфи особое внимание было обращено на то, чтобы в противовес султангалеевщине, доказать наличие острых классовых столкновений в среде татарской нации в период капитализма и империализма. При этом он сделал интересную попытку объяснить экономическую отсталость татарского крестьянства, а также проанализировать некоторые факты борьбы в пореформенной национальной деревне. Много страниц отвел автор разоблачению контрреволюционной сущности крупной татарской буржуазии.

В исторической литературе Чувашии в идейной борьбе с местными националистами приняли активное участие И. Д. Кузнецов, В. А. Долгов, С. С. Кутяшов, П. Г. Григорьев [6]. Особенно плодотворно работал в те годы И. Д. Кузнецов. В 1929 г. он резко и открыто выступил против националистической концепции истории чувашского народа [7], а затем впервые в чувашской историографии попытался дать марксистское освещение жизни национального крестьянства республики в дооктябрьский период [8].

Все отмеченные выше работы отличает прежде всего полемическая направленность против различных мелкобуржуазных течений и главным образом — против националистического подхода к освещению истории народов Среднего Поволжья. Огромные пласты фактического материала еще не были подняты и исследованы, что значительно снижает научную ценность этих трудов. Вспоминая этот период, один из первых аграрников-марксистов Поволжья И. Д. Кузнецов писал: «...Нам, молодым

---

[1] «Против султангалеевщины и великодержавности». Сб. мат. Казань, 1929. Г. Касымов. Пантюркистская контрреволюция и ее агентура — султангалеевщина. Казань, 1931.

[2] М. Сагидуллин. Татарские трудящиеся на путях Великого Октября. Казань, 1927.

[3] М. Корбут. Национальное движение в Волжско-Камском крае в 1917 г. Национальные съезды в период Временного правительства. — Журнал «Революционный Восток», № 7, стр. 168—210. М., 1929.

[4] Ф. Сайфи. Татары до Февральской революции. —«Очерки по изучению местного края». Казань, 1930, стр. 192—235.

[5] См. об этом: История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 5—9; Х. Г. Гимади. Об изучении истории Татарской АССР за 40 лет (Краткий обзор). — «Изв. Казанск. фил. АН СССР», серия гуманит. наук, вып. 2, 1957, стр. 3—14.

[6] Подробнее см. об этом: И. Д. Кузнецов. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963, стр. 12—14, 540—541.

[7] И. Д. Кузнецов. Против националистической концепции чувашской истории. — «Революционный Восток», 1930, № 9—10.

[8] И. Д. Кузнецов. Краткая история чувашской большевистской организации. Чебоксары, 1935.

историкам, была свойственна поспешность и отчасти поверхностность в анализе исторических тем; еще не хватало глубины и широты использования первоисточников и навыков применения диалектического метода к изучению своеобразий конкретного исторического процесса»[1].

Ощущая эти пробелы, советские историки Среднего Поволжья уже в 1920-х годах обратились к разработке ряда принципиальных конкретных тем и вопросов местной истории вообще, истории русского и национального крестьянства в частности, проделав в этом направлении сравнительно большую и плодотворную работу, во многом способствовавшую утверждению марксистско-ленинского метода в историографии[2]. Основная проблематика научных исследований, как и направление полемики, в эти и особенно последующие, 1930-е годы, определялись не только задачами борьбы с мелкобуржуазной идеологией, но и состоянием самой исторической науки.

В историографии крестьянства Среднего Поволжья пореформенного периода, как и более ранних исторических эпох, ведущей темой прочно становится классовая борьба. В 1920—1935 гг. особый интерес был проявлен прежде всего к исследованию массового крестьянского движения в губерниях Средней Волги в годы первой русской революции.

На документальном материале Самарской губернии эта тема была поднята в статьях И. И. Блюменталь[3] и Н. Н. Сперанского[4], Пензенской — в работе П. О. Никишина[5], Симбир-

---

[1] И. Д. Кузнецов. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксар, 1963, стр. 14.

[2] Библиографию этих работ см.: История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. Том II. История СССР в период капитализма (1861—1917). М., 1958; Библиография Татарстана, Вып. 1. 1917—1927. Казань, 1930; А. Рахим. Материалы для библиографии по татароведению (1918—1929). — «Тр. Дома татарской культуры», т. 1. Очерки по изучению местного края, 1930, стр. 342—395; Н. Б. Векслин. Изучение Татарстана за 10 лет (1920—1930). Там же, стр. 99—186; П. Краснов. Научно-исследовательская работа в Татарстане за 10 лет (1920—1930 гг.). Казань, 1931; История Татарской АССР. Указатель советской литературы. 1917—1959 гг. Казань, 1960; Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965, стр. 6—7, 350—357; И. Д. Кузнецов. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960; Л. В. Черепнин. Материалы для библиографии по истории мордовского народа. Саранск, 1941; Изучение истории Мордовского народа за 20 лет. — В кн.: «Записки» № 15 Мордовского научно-исследовательского ин-та. Саранск, 1952, стр. 3—19.

[3] И. И. Блюменталь. Революция 1905 г. в Самаре и Самарской губернии. — В кн.: Краеведение, ч. 1. Самара, 1924, стр. 214—250.

[4] Н. Н. Сперанский. Крестьянское движение в Самарской губернии в годы первой революции. — В кн.: 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925, стр. 377—562.

[5] П. О. Никишин. 1905 год. (Очерки по рабоче-крестьянскому движению в Пензенской губ.). — Пенза. Комиссия при ГИК по организации 20-летия революции 1905 г., 1925.

ской — в публикации Л. А. Адлера [1], Казанской — очерке Н. Н. Фирсова [2]. Появилась литература, в которой нашла отражение революционная борьба национального крестьянства Среднего Поволжья в 1905—1907 гг. — татарского [3], чувашского [4], марийского [5], удмуртского [6], мордовского [7]. В те же годы были сделаны первые, еще довольно робкие попытки в одном очерке осветить и сопоставить крестьянское движение ряда губерний Средней Волги в период первой буржуазно-демократической революции [8].

Своим фактическим материалом, его анализом и обобщением все эти работы внесли определенный вклад в советскую историографию крестьянства одного из крупных аграрных районов России. Их авторы стремились дать возможно более полную картину крестьянских выступлений по формам, остроте, районам, политической направленности. Наибольшее внимание при этом было уделено выяснению классовых столкновений между всем крестьянством, с одной стороны, помещиками и поддерживавшим их государственным аппаратом, с другой. Меньшее значение, как правило, придавалось раскрытию второй социальной войны в деревне, т. е. войны между сельским пролетариатом и кулачеством. Последнее замечание особенно относится к освещению крестьянских движений в национальных районах Среднего

---

[1] Л. А. Адлер. Первая революция в деревне.— В кн. 1905 год в Симбирске. Сборник по истории рев. движения в губернии в 1905—1906 гг. Ульяновск, 1926. III, стр. 69—95.

[2] Н. Н. Фирсов. Крестьянство Казанской губернии в 1905 году (Очерк аграрного и политического движения).— «Пролетарий Татарстана», 1925, № 11.

[3] Г. Ибрагимов. Татары в революции 1905 года. Пер. с татар. Г. Мухамедовой. Казань, 1926; С. Лившиц. Казанская социал-демократическая организация в 1905 году. — «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 216—297; № 15, стр. 92—177; Татарстан в годы первой революции. — Казань, 1931. Оценку указанных работ см. в кн. Х. Х. Хасанова «Революция 1905 и 1907 гг. в Татарии», М., 1965, стр. 3—10.

[4] И. Д. Кузнецов. Революция 1905—1907 гг. в Чувашском крае. Центриздат, 1930; Его же. Национальные движения в период первой революции в России. Сб. док. с вводной статьей Чебоксары, 1935; В. Тюмеров. Революционное движение среди трудящихся масс Чувашии в 1905—1907 гг.— В кн.: Токсин. Тридцатилетие нижегор. и XI-летие чуваш. организаций ВКП(б). Чебоксары, 1932, стр. 56—74.

[5] Г. Лихачев. Волжские мари в первой революции. — «Марийская авт. область», Йошкар-Ола, 1931, № 1—2, стр. 93—106.

[6] Крестьянское движение среди чувашей, мари и удмуртов во время революции 1905—1907 гг. Сост. по архивн. документам И. Д. Кузнецов. Чебоксары, 1935.

[7] М. Зевакин. Материалы к вопросу о роли рабочего класса в руководстве крестьянским движением в Мордовии в революции 1905 года. — «Революционный Восток». М., 1935, № 6, стр. 52—63; Мордовское население Пензенской губернии. Пенза, 1927.

[8] В. В. Троцкий. Крестьянство Среднего Поволжья в революцию 1905 года. — Москва-Самара. Гос. изд-во, 1930; Х. И. Циммерман. 1905 год в Среднем Поволжье. Аграрное движение. — «Коммунист», Куйбышев, 1935, № 16—17.

Поволжья, когда основной упор делался на отражение борьбы крестьянских масс против национального гнета. Далеко несовершенна была в те годы и сама методика выявления документального материала из архивов, описания и анализа отдельных крестьянских выступлений, что серьезно мешало созданию полной и достоверной картины классовой борьбы в деревне в 1905—1907 гг.

Одновременно с разработкой вопросов, связанных с крестьянским движением в годы первой русской революции, в историографии Среднего Поволжья 1920-х — первой половины 1930-х годов отчетливо прозвучала очень важная тема классовой борьбы в деревне накануне Великой Октябрьской революции. При этом главное внимание было уделено освещению крестьянских выступлений непосредственно в 1917 г., от свержения самодержавия до победы пролетарской революции. Борьба крестьянских масс и положение деревни в период проведения столыпинской земельной реформы и первой мировой войны не получили еще, за исключением буквально нескольких публикаций [1], сколько-нибудь полного отражения в литературе.

Из исследования, очерков, документальных публикаций, посвященных «аграрной революции» в 1917 г. в губерниях Средней Волги, необходимо особо выделить работы казанских историков [2], так как они позволяют наиболее выпукло проследить развитие исторической науки по этой теме на местах. Н. Н. Фирсов чрезмерно преувеличивал возможности, силу и роль крестьянского движения в России, считая и революцию 1905—1907 гг. и даже Октябрьскую 1917 г. почти исключительно аграрными [3]. Поэтому он не смог правильно определить место крестьянских выступлений в общереволюционной борьбе, раз-

---

[1] Е. Медведев и М. Газизов. Атменевская трагедия. — «Центр. архив Татарстана», 1933, № 1 (22), стр. 47—50; В. А. Долгов. Атменевское восстание 1913 года. — «По ленинскому пути», №№ 6 и 7, 1933, Чебоксары; И. Д. Андреевский. Деятельность крестьянского поземельного банка по Казанской губернии (1906—1915 гг.). — «Тр. об-ва изучения Татарстана». Казань, т. 1, 1930, стр. 13—46.

[2] Н. Н. Фирсов. Крестьянская революция 1917 г. (до Октября) и Временное правительство. (Очерк по архивным документам). — «Пути революции», Казань, 1922, № 1, стр. 51—84; Шнуровский. Крестьянство перед Октябрем. — «Коммунист. путь», Казань, 1922, № 11, стр. 47—49; В. Поволжский. Перед Октябрем и в Октябре (по Казани и Казанской губернии). — «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 334—337; Е. И. Чернышев. Материалы по истории крестьянской революции в Казанском крае в 1917 году. — «Вестн. науч. об-ва татароведения», № 1/2, 1925, стр. 41—54; Е. Грачев. Казанский Октябрь. (Хроника революции 1917 г.). (Материалы и документы), ч. 1. Март — октябрь. 1917. — Казань, 1926; Татарские трудящиеся на путях Великого Октября. Казань, 1927; Е. И. Чернышев. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г. (Очерк по архивным материалам). Казань, 1928; Казанская большевистская организация в 1917 г. Под ред. М. Вольфовича (и др.). Казань, 1933, Авторы: Е. Медведев, Ф. Демашев, А. Тарасов, В. Кудрявцев.

[3] Н. Н. Фирсов. Указ. соч., стр. 83—84.

вернувшейся в тот год в целом по стране и, в частности, на территории Среднего Поволжья. Почти ничего не говорится в его работе о роли пролетариата в нарастании революционного кризиса, о руководстве большевистскими организациями на местах крестьянскими движениями. Полностью отсутствует в очерке научный аппарат, хотя работа, по утверждению автора, написана по архивным документам.

По существу с тех же идейных позиций несколько позднее выступил по этой теме Е. И. Чернышев [1], считавший, что рабочий класс в России пришел к власти «на плечах крестьянского восстания». Однако, в отличие от Н. Н. Фирсова он построил свою работу на большом фактическом материале, извлеченном из местного архива, что позволило ему сделать ряд интересных конкретных наблюдений и выводов. Так, он доказал, что Казанская губерния занимала одна из первых мест в стране по размаху и остроте крестьянского движения в 1917 г.

Марксистская постановка вопроса о сущности, месте и роли классовой борьбы в деревне в общереволюционном движении в крае накануне Великого Октября была дана позднее, в 1933 г., в книге «Казанская большевистская организация в 1917 году».

Аналогичным путем шла разработка и освещение этой темы и в историографии других районов Среднего Поволжья [2].

В гораздо меньшей степени изучались в рассматриваемые годы состояние сельского хозяйства и социально-экономическое положение русской и национальной деревни Средней Волги. Почти совершенно не поднимались эти вопросы в хронологических рамках 60—90-х годов XIX в., а то, что было посвящено этому периоду, опять-таки касалось главным образом отдельных выступлений крестьянских масс против экономического, полицейского и национального гнета. Так, в историографии Татарии было положено начало осмысливанию известного движения татарских крестьян в 1878—1879 гг. Причем интересно подчеркнуть, что освещение этих событий шло по следующей линии: публикация документа [3] — общая оценка движения и его причины [4] — выяснение деталей и внутренних пружин борьбы [5].

---

[1] Е. И. Чернышев. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г. Казань, 1928.

[2] В. В. Троцкий. Революционное движение в Средне-Волжском крае. Краткий исторический очерк. — Самара, 1930; Его же. Самарская организация ВКП(б) в годы войны и Октябрьской революции, ч. 1. Самара, 1927.

[3] Документ о движении среди татарских крестьян в 1878 году. Опубл. Г. Губайдуллиным. — «Вестн. научн. об-ва татароведения». Казань, 1925, № 1—2, стр. 38—40.

[4] Н. Н. Фирсов. Прошлое Татарии. Казань, 1926, стр. 39—42.

[5] Е. И. Чернышев. Волнение казанских татар в 1878 г. (Очерк по арх. материалам). — «Вестн. науч. об-ва татароведения». Казань, 1927, № 7, стр. 173—202, Али Рахим. К вопросу о татарском крестьянском движении 1878 г. — Там же, 1928, № 8, стр. 143—152. Подробную характеристику этих работ см.: Ю. И. Смыков. Крестьянское движение в Казанской губернии в 1878—1879 гг. Казань, 1959.

Однако, ни Н. Н. Фирсов, ни его ученик Е. И. Чернышев не смогли в то время раскрыть это движение во всей его сложности, широте и остроте. Одна из причин этого — недостаточная полнота привлеченного ими архивного материала, искусственный отрыв выступлений татарских крестьян от событий революционной ситуации конца 70-х — начала 80-х годов XIX в.

Ряд небольших статей и документальных публикаций было посвящено рассмотрению различных эпизодов из жизни и борьбы крестьянских масс других районов пореформенного Среднего Поволжья [1].

После Октябрьской революции несколько оживляется этнографическое изучение материальной и духовной культуры многонационального сельского населения обширного средневолжского края. Оно стало в определенной мере увязываться с практическими задачами национального возрождения ранее угнетенных местных народов. Появляются работы и конкретные описания, касающиеся отдельных сторон их быта и духовной жизни в дооктябрьский период [2]. Был сделан первый опыт монографического освещения материальной культуры казанских татар [3]. Все эти работы написаны на новом материале, но в теоретиче-

---

[1] В. Алексеев. Из пыли архивов (Штрихи из истории революционного движения в Симбирской губернии). — В кн.: Красная летопись. Симбирск, 1923; П. Н. Луппов. Громкое дело мултанских удмуртов (вотяков), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении (1892—1896).— Ижевск, 1925; См. также: П. Н. Луппов. Библиография по Мултанскому делу. — «Записки Удмуртского н.-и. ин-та соц. культуры». Ижевск, 1936; Военно-феодальный гнет царизма и волнение уржумских марийцев в 1889 г. Предислов. к арх. документам И. Кузнецова. Публикация и примечания И. Матвеева. — В кн.: «Нижегородский архив Вып. 2—3. Н.-Новгород, 1931; Из истории миссионерства среди татар.— «Центр. архив. Татарстана». Казань, 1933, № 1 (22).

[2] П. М. Дульский. Искусство казанских татар. М., 1925; М. и К. Губайдуллины. Пища казанских татар. — «Вестн. научн. об-ва татароведения», 1927, № 6; В. В. Егерев. Самобытное расселение народностей Казанского края. — «Вестн. научн. об-ва татароведения», 1928, № 3; Н. И. Воробьев. Жилища и поселения татар Арского кантона ТАССР. — Там же, 1926, № 4; Н. И. Воробьев. Казанские татары (этнографический очерк) — «Матер. по изуч. Татарстана», 1925, вып. II, стр. 133—166. Библиографию этнографических работ по казанским татарам см.: Али Рахим. Материалы для библиографии по татароведению. — В кн. Очерки по изучению местного края. Казань, 1930, стр. 357—360; М. Е. Евсевьев. Мордва Татреспублики. — «Материалы по изуч. Татарстана». Вып. II. Казань, 1925; Его же. Мордовская свадьба. Саранск, 1931; Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губернии. Пенза, 1929. Библиографию и некоторый анализ этнографических работ по мордовскому народу см.: Изучение истории мордовского народа за 20 лет. — «Записки № 15 Мордовского н.-и. ин-та ЯЛИ при СНК МАССР, Саранск, 1952, стр. 7—9; Библиографию этнографических статей и очерков по марийскому народу см.: Г. А. Крюкова. Материальная культура марийцев в XIX веке. Йошкар-Ола, 1956; см. также: К. И. Козлова. Этнография народов Поволжья. М., 1964.

[3] Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930.

ском отношении едва ли чем отличается от лучших досоветских публикаций — этнографы еще слабо владели методом марксистско-ленинского анализа [1].

Таким образом, в 1920-х — первой половине 1930-х годов историографии крестьянства Средней Волги пореформенного периода и империализма не была уготована «широкая столбовая дорога». Первым советским аграрникам пришлось вести острую борьбу с различными мелкобуржуазными направлениями неонароднического, ревизионистского и националистического толка. Задачи этой борьбы, а также состояние самой исторической науки приводили их к разработке конкретных тем исторического прошлого русского и национального крестьянства и прежде всего к изучению классовой борьбы в деревне. В ходе этой работы советские историки овладевали методом марксистско-ленинского анализа. Этот этап подготовил новый количественный и качественный шаг вперед в развитии местной «аграрно-крестьянской» литературы.

В 1936—1956 гг. и особенно в послевоенный период в историографии Среднего Поволжья, с одной стороны, продолжалось более углубленное в теоретическом и фактическом плане исследование тем, поднятых в предшествующее время, а с другой — началась разработка новых вопросов из социально-экономической истории крестьянства периода капитализма.

Ведущей темой в историографии крестьянства по-прежнему оставалась классовая борьба в деревне. Большое внимание в эти годы было вновь уделено крестьянскому движению в 1905—1907 гг., особенно в связи с исполнившимся в 1955 г. пятидесятилетием первой русской революции. Во всех автономных республиках и областях Среднего Поволжья были опубликованы солидные, хорошо прокомментированные сборники документов и материалов, посвященные буржуазно-демократической революции на местах. Документы, отражающие борьбу широких крестьянских масс, нашли в этих сборниках видное и достойное место [2]. Крестьянское движение в 1905—1907 гг. на территории Симбирской губернии нашло отражение в специаль-

---

[1] С. П. Толстов. Советская школа в этнографии. — «Советская этнография», 1947, № 4; Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 39—42; Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов. Исследования казанских ученых по этнографии народов Среднего Поволжья. — «Известия КФАН СССР». Юбилейный сборник. Казань, 1957, стр. 163—168.

[2] Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губ. Документы и материалы. Куйбышев, 1955; Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 гг. Документы и материалы. Чебоксары, 1956; Революция 1905—1907 гг. в Удмуртии. Материалы и документы. Ижевск, 1956; Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Сб. документов. Пенза, 1955; Революция 1905—1907 гг. в Мордовии. Сб. докуметов и материалов. Саранск, 1955; Революция 1905—1907 гг. в Прикамье. Документы и материалы. Пермь, 1955; Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг. Документы и материалы. Казань, 1957.

ной документальной публикации [1]. Все эти издания намного обогатили наше представление о формах, размахе, остроте и направленности классовой борьбы в деревне Среднего Поволжья в годы первой русской революции. Эта же тема отчетливо прозвучала в общих исследованиях [2], а также в специальных работах [3]. Качественно новым во всех этих трудах было то, что борьба крестьянских масс рассматривалась в них как составная часть общего потока революционного движения в крае, в этом же плане освещались и оценивались выступления национального крестьянства, подчеркивались руководящая роль пролетариата в революции и влияние большевистских организаций на широкие слои деревни. Разработка этих вопросов стала основываться на солидной источниковедческой базе. Усилилось внимание к изучению второй социальной войны в деревне.

В указанные годы продолжалось также исследование крестьянского движения накануне Великого Октября — были опубликованы документальные сборники [4], монографические работы [5]. Изучение этой темы шло в основном в плане выяснения основных закономерностей Октябрьской социалистической революции. В этом же разрезе началась разработка темы — столы-

---

[1] Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг. Документы и материалы. Ульяновск, 1955.

[2] И. И. Фирстов. Мордовия в годы первой русской революции. Саранск, 1955; М. А. Садаков. Революционное движение трудящихся Удмуртии в период первой русской революции (1905—1907 гг). Ижевск, 1955; С. А. Коробов. Марийский край накануне и в период первой русской революции (1905—1907 гг.). Йошкар-Ола, 1955; П. Н. Николаев. Революционное движение в Чувашии в 1905—1907 гг. Чебоксары, 1956; К. Я. Наякшин. Революционное движение в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955; Р. М. Раимов. Революция 1905—1907 гг. в Среднем Поволжье и Приуралье.— В кн.: Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. М., 1955, стр. 715—771; Татария в дни первой русской революции. Казань. 1955.

[3] М. И. Абдрахманов. Деятельность Казанского комитета РСДРП по руководству крестьянским движением в 1905—1907 гг. Автореф. дисс. Л., 1949; Л. З. Кузьмин. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пенза, 1955; Т. Г. Гусев и П. В. Денисов. Крестьянское движение в Чувашии в годы первой русской революции. «Уч. зап. н.-и. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР». Вып. 13, 1956, стр. 104—164; Ф. Я. Водоватов. Крестьянское движение в Самарской губернии в революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957.

Борьба за землю в 1917 г. (по Казанской губ.). Документы. — «Красный архив», 1936, т. 5 (78), стр. 85—97; Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. документов, т. 1, Казань, 1950.

[5] Г. Купряшкин и В. Самаркин, 1917 год в Мордовии. Саранск, 1939; Их же. Крестьянское движение в Мордовии в октябре месяце 1917 г.— «Записки» № 2 Мордовск. н.-и. ин-та. Саранск, 1941; М. В. Дрожкин. Мордовия от Февраля к Октябрю 1917 года. — «Записки», № 13. Саранск, 1951; Е. И. Медведев. Казань и Казанская губерния в годы первой мировой войны. — В кн. Об Октябрьском вооруженном восстании в Казани в 1917 г. Сб. статей. Казань, 1948; В. Шварев. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Пензенской губернии. Пенза, 1953.

пинская аграрная реформа и ее последствия в отдельных районах Среднего Поволжья [1]. При этом, помимо обстоятельной картины краха реформы на местах, авторы стремились особенно подчеркнуть то обстоятельство, что эта правительственная мера резко усилила разложение крестьянства, а значит и обострила вторую социальную войну в деревне. Отсюда проводилась связь с позицией сельского пролетариата и кулачества в период социалистической революции и гражданской войны в СССР.

Новым в историографии крестьянства Среднего Поволжья этих лет было появление глубокого научного интереса к исследованию социально-экономической истории самой пореформенной деревни, к изучению аграрной эволюции в отдельных районах края. Этот поворот отразил большой интерес к этой тематике в ведущей «аграрной» литературе 1920—1930-х годов, а также наметившееся расхождение между советскими аграрниками-марксистами по вопросу о степени, характере и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве дореволюционной России. Одна группа исследователей стремилась доказать полную победу капиталистических отношений в аграрном строе страны конца XIX — начала XX вв., другая — по возможности полно выявить и сопоставить и капиталистические и крепостнические черты в этом строе, учесть воздействие внутренних условий на процессы развития капитализма в сельском хозяйстве России [2].

Эти два направления с различной отчетливостью проявлялись и в историографии Среднего Поволжья периода капитализма. И. Л. Морозов сущность аграрной эволюции пореформенной деревни в России, в том числе и на Средней Волге, видел в том, что «обломки дореформенного строя» окончательно разрушаются проникающим в земледелие капитализмом [3]. В его представлении, пореформенная деревня — это арена победного шествия капитализма. Вместе с тем, он выступил против переоценки капиталистического развития татарской деревни, против полного отождествления ее социально-экономического строя с социально-экономическим строем русской деревни. И. Л. Морозов пришел к выводу, что татарская пореформенная деревня по

---

[1] И. Н. Трегубов. Столыпинская реформа и разложение крестьянства в Симбирской губернии. — «Уч. зап. Ульяновского пед. института», 1950. Вып. 4, стр. 146—176; В. Н. Любимов. Чувашия в период столипинской аграрной реформы. Чебоксары, 1949; И. И. Фирстов. Аграрная реформа Столыпина на территории Мордовии. — Записки № 15 Мордов. н.-и. ин-та. Саранск, 1953; В. В. Кострюкова. Крестьянство Поволжья в 1906—1916 гг. Автореф. дисс. Л., 1953.

[2] К. Н. Тарновский. Указ. соч., стр. 56—62.

[3] И. Л. Морозов. Экономика татарской пореформенной деревни и массовое движение татарского крестьянства в Татарии в 50—70 годах XIX в. — В кн. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70-х годов XIX в. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Сб. документов. Изд. АН СССР, М. — Л., 1936.

степени развития капиталистических отношений, как и по экономической состоятельности, намного отставала от русской в силу бо́льшей прочности и живучести в ней различных крепостнических пережитков. Он выдвинул положение о значительной и даже в известной мере «самостоятельной» роли торгового капитала и ростовщичества в национальных районах Среднего Поволжья, что, по его мнению, играло роль тормоза в развитии капитализма. Более убедительно, чем последнее положение, прозвучали ряд его интересных наблюдений о причинах и классовой направленности крестьянского движения в татарской деревне 60—80-х годов XIX в.

К. Я. Наякшин, изучавший сельское хозяйство 60—80-х годов XIX в. в Самарской губернии, так же исходил из признания довольно высокой степени развития капитализма в аграрном строе Европейской России после реформы 1861 г.[1] Неслучайно основное внимание в своей работе он уделил выяснению уровня капиталистических отношений в самарской пореформенной деревне, исследовав в этом плане рост товарности земледелия, изменения в землевладении и землепользовании, концентрацию надельной земли, скота, улучшенных сельскохозяйственных орудий и машин в руках кулачества, изменения в системе полеводства и другие вопросы. Представленная им картина разложения крестьянства, по-видимому, в целом отражала реальное соотношение новых социальных слоев деревни края. Вместе с тем, автор поставил закономерный вопрос о необходимости учитывать различные социально-экономические условия северной и южной частей Самарской губернии при исследовании развития капитализма в сельском хозяйстве. Гораздо меньшее внимание К. Я. Наякшин уделил анализу крепостнических черт в крестьянских и помещичьих хозяйствах, хотя он и признал преобладание в помещичьих латифундиях края отработочной системы.

С. И. Даишев считал, что к концу XIX в. в Европейской России в целом получила преимущество капиталистическая система ведения хозяйства, хотя в Казанской губернии (пореформенное сельское хозяйство которой он подверг специальному исследованию[2]) преобладали отработки. В своих работах он осветил на большом фактическом материале три основных вопроса: разложение крестьянства, капиталистическую эволюцию сель-

---

[1] К. Я. Наякшин. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Самарской губернии в 60—80-х годах XIX века. Диссертация. Куйбышев, 1951; Его же. Очерки из истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955, стр. 138—164.

[2] С. И. Даишев. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Казанской губернии в конце XIX в. (80—90-е годы). Диссертация. Казань, 1955; Его же. Из истории классовой борьбы в деревне Казанской губернии в конце XIX в. — «Уч. зап. Казанск. ун-та», т. 117, кн. 2. Общеуниверситетский сб., вып. 1, 1957, стр. 53—57; Его же. Из истории развития капиталистических отношений в деревне Казанской губернии в конце XIX в. (по материалам землепользования). Казань, 1958.

ского хозяйства, классовую борьбу в деревне. Особенно много страниц он посвятил процессу разложения деревни, показав его на материалах военно-конских переписей, на сведениях об урожайности хлебов, данных о крестьянских платежах и недоимках. Вряд ли, однако, можно согласиться с утверждением С. И. Даишева о том, что медленное развитие «прогрессивных отношений» в изучаемом районе было обусловлено, в частности, отсутствием тесных экономических связей Казанской губернии с центрально-промышленными губерниями России [1]. Казанская губерния, расположенная на крупных торговых путях, была тесно экономически связана со всей остальной Россией, но в то же время являлась одним из районов, где пережитки крепостничества в сельском хозяйстве проявлялись особенно сильно. Именно в этом надо искать одну из важных причин медленного развития капитализма в крае.

Односторонне, на наш взгляд, подошел к освещению социально-экономической истории крестьянства Марийского края в пореформенный период К. В. Данилович [2]. По его мнению, к концу века в марийском деревне вполне осязательно оформились производственные отношения, «которые не могут быть иначе названы, как только капиталистическими». При этом, автор по существу игнорирует бытовавшие в среде национального крестьянства пережитки феодализма, крепостничества и патриархальности (надельное землепользование, отработки, общину, чересполосицу, придавленность и забитость и т. д.). Более удачны разделы его работы, посвященные мелким крестьянским промыслам и классовой борьбе в марийской деревне.

Основные процессы социально-экономической истории крестьянства периода капитализма и империализма на территории Татарской, Мордовской, Чувашской и Удмуртской автономных республик получили освещение в трудах обобщающего характера [3]. При этом, в историографии аграрной истории Чувашии наметились очевидные расхождения исследователей по вопросу о степени и особенностях развития капитализма в сельском

---

[1] С. И. Даишев. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Казанской губернии в конце XIX в. Автореф. дис. Казань, 1955, стр. 19.

[2] К. В. Данилович, Крестьянство Марийского края в пореформенный период. Диссертация. Йошкар-Ола, 1955. См. также его работы: К вопросу о разложении крестьянства Марийского края в пореформенный период.— Уч. записки Марийского пединститута, т. 18. Труды кафедры марксизма-ленинизма, вып. 1, Йошкар-Ола, 1958; Кустарные промыслы Марийского края и их экономическая организация в пореформенный период. — Тр. Мар. н.-и. ин-та. Вып. XVI. Йошкар-Ола, 1961.

[3] История Татарской АССР, т. 1, Казань, 1965; Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1955; Материалы по истории Чувашской АССР, вып. II, Чебоксары, 1956; А. Н. Вахрушев. Удмуртия в период развития промышленного капитализма (1861—1895 гг.), Ижевск, 1955.

хозяйстве края. П. Н. Николаев считает[1], что закономерности, присущие экономическому развитию России пореформенных лет, полностью были характерны и для Чувашии. Поэтому он стремится показать довольно высокий уровень развития капитализма в Чувашии, особенно в сельском хозяйстве. Автор постоянно подчеркивает, что разложение крестьянства шло здесь быстро, резко и т. д.

Иной точки зрения придерживается Т. Г. Григорьев[2]. По его мнению, пережитки крепостничества в Чувашии были более живучи, чем в центре страны, гнет их был более тяжелым, поэтому капитализм, хотя и проникал в экономику края, но довольно медленно и главным образом в порядке своего развития вширь. С другой стороны, разложение крестьянства Чувашии сдерживалось «самостоятельным развитием торгового и ростовщического капитала». С этих позиций Т. Г. Григорьев рассматривает сдвиги в пореформенном землевладении и землепользовании, расслоение крестьянства, ремесло и промышленность края. На сильные и слабые стороны положений исследователя уже указывалось в литературе и с доводами его оппонентов трудно не согласиться[3].

В эти же годы в историографии Среднего Поволжья продолжалось изучение крестьянского движения пореформенного периода[4].

Серьезные сдвиги произошли в этнографическом исследовании Средней Волги. Вышли в свет крупные марксистские труды, посвященные материальной культуре народов края[5].

На новом этапе советской исторической науки, начавшемся после XX съезда КПСС, появились и качественно новые моменты в историографии крестьянства Среднего Поволжья периода

---

[1] П. Н. Николаев. Чувашия в конце XIX и начале XX веков (1895—1904 гг.). — Материалы по истории Чувашской АССР, вып. II, Чебоксары, 1956, стр. 94—137.

[2] Т. Г. Григорьев. Некоторые данные об экономическом развитии Чувашии в пореформенный период. Там же, стр. 60—93.

[3] Вопросы археологии и истории Чувашии. — Уч. зап. н.-и. ин-та яз., лит., истории и экономики при Сов. Мин. Чув. АССР, вып. XIX. Чебоксары, 1960, стр. 369—370; И. Д. Кузнецов. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963, стр. 545—547.

[4] Н. И. Латышев. Волнение крестьян Узинской волости в 1888 г. (Из прошлого крестьянского движения в Удмуртии). — Записки Удм. н.-и. ин-та соц. культуры при СНК Удмурт. АССР. Ижевск, 1938, вып. 8, стр. 251—260; Г. М. Залкинд, Волнения среди уржумских крестьян марийцев в 1888—1889 гг. — «Тр. Мар. н.-и. ин-та соц. культуры». Йошкар-Ола, 1939, вып. 1, стр. 100—106; И. М. Корсаков. Крестьянское движение на территории Мордовии в пореформенный период. — «Записки» н. и. ин-та при Сов. Мин. Мордов. АССР». Саранск, 1947, вып. 9, стр. 79—105.

[5] Н. И. Воробьев. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953; Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев в XIX веке. Йошкар-Ола, 1956; Н. И. Воробьев, Н. Р. Романова, А. Н. Львова и А. Р. Симонова. Чуваши, ч. 1 (Материальная культура). Чебоксары, 1956.

капитализма и империализма. Смелее стали ставиться теоретические вопросы, значительно расширилась источниковедческая база работ, повысился их общий научный уровень.

В связи с 40-летием Советской власти возрос интерес к изучению крестьянского движения в 1917 г., накануне Великого Октября. Классовая борьба в деревне после свержения самодержавия нашла яркое отражение в общих документальных публикациях, посвященных подготовке и победе Октябрьской социалистической революции в районах края [1]. Крестьянское движение в Казанской губернии получило освещение в отдельном сборнике документов и материалов [2].

В исторической литературе ряда областей и автономных республик Среднего Поволжья классовые столкновения в предоктябрьской деревне стали предметом глубокого и всестороннего исследования в трудах широкого плана [3] и специальных работах [4]. Ценные наблюдения и выводы содержатся в монографиях Е. И. Медведева и И. М. Ионенко, которые подняли и проанализировали огромный фактический материал.

Борьба широких крестьянских масс против помещичьего засилья в деревне в годы первой русской революции на территории Татарии получила убедительное и динамичное освещение в интересной книге Х. Х. Хасанова [5], а аграрные отношения в Пензенской губернии в период проведения столыпинской

---

[1] Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Сб. документов и материалов. Пенза, 1957; Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. Сб. документов. Чебоксары, 1957; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Сб. документов. Ульяновск, 1957; Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сб. документов и материалов. Ижевск, 1957; Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февр.—окт. 1917 г.). Казань, 1957; Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. Саранск, 1957.

[2] Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. Сб. документов и материалов. Казань, 1958.

[3] Е. И. Медведев. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1955, гл. I—III; М. В. Дрожкин и И. И. Фирстов. Мордовия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Саранск, 1958.

[4] В. Л. Кузьмин. Крестьянство Чувашии в. период подготовки Октябрьской революции. Чебоксары, 1957; И. М. Ионенко. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября (по материалам Казанской губернии). Казань, 1957; Д. Д. Ананьев. Борьба казанских большевиков за крестьянство в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.—«Тр. Казанск. с/х. ин-та», т. 38, ч. 1, 1958, стр. 50—140; И. Д. Кузнецов. Аграрный вопрос в Чувашии накануне Октября.— В кн.; Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962, стр. 254—264; Е. Г. Матвеева. Из истории национально-освободительной борьбы крестьянства Казанской губернии накануне Октябрьской социалистической революции.— В кн.: Сб. статей преподавателей и научных сотрудников. Вып. 1, Казань, 1958, стр. 338—355.

[5] Х. Х. Хасанов. Революция 1905—1907 гг. в Татарии. М., 1965.

реформы — в работе А. М. Гребнева [1]. Последовательная фактическая история сельского хозяйства и крестьянства эпохи капитализма ряда крупных районов Среднего Поволжья нашла отражение в обобщающих очерках научно-популярного характера [2].

В работах, посвященных пореформенной аграрной эволюции отдельных губерний края, наметилось весьма полезное обращение к изучению производительных сил в сельском хозяйстве и их взаимосвязи с производственными отношениями, без чего в конечном счете вряд ли возможно определить уровень развития капитализма в деревне [3]. Серьезные успехи были достигнуты в историко-этнографическом исследовании материальной культуры русского сельского населения Среднего Поволжья середины XIX — начала XX вв. [4].

В последние годы в советской историографии вновь развернулась дискуссия о характере аграрного строя России периода империализма. Одни считают, что несмотря на пережитки крепостничества в сельском хозяйстве страны ведущее значение приобрели капиталистические отношения. Другие утверждают что в империалистической России преобладали полукрепостническая эксплуатация крестьянства и некапиталистические формы хозяйства [5]. Попыткой рассмотреть историю крестьянства Чувашии периода капитализма (со времени проведения реформы 1861 до 1917 гг.) с точки зрения первого направления является монография И. Д. Кузнецова, в которой он на основе большого опубликованного и архивного материала охватил коренные проблемы темы и прежде всего процесс классового расслоения пореформенной чувашской деревни [6].

Наличие расхождений по вопросу о характере аграрного строя в России периода империализма, о путях развития капи-

---

[1] А. М. Гребнев. Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. Пенза, 1959.

[2] Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. Куйбышев, 1957; Очерки истории Удмуртской АССР, т. 1. Ижевск, 1958; Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965.

[3] И. С. Ромашин. Возникновение и развитие суконной промышленности Симбирской губернии. Канд. дисс. Казань, 1958; Ю. И. Смыков. Сельскохозяйственные орудия и машины в пореформенной деревне Казанской губернии. Казань, 1958; Его же. Пореформенная деревня Казанской губернии. Канд. дисс., Казань, 1960.

[4] Е. П. Бусыгин. Русское (сельское) население Среднего Поволжья. Казань, 1966.

[5] См. Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962; А. М. Анфимов. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в.— И. З., 65, 1959, стр. 119—162; Его же. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.

[6] Рецензию на монографию И. Д. Кузнецова см. В. Н. Яковцевский. Книга по истории крестьянства Чувашии.— «История СССР», 1964, № 4, стр. 175—177. Ответ автора книги оппонентам см.: И. Д. Кузнецов. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Доклад по монографии на соискание ученой степени доктора историч. наук. Пермь, 1965.

тализма в сельском хозяйстве свидетельствует о недостаточной изученности этой темы в целом. Нуждаются в дальнейшей глубокой разработке такие принципиальные вопросы как развитие капитализма вширь и вглубь, уровень производительных сил сельского хозяйства на протяжении второй половины XIX — начала XX вв., социальная направленность классовой борьбы в деревне и др. Исследование этих и других вопросов в границах всего Среднего Поволжья может во многом помочь в решении спорных проблем аграрной истории России.

III.

История аграрной политики Советской власти и социалистических преобразований в сельском хозяйстве стала предметом исследования уже в 1917—1920-х годах. Именно тогда в трудах В. И. Ленина была дана научная периодизация аграрной революции в России, показана необходимость руководства пролетариата при ее осуществлении. В работах В. И. Ленина была разработана теория и тактика претворения в жизнь аграрной программы большевистской партии в период наивысшего обострения классовой борьбы в стране — в годы гражданской войны. В них дана исчерпывающая характеристика первых актов советского аграрного законодательства: Декрета о земле, Основного закона о социализации земли, Положения о социалистическом землеустройстве и др., овещена деятельность комбедов, сельскохозяйственных объединений. Обобщение опыта аграрной революции дало В. И. Ленину возможность завершить создание кооперативного плана. Великое ленинское наследие стало основой для понимания сложнейших процессов преобразования сельского хозяйства на социалистической основе.

Материалы по истории средневолжского крестьянства широко публиковались в 1917—1920 гг. в центральной и местной периодической печати. Это были статьи и заметки о крестьянских уездных и губернских съездах, коммунах и артелях, мобилизациях на борьбу с врагом. Их авторами были М. И. Калинин, Н. К. Крупская, П. Г. Смидович, побывавшие на Средней Волге весной и летом 1919 г., а также непосредственные участники событий [1].

В 1918 году сотрудником Наркомпрода Н. Орловым делается попытка дать обзор состояния продовольственного дела в стране [2]. Ценные сведения о настроениях крестьян средневолжских губерний, их участии в продовольственном снабжении фронта и тыла содержатся в стенографических отчетах съездов

---

[1] См. Ю. Н. Амиантов. Большевистская крестьянская печать. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, стр. 117—130; А. Л. Литвин. Из истории борьбы местной печати за укрепление тыла Восточного фронта в 1918—1919 гг. Казань, 1961.

[2] Н. Орлов. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918.

и конференций РКП(б) [1] съездов Советов [2], отчетах о деятельности продовольственных органов [3], чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией [4].

Важным источником являются издаваемые тогда материалы губернских крестьянских съездов Советов [5].

Уже в годы гражданской войны закладывались основы для научного изучения истории аграрной революции в стране, но систематическое исследование началось в 1920-е годы, когда стали функционировать Истпарт (1920 г.), институт Красной профессуры (1920 г.), когда в системе Коммунистической Академии общественных наук создается специальная аграрная секция и начинает издаваться журнал «На аграрном фронте» (1925 г.).

Первые два десятилетия развития советской исторической науки известны как годы ее становления, как время острой борьбы марксистско-ленинской историографии с буржуазными и мелкобуржуазными концепциями.

Рассмотрим некоторые вопросы истории аграрной революции в России, ставшие предметом острой дискуссии в 20-х годах. Это были, прежде всего, вопросы, связанные с осуществлением социалистических преобразований в деревне, определением путей развития сельского хозяйства страны.

В 1920—1921 гг. член коллегии Наркомзема Б. Н. Книпович в работах, посвященных аграрной политике Советской власти, устанавливал два периода в ее развитии: 1) «так называемый «левоэсеровский», когда «главное внимание было обращено на ликвидацию старого строя и на закладывание самых общих, принципиальных основ аграрной политики» и 2) период «коммунистической аграрной политики, наметившийся, примерно с лета 1918 г.» [6] Для первого, по его мнению, были характерны захват крестьянством помещичьих земель и их уравнительный раздел, для второго — борьба с сельской буржуазией и коллективизация хозяйства [7].

---

[1] VIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1919 и др.

[2] Пятый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1918; Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. М., 1919.

[3] Три года борьбы с голодом. М., 1920; Всероссийское совещание представителей распределительных продорганов 1—4 ноября 1919. М., 1920; Четыре года продовольственной работы. М., 1922; и др.

[4] Красная книга ВЧК. М., 1920, т. 1; М. Я. Лацис. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; и др.

[5] См., напр., Постановления 3-го Казанского губернского съезда Советов крестьянских депутатов. Казань, 1918; Постановления 4-го Казанского губернского съезда Советов крестьянских депутатов. Казань, 1918; и др.

[6] Б. Н. Книпович. Очерк деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917—1920). М., 1920, стр. 3.

[7] Б. Н. Книпович. Направление и итоги аграрной политики 1917—1920 гг. Сб. «О земле». М., 1921, вып. 1, стр. 29.

А. Анишев в полемике с М. Н. Покровским о периодизации истории советского общества считал, что июнь — ноябрь 1918 г. — время борьбы пролетариата в союзе с бедняком против демократической контрреволюции; а ноябрь 1918 — весна 1920 гг. — период борьбы пролетариата в союзе с середняком против буржуазно-помещичьей контрреволюции [1].

Ю. Ларин намечал три периода в развитии аграрной революции: 1) с октября 1917 г. примерно до мая 1918 г., когда крестьяне все вместе шли против помещиков; 2) с лета 1918 г. до начала 1919 г., когда пролетариат в союзе с деревенской беднотой борется с кулаками; 3) с начала 1919 г. до весны 1921 г., когда «держаться на одних бедняках в деревне оказывается трудновато», начинается опора на середняка в борьбе с контрреволюцией [2].

А. Дорогойченко, самарский партийный работник, еще в 1919 году, говорил о периоде с октября 1917 г. по июнь 1918 г., как о времени только подготовки пролетарской революции в деревне [3].

Так в самом начале 1920-х гг. возникла полемика о периодизации аграрной революции в стране, споры, которые продолжаются и ныне [4].

Мнения о двух или трех периодах революции в деревне в какой-то степени были обоснованы. Действительно, диалектика аграрного переворота в России была такова, что в решении судьбы помещичьего землевладения сельская буржуазия содействовала аграрному перевороту, мечтая использовать раздел земель в своих целях.

В. И. Ленин говорил в докладе о продналоге 9 апреля 1921 года, что «сначала положение было таково, что мы видели напор всего крестьянства против власти помещиков. Против помещиков шли одинаково и бедняки и кулаки, хотя с разными намерениями: кулаки шли с целью отобрать землю у помещика и развить на ней свое хозяйство. Вот тогда и обнаружились между кулаками и беднотой различные интересы и стремления...» [5].

Первый период развития аграрной революции продолжался до лета — осени 1918 года, когда «завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социали-

---

[1] А. Анишев. О советской главе нашей истории. «Большевик», 1925, № 8, стр. 33—34.

[2] Ю. Ларин. Советская деревня. М., 1925, стр. 3—7.

[3] А. Дорогойченко. Крестьянство и Учредиловщина. Сб. «Четыре месяца учредиловщины». Самара, 1919, стр. 25.

[4] См. Ю. А. Поляков. К вопросу о содержании и этапах аграрной революции в СССР. «Вопросы истории», 1962, № 8, стр. 204—210; В. П. Данилов. По поводу так называемого третьего этапа аграрной революции (ответ Ю. А. Полякову). «Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 208—215.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 156.

стической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии»[1].

Если датировка первого периода аграрной революции (октябрь 1917 — лето 1918 гг.), определение его движущих сил и итогов в целом, в литературе начала 1920-х гг. не вызвала больших расхождений, то название его как «левоэсеровского» (Б. Н. Книпович), не вполне соответствовало действительности.

Декрет о земле (26 октября 1917 г.) и «Основной закон о социализации земли» (18 января 1918 г.) большевистская партия принимала в политическом блоке с левыми эсерами. Оба эти законодательных акта были направлены на ликвидацию крупного землевладения, т. е. на доведение задач буржуазно-демократической революции до конца. «...мы были единственной партией,— говорил В. И. Ленин на III Конгрессе Коминтерна,— сумевшей довести буржуазную революцию до конца и облегчить борьбу за социалистическую революцию»[2]. Поэтому, несмотря на блок с левыми эсерами, (член ЦК партии левых эсеров А. Л. Колегаев с декабря 1917 г. по март 1918 г. даже входил в состав Совета Народных Комиссаров в качестве комиссара земледелия), первый период аграрного переворота был ничем иным, как этапом буржуазно-демократической революции, который совершался «походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарско-революционной, социалистической работы»[3], проходил под руководством партии большевиков.

Дискуссия была вызвана, в основном, выделением третьего периода аграрной революции (А. Анишев, Ю. Ларин). Это было связано с осереднячиванием деревни при разделе помещичьих земель, с изменением политики по отношению к середняку, от его нейтрализации к союзу с ним (конец 1918 — начало 1919 гг.). Стратегический лозунг партии по крестьянскому вопросу, сформулированный В. И. Лениным, призывал достигать соглашения с середняком — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираться только на бедноту. Следовательно, с начала 1919 г. антикулацкая направленность аграрной революции не менялась, основным союзником пролетариата в деревне по-прежнему оставался бедняк. Поэтому правильнее говорить о двух периодах аграрной революции в деревне в 1917—1920 гг.: 1) октябрь 1917 г. — лето 1918 г., решение в основном задач буржуазно-демократической революции; 2) лето — осень 1918 г. — 1920 г., решение задач собственно социалистических. Разумеется, что в Среднем Поволжье

---

[1] В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 315.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 46.

[3] В. И. Ленин. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. Полн. собр., соч., т. 44, стр. 147.

социалистические преобразования в сельском хозяйстве начинались в основном по мере освобождения районов от белогвардейцев летом и осенью 1918 года.

В 1920-е годы ленинская концепция истории Октябрьской революции и первых аграрных преобразований еще только усваивалась исследователями. Этим можно объяснить непонимание многими историками ленинской постановки вопроса о соотношении буржуазно-демократической революции с социалистической, споры о путях развития сельского хозяйства.

Введение новой экономической политики вызвало оживление капитализма, буржуазной идеологии в стране. Ее социальной базой было преобладающее тогда в деревне мелкобуржуазное индивидуальное крестьянское хозяйство. До завершения в основном социалистических преобразований в сельском хозяйстве, т. е. до начала 30-х годов, когда результаты сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса привели к победе социализма, существовали социалистическая и капиталистическая тенденция развития деревни. Капиталистическая тенденция имела своих идеологов в лице буржуазных и мелкобуржуазных экономистов и историков, которые начали работать в этом направлении еще задолго до Великого Октября, а теперь лишь несколько видоизменили свои взгляды. Их концепции уже получили достаточную критическую оценку в литературе [1].

В декабре 1922 — марте 1923 года В. И. Ленин продиктовал свои последние статьи, среди них — «О кооперации». Именно в кооперации В. И. Ленин видел возможность перевода единоличных крестьянских хозяйств в коллективные социалистические объединения. В. И. Ленин писал о необходимости кооперирования мелкокрестьянского производства, только в этом он видел путь вовлечения крестьян в социалистическое строительство. Это было единственно верное решение крестьянского вопроса, который стал органической частью ленинского плана построения социализма в СССР.

Сторонники мелкобуржуазной тенденции ратовали за развитие капиталистических отношений в деревне. Эсер С. Маслов в 1922 году в сборнике «Крестьянская Россия» выступил с идеей создания самостоятельной крестьянской партии, которая должна была «энергично способствовать восстановлению буржуазно-экономических отношений». Один из первых критиков этой тео-

[1] С. М. Дубровский. Современная русская литература по аграрному вопросу. «Вестник социалистической академии», 1923, № 2, стр. 230—247; № 3, стр. 295—310; № 4, стр. 417—430; В. П. Милютин. Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства. «Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов», М., 1930, т. 1, стр. 23—36; А. М. Чинчиков. О некоторых проблемах историографии социалистического преобразования сельского хозяйства СССР. «Некоторые проблемы истории советского общества». М., 1964, стр. 91—98; Г. В. Шарапов. Аграрные преобразования Октябрьской революции. «Очерки по историографии советского общества». М., 1965, стр. 95—97; и др.

рии В. Полянский справедливо отмечал, что С. Маслов отождествляет крестьянство с народом, как когда-то делали народники, но отрекается от традиционно отрицательного отношения народников к капитализму, твердо веря, что «в наше время только капиталистический строй гарантирует обществу получение инициативно-организующей энергии» [1].

Если С. Маслов прямо призывал к свержению диктатуры пролетариата, то так называемые неонародники (А. Челинцев, А. Чаянов, Н. Макаров и др.) утверждали незыблемость индивидуальной обособленности крестьянского хозяйства. Они видели в деревне имущественную, а не социальную дифференциацию, их интересовали только средние цифры, как правило, не отражающие истинного положения дел, крестьянский двор должен был, по их мнению, эволюционизировать в сторону фермерского кулацкого хозяйства, в свою очередь, эти отдельные крепкие кулацкие дворы должны были в будущем объединиться в сбытово-снабженческую кооперацию.

Характерно, что вера народников 70-х годов в крестьянскую общину — теперь превратилась в апологию отдельного крестьянского хозяйства, отрицание капитализма — по сути дела в защиту его.

Это неонароднические направление было довольно широко распространено в начале 20-х гг. Специалисты: опытные агрономы, землемеры, экономисты, поддерживающие его, работали в государственных учреждениях, сельскохозяйственных институтах. В Самаре его представителями можно назвать профессора Г. А. Студенского, в Казани — статистика В. В. Перцова и др.

В работах В. В. Перцова [2], Г. А. Студенского [3], вышедшем в Самаре в 1924 г. очерке А. С. Говорова [4] об изучении крестьянских хозяйств монографическим методом мы не найдем даже упоминания об Октябрьской революции, гражданской войне, социалистических преобразованиях в деревне. Студенский, побывав с экспедицией в 1925 году в Пензенской губернии, обследовав «типичные» крестьянские хозяйства, всецело был занят лишь определением рентабельности разведения того или иного поголовья скота, сортами посева, равнением на крепкие, кулацкие хозяйства. Говоров, объездив южную часть Самарского уезда, писал о хозяйствах (средние цифры), которые в войну не пострадали, пострадали мало, о тех, кто только устраивает

---

[1] В. Полянский. Контрреволюция под флагом защиты крестьянства. Сб. «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией». М., 1923, стр. 53—54.

[2] В. В. Перцов. Очерк статистики и экономики Казанской губернии. Казань, 1919.

[3] Г. А. Студенский. Проблемы организации крестьянского сельского хозяйства. Самара, 1927.

[4] А. С. Говоров. Монографии крестьянских хозяйств. Самара, 1924.

свой двор. Для него не существовало бедняков, середняков, кулаков, а были только те, кто имеет инвентарь, скот, умеет вести хозяйство или не умеет.

Перцов в основу своей работы положил лекции, прочитанные им весной 1918 г. на Казанских курсах общественных наук. Он также обходит молчанием социалистический характер Октябрьской революции и лишь замечает: «Недавно издан закон о переходе всей земли в собственность государства. Но форма пользования землей им не предрешается. Что лучше, что более отвечает коньюнктуре момента, коллективное ли начало землепользования или индивидуальное — на этот вопрос даст беспристрастный ответ только жизнь» [1].

Неонародничество закончило свое существование к концу 20-х годов. Таким образом, выработка В. И. Лениным кооперативного плана, борьба за его осуществление проходили в начале 20-х гг. в остром идеологическом поединке с защитниками капиталистического пути развития сельского хозяйства страны.

В 1920-е годы появились работы С. М. Дубровского [2], И. А. Кириллова [3], А. И. Хрящевой [4] и других исследователей, ставивших целью проанализировать изменения, происшедшие в результате Октябрьской революции и гражданской войны в сельском хозяйстве. Вопросы, связанные с историей поволжского крестьянства затрагивались в них лишь попутно. Так, А. И. Хрящева дала интересный анализ соотношения групп крестьянства Среднего Поволжья и других районов страны по переписям 1917 и 1919 гг. [5]. Возглавляя в 1918—1926 гг. отдел сельскохозяйственной переписи ЦСУ, А. И. Хрящева принимала деятельное участие в переписях 1917 и 1919 гг., результатом чего явились статистические материалы, вышедшие с ее предисловием — экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 годах [6]. Эти материалы содержат ценнейшие сведения о крестьянских хозяйствах поволжских губерний.

Выходившие в те же годы статистические сборники содержали сведения о членах РКП(б), работающих в поволжских губерниях [7], числе совхозов в них в 1918—1920 гг. [8], о том, что при уравнительном распределении земель в 1918 г., при мало-

---

[1] В. В. Перцов. Указ. соч., стр. 29.

[2] С. М. Дубровский. Очерки русской революции. Вып. 1. Сельское хозяйство. М., 1922; его же. Крестьянство в пролетарской революции и перспективы развития сельского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата «Сельское и лесное хозяйство», 1923, № 7, стр. 10—39.

[3] И. А. Кириллов. Очерки землеустройства за три года революции (1917—1920 гг.). М., 1922.

[4] А. И. Хрящева. Крестьянство в войне и революции. М., 1921; ее же. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926; и др.

[5] А. И. Хрящева. Крестьянство в войне и революции, стр. 34.

[6] Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. М., 1922.

[7] Личный состав РКП(б) в 1920 г. М., 1921, стр. 22—23.

[8] Центральное управление земледелия и советских хозяйств в свете новой экономической политики. М., 1921.

земельи Казанской губернии было постановлено «предоставить часть леса для образования запасного земельного фонда»[1] и т. д.

Все эти работы содержали материал по истории социалистических преобразований, происшедших в деревне.

Для историков 1920-х гг. был характерен также определенный интерес к истории контрреволюции, к аграрной политике Комуча и колчаковщины, причинам и характеру контрреволюционных мятежей на Волге в годы гражданской войны. По свидетельству А. И. Гуковского, эти работы писались, прежде всего, с целью разоблачения белогвардейских писаний, выходивших тогда за рубежом в большом количестве[2].

Наряду с общими исследованиями на эту тему В. Кураева[3], Я. Шафир[4], В. Аверьева[5], политика контрреволюционных правительств привлекает внимание военных и местных исследователей.

Военные историки И. Шведов и Н. Какурин считали одной из причин неудачи действий 5-ой Красной Армии весной 1919 г. против Колчака кулацкие восстания в Сызранско-Сенгилеевском районе, когда с фронта приходилось снимать части для их подавления[6]. К Н. Какурину присоединялся И. Колесников. Он подчеркивал опасность так называемого Чапанного восстания и отмечал среди причин его возникновения «недовольство Советской властью кулаков, которые вовлекали также и часть крестьян-середняков»[7]. Н. Какурин, анализируя политику Комуча по отношению к крестьянству и декларацию Колчака по земельному вопросу, указывал на непопулярность и даже враждебное отношение к ним поволжского крестьянства[8].

Детальный анализ аграрной политики Комуча был дан в работах А. Дорогойченко, заведующего отделом истпарта в Казани Н. Знаменского и бывшего министра труда Комуча, вступившего в 1921 г. в РКП(б) И. Майского[9]. Основной документаль-

---

[1] Материалы по земельной реформе 1918 года. Пг., 1919, вып. 1, стр. 16.

[2] А. И. Гуковский. Как я стал историком. «История СССР», 1965, № 6, стр. 87.

[3] В. Кураев. Рабоче-крестьянская смычка. М., 1924, стр. 39—58.

[4] Я. Шафир. Белогвардейцы и крестьянство. М.—Л., 1928.

[5] В Аверьев. Аграрная политика колчаковщины. «На аграрном фронте», 1929, № 6, стр. 24—45, № 8, стр. 32—44.

[6] И. Шведов. Разгром 5-ой армии «Сборник трудов Военно-научного общества при Военной Академии», М., 1922, кн. 3, стр. 42; Н. Какурин. Как сражалась революция. М.—Л., 1926, т. 2, стр. 167.

[7] И. А. Колесников. Военные действия на территории Самарской губернии в 1918—1921 гг. Самара, 1927, стр. 44.

[8] Н. Какурин. Указ. соч., т. 1, стр. 47—50.

[9] А. П. Дорогойченко. Крестьянство и учредиловщина. Сб. «Четыре месяца учредиловщины», Самара, 1919, стр. 24—35; Н. Знаменский. Время чехов. Сб. «Борьба за Казань». Казань, 1924, стр. 111—179; И. Майский. Демократическая контрреволюция. М.—Пг., 1923. И. М. Майский с 1946 г. академик, живет в Москве.

ной базой статей Дорогойченко и Знаменского была газетная информация, книги Майского — личные воспоминания.

Дорогойченко первым отметил, что еще до того, как Комуч объявил мобилизацию крестьян в «Народную армию», ряд волостей Самарской губернии отказался признать его власть и организовывать земство. Отказ крестьян идти в армию он считал началом их активного выступления против Комуча. Проводимый белогвардейцами террор окончательно раскрыл перед крестьянами антинародное лицо Комуча. «Урок учредиловщины многому научил трудовое крестьянство, — писал Дорогойченко, — он раскалил до красна почву под ногами крестьянства — и оно становится уже активным защитником социальной революции и коммунистического строя» [1].

Н. Знаменский, проводя по материалам Казанской губернии примерно ту же работу, что Дорогойченко по Самарской, приходил несколько лет спустя к тем же выводам о терроре Комуча, о том, что «власть учредиловцев крестьянам не давала ничего, кроме свободы спекуляции, выгодной кулакам» [2].

И. Майский подчеркивал, что в области земельной политики Комуч официально стоял за 10 пунктов закона о земле, принятого Учредительным собранием на своем единственном заседании 5 января 1918 г. [3]. Как известно, этот закон объявлял землю народным достоянием и отменял право частной собственности на нее. Однако принцип национализации земли не соблюдался Комучем: не принимались меры для конфискации поместий, которые еще находились в руках владельцев. Комуч отменил твердые цены на хлеб и позволил помещикам собирать урожай. Майский считал, что программа Комуча «являла собой довольно точное воплощение программы обыкновенной буржуазной демократии, не больше» и что «останься эсеры у власти — национализации земли суждено было бы весьма кратковременное существование». Он также полагал, что приказ Комуча о мобилизации в армию положил начало активному сопротивлению крестьян и делал общий вывод: «...крестьянство не могло считаться опорой Комитета. В лучшем случае оно было нейтрально, чаще — враждебно новой власти» [4].

Вопросы аграрной политики Комуча затрагивались в работах В. Алексеева, который приводит факты ее непопулярности в Симбирской губернии [5], Б. Тальнова, подробно остановившегося на развитии партизанского движения в Бугурусланском

---

[1] А. П. Дорогойченко. Указ. соч., стр. 35.
[2] Н. Знаменский. Указ. соч., стр. 135.
[3] См. Всероссийское Учредительное Собрание. М. — Л., 1930, стенографический отчет, стр. 112.
[4] И. Майский. Указ. соч., стр. 81, 83, 87, 97, 136.
[5] В. Н. Алексеев. Два года борьбы. Ульяновск, 1927, стр. 88.

уезде Самарской губернии в августе-сентябре 1918 г.[1], Ф. Попова, специальную главу своей книги назвавшего «Комуч, крестьянство и призыв в армию»[2].

Работы В. Алексеева, Б. Тальнова, Ф. Попова приводили новый фактический материал для показа отрицательного отношения крестьянства к Комучу, но их выводы не шли дальше уже сделанных А. Дорогойченко, Н. Знаменским и И. Майским в начале 20-х годов.

Все эти выводы очевидцев и участников событий подтверждали положение В. И. Ленина о том, что «когда крестьянство, хотя и недовольное большевистским режимом, тем не менее сравнило его на практике с учредиловскими, колчаковскими и другими порядками, то пришло к выводу, что большевики обеспечили ему существование лучше и в военном отношении защитили его от насилия империалистов всего мира»[3].

Истории контрреволюционных мятежей в Удмуртии летом и осенью 1918 года уделяется большое внимание в книгах Ф. П. Макарова[4] и В. А. Максимова[5]. Анализируя их причины, тот факт, что кулакам удавалось увлечь за собой часть середняков и бедняков, Макаров считал, что в этом повинно то обстоятельство, что раздел земли в некоторых волостях Прикамья затянулся до осени 1918 г. Максимов одну из основных причин недовольства крестьян видел в ошибках местных работников, которые неправильно облагали волости чрезмерно высокими нормами продразверстки и чрезвычайного налога. Причем, — писал он, — хлеб отбирали часто не у тех, у кого были большие запасы, а у всех, раскладывая по душам земельного надела. Естественно, что от этого больше всего страдали середняки и бедняки, это и вызывало их недовольство[6]. Подобные факты использовала контрреволюционная пропаганда, кулаки.

В. Н. Аверьев уже тогда верно оценивая роль кулацких выступлений в Поволжьи, отмечал, что они в значительной степени определили успех наступления белочехословацкого корпуса и иллюстрировал это положение примерами, относящимися к Пензенской губернии[7].

Кулацкому восстанию, или чапанной войне, вспыхнувшей в марте 1919 года в Самарской и Симбирской губерниях, посвятил свою работу Н. В. Гурьев, тогда заведующий историческим

---

[1] Б. Тальнов. Краткие очерки первых четырех лет пролетарской революции в Бугурусланском округе (1917—1920). Бугуруслан, 1929, стр. 19—20.

[2] Ф. Г. Попов. Чехословацкий мятеж и Самарская Учредилка. М. — Самара, 1933, стр. 144—163.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 28.

[4] Ф. П. Макаров. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932.

[5] В. А. Максимов. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918 г.) Ижевск, 1933.

[6] В. А. Максимов. Указ. соч., стр. 32.

[7] См. Комитеты бедноты, т. 1—2, М. — Л., 1933.

отделом Сызранского музея [1], попытку оценить это восстание в целом сделал заведующий Самарским истпартом В. В. Троцкий [2].

Н. Гурьев устанавливает границы восстания, пишет, что многие волости Сызранского уезда не приняли в нем никакого участия. Основной его причиной он считал использование кулаками недовольства части середняков продразверсткой и ту контрреволюционную агитацию, которую вели кулаки в связи с наступлением Колчака.

В. Троцкий определяет чапанную войну как наиболее крупное кулацкое выступление на Средней Волге в 1919 году.

Подводя итоги изучению истории крестьянства Среднего Поволжья (1918—1920 гг.) в 1920-е — начале 1930-х годов, следует заметить, что основное внимание в исследованиях уделялось показу преимуществ аграрной программы большевистской партии, неизбежности провала всяких попыток восстановить старые земельные порядки, предпринятые Комучем и Колчаком.

В этой литературе не затрагивались многие вопросы, в том числе создание коллективных и советских хозяйств в годы гражданской войны на Средней Волге. Основная заслуга исследователей 20-х гг. состоит в том, что они, обобщив большой фактический материал, стремились определить проблематику научных исследований на будущее.

* *
*

Заслуживают рассмотрения и произведения белогвардейцев и интервентов, широко издававшиеся примерно до 1934 года. Критическое изучение подобного рода литературы важно потому, что оно дает возможность доказать несостоятельность основной «источниковедческой базы» буржуазных историков.

Большое значение придавал В. И. Ленин собиранию и изучению белогвардейских газет и литературы. В мае 1921 года В. И. Ленин предлагал создать регулирующий орган для закупки книг за границей. Он считал, что «закупаемая и распределяемая литература должна делиться на пять главных рубрик: 1) белогвардейская (представляющая чрезвычайный интерес для нас); 2) научная; 3) технико-административная; 4) художественная; 5) партийная» [3].

В советской исторической литературе уже получили должную оценку как произведения наших зарубежных друзей

---

[1] Н. В. Гурьев. Чапанная война. Сызрань, 1924.

[2] В. Троцкий. Революционное движение в Среднем Поволжье. Самара, 1930, стр. 153; Его же. 1919 год в Средневолжском крае (хроника революционных событий). М. — Самара, 1932, стр. 11—12.

[3] М. И. Захарцева, Л. А. Шапиро. По следам ленинских поручений (публикация документов). «История СССР», 1965, № 2, стр. 88.

(Д. Рид, Р. Вильямс, Ф. Прайс), так и недоброжелателей [1]. Однако к критике современной буржуазной литературы и ее белогвардейских источников следует возвращаться, так как фальсификацию нельзя оставлять без ответа.

Как только в начале июня 1918 года власть в Самаре при помощи чехословацкого корпуса захватили правые эсеры и меньшевики, они стали готовить к изданию несколько выпусков серии: «Революция 1917—18 годов в Самарской губернии». В первом же выпуске, видный деятель Комуча П. Д. Климушкин писал, что решение аграрного вопроса «составляло главную цель нашего существования и отнимало у президиума всю его энергию, помыслы и время». Он опубликовал специальную статью «История аграрного движения в Самарской губернии», где пытался всячески превознести заслуги эсеров, их роль в решении земельного вопроса в 1917 году и в конце концов призывал ждать созыва Учредительного собрания, чтобы окончательно разрешить земельный вопрос [2].

В 1928 году бывшие члены Комуча выпустили за границей несколько томов журнала, отмечая десятилетие своего бесславного выступления на Волге и пытаясь объяснить причины его поражения [3]. Они писали о многом, но так и не поняли, что их попытка соглашателей найти «третий путь» в революции, осуществлять некую среднюю линию между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии была обречена на провал.

Еще генерал Деникин назвал Комуч и политику, проводимую правыми эсерами и меньшевиками, пустоцветом. Он писал, что крестьянство, не видевшее в призывах Комуча ничего нового, отнеслось к ним «по меньшей мере равнодушно», городской пролетариат — враждебно. Деникин отмечал полный провал мобилизационной политики Комуча. Он считал, что Комуч пришел в власти только благодаря штыкам чехословацкого корпуса [4].

Бывший начальник оперативного отдела штаба Народной армии Комуча генерал Петров писал, что в деревне «состоятельная часть» ждала прихода чехословаков в надежде получить помощь против бедноты, но сама выступала осторожно:

---

[1] См. П. А. Бутылкин. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции в оценке американской печати. «Учен. записки» Сталинградского государств. педагогич. ин-та. им. А. Серафимовича, 1957, вып. 6, стр. 331—346; Г. В. Шарапов. Критика буржуазной историографии по вопросам аграрной политики Советской власти в первые годы диктатуры пролетариата. Сб. «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». М., 1960; Его же. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М., 1966.

[2] Революция 1917—18 годов в Самарской губернии. Самара, 1918, т. 1, стр. 3—55.

[3] «Воля России». Прага, 1928, тт. VIII—IX, X—XI.

[4] А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 3. Берлин, 1924, стр. 95—97.

пока шло наступление на фронте — поддерживала Комуч. Как только начиналось отступление — уклонялось от мобилизации [1].

Барон Будберг основную причину недовольства крестьян Колчаком видел в грабеже и терроре белогвардейцев [2]. Об этом же писал правый эсер, бывший член Комуча К. Буревой, в конце 1918 г. перешедший на сторону Советской власти. «По Мензелинскому уезду гарцует конный отряд офицера-помещика Щепихина, наводит порядок: избивает, реквизирует, восстанавливает собственность на землю, расстреливает. Это привело к тому, что когда Мензелинский уезд был занят вновь советскими войсками, то все население уезда, способное носить оружие, не дожидаясь мобилизации, вступило в ряды Красной Армии»[3].

В работах белогвардейцев содержится разнообразный материал по истории аграрной политики Комуча и Колчака. Их авторы пытаются найти оправдание своим действиям, стремятся разобраться в причинах своего поражения. Но делается это необъективно, с непониманием закономерности победы аграрной политики Советской власти.

В ином плане написаны работы иностранцев, членов рабочих делегаций, посетивших Россию в годы гражданской войны, с целью своими глазами увидеть социальные преобразования Великого Октября.

Так, в 1920 году в Самарской губернии побывал Ч. Бекстон, английский либерал, секретарь британской рабочей делегации. Несколько дней он прожил в деревне Озеро. Позже Бекстон рассказал о своих впечатлениях и сделал вывод, что крестьяне «были за революцию, а в данный момент революцию олицетворяла Советская власть. Они ворчали и бранили ее, но когда представился случай опрокинуть ее, они сказали — нет» [4].

* *
*

Основным предметом изучения в советской исторической литературе 1930 — начала 1950-х гг. были социалистические преобразования деревни. Многие темы, в том числе и история контрреволюции, успешно разрабатывавшиеся в 20-е годы, были преданы забвению.

При изучении деятельности комбедов, большинство исследователей, придерживаясь схемы «Краткого курса истории ВКП(б)», обращало внимание, прежде всего, на их роль в борьбе с кулаками, в решении продовольственного вопроса. Многие проблемы аграрной революции в стране, также как социаль-

---

[1] П. П. Петров. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига, 1930, стр. 12—13.

[2] См. Архив русской революции, т. XIV. Берлин, 1924, стр. 317.

[3] К. Буревой. Колчаковщина. М., 1919, стр. 19.

[4] Ч. Р. Бекстон. В русской деревне. М.—Л., 1923, стр. 47.

но-экономическое содержание и итоги периодов ее развития по сути дела не изучались [1].

На местах шел в основном процесс накопления фактов, теоретические вопросы не разрабатывались. Интересный фактический материал по истории крестьянства Среднего Поволжья содержится в защищенных в начале 50-х гг. кандидатских диссертациях А. С. Коньковой, Н. Г. Малыхина, Н. Н. Мининой, А. А. Шишкина [2].

Крупным событием явился выход в 1954 году сборника документов и материалов «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.)», где содержатся ценные сведения, например, по составу коллективных хозяйств в губерниях Поволжья.

Первым коллективным хозяйством Татарии посвятил свою работу Е. И. Устюжанин [3]. Ее основным достоинством является стремление показать экономическую базу возникших тогда коммун и артелей. В статье Е. И. Устюжанина приводятся факты организации лжекоммун, объединений с целью получения государственных субсидий, большой цифровой материал о росте коллективных хозяйств и другие данные.

Роль трудового крестьянства Среднего Поволжья в борьбе с интервентами и контрреволюцией подчеркивается в работах М. К. Мухарямова и И. Е. Петрова [4].

Мероприятия Коммунистической партии по преодолению последствий культа личности, ликвидации субъективизма в оценке событий, создали благоприятные условия для развития научной мысли. Сразу же после XX съезда КПСС интенсивно развернулась работа по исследованию истории первых лет Советской власти. Историков все больше начинают интересовать вопросы не только организационно-политической, но и социально-экономической проблематики. Именно им посвящены работы

---

[1] См. В. П. Данилов. Изучение истории советского крестьянства. Сб. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», М., 1962, стр. 454—455.

[2] А. С. Конькова. Борьба большевистской партии за середняка в период гражданской войны (1918—1919 гг.). По материалам Самарской губернии. М., 1950, канд. диссерт.; Н. Г. Малыхин. Организация разгрома первого натиска Антанты и внутренней контрреволюции в Среднем Поволжье (май — октябрь 1918 г.) М., 1951, канд. диссерт; Н. Н. Минина. Борьба Коммунистической партии за укрепление тыла Восточного фронта в начале иностранной военной интервенции и в период первого похода Антанты (по материалам средневолжских партийных организаций). М., 1954, канд. диссерт.; А. А. Шишкин. Под руководством казанских большевиков комитеты деревенской бедноты в борьбе за хлеб, за социализм. Казань, 1954, канд. диссерт.; и др.

[3] Е. И. Устюжанин. Первые коллективные хозяйства в Татарии (1918—1920). «Учен. зап.» Казанск. госуд. ун-та., 1954, т. 114, кн. 5, стр. 65—102.

[4] М. К. Мухарямов. Из истории иностранной военной интервенции и гражданской войны на территории Татарии (1918—1920 гг.). Казань, 1954; И. Е. Петров. Чувашия в период иностранной интервенции и гражданской войны. Чебоксары, 1954, вып. 1.

профессора Е. И. Медведева[1]. На большом фактическом материале в них рассматриваются преобразования, главным образом, в Самарской деревне, происшедшие в результате первых аграрных декретов Советской власти: раздел земли и осереднячивание, выдвижение на первый план сельской жизни мелкого хозяйчика, предпосылки создания комбедов, их деятельность и т. д. Е. И. Медведев удачно проводит параллель между Средней Волгой и Сибирью, отмечая, что по развитию революционных событий Поволжье стояло ближе к промышленным центрам страны и политический переход среднего крестьянства на сторону Советской власти здесь произошел раньше, чем в Сибири.

В последние годы более интенсивно развернулось конкретное исследование результатов осуществления ленинского Декрета о земле, процесса ликвидации помещичьего землевладения, деятельности комитетов бедноты, возникновения первых коллективных хозяйств[2]. Вопросы мобилизации крестьянства, проведение продразверстки, трудовой героизм рассматриваются в работах, посвященных истории гражданской войны в Поволжье[3]. Во всех этих работах обращается внимание на специфику отдельных районов Поволжья при проведении социалистических аграрных преобразований. Но развитие деревни в период военного коммунизма часто остается, к сожалению, вне поля зрения исследователей.

Правда, документы и материалы, раскрывающие, в основном, политическое настроение крестьян поволжских деревень в годы гражданской войны публиковались в ряде сборников[4].

---

[1] Е. И. Медведев. Аграрные преобразования в Самарской деревне в 1917—1918 гг. Куйбышев, 1958; Его же. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Т. 1. Куйбышев, 1958.

[2] М. А. Кибардин. Большевики Казанской губернии во главе аграрных преобразований. 1917—1919 гг. Казань, 1963; М. В. Дорожкин. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957; А. И. Кувшинский. Колхозное строительство в Марийской АССР в 1918—1929 гг. Йошкар-Ола, 1959; К. И. Шибанов. Социалистическое преобразование удмуртской деревни. Ижевск, 1963; А. И. Лебедева. и А. А. Шишкин. Комитеты бедноты Татарии. Казань, 1961; Е. И. Устюжанин. Коллективные хозяйства в Татарии в первые годы Советской власти. Сб. «Из истории Татарии». Казань, 1965, стр. 167—204; Е. И. Петров, Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1965; и др.

[3] И. А. Корсаков и М. И. Романов. Из истории Мордовии в годы гражданской войны. Саранск, 1958; Е. И. Медведев. Гражданская война и военная интервенция на Средней Волге в 1918 г. Куйбышев, 1959; Очерк истории Марийской АССР (1917—1960). Йошкар-Ола, 1960; История Татарской АССР, т. 2. Казань, 1960; С. В. Кряжимский. Руководство самарской партийной организации хозяйственным строительством в губернии в 1917—1920 гг. М., 1960, канд. диссерт.; А. П. Ненароков. Восточный фронт летом 1918 г. и вопросы строительства Красной Армии. Ростов-на-Дону, 1962, канд. диссерт.; В. Ф. Пашуков. Марийский край в годы гражданской войны (1918—1920). Йошкар-Ола, 1965; и др.

[4] Самарская губерния в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Куйбышев, 1958; Симбирская губерния в годы гражданской войны, т. 1—2.

М. В. Искров в диссертации делал вывод о том, что майские 1918 года чрезвычайные декреты Советской власти, установившие продовольственную диктатуру в стране, заложили основу внеэкономического получения хлеба из деревни. «Различны были лишь средства внеэкономического воздействия, — писал он. По отношению к кулачеству они носили чаще всего характер военного принуждения, по отношению к середняку — характер убеждения». М. В. Искров правильно подчеркивал, что это была новая, разработанная В. И. Лениным, продовольственная политика, построенная на необычных для мелкотоварного хозяйства связях — не на рыночных отношениях, а на внеэкономических отношениях двух родственных классов, на военно-политическом союзе рабочего класса и трудящегося крестьянства [1].

Важную роль в обсуждении основных проблем истории аграрной революции сыграли научная сессия по истории советского крестьянства и колхозного строительства (в апреле 1961 г.) [2] и симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в Москве (в сентябре 1965 г.). Выступления на них В. П. Данилова, Е. А. Луцкого, Ю. А. Полякова, И. Б. Берхина с обобщающими докладами по основным вопросам социально-экономических и политических преобразований в деревне в первые годы Советской власти, давали представление о достижениях исторической науки, намечали круг еще неисследованных проблем по теме.

В последние годы была снова сделана и попытка проанализировать причины банкротства контрреволюции на Волге в 1918-19 гг. — провала ее политики и контрреволюционных выступлений [3].

Х. А. Ерицян, Ш. Х. Хамматов, Н. А. Андрианов, С. А. Артемьев в своих работах уделяют значительное место строительству

Ульяновск, 1958—1960; Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959; Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской Автономной области. Чебоксары, 1960; Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, т. 1—2. Ижевск, 1960; Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (август 1918 — декабрь 1920). Казань, 1961; и др.

[1] М. В. Искров. Борьба Коммунистической партии за перестройку жизни страны на военный лад (лето 1918 — март 1919 г.). М., 1961, канд. диссерт., стр. 255—256.

[2] История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.

[3] Н. Ф. Лысыхин. Разгром контрреволюционного мятежа на Средней Волге в 1919 г. «Краеведческие записки» Куйбышевского областного музея краеведения, 1963, вып. 1, стр. 118—131.; В. В. Гармиза. Банкротство политики «третьего пути» в революции (Уфимское государственное совещание 1918 г.). «История СССР», 1965, № 6, стр. 3—25.

и укреплению Советской власти на селе, союзу рабочего класса и крестьянства в 1918—1920 гг. [1]

Важные выводы о расстановке классовых сил в деревне в годы гражданской войны с использованием материалов из истории Среднего Поволжья сделал Л. М. Спирин [2]. «История гражданской войны в России есть прежде всего история борьбы пролетариата и буржуазии за средние слои общества, и главным образом за среднее крестьянство» — пишет он [3]. Именно колебаниями среднего крестьянства Л. М. Спирин объясняет временную победу контрреволюции на Волге в 1918 году.

Однако, как правильно замечает В. П. Данилов [4], конкретно-исторический анализ социально-экономических процессов в деревне первых лет Советской власти, по-прежнему, остается одной из самых важных задач в области изучения истории советского общества.

*
* *

Таким образом, мы видим некоторые общие закономерности развития историографии крестьянства Среднего Поволжья. В первые годы Советской власти главное внимание уделялось проблеме классовых отношений и классовой борьбы крестьянства. В конце 20—40-х гг. начинает исследоваться более широкий круг вопросов экономической истории дореволюционного крестьянства и вместе с тем снижается интерес к проблеме буржуазных отношений в деревне в первые годы после революции. Одновременно подвергается разработке история крестьянства отдельных народов Поволжья. Заметный сдвиг в развитии историографии происходит в 50—60-х гг., когда, наряду с изучением истории производственных отношений и классовой борьбы крестьянства, развертывается широким фронтом изучение истории производительных сил в Среднем Поволжье и, кроме того, начинает выясняться, по статистическим источникам, специфическое место Среднего Поволжья в аграрной истории России.

---

[1] Х. А. Ерицян. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960; Ш. Х. Хамматов. О союзе рабочих и крестьян Татарии (ноябрь 1917—1920 гг.). Казань, 1957; Н. А. Андрианов. Восстановление Советской власти и укрепление ее аппарата в Татарии (1918—1920 гг.). Казань, 1962; С. А. Артемьев. Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917—1918 годах. Чебоксары, 1965.

[2] Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. Автореферат диссерт. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1965.

[3] Там же, стр. 46.

[4] См. сб. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». История СССР. М., 1962, стр. 460.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ТАТАРИИ

К. Р. Синицина

В мае 1963 года Центральным комитетом партии принято Постановление «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся», в котором отмечается большая работа музеев страны в деле воспитания молодежи на революционных и трудовых традициях, воспитания чувств советского патриотизма и интернационализма. ЦК КПСС поставил перед музеями задачу дальнейшего развития их деятельности в этом направлении в период развернутого строительства коммунизма. Советские музеи являются очагами большой культурно-просветительной работы. Для них характерна большая посещаемость. Все это — следствие коренного преобразования в музейном деле за годы советской власти. Создание новых советских музеев на базе полученного дореволюционного наследства — одна из ярких страниц культурной революции в нашей стране.

Культурная революция «вывела трудовые массы из духовного рабства и темноты, пробудила их к богатствам культуры, накопленным человечеством»[1]. В Программе КПСС сформулированы задачи партии и всего народа в области идеологии, намечены цели коммунистического воспитания советских людей. В успешном выполнении программы большая роль отводится советской культуре. Изучение опыта культурной революции позволило раскрыть ее закономерности и наметить новые пути в решении поставленных партией задач. Советские историки за последнее время уделяют большое внимание исследованию процесса культурного строительства в СССР[2].

---

[1] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. III. М., 1962, стр. 237.

[2] И. С. Смирнов. Из истории строительства социалистической культуры в первые годы советской власти. М., 1952; Е. Н. Городецкий. Борьба народных масс за создание советской культуры (1917—1920 гг.). Вопросы истории. 1954, № 4; Г. Г. Карпов. О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1954; М. П. Ким. Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М., 1955. А. Г. Лашин. Культурно-воспитательная деятельность Советского государства. М., 1955; М. П. Ким. 40 лет советской культуры. М., 1957; М. П. Ким. О закономерностях культурной революции в СССР. Вопросы истории КПСС. 1960, № 6.

Общий подъем исторической науки в связи с преодолением культа личности, публикация ленинского наследия позволили пересмотреть вопросы периодизации истории культурной революции в СССР [1]. В Программе КПСС впервые были даны точные хронологические рамки культурной революции, со времени Великой Октябрьской революции до завершающего периода строительства коммунизма. Л. М. Зак в работе «История культурного строительства СССР в советской историографии (1956—1963 гг.)» [2] справедливо ставит вопрос о периодизации отдельных звеньев культурной революции и о степени их изученности. Наиболее изученными являются вопросы истории народного образования, борьбы за ликвидацию неграмотности. Преимущественное изучение этих вопросов культурной революции в СССР привело к ошибкам некоторых историков, которые сделали неправильный вывод о том, что если в европейских странах народной демократии не было низкой грамотности населения, то культурная революция не имеет места в этих странах и характерна лишь для построения социализма в СССР. Ошибочность их выводов рассматривает в своей работе «Общие черты и особенности культурной революции в странах народной демократии» А. И. Арнольдов [3]. Переход специалистов на сторону революции, создание новой советской интеллигенции из рядов рабочего класса и крестьянства, подъем науки, народного образования, рост и развитие сети культурно-просветительных учреждений, создание и совершенствование государственного аппарата по руководству культурным строительством — все эти элементы присущи периоду строительства социализма и в СССР, и в странах народной демократии. Необходимость всестороннего изучения проблем культурной революции ставилась в ряде работ советских историков [4]. В последние годы опубликовано несколько работ по изучению истории культурно-просветительных учреждений [5].

Но до сих пор наименее изученной остается история музейного строительства в нашей стране. «С проблемой культурной

---

[1] Инициатива в исследовании этого вопроса принадлежит одному из крупнейших специалистов истории культурной революции член-корреспонденту АН СССР М. П. Киму. См. указанные работы.

[2] Статья напечатана в журнале «Вопросы истории», № 2, 1964 г.

[3] Работа опубликована в журнале «Содружество стран социализма». М., 1958. Эти же вопросы автор рассматривает в монографии, «Социализм и культура», М., 1963.

[4] Например, в работе М. П. Кима «Сущность и исторические этапы культурной революции в СССР». Вопросы истории КПСС. 1960, № 6.

[5] В. Е. Васильченко. История библиотечного дела в СССР. М. 1958; М. С. Андреева. КПСС — организатор культурно-просветительной работы в массах. М., 1963; Т. А. Ремизова. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921—1925 гг.). М., 1962 и др.

революции в СССР и развитием советской исторической науки органически связана история одного участка культурного фронта — речь идет о советских музеях, ибо становление советских музеев — это одна из частей культурной революции» [1]. Над разработкой истории музейного дела в России работает группа специалистов Научно-исследовательского института музееведения (Москва). НИИМ издал несколько выпусков очерков по истории музейного дела и ряд статей в Трудах института. Большинство из них естественно посвящены истории крупнейших центральных музеев—Государственного исторического музея (ГИМа), музея Революции СССР (Москва), музея Великой Октябрьской социалистической революции (Ленинград) и др. О. В. Ионова впервые обращается в изучению деятельности краеведческих музеев [2]. Ее статьи посвящены широкой сети краеведческих музеев, созданных после Октября, их становлению в 20—30 годы. К вопросам деятельности музеев в довоенные годы обращается и Д. А. Равикович [3]. Роли музеев в спасении ценнейших сокровищ культуры и искусства в годы Великой Отечественной войны посвящена работа М. И. Симкина [4]. Однако, эти работы лишь начало в изучении и обобщении деятельности музеев на местах. Наименее изучено музейное строительство в национальных республиках нашей страны.

Историю музейного строительства в Татарии, естественно, нельзя рассматривать в отрыве от общего развития музейного дела в стране.

За последние годы написан ряд работ, посвященных роли В. И. Ленина в культурном строительстве в первые годы советской власти, изданы сборники документов по культурным преобразованиям, подписанных руководителем советского правительства [5]. В них раскрывается деятельность вождя революции по созданию первых учреждений культуры и огромная забота о сохранении культурных и исторических ценностей. В этом плане большой интерес представляют воспоминания Н. К. Крупской о Ленине и, в частности, об отношении Владимира Ильича к музеям [6]. Надежда Константиновна вспоминает, что Вла-

---

[1] А. Б. Закс. Музеи исторического профиля в 1917—1934 гг. «История СССР». 1962, № 5.

[2] О. В. Ионова. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР. Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. II, М., 1961, стр. 80—176; О. В. Ионова. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928—1941). Очерки по истории музейного дела в СССР. Вып. V, М., 1963 г., стр. 84—119.

[3] Д. А. Равикович. Музеи местного края во второй половине XIX — начале XX века (1861—1917). Очерки истории музейного дела в России. М., 1960, стр. 145—224.

[4] М. П. Симкин. Советские музеи в период Великой Отечественной войны. Труды научно-исследовательского института музееведения. М., 1961.

[5] Ленин о культуре и искусстве. Статьи, речи, письма. М., 1956.

[6] Н. К. Крупская. Отношение Ленина к музеям. Советский музей. 1934, № 1, стр. 5—6.

димир Ильич скоро уставал в музеях академического типа — голая систематика коллекций не привлекала его. С другой стороны, он с большим интересом, например, осматривал в Париже музей революции 1848 года. Его интересовала там каждая вещь, музей был для него как бы частицей революционной борьбы. С большим интересом слушал Владимир Ильич о политехнических музеях и предлагал открывать их как можно больше. Из воспоминаний Н. К. Крупской видно, что В. И. Ленин рассматривал музеи, как учреждения, которые должны воспитывать, учить трудящихся.

Чрезвычайно велика роль А. В. Луначарского в становлении советских музеев. Свои взгляды на искусство и музейное строительство он неустанно и последовательно проводил в печати, в лекциях, на собраниях, в правительственных мероприятиях. В трудных услових первых лет советской власти, усугубленных голодом, разрухой, гражданской войной, он энергично боролся против закрытия и перемещения музеев из-за жилищных или финансовых затруднений, доказывая, что культурные потребности масс растут необычайно. «Кто посмеет взять на себя ответственность заявить, что пролетарию и крестьянину не нужно быть образованным в смысле глубокого знакомства со всеми прошлыми моментами человечества?... Это наследие прошлого представляет собою такое гигантское сокровище, что невольно приходишь в негодование, когда замечаешь, что какой-либо недодумавший до конца сознательный или бессознательный демагог хочет заслонить это великое наследие от взоров рабочего и крестьянина и убедить его в необходимости обратить глаза только на тот, пока скудный светоч, который зажжен в области искусства в последние дни»[1]. А. В. Луначарский боролся за расширение сети музеев и особенно краеведческих музеев. Чрезвычайно бережно относился он к старым музейным специалистам. В 1929 году на общем собрании московских музейных работников, которое состоялось в Политехническом музее, выявилось своеобразное «музейное рапповское» настроение среди молодежи, огульно направленное против старых музейных деятелей. Анатолий Васильевич очень твердо и авторитетно заявил тогда, что не даст в обиду тех старых музейных специалистов, которые самоотверженно сохраняли ценнейшие художественные и культурные сокровища и которые честно работают под руководством партии и советской власти над реорганизацией музеев на новых началах[2]. В статье «О трудностях и надеждах» А. В. Луначарский вновь возвращается к этому вопросу. «Мне несколько раз приходилось писать о колоссальных заслугах музейных работников по

[1] А. Луначарский. Художественная задача советской власти. «Художественная жизнь». 1919, № 1, стр. 2—3.

[2] М. Кристи. А. В. Луначарский. Советский музей. 1934, № 1. стр. 80—81.

части сохранения необъятных даже в материальном смысле богатств, заключавшихся в музеях... К этим заслугам надо прибавить еще огромные достижения в области исследования научной мысли» [1].

Огромную роль в превращении музеев из кунсткамер и хранилищ в учреждения культурно-просветительные, ведущие большую воспитательную работу в народных массах сыграла Н. К. Крупская. После XX и XXII съезда партии появились работы, раскрывающие громадный вклад Н. К. Крупской в организацию культурного строительства в нашей стране [2]. Однако, до сих пор нет ни одной работы, посвященной деятельности Н. К. Крупской как одного из руководителей музейного строительства в СССР. В то же время только в журнале «Советский музей» опубликован целый ряд статей Н. К. Крупской, посвященных различным вопросам музейной жизни [3].

Особенно большое значение Крупская придавала краеведческим музеям, так как это музеи самые многочисленные в стране. «Мне кажется, — писала Надежда Константиновна, — что именно краеведные музеи могут быть таким образом поставлены, что они станут очень важным звеном социалистической стройки» [4]. Крупская считала, что музеи призваны показать, как миллионами рук строится новая социалистическая жизнь, в музеях должен быть отражен край, его география, экономика, что от музейного работника требуется умение работать с людьми, он должен вести исследовательскую работу — собирать неизвестные факты. В своих статьях она развивала мысль В. И. Ленина о том, что необходимо изучать и разработать историю становления советской власти в самых различных уголках огромной страны. Не изучена еще, к сожалению, и колоссальная работа Н. К. Крупской по созданию музеев В. И. Ленина.

В данной статье поставлена задача дать обзор литературы и выявленных источников по истории музейного строительства в Татарской автономной республике. Литература вопроса необширна. Материалы о роли университета и отдельных ученых в деле изучения края и сбора материалов можно извлечь из некоторых работ, изданных в дореволюционные годы. Это работы известных историков университета Н. Н. Булича и Н. П. За-

---

[1] А. В. Луначарский. О трудностях и надеждах. Казанский музейный вестник, 1922, № 2, стр. 276.

[2] А. Г. Кравченко, Н. К. Крупская — выдающийся деятель культурного строительства в СССР. М., 1958; Е. И. Руднева. Н. К. Крупская и ее роль в строительстве советской школы. М., 1958; Ю. П. Шарапов. Выдающийся деятель культурного фронта. М., 1959.

[3] Отношение Ленина к музеям. 1934, № 1; О краеведческих музеях. 1936, № 4; О подготовке к двадцатилетию Великой пролетарской революции. 1937, № 3; Поднять музейное дело на социалистическую высоту. 1937, № 9—10 и др.

[4] Н. К. Крупская. О краеведческих музеях. Советский музей. 1936, № 4, стр. 5.

госкина [1]. Появление музеев было связано с большой исследовательской работой ученых, однако, этому вопросу авторы уделяют чрезвычайно небольшое внимание. Лишь с привлечением описаний отдельных коллекций, кабинетов, выявленных источников можно составить впечатление о вопросе в целом [2]. Некоторые дополнительные сведения в том же плане можно получить в работе М. К. Корбута по истории университета, написанной к 125-летнему юбилею [3] и в «Материалах к истории университета», подготовленных к 150-летию [4].

Историки Татарии в большом долгу перед рядом крупных ученых, краеведов, имена которых неоправданно забыты. Не отдается им должное, как исследователям истории края, не изучена их роль и в деле сбора коллекций, охраны памятников, в создании музеев. Фактически издана лишь одна научная биография — Н. Ф. Катанова [5]. Отрадно, что автор детально рассматривая его работу, как востоковеда-лингвиста, не обходит вниманием его деятельность на посту председателя ОАИЭ, в публичном музее, останавливается на его облике ученого-краеведа, собирателя восточных коллекций и дает читателю всестороннее представление о Катанове — ученом. Крупицы материалов по интересующей нас стороне деятельности ученых можно получить в Биографическом словаре профессоров и преподавателей университета, изданном к 100-летнему юбилею [6] и в статьях, посвященных памяти выдающихся местных ученых [7].

Особо хотелось бы выделить две работы, посвященные Н. И. Лобачевскому и И. М. Симонову. Н. И. Лобачевский сыграл большую роль в деле подготовки профессорско-преподавательских кадров и открытия восточного разряда при университете, что повлекло за собой большое количество экспедиций,

---

[1] Н. Н. Булич. Казанский университет в Александровскую эпоху. Казань. Н. Н. Булич. Из первых лет Казанского университета. Ч. 1, 2, Казань. 1837. Н. П. Загоскин. История Казанского университета за первые 100 лет, Казань, 1902—1903.

[2] См. Казанский университет. Записки о кабинетах и прочих учебных заведениях. Казань, 1835; Д. И. Нагуевский. Из жизни музеев. Казань, 1906; Н. Бобровников. Об экспедиции для обследования языка и быта вотяков... Казань. 1919. Краткие путеводители по университету. Этнографический музей. Казань, 1937.

[3] М. Корбут. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930.

[4] Материалы подготовлены авторским коллективом преподавателей университета и изданы в 1954 году.

[5] С. Н. Иванов. Николай Федорович Катанов (1862—1922). М. — Л., 1962.

[6] См. указанный словарь, т. 1—2. Казань, 1904.

[7] П. Кротов, А. А. Штукенберг. Казань, 1905; А. В. Лаврский. Памяти А. А. Штукенберга. Казань, 1905; Покровский. Памяти профессора Н. Ф. Катанова. Казань, 1922; И. Крыльцов. Николай Павлович Загоскин. Казань, 1913 и др.

а следовательно и сбор материалов и коллекций. Работа Г. Ф. Шамова о Лобачевском нам представляется интересной [1].

Современник и друг великого геометра профессор астрономии И. М. Симонов, первым из русских астрономов совершивший кругосветное плавание, собрал интересную коллекцию по жизни народов Океании. Эта коллекция фактически позволила создать первый музей в Казани — музей древностей [2]. Интересны подробности организации и хода экспедиции, участия в ней казанцев, состав привезенных коллекций. Все эти вопросы подняты в работе М. К. Андреева [3], где автором широко использован дневник, составленный ученым в период путешествия, хранящийся в рукописном редком фонде Научной библиотеки им. Лобачевского при Казанском университете.

В 1964 году была опубликована интересная статья В. С. Неволиной о Феликсе Яковлевиче Коне, который уделял значительное внимание деятельности казанского музея [4]. Раскрывая облик и революционную деятельность Кона, автор, к сожалению, обходит последний период деятельности Феликса Яковлевича на посту руководителя музейного строительства в стране.

По истории татарских музеев в советские годы мы располагаем небольшим количеством работ, освещающих отдельные стороны деятельности музея, а также отдела музеев и охраны памятников старины. Это работы П. М. Дульского, П. Е. Корнилова, В. В. Егерева, принимавших наиболее активное участие в руководстве музейным делом в Татарии в 1920-е годы [5]. В 1950-е годы была издана серия статей «Из опыта работы музея», среди которых значительный интерес представляют: работа Е. Г. Бушканца [6], освещающая постановку и результаты научно- исследовательской работы музея в 50-е годы и работа В. М. Дьяконова [7]. В 1963 году издательство «Советская Россия» опубликовало книгу В. М. Дьяконова «Музей и жизнь», где ставится ряд интересных вопросов о месте и роли музеев в деле воспитания трудящихся и особенно молодежи на револю-

---

[1] Г. Ф. Шамов. Роль Н. И. Лобачевского в создании восточного разряда в Казанском университете, Казань. 1956.

[2] См. нашу статью «Создание исторических музеев в Казани». В сб. «Из истории Татарии». Казань, 1965, стр. 233—234.

[3] «Участник Великого географического открытия профессор И. М. Симонов», Казань. 1956.

[4] В. С. Неволина «Феликс Яковлевич Кон». «Вопросы истории КПСС», 1964, № 5, стр. 77—81.

[5] П. М. Дульский. Выставки Центрального музея ТАССР. Казань, 1927; П. Корнилов. Отделение древнерусского искусства Центрального музея ТАССР (1917—1927). Казань, 1928; П. Е. Корнилов. Десять лет отдела по делам музеев и охраны памятников. Казань, 1930; В. И. Адо. Культурно-исторические школьные экскурсии в Казани. Казань, 1927.

[6] Е. Г. Бушканец. Некоторые вопросы научной работы музея. Казань, 1959.

[7] В. М. Дьяконов. 60 лет музея (доклад на юбилейной сессии). Казань, 1955.

ционных, трудовых, военно-патриотических традициях. Книга дает яркое представление о деятельности музея в этом направлении. А. М. Ефимова, на протяжении многих лет работавшая в Казанском музее, опубликовала работу по истории археологических исследований края, которая дает ряд ценных сведений, т. к. автор была участником многих экспедиций 1930—1950-х годов [1].

В то же время мы располагаем довольно широким кругом архивных и опубликованных источников, позволяющих проследить историю музейного строительства в крае. Архивные источники по истории музейного дела хранятся прежде всего в Центральном Государственном архиве ТАССР (ЦГА ТАССР). В фонде (977) Казанского университета, содержащем документы за 1805—1918 годы, выявлены среди самых разнообразных дел материалы по созданию первых кабинетов-музеев при университете. Среди них различные отчеты ученых Совету университета об экспедициях и поездках по изучению края и Востока России, переписка о состоянии кабинетов, личные дела профессоров и преподавателей университета и др. Собранные вместе они позволяют проследить роль ученых университета в деле сбора коллекций, создания в Казани первых музеев, дают представление о времени поступления и характере собраний.

Большое количество документов по интересным археологическим находкам в пределах Казанской губернии (по донесениям уездных исправников), по организации различных выставок — художественных, научно-промышленных, по борьбе общественности за открытие в Казани публичного музея выявлено среди материалов Канцелярии Казанского губернатора (фонд 1), Казанской городской думы (ф. 114), Казанской городской управы (ф. 98), Казанской губернской земской управы (ф. 81), Казанского Экономического Общества (ф. 422). Это переписка по поводу создания выставок, ходатайства об их финансировании, проекты и планы размещения экспонатов, проекты устава публичного музея, ходатайства о сборе средств среди населения для организации музея и другие подобные материалы. Они свидетельствуют о том, что правительственные органы до революции чрезвычайно мало были заинтересованы в создании музеев, которые возникли в результате деятельности научных обществ и энтузиастов-ученых.

Ценным в этом отношении представляется рукописный архив Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), хранящийся в Научной библиотеке имени Н. И. Лобачевского при Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина [2]. Архив Общества поступил сюда в конце 1920-х годов,

[1] А. М. Ефимова. Из истории работы музея по изучению археологических памятников края. Казань, 1955.

[2] См. Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Вып. IV. Археология, этнография, нумизматика. Казань, 1959.

когда оно прекратило свою деятельность[1]. Вместе с архивом ОАИЭ были переданы материалы IV археологического съезда (1877 г.), сыгравшего большую роль в создании ОАИЭ в Казани. Большинство рукописей представляет собою описание коллекций, собранных в различное время (до революции) на территории края, рукописи по исследованию материальной и духовной культуры волжско-камских болгар.

Каталоги материалов музея ОАИЭ дают представление о характере его коллекций. Небольшая часть архива ОАИЭ хранится в фондах Государственного музея ТАССР. Некоторый материал по дореволюционным годам хранится в фондах Нумизматического музея университета (ф. 1160) и Казанского городского научно-промышленного музея за 1898—1916 гг. (ф. 780). К сожалению, эти фонды насчитывают всего по 16 и 56 единиц хранения и не дают полного представления об учреждениях, которым они посвящены.

По истории музейного строительства в советские годы архивный материал рассредоточен по различным хранилищам.

В первую очередь необходимо выделить документы, раскрывающие партийное и государственное руководство деятельностью музеев в советские годы, начиная с первых лет революции. Подобные материалы нами выявлены в Партийном архиве Татарского ОК КПСС. Документы говорят о том, что партийные органы всегда придавали большое значение деятельности музея не только как хранилища памятников истории и культуры, но и как учреждения, которое должно вести большую пропагандистскую воспитательную работу. Документы позволяют проследить руководство и помощь местных партийных организаций в деятельности музеев и в дальнейшем развитии музейного дела в республике. О постоянном внимании к музеям партийных органов, в частности, ОК и ГК КПСС свидетельствуют и материалы ежегодных годовых отчетов музеев, где отмечается конкретная помощь в решении важнейших вопросов в их деятельности.

Многочисленные материалы содержатся в различных архивах и по руководству деятельностью музеев со стороны государственных учреждений (Архивы ГубОНО, Татнаркомпроса, Центрального музея ТАССР, Научный архив Госмузея ТАССР). Это Постановления и циркуляры Наркомпроса РСФСР и ТАССР, Министерств культуры СССР, РСФСР и ТАССР, методические пособия и письма. Очевидно, к этой же группе материалов следует отнести документы и методические пособия научно-исследовательского института музееведения, осуществляющего научное руководство деятельностью музеев. Они представляют большой интерес, т. к. в этих пособиях значительное место отводится анализу экспозиций Казанского краевед-

[1] Общество существовало с 1878 по 1928 год.

ческого музея, созданных в послевоенные годы. Документы по организации отдела по делам музеев и охраны памятников старины, протоколы заседания коллегии, многочисленные документы по концентрации частных коллекций, собранных после 1917 года в б. усадьбах и поместиях, первые шаги реорганизации Губернского музея отражены в материалах Казанского Губ-ОНО (1919—1920) [1]. Эти документы показывают, как с первых лет установления Советской власти (несмотря на то, что в Казанской губернии работа несколько запоздала и усложнилась в связи с тем, что территория губернии до весны 1919 года была ареной боев Восточного фронта) предпринимались значительные шаги по концентрированию памятников искусства и старины в руках государственных учреждений.

Документы отражают помощь центральных учреждений, в частности, Наркомпроса РСФСР, а также крупных специалистов-ученых, художников, реставраторов в организации музейного дела в Казани. Так, значительной была помощь И. Э. Грабаря [2] в организации Казанского губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников старины и в пополнении художественных собраний Губернского музея подлинными полотнами русских и советских художников. С организацией Наркомпроса ТАССР в 1920 году Казанский подотдел НКП РСФСР становится отделом внутри первого. Отдел по делам музеев и охране памятников просуществовал до 1933 года, материалы его находятся в фонде Наркомпроса ТАССР (ф. 3682). Они довольно полно отражают руководство музейным строительством, работу по взятию на учет, охране памятников старины, деятельность Академцентра по изучению края, организации археологических и этнографических экспедиций, созданию печатных органов в целях публикации исследований по истории края, особенно, по материальной и духовной культуре татар. Материалы этого фонда отражают титаническую деятельность прекрасных людей, больших ученых Г. Ибрагимова, В. В. Егерева, П. М. Дульского, П. Е. Корнилова, Г. Губайдуллина, Н. Ф. Калинина. Документы отражают трудности тех лет, когда государство в сложных экономических условиях после гражданской войны, усугубившихся в Поволжье голодом 1921—1922 годов, не могло выделить значительные средства для реставрации памятников старины, но все же искало реальные возможности выделения таких средств, путем организации спецфондов из арендной платы и эксплуатации зданий б. церквей, монастырей и др. памятников архитектуры.

По этим же годам значительный интерес представляет архив редакции журнала «Казанский музейный вестник» — первого музейного органа в нашей стране, хранящийся в Научной биб-

[1] ЦГА ТАССР, ф. 271.
[2] ЦГА ТАССР, оп. 1, д. 156, л. 3.

лиотеке при Казанском университете. Он значительно дополняет представление о деятельности редакции журнала, его корреспондентских связях с различными районами страны. Многочисленные запросы позволяют сделать вывод о популярности журнала и необходимости подобного органа для правильной постановки музейного дела, обмена опытом работы и информацией между музеями страны [1].

Работа Центрального музея ТАССР во второй половине 20-х годов отражена среди материалов ф. 2021, где хранятся документы за 1926—1930 годы. Здесь особый интерес представляют дела по подготовке и проведению Первой поволжской музейной конференции 1926 года и Первого музейного съезда в 1930 году. Это было время перехода музеев к попыткам осмысливания и подачи своих коллекций с марксистских позиций. Последующее десятилетие от 1930 до 1940 года очень скупо отражено в архивных материалах. Сохранились лишь отдельные, отрывочные дела до 1935—1936 гг. в Научном архиве Государственного музея ТАССР. Полностью почти отсутствуют материалы по 1937—1939 гг.

Архивный материал по последующим годам (1940—1965) — годовые планы, отчеты, стенограммы заседаний Ученых Советов музея, протоколы производственных совещаний — дает полное представление о постановке музейного дела в Татарии в эти годы [2]. Они отражают большую массово-политическую работу Казанского музея в годы Великой Отечественной войны, постановку научной, экспозиционной и собирательской работы в послевоенные годы. Документы ярко отражают, как музеи становились важными идеологическими учреждениями по воспитанию молодежи на революционных и трудовых традициях в послевоенные годы. Нами были просмотрены материалы фонда Татпрофсовета [3], где выявлено некоторое количество дел (сведения о выставочной работе музеев, представления к поощрениям музейных работников, их характеристики, переписка по организации помощи предприятий музею экспонатами для отдела социалистического строительства, акты проверки социалистических обязательств и соревнований музеев) конца 20-х—начала 30-х годов. Большое количество интереснейших материалов хранится в архиве крупного краеведа Татарии Н. Ф. Калинина, которым располагает Казанский институт истории, языка и литературы АН СССР.

Особый интерес представляет история создания и деятельность Музея пролетарской революции (1925—1930 гг.), работа,

---

[1] См. нашу работу «Казанский музейный вестник». 1920—1924 гг. Казань, 1963.

[2] Хранятся в Научном архиве Госмузея ТАССР.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 100.

проводимая Истпартом Татарского ОК ВКП (б) и музеем, по изучению истории революционного движения в крае. В этом отношении большую ценность представляют документы, отражающие деятельность Истпартотдела Татарского ОК ВКП(б) [1]. Они отражают первые шаги деятельности Казанского Истпарта, помощь в его работе со стороны Истпарта при ЦК ВКП(б), крупных ученых-марксистов М. Н. Покровского, В. В. Адоратского, М. С. Ольминского и др. Материалы архива показывают, какое большое внимание уделялось в 20-е годы делу изучения истории революции и партии, как широко привлекались к этой работе ветераны революционного движения. В документах отражена также работа Общества старых большевиков по сбору воспоминаний о революции 1905—1907 годов, об Октябре и гражданской войне. Тематические и графические планы дают представление о создании первых музейных экспозиций по истории революционного движения, об их положительном опыте и недостатках. Чрезвычайно ценным являются материалы о выявлении и сохранении всех мест, связанных с жизнью и деятельностью в Казани Владимира Ильича, с созданием в Казани музея В. И. Ленина.

В Москве материалы по истории музейного строительства в Татарии хранятся в Архивах ГИМ'а и Научно-исследовательского института музееведения. Они представляют собою отчеты, которые направлялись в Наркомпрос РСФСР (архив ГИМа) и Министерство культуры РСФСР (архив НИИМ). Таким образом, в архивах Москвы и Казани отложилось довольно большое количество материалов по истории музейного дела как по дореволюционным годам, так и по советскому периоду, за исключением второй половины 1930-х годов.

Значительный интерес по данной проблеме представляют печатные источники. Большой фактический материал для изучения музейного дела в Казани в дореволюционные годы дают Протоколы, отчеты и Известия ОАИЭ. Они позволяют проследить создание первых научных обществ в крае, характер и направление их деятельности, выявить роль отдельных ученых в исследовании материальной культуры народов Поволжья. В Протоколах заседаний Совета ОАИЭ, в ежегодных отчетах, хотя и очень кратко, сообщалось о всех поступлениях в музей общества, по ним можно проследить рост коллекций музея. Изучение материалов «Известий» позволяет сделать некоторые выводы. Со времени основания, все 80-е годы главное внимание Общества было направлено на археологию, много было сделано по выявлению и частичному изучению памятников болгарской культуры. Эти годы дали нам С. М. Шпилевского, И. А. Изно-

[1] Партархив. Тат. Ок КПСС, ф. 36.

[2] К Известиям ОАИЭ издано два указателя: за 1878—1906 гг. составлен И. В. Альфонсовым, за 1906—1927 гг. Н. И. Воробьевым. Казань, 1928. г.

скова, Н. Ф. Высоцкого. В 90-е годы, продолжая археологические исследования, значительное внимание уделяется вопросам этнографии, изучению культуры и быта тюркских и финно-угорских народов, где много было сделано Н. Ф. Катановым, И. Н. Смирновым, М. П. Веске. Уже в те годы работы И. Н. Смирнова были переведены на немецкий и французский языки. «Известия» ежегодно выходили до 1912 года. В последующие годы издания стали нерегулярными. До 1917 года вышло 29 томов по несколько выпусков в каждом. На страницах «Известий» был опубликован первый проект публичного музея в Казани, составленный В. М. Флоринским [1].

Протоколы заседаний Совета и годовые отчеты раскрывают борьбу ученых за создание музея, доступного для осмотра, что привело в 1894 году к открытию городского Научно-промышленного музея [2]. Деятельность созданного музея, пополнение его коллекций, материальное его положение можно проследить по материалам Отчетов Совета Казанского Научно-промышленного музея с 1895 по 1906 год и Ежегодникам Казанского научно-промышленного музея за 1907—1916 гг. Краткие сообщения отчетов и протоколов заседаний дают очень скупые сведения об экспозициях музея, однако, все же позволяют представить их характер и состояние. Эти сведения дополняют Каталоги и Указатели коллекций и выставок [3]. Наряду с публичным городским музеем Общества продолжали существовать учебные университетские музеи, частные музеи. Мы можем судить о них по кратким описаниям и каталогам, которые были изданы в разное время в дореволюционные годы [4]. Изучение их тем более инте-

---

[1] В. М. Флоринский. Проект публичного музея при Казанском Обществе Археологии, Истории и Этнографии. Известия Общества. Казань, 1878, т. 1.

[2] Устав Казанского городского музея. Казань, 1912.

[3] См. Каталог научно-промышленной выставки 1890 года. Составитель В. Кротов. Казань, 1890; Краткий указатель казанского городского публичного музея имени Андрея Федоровича Лихачева. Казань, 1895; Краткий указатель коллекций отдела им. А. Ф. Лихачева в Казанском городском музее. Казань, 1905; Указатель картин Казанского Городского Научно-промышленного музея. Казань, 1905; Альбом рисунков казанского городского научно-промышленного музея. Казань, 1907; Казанский городской Научно-промышленный музей. Отдел естественно-исторический. Систематический каталог растений. Казань, 1910; Каталог Казанского городского Научно-промышленного музея. Отдел историко-этнографический, Казань, 1910; Выставка картин «Художественные сокровища Казани». Петроград. 1916.

[4] См. Д. Айналов. Отчет о музее искусств и древностей. Ученые записки Казанского университета. Казань, 1900, т. 67, кн. III; А. Штукенберг. Материалы для истории минералогических и геологических кабинетов. Казань, 1901; Б. А. Тураев. Описание египетского собрания музея древностей при Императорском Казанском университете. Казань, 1903; А. И. Александров. Историко-археологический музей Н. Ф. Высоцкого. Казань, 1906; Н. Ф. Высоцкий. Историко-археологический музей. Казань, 1908; Каталог губернского земского музея в Казани. Казань, 1910; Казанский университет. Художественная этнографическая-археологическая выставка. Казань, 1912.

ресно, что после Октября многие из этих коллекций поступили в Губернский музей, но акты передачи не во всех случаях сохранились и лишь каталоги позволяют судить о степени ценности полученных коллекций.

Особенно большой круг печатных источников по 1920—1930 годам. Чрезвычайно интересным источником по истории Центрального музея ТАССР является первый в стране музейный журнал «Казанский музейный вестник» [1]. В 1927 году было начато издание «Материалов Центрального музея ТАССР [2]. Они были посвящены публикации наиболее ценных экспонатов и коллекций, вопросам истории архитектуры в крае. В то же время здесь публиковались обзоры новых отделов и выставок, над которыми работал коллектив музея. Среди Материалов следует особо выделить выпуск 1931 года, посвященный вопросам перестройки деятельности музея на основе решений 1-го музейного съезда в 1930 году [3]. Статьи сборника свидетельствуют как изменился облик и характер деятельности музеев в советские годы, показывают поворот музеев к широкой массово-просветительной работе [4]. В то же время сборник дает представление о тех ошибках в деятельности музеев, которые были предопределены некоторыми решениями 1-го музейного съезда и перенесением методов организации труда с производственных участков в музейное дело.

В 1930—1940 годах Наркомпросом издавался журнал «Советский музей». В эти годы он являлся единственным пособием для музейных работников. Здесь публиковалось большое количество статей о деятельности различных музеев страны, особое внимание журнал уделял вопросам организации отделов социалистического строительства. Наряду со статьями, характеризующими общее направление развития музейного дела в стране [5], здесь публиковались материалы, отражающие и музейную жизнь Татарии [6]. Статьи различны по своему характеру и

---

[1] См. нашу статью «Казанский музейный вестник» 1920—1924 гг. Казань, 1963.

[2] За социалистическую реконструкцию музея. Материалы Центрального музея. Казань, 1931.

[3] См. в указанных сборниках статьи Н. Ф. Калинина «Как должен перестраиваться Центральный музей Татреспублики», стр. 16—22. Н. Ф. Федоровича «Задачи и перспективы Центрального музея ТР на антирелигиозном фронте», с. 32—41; Г. М. Залкинда «Социалистическое соревнование ударничество и их отображение в музее», стр. 57—62 и др.

[4] Выше мы называли статьи Н. К. Крупской. Важными и интересными нам представляются статьи секретаря ВЦИК А. С. Киселева. «О музее и музейной работе» (Советский музей, 1933, № 2, стр. 3—8), Ф. Я. Кона «Задачи краеведческих музеев» (1935, № 2, стр. 6—11), «Музеи за 20 лет» (1937, № 9, стр. 3—9), С. Толстова «Краеведческий музей национальных республик и областей» (1935, № 3, стр. 10—18) и др.

[5] См. статьи Б. Борисовой «Центральный музей Татреспублики на путях перестройки» (1931, № 3, стр. 107—115), М. Борисова «Сектор социалистического строительства Центрального музея Татреспублики» (1931, № 5)

естественно не равнозначны по своим материалам. Так, статьи С. Лившица и М. Борисова представляют собою планы и проекты реорганизации музея, в ряде статей излагается определенный опыт работы (по созданию сектора соцстроительства, по организации и изучению интереса посетителя), некоторые статьи являются своеобразными рецензиями на созданные экспозиции.

В этом отношении важной и интересной представляется статья Н. И. Воробьева об экспозициях исторического и этнографического отделов Центрального музея ТАССР. Автор резко критикует экспозиции исторического музея, детально разбирая их по темам. В результате излишней поспешности в реорганизации всех экспозиций после 1 музейного съезда, они не были научно достаточно разработаны, отдельные исторические события даны без связи, группа молодежи, сменившая в 1930 году специалистов музееведов мало была знакома с основами музейной методики. Автор отмечает слабую музейную организацию каждой темы, недостаточное знание этнографии народов, в связи с чем в этнографических комплексах можно было обнаружить элементарные ошибки (татарка была одета в марийское платье, на иконостасе — татарское декоративное полотенце и т. д.). Детальный анализ исторического отдела позволяет представить научную разработанность, структуру и облик экспозиций музея середины 30-х годов. А так как тематические и графические планы экспозиций тех лет не сохранились, статьи, как и журнал в целом, могут служить важным источником для изучения развития музейной мысли в крае в те годы.

Среди печатных источников по истории районных музеев нужно отметить орган Тетюшских краеведов — «Записки Тетюшского музея», журнал давно представляет библиографическую редкость. Это был единственный журнал в стране, издававшийся в те же годы районным музеем. Шесть номеров журнала за 1927—1930 годы дает значительное количество материала об истории, состоянии Тетюшского музея, о развитии краеведческого движения в районе [1].

Комплектование музеев, их работу в 1920—1930-х годах невозможно полностью понять и раскрыть без изучения деятельности научных краеведческих обществ, которые были созданы в те годы. Характер и направление деятельности Общества изучения Татарстана и Научного Общества Татароведения помогает проследить журнал «Вестник научного общества Татаро-

---

М. Борисова «Изучение массового посетителя и задача музеев» (по материалам Центрального музея Татреспублики за 1931 год). Советский музей. 1932, № 4; С. Лившиц «История классовой борьбы и ее отражение в музеях» 1931, № 6; Ю. Коган «Музеи на фронте борьбы против религии» (1932, № 6). Состояние краеведческих музеев РСФСР (1933, № 4, стр. 63); К. Воробьев (Н. И. Воробьев) «Об экспозиции Центрального музея Татреспублики» (1925, № 2, стр. 62—69); По музеям Казани и Горького (1935, № 5, стр. 56—62) и др.

[1] 1927 — № 1, 2, 1928 — 3, 4, 1929 — 5, 1930 — 6.

ведения»[1]. Здесь публиковались отчеты об археологических и этнографических экспедициях, материалы о наиболее интересных коллекциях и исторических находках, обзоры деятельности обществ за отдельные годы, информация о выставках, созданных при участии музеев и обществ[2].

Журнал уделял большое внимание деятельности отдельных ученых, посвятивших свою жизнь изучению истории и культуры края. В 1926 году общество отметило 150 лет со дня рождения одного из первых краеведов — профессора университета К. Ф. Фукса (1776—1846). Журнал публикует статью Н. И. Воробьева «К. Ф. Фукс — первый исследователь быта казанских татар»[3], на страницах журнала помещаются материалы о татарском просветителе и ученом Каюме Насыри, об участии его в деятельности ОАИЭ[4]. Восьмой номер журнала за 1928 год целиком посвящен почетному члену Научного Общества Татарстана Галимжану Ибрагимову, двадцатилетию его научной и литературной деятельности. Роли Г. Ибрагимова в деле организации работ Академцентра и Научных Обществ посвящена статья профессора И. Н. Бороздина «Из культурной жизни Татреспублики»[5]. В 1930 году в журнале была напечатана статья о большом творческом пути казанского ученого Н. Н. Фирсова, председателя ряда научных обществ Казани — ОАИЭ, ОИТ, НОТ, сыгравших большую роль в деятельности музеев республики в 1920—1930 годы[6].

Работа Обществ, музеев была тесно связана с отделом по делам музеев и охраны памятников старины. Данные о нем, извлеченные из архива Наркомпроса и Академцентра, дополняют «Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР», которые ежегодно издавал отдел в течение 1927—1930 гг. Сборники состояли из небольших статей, посвященных изучению отдельных памятников архитектуры и живописи. Материал группировался тематически. Так, например, выпуск третий — юбилейный. Он посвящен подведению итогов 10-летней деятельности отдела после образования ТАССР и в этом смысле представляет для нас особый интерес.

Ликвидация Обществ и Отдела по делам музеев привела к тому, что практически по 30—40 годам мы располагаем лишь

[1] В 1925 г. вышли № 1—2, 3, в 1926 г. № 4, 5, в 1927 г. — № 8, в 1930 г. № 9—10.

[2] См. Обзор деятельности научного общества татароведения (1923—1929); Отчет о деятельности Общества за период с 1 января 1938 г. по 11 октября 1929 г. (1930) № 9—10, стр. 201—208, 209—214. Некоторые данные по быту крещенных татар (кряшен) Челнинского кантона ТАССР (1927, № 7), С. Г. Вахидов. Ярлык хана Сахиб-Гирея (1925, № 1—2, стр. 29—37); П. М. Дульский. Выставка искусства народов СССР в Москве (1928, № 8, стр. 153—162) и др.

[3] См. указанный журнал. 1927, № 6, стр. 3—16.

[4] То же, Али Рахим. Каюм Насыров. 1925, № 1—2, стр. 3—9.

[5] То же, 1930, № 9—10, стр. 29—31.

[6] См. указанный журнал. 1930, № 9—10, стр. 5—16.

материалами журнала «Советский музей», а в 1940 году прекратилось и его издание. Годы Великой Отечественной войны были тяжелыми для музеев, хотя деятельность их, изменив форму, не прекращалась ни на один день. Материалы тех лет скупы и кратки в отчетах, печатных материалов нет совсем.

Издательская деятельность музеев была несколько налажена в конце 40-х годов и бурно протекала в 50-е годы. Казанскому музею удалось благодаря правильно поставленной научно-исследовательской работе и широким связям с научными кругами города издать серию работ научно-исследовательского плана по истории Казани и Татарии, серию из опыта собирательской, научной экспозиционной работы, специальную серию брошюр «Экспонаты музея», ряд статей по обобщению опыта массово-политической работы [1]. Все это значительно дополняет те сведения, которые дают ежегодные отчеты.

Важным источником по изучению деятельности музея в эти годы являются каталоги поступлений, каталоги отдельных собраний, опубликованные тематико-экспозиционные планы и путеводители по отделам музея [2]. Своеобразным и интересным источником является афишный фонд, который очень ярко раскрывает большую массово-политическую работу Государственного музея ТАССР. Важнейшим источником по изучению комплектования фондов, всей научной и собирательской деятельности является фондохранилище музея и его архив (инвентарные книги поступлений, акты приема экспонатов, коллекционные описи и карточки). Характеризуя основной круг печатных источников, нельзя не отметить, что большой фактический материал можно извлечь из периодической печати. В советские годы список статей, помещенных в центральных и местных газетах может составить довольно большой библиографический справочник [3]. Особенно большое количество статей и заметок публиковалось в газетах «Советская Татария», «Социалистик Татарстан» и «Комсомолец Татарии» (до 150 в год). Оценивая эти материалы в целом как источник для изучения истории музейного дела, нужно сказать, однако, что они имеют определенный уклон — это материалы в основном информационного характера, по которым довольно полно можно представить только массово-политическую работу музеев. К сожалению, на страницах местной печати не публиковалось серьезных научных рецензий на музейные экспозиции.

Анализ архивных и печатных источников, изучение литера-

---

[1] См. Издания музея (1894—1954). Составитель Г. А. Скопин. Казань, 1955, а также перечень изданий музея (1953 — июнь 1959) в приложении к статье Е. Г. Бушканца «Некоторые вопросы научной работы музея», Казань, 1959.

[2] См. перечень изданий там же.

[3] Дважды материалы о Государственном музее ТАССР были опубликованы в «Правде» в августе 1941 г. и в декабре 1946 г.

туры позволяют представить периодизацию музейного строительства в крае.

История музейного строительства в Казанской губернии в дореволюционные годы прошла три основных этапа: с начала XIX века до середины 60-х годов; 70—80 годы XIX века, с 1894 по 1917 год.

Первый период — с начала XIX века до середины 60-х годов — характеризуется тем, что в Казани в 1804 году был открыт университет, ставший центром изучения края. По инициативе ученых университета создаются первые кабинеты-музеи — минц-кабинет (1815), кабинет редкостей (1821). Они составлялись из коллекций, привезенных из длительных путешествий профессорами И. М. Симоновым (совершившим кругосветное плавание на шлюпах «Мирный» и «Восток» в 1819—1921 гг.), О. М. Ковалевский, И. Н. Березиным, В. Ф. Диттелем, В. П. Васильевым и др. (из путешествий по Дальнему Востоку, Монголии, Средней Азии, Ирану, Ближнему Востоку, Египту и т. д.).

Все эти коллекции представляли собою собрание диковинок, редкостей, часто иноземных. Это отразилось и на названии музея — кабинет редкостей. В эти годы внимание ученых меньше всего обращалось к истории края, его экономике, географии, быту многочисленных народностей, населявших Поволжье.

Коллекция профессора университета К. Ф. Фукса являлась едва ли не единственным собранием, состоящим из материалов, отражающих быт татар. Другие частные коллекции тех лет (владельца частного пансионата И. О. Пото, помещика Неелова, профессора Х. Д. Френа) были в основном нумизматическими.

После закрытия восточного разряда в Казанском университете (1854 г.) наблюдается целая полоса перерыва в исследовательской и собирательской работе.

Второй этап развития музейного дела в Казанской губернии включает 70—80 годы прошлого столетия. В связи с развитием капитализма, проявляется все больший интерес к экономике края, к его всестороннему изучению. Возникают научные общества: Общество естествоиспытателей (1869 г.), Общество археологии, истории и этнографии — ОАИЭ (1878 г.) В эти годы в результате экспедиций, исследования края возникает музей ОАИЭ и музей отечествоведения при университете. Музеи возникали как бы стихийно, без поддержки местных властей по мере накопления коллекций, за счет пожертвований общественности и «меценатов».

Стараниями ученых и исследователей края (В. М. Флоринского, А. А. Штукенберга, Н. П. Загоскина, Н. Я. Агафонова, П. А. Пономарева несколько позднее Н. Ф. Высоцкого и Н. Ф. Катанова) были собраны ценные археологические и этнографические коллекции. Однако, все эти собрания были фактически недоступны для осмотра из-за крайней тесноты помещений, не позволяющей даже систематизировать коллекции.

Общества пытались пропагандировать свои собрания и привлекать внимание населения к изучению края и собранию памятников культуры путем организации различных выставок — сельскохозяйственных, кустарных промыслов и т. д. Самой значительной из них была Научно-промышленная выставка Волжско-Камского края 1890 года, подготовленная целым рядом научных обществ и статических комитетов.

Третий этап начинается с 1894 года, с открытия в Казани публичного музея. В основу его легли собрания казанского коллекционера А. Ф. Лихачева и громадный фонд выставки 1890 года. Этот этап характерен крайней противоречивостью в деятельности музея: наряду с ценными материалами, особенно естественно-историческими, в музей поступали явно случайные собрания. Местные власти, бесконечно тянувшие с делом создания музея, после открытия очень быстро наводнили его «экспонатами», направленными на воспитание верноподданических и религиозных чувств, — «мемориальными» вещами и бесчисленными портретами царей, иконами, плащаницами, складнями, появился даже «черепок от чаши, которую употреблял пророк Илья».

Ни в одном из музеев, существовавших в Казани в дореволюционные годы фактически не нашли отражения жизнь и культура народов, населявших край — татар, чуваш, мари и др. Так, среди пяти разделов историко-этнографического отдела только небольшая часть одного из них была посвящена предметам «инородческого быта». Они состояли из редких, чаще дорогих вещей, шитых золотом и жемчугом, с необычной вышивкой), характерных для богатой верхушки народов, а не из типичных повседневных вещей, отражающих быт основной части населения.

Историю музейного дела в советские годы можно разделить также на три этапа. Первый — от 1917 года до середины 30-х годов, второй — от середины 30-х годов до середины 50-х годов, третий — от середины 50-х годов до наших дней.

Первый этап характеризуется широким размахом работы по охране существовавших музеев и памятников культуры в бурные годы Октябрьской революции и гражданской войны, концентрацией памятников культуры из частных собраний в государственных музеях, сбором материалов, колоссальным ростом музейных фондов и музейной сети, созданием музеев пролетарской революции, поисками путей создания экспозицией, отвечающих требованиям марксистской методологии и современному уровню развития исторической науки. Именно в эти годы создаются кадры советских музейных работников. Для этого времени характерно возрождение национальных культур, рост национального самосознания и создание национальной государственности. В музеях национальных республик это выразилось в преобладающем внимании к изучению культуры и быта народов, широкому сбору этнографических коллекций, в организации на их базе специальных выставок и национальных музеев.

Второй этап начинается с середины 30-х годов. Он связан с выходом ряда постановлений партии и правительства о развитии исторической науки, об изучении истории в школе. В эти годы музеями страны был найден, в основном правильный, тематический принцип построения исторических экспозиций. Однако, в то время развитие музейного дела, как и исторической науки в целом, тормозилось проявившимися чертами культа личности, нанесшими серьезный удар музейным кадрам и правдивости музейных экспозиций. Этот этап был сопряжен и с общими трудностями страны, связанными с неимоверной мобилизацией всех моральных и духовных сил народа, направленных на защиту Родины и разгром врага в годы Великой Отечественной войны.

Для истории музейного строительства этого времени характерны изучение и показ интернационализма советских народов, взаимообогащения национальных культур, дальнейшего укрепления дружбы народов. В музеях создаются экспозиции, показывающие совместную борьбу народов за свои права против всякого рода эксплуатации. Музейные коллекции, материалы экспозиций широко раскрывают эту характерную черту в развитии советских народов.

Внутри этих двух больших этапов, укладывающихся в хронологические рамки построения социализма в нашей стране, на наш взгляд выявляются более мелкие периоды, характерные для развития музейного дела. Так, задача музеев, методы их работы, естественно, отличились в годы гражданской войны и в годы мирного строительства. В первом этапе можно было выделить 2 периода: с 1917 г. — до середины 20-х годов и от середины 20-х годов до середины 30-х годов.

Во втором этапе Великая Отечественная война, создав особые условия деятельности музеев, делит весь отрезок времени на три периода: от середины 1930-х годов до 1941 года, 1941—1945 гг. и от 1945 до середины 50-х годов.

Третий этап в музейном строительстве в советские годы связан с изменением условий деятельности музеев в результате решений XX—XXIII съездов партии и пленумов ЦК КПСС по идеологическим вопросам. В музеях ведется большая работа по созданию новых глубоко-научных экспозиций, правдиво отражающих историю края, особенно в тех разделах, где экспозиции были обескровлены в результате того, что материалы о крупных деятелях периода гражданской войны, коллективизации и индустриализации были в свое время изъяты. Третий этап характеризуется большим размахом научно-исследовательской деятельности, что свидетельствует об укреплении музеев квалифицированными кадрами историков и литераторов.

В наши дни музеи становятся в полной мере очагами научно-просветительной работы, ведут большую работу по воспитанию трудящихся, ярко пропагандируя борьбу трудящихся своего края за выполнение Программы партии.

СООБЩЕНИЯ

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ П. А. РОВИНСКОГО — ВИДНОГО ЗЕМЛЕВОЛЬЦА 1860-х ГОДОВ

Г. Н. Вульфсон, Н. П. Муньков

Павел Аполлонович Ровинский — видный русский ученый и общественный деятель. Его перу принадлежат исследования как по истории России, так и истории славян. Он принимал активное участие в русском разночинно-демократическом движении. Ровинский прожил долгую жизнь, умер в возрасте 85 лет в 1916 году.

К сожалению, о нем, как об участнике революционого движения, крупном ученом историке, этнографе и филологе, написано очень мало. В специальном библиографическом указателе «История исторической науки в СССР» зарегистрировано всего несколько работ. Большая часть из них была написана еще в дореволюционное время [1].

Ровинский заслуживает того, чтобы о нем появились специальные исследования. В последние годы находятся все новые и новые материалы, раскрывающие его политическую и научную деятельность. Среди них есть и такие, которые принадлежат лично Ровинскому и помогают лучше понять становление его исторических взглядов. Один из таких документов и является предметом нашей публикации.

П. А. Ровинский родился в 1831 году в селе Гусевка Камышинского уезда Саратовской губернии. Он был тем представителем русского дворянства, кто, по словам Герцена, «ушел в разночинство». Среднее образование сын небогатого помещика, майора в отставке, получил в Саратовской гимназии. Там он подружился с А. Н. Пыпиным [2], через него познакомился с Н. Г. Чернышевским и часто бывал в их доме. Дружба с Чернышевским все более крепла, а когда последний женился на О. С. Васильевой, то Ровинский стал в семье Чернышевских

[1] См. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, стр. 591—592.

[2] А. Н. Пыпин был двоюродным братом Н. Г. Чернышевского.

своим человеком [1]. Чернышевский высоко ценил Ровинского и доверял ему, как своему единомышленнику.

После окончания гимназии в 1848 году Ровинский поступил в Казанский университет на историко-филологический факультет. По своему материальному положению он ничем не отличался от студентов — разночинцев, жил бедно в небольшой комнатке, где вместе с ним поселились его земляк Д. Л. Мордовцов, братья Полиновские и Эсаулов из Вятки. Все они, тоже студенты университета, были разночинцами по происхождению и по положению. Дружба Ровинского с Пыпиным продолжалась в Казанском университете. Оба они учились на одном факультете, занимались изучением славянских наречий и истории славянских народов. Известно, что Пыпин и Ровинский переписывались со своими саратовскими родственниками и друзьями, но, к сожалению, эта переписка до нас не дошла. Учился Ровинский успешно. Немалое влияние на него оказал его учитель В. И. Григорович. Влияние это не было односторонним. В свою очередь и Ровинский оказал влияние на Григоровича. Об этом свидетельствует их переписка середины 50-х—60-х гг., особенно письма Ровинского к Григоровичу [2].

Блестяще окончив университет со степенью кандидата, он был оставлен на кафедре русской словесности и с января 1853 года приступил к преподавательской деятельности. В этой должности он прослужил до осени 1856 года, а затем неожиданно подал прошение об увольнении из университета. Мотивом для этого явились якобы семейные обстоятельства. (В декабре 1856 года Ровинский женился). Однако впоследствии стало известно, что не женитьба была причиной его ухода из университета.

Спустя несколько лет Ровинский признался, что он оставил университет с тем, чтобы по настоящему и глубоко заняться изучением истории славянских народов. В официальной характеристике, составленной на Ровинского попечителем Казанского учебного округа весной 1862 года, писалось о том, что он покинул университет «по горячей любви и особенной преданностью к своему предмету», т. к. «пожелал еще большего для себя усовершенствования и, ...несмотря на недостаточные и ограниченные средства, сам стал посещать аудитории в наших столичных университетах» [3]. Испытывая материальные лишения, он собрал некоторую сумму денег, чтобы на свой счет поехать

---

[1] Н. М. Чернышевская сообщила, что отец Ольги Сократовны был крестным отцом Ровинского (из письма Н. М. Чернышевской Г. Н. Вульфсону 13 мая 1963 г. Автограф).

[2] См. рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд 86, карт. 4, ед. хр. 117. На наличие этих писем указал нам А. В. Сергеев. Авторы выражают ему благодарность.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, арх. № 8206, 1862, л. 23 об.

за границу, — прежде всего — в славянские страны, познакомиться с их историей, бытом и культурой.

Переезд Ровинского из Казани в столицы, а затем и отъезд за границу был продиктован не только научными интересами. Его выезд из Казани совпал по времени с демократическим подъемом в стране, который постепенно перерос в революционную ситуацию конца 50-х начала 60-х годов XIX века.

В 1861 году он был арестован австрийской полицией в Моравии. Со стороны правящих кругов Австрии ему было предъявлено обвинение в опасной антиавстрийской агитации среди славян, в связи с чем он был выслан в Россию.

В начале 1862 года Ровинский вновь оказался в Казани. Поводом для этого послужило представление Григоровича и Совета историко-филологического факультета о командировании Ровинского за границу с целью научного усовершенствования.

В это время университет испытывал серьезный недостаток в научных кадрах по многим специальностям. Университету было представлено право командировать за границу нескольких молодых людей, которые затем должны были вернуться обратно для работы в университете. Среди кандидатов Ровинский был назван первым. Так как оформление документации для заграничной командировки требовало многих месяцев, Ровинский имел все основания приехать в Казань и быть здесь продолжительное время. Разрешение на каждого посылаемого за границу кандидата давал лично царь. Было дано такое разрешение и Ровинскому, но выезду воспрепятствовало всесильное III-ое отделение собственной его императорского величества канцелярии и министерство внутренних дел [1].

В феврале 1862 года флигель-адьютант Александра II жандармский подполковник Мезенцев секретно уведомил Казанского губернатора, что находящийся в данное время в Казани Ровинский «имеет сношение с подозреваемыми лицами в злонамеренном предприятии» [2]. Мезенцев просил губернатора установить за Ровинским секретный надзор. Губернатор, в свою очередь, немедленно предписал полицмейстеру осуществить это. Но Ровинский настолько осторожно и конспиративно вел революционную работу, что полицейские власти, несмотря на все свои старания, ничего не узнали.

Являясь представителем Центрального комитета всероссийской тайной организации «Земли и воли» 60-х годов XIX века, Ровинский прибыл зимой 1862 года в Казань со специальным поручением создать здесь местный комитет организации. Вероятнее всего, посредством Чернышевского он установил тесный контакт с ядром казанского революционного кружка, во главе

---

[1] 4-го мая министр внутренних дел Валуев телеграфировал казанскому губернатору: «Конечно, паспорт выдать нельзя».

[2] ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 2, арх. № 1758, 1862, л. 4.

которого были ученики Чернышевского по гимназии Иван Умнов и Григорий Иловайский.

К лету 1862 года местный комитет «Земли и воли» по существу был уже создан. Когда летом того же года А. А. Слепцов, член ЦК «Земли и воли» объезжая поволжские города с целью создания там местных комитетов, Казанский комитет уже действовал [1].

Слепцов приехал в Казань к Ровинскому с особо важным поручением центра «Земли и воли» по рекомендации Чернышевского. Об этом свидетельствовал сам Слепцов в письме к Ровинскому от 3/16 апреля 1905 года. Вот что писалось в письме: «Я был у Вас впервые в Казани, явился я к Вам (по рекомендации Чернышевского). Было это, кажется в 1862 году летом (беседовали мы в саду)» [2].

С некоторыми перерывами Ровинский пробыл в Казани большую часть 1862 года и, видимо, несколько месяцев в начале 1863 года, последнее имеет немаловажное значение, т. к. в это время Казанский комитет создал и напечатал большим тиражам прокламацию «Долго давили вас, братцы!».

Одним из нас уже высказывалась мысль о том, что эта прокламация едва ли принадлежала только одному Казанскому комитету [3]. В литературе установилось мнение, что автором ее является Иван Умнов. Есть серьезные основания предполагать, что эта прокламация писалась при непосредственном участии Ровинского. Теперь достоверно установлено, что Ровинский и Умнов в момент создания прокламации не только часто виделись, но и жили в одном доме. Ровинский уехал из Казани именно тогда, когда весь тираж прокламации был уже напечатан и часть его вывезена в Москву и другие губернии.

Деятельность Ровинского в Казани полностью подтверждается и свидетельством Л. Ф. Пантелеева о том, что Ровинский был «главным представителем всех кружков этой организации, имевшихся на Волге» [4].

Видный землеволец 60-х годов Ровинский был профессиональным ученым, филологом, историком и этнографом. Изучение исторических взглядов Ровинского особенно в годы первой революционной ситуации, когда он принимал самое активное участие в революционно-демократическом движении, боролся с царизмом, проводил идею крестьянской революции, искренне хотел

---

[1] См. Г. Н. Вульфсон. Из истории разночинно-демократического движения в Поволжье и на Урале. Казань, 1963, стр. 77—78, 91—117.

[2] См. Е. В. Михайлов. Письмо А. А. Слепцова П. А. Ровинскому от 16 апреля 1905 года в книге «Революционная ситуация в России в 1859—61 гг.» М., 1965, стр. 429.

[3] Г. Н. Вульфсон. Из истории разночинно-демократического движения в Поволжье и на Урале. Казань, 1963.

[4] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 557.

уничтожения всех старых властей, представляет значительный интерес и еще ждет своего исследователя.

В нашем распоряжении находится документ, написанный Ровинским 25 июля 1862 года, излагающий его взгляды на историю славянских народов[1]. Заметим, что этот документ писался в то самое время, когда Слепцов и Ровинский создавали революционное подполье в поволжских городах.

Внешним поводом послужило предложение историко-филологического факультета Ровинскому изложить свой план путешествия по славянским странам с связи с предполагаемой заграничной командировкой.

«План путешествия» — автограф, изложенный на трех листах, начисто переписанный для факультета и правления университета. Он был написан в Казани, как это уже отмечалось, 25 июля, а получен факультетом 28 июля, т. е. через три дня. Видимо, Ровинский не сразу передал свою рукопись, кому-то ее читал, с кем-то, вероятно, советовался.

«План путешествия» П. А. Ровинского по сути дела представляет собой развернутую концепцию автора на славянский вопрос, который в целом трактуется им с революционно-демократических позиций, в духе высказываний Чернышевского.

В то время, когда Ровинский составлял свой «План», славянская проблема была одной из самых актуальных. Она имела не только научное, но и большое политическое значение. Она дебатировалась в высших сферах, в различных кругах общества.

«Славянский вопрос» освещался в революционо-демократической литературе и публицистике.

Царское правительство, выставляя себя в роли освободителя «славянских братьев», поддерживало и проводило в жизнь реакционные панславистские идеи.

В русском славяноведении 50—60-х годов XIX в. господствовала реакционная школа А. Ф. Гильфердинга и В. И. Ламанского[2], усиленно занимавшаяся противопоставлением славянской жизни развитию народов запада. Основным предметом исследования историков этой школы была деятельность выдающихся князей и монархов. Социальные отношения изучались недостаточно и односторонне. Такие тенденции русского славяноведения в указанный период соответствовали общим установкам дворянско-буржуазной историографии, игнорировавшей роль народных масс.

Против подобных концепций решительно выступали историки революционно-демократического лагеря во главе с Н. Г. Чер-

---

[1] План путешествия по славянским странам кандидата историко-филологических наук П. А. Ровинского. ЦГА ТАССР, ф. 799, оп. арх. № 818, 1862 г.

[2] Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2, М., 1960, стр. 484—508.

нышевским и Н. А. Добролюбовым. Подчеркивая решающую роль народных масс в истории, они резко осуждали панславистские концепции, отвергая в принципе порочную идею особой исключительности славянского мира.

Ровинский, испытавший сильное идейное влияние Чернышевского, имел прогрессивные взгляды на славянский вопрос, которые поставили его значительно выше официальных славистов Запада и России.

Его «План путешествия» представляет собой охват славянской проблемы с древнейших времен и до XVIII века. Своей главной задачей он ставил изучение внутренней жизни славян, истории их быта и просвещения [1]. Подобная постановка вопроса полностью соответствовала концепции революционно-демократической историографии. Ровинский отвергал в славянофильском понимании идею исключительности славянского мира, отметив, что т. н. «самобытность» славян оказала влияние на другие народы, «внеся свою долю в историю европейской цивилизации» [2].

В истории славянства Ровинский выделял следующие главные этапы: 1) X—XIII вв. становление и развитие славянской истории; 2) XIII—XV вв. расцвет славянства и влияние его на неславянские народы; 3) XV—XVII вв. — упорная, но неудачная борьба славянских народов за независимость, закончившаяся их подчинением другим государствам; 4) XVIII в.— когда централизация «окончательно сравнивает народную жизнь» и племенная федеративная жизнь славян уступает место политическим теориям римско-германского мира [3]. Подобная периодизация бесспорно свидетельствовала о прогрессивности концепции Ровинского, поскольку в ее основу была положена внутренняя жизнь славянства и его борьба за независимость. Периоды славянской истории не связывались с правлением и деятельностью отдельных монархов.

Ровинский предполагал исследовать историю южных славян в широком плане [4], считая вслед за лучшими представителями русской историографии того времени, что правильное решение вопроса зависит от многосторонности взгляда. Он намеревался осматривать книгохранилища с целью разыскания новых письменных и других памятников славянской истории, изучать границы древних славянских областей, используя данные различных наук, в том числе и топонимики, собирать материалы о деятельности Кирилла и Мефодия и других славянских про-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 799, оп. ифф., арх. № 818, 1862, л. 6.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Вспомним, что и Н. Г. Чернышевский рекомендовал «расширить границы содержания науки, о какой бы отрасли исторических наук ни должна была идти речь» (Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IV, стр. 502. М., 1939—1953).

светителей, выяснить взаимоотношения славян с другими народностями в прошлом и настоящем. Все это должно было помочь ему «изучать современное положение тамошних славян, живой язык, замечать местные оттенки наречий и другие различия по областям, насколько это доступно для постороннего наблюдателя» [1].

Важным средством изучения современного положения славян Ровинский считал личные наблюдения путем «прямого соприкосновения с народом и его лучшими учеными и политическими представителями» [2]. Он предполагал также познакомиться с историей и культурой Византии и Италии, оказавших большое влияние на судьбы южного славянства. Но не только этим Италия привлекала Ровинского. Главное, думается, было в другом. В этот период Италия переживала подъем освободительной борьбы, связанный с именем ее национального героя Д. Гарибальди. Несомненно, Ровинский хотел ближе и глубже познакомиться с гарибальдийским движением, его формами и методами. Научная командировка облегчала осуществление этого желания, не возбуждая к тому же подозрений правительства и «властей предержащих».

Как можно судить из документа, Ровинский не разделял установившегося в официальном славяноведении деления и противопоставления славянских народов по религиозному признаку (православный и римско-католический мир) и тем самым делал шаг вперед в изучение их быта, культуры и истории в целом.

Ровинский нигде не говорит о благодетельной роли российской монархии для жизни славянских народов. Этим он резко расходился с официальной славистикой того времени. Внимание исследователя привлекает и то, что Ровинский считает главной задачей изучение внутренней жизни славянских народов, а не истории славянских правителей, князей и королей, которые совершенно не упоминаются в «Плане путешествия».

В центре изучения истории славянства Ровинский предполагал поставить X—XIII столетия. В противовес многим историкам, переоценивавшим роль христианства в развитии славянских народов, он считал, что принятие христианства не изменило в принципе народной жизни, которая «от этого нисколько не страдает; просветившись, так сказать, высоким учением, ...не теряет своей прежней свежести» [3].

Из «Плана путешествия» не трудно понять, что Ровинский считает одной из важнейших задач изучение современного положения славян. Он утверждает, что «изучение современности должно служить пояснением и дополнением истории» [4].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 799, оп. ифф. арх. № 818, 1862, л. 6 об.
[2] Там же, л. 7.
[3] Там же, л. 6.
[4] Там же, л. 7.

Живая связь времен, о которой писал Ровинский, приближала его к подлинно научному пониманию сущности истории, сформулированному с предельной ясностью в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Объясняя начавшийся упадок славянской жизни с XV века, Ровинский отмечает, что основной его причиной явилось не внутреннее разложение славянской жизни, а «политическое разъединение славянских племен», подготовленное также факторами внешнего порядка — монголо-татарским игом на востоке, турецким — на юге, религиозным фанатизмом на западе. Эти выводы также были новым словом в русском славяноведении.

«План путешествия» Ровинского по славянским странам, является весьма ценным источником для изучения исторических взглядов этого замечательного революционера, историка-демократа. Он бесспорно займет достойное место в демократическом русском славяноведении XIX века, явится ценным вкладом в славянскую историографию.

Ниже приводится текст этого интересного документа.

План путешествия по славянским землям кандидата историко-филологических наук П. Ровинского

Предметом изучения я избрал Славянские племена с их наречиями, литературой, искусством и историей, специально же намерен заняться историей славян, начиная с самых старых сказаний об них включительно да XV-го столетия и преимущественно буду обращать внимание на их внутреннюю жизнь, на историю быта и просвещения.

Избирая в жизни славян так называемые средние века, я руководствуюсь тою мыслью, что славяне именно в эти только времена имели политическое значение и историческую роль в ряду других народов, жили своею особенною, самобытной историческою жизнью, шли своеобразным путем развития и плоды этой своеобразной цивилизации, как бы она ни была незначительна, успела передать другим народам, таким образом внеся свою долю в историю европейской цивилизации. С XV столетия эта самостоятельная и своеобразная жизнь славянских народов уступает мало-по-малу чуженародному влиянию. Такое ослабление однако произошло не вследствие внутреннего разложения славянской жизни, а вследствие политического разъединения славянских племен, приготовленного также обстоятельствами внешними. На востоке славянского мира останавливает славянскую жизнь гнет татарский, на юге — турецкий; а на западе религиозный фанатизм. С XV столетия мы видим славян всюду в борьбе за самостоятельность, в борьбе правда упорной, показывающей, что еще

много жизни в славянских элементах, но с каждым моментом они, видимо, слабеют, и в XVII столетии славяне входят уже в состав других государств, как безразличные их части. Централизация XVIII в. окончательно сдавливает народную жизнь. Племенная, федеративная жизнь славян уступила политическим теориям мира римско-германского. Вот почему, занимаясь преимущественно историей внутренней жизни славян, я ограничиваюсь главным образом, их историей до XV века. Тем занимательнее для меня X—XIII столетия. Язычество славян уступает христианству; но жизнь народная от этого нисколько не страдает; просветившись, так сказать, высоким учением, она не теряет своей прежней свежести.

Новые учения облекаются в народную форму, проповедуется на народном языке и потому так легко ассимилирует. Из такого счастливого отношения проистекает самая благотворная деятельность литературная. Подобное оживление духовной деятельности славян мы встречаем еще раз в XVI столетии у сербов Долмации, у чехов и у поляков под влиянием классической литературы.

Так смотрю я на историю славян и под этим взглядом буду располагать свои труды в славянской области.

Время, назначенное мне для путешествия, естественным образом разделится на собственно путешествие и на занятия на месте в одном из центров славянской литературной и ученой деятельности. Объездить все славянские земли одинаково подробно в имеющееся в моем распоряжении время нет никакой возможности; поверхностное знакомство с краем не принесет большой пользы для науки, поэтому одну страну я должен избрать преимущественно для своих исследований и такой страною я избираю южнославянские земли.

Здесь более всего думаю остаться в Болгарии, Македонии, Северной Албании, вообще в древней области первой юстинианы и древних болгарского и сербского патриархатов, где преимущественно развивалась литературная деятельность южных славян X—XIII ст.

Вопросы и задачи для исследования, конечно, будут возникать во время самого путешествия по мере знакомства с памятниками, свидетельствующими о народной исторической жизни. Но в общих чертах я позволю себе формулировать свою задачу примерно так: 1. осматривать книгохранилища и доискиваться письменных и других памятников везде, где только будет малейший повод подозревать их существование; 2. исследовать границы древней области и ее делений так же по разным памятникам и по тем названиям и признакам, которые сохранились по настоящее время; 3. собирать местные сведения о деятельности славянских апостолов Кирилла и Мефодия, седьминочетников и их преемников; 4 собирать материал для разъяснения отношений славян к другим живущим и жив-

щих там народностям; 5. изучать памятники вещественные и живущие в народных преданиях, имеющие связь с народным бытом и наконец изучать современное положение тамошних славян, живой язык, замечать местные оттенки наречий, и другие различия по областям посколько то доступно для постороннего наблюдения. Изучение живых наречий и современного положения надеюсь придет само собой среди постоянного обращения в самом краю и прямого соприкосновения с народом и его лучшими учеными и политическими представителями. Изучение современности должно служить пояснением и допониманием истории.

Относительно прочих славянских земель считаю себя обязанным остановиться только в главных пунктах ученой и литературной деятельности; причем буду знакомиться с тамошними учеными и литераторами и знакомиться со своим предметом, так сказать, под их инициативой.

Для занятий на месте буду избирать университетские города, где бы было послушать лекции истории и сравнительной филологии. Кроме специального занятия историей и языком славян, считаю необходимым познакомиться с историей и литературой Византии и Италии, имевших большое влияние на южных славян. С этой целью если будет время, я бы желал побывать в некоторых пунктах этих стран.

Я сказал уже, что самое путешествие вызовет во мне много вопросов, о которых мне покуда не приводилось задуматься и поставит мне на вид задачи, которыми нужно будет заняться; поэтому — то и ставлю на первый план собственно путешествие и потом уже изучение на месте. Может быть, приведется то и другое совершить мне в один прием, и очень вероятно, что совершив известный круг, я почувствую надобность засесть на месте для приведения в сознание своих наблюдений и вместе с тем для изучения, а потом тронусь снова в путь. В этом отношении, я надеюсь, не будет стеснена свобода располагать временем и занятиями, но во всяком случае не отказываюсь и даже прошу моих ученых руководителей дать мне полезный совет и поставить на вид те предметы, которые я мог пропустить по недовольно еще основательному знакомству со своим предметом, и если они найдут нужным и возможным сформулировать мою задачу с большей полнотою и определенностью.

Кандидат **П. Ровинский.**

1862 год, июля 25 дня.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА

Ю. К. Краснов

Выдающийся советский историк М. Н. Покровский уделял большое внимание вопросам изучения истории внешней политики России, посвятив этой важной проблеме ряд ценных работ и исследований. Первые из них были написаны в 1907 году, вскоре после поражения царской России в войне с Японией [1]. В это время особенно возрастает интерес общественности к внешней политике самодержавия, ибо, в указанный период, как писал В. И. Ленин, «связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной...» [2] М. Н. Покровский, сделал глубокий анализ внешней политики русского царизма в конце XIX века. Его работы были написаны с революционных позиций, в основу их было положено материалистическое понимание истории [3]. Как историк-марксист Покровский рассматривал внешнюю политику государства в неразрывной связи с внутренней политикой господствующего класса. Несмотря на отдельные недостатки, его концепция истории внешней политики была прогрессивной для того времени. В 1924 году Покровский отмечал, что в момент написания и опубликования указанных статей не было более удовлетворительных с материалистической точки зрения обзоров русской внешней политики XIX века [4]. Эти статьи были первой попыткой в русской исто-

---

[1] См. статьи М. Н. Покровского в «Истории России в XIX веке», изд. Гранат, Спб, 1907—1910: Внешняя политика России в первые десятилетия XIX века, т. 2, стр. 508—606; Крымская война, т. 3, стр. 1—68; Завоевание Кавказа, т. 5, стр. 272—338; Восточный вопрос от Парижского мира до Берлинского конгресса (1856—1878), т. 6, стр. 1—68; Внешняя политика России в конце XIX века, т. 9, стр. 164—236.

[2] В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 156.

[3] См. С. М. Дубровский. М. Н. Покровский и его роль в марксистской разработке истории России. В кн. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Том 3, стр. 223.

[4] См. М. Н. Покровский. Послесловие. В сб. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924, стр. 391. См. также С. М. Дубровский. М. Н. Покровский и его роль в марксистской разработке истории России. В кн. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, стр. 223.

рической литературе, после статей и отдельных замечаний К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по данным вопросам, показать внешнюю политику царизма, определяемую внутренней политикой господствующего класса [1]. В своих последующих работах по внешней политике он уделял большое внимание периоду конца XIX начала XX веков, когда в связи с перерастанием капитализма в стадию империализма резко обостряются все его противоречия [2]. Рассматривая внешнюю политику царизма, Покровский научно доказывал неизбежность пролетарской революции в России. Эта мысль проходит через все его выступления по вопросам внешней политики России.

Учитывая указание В. И. Ленина о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками» [3], следует отметить, что Покровский внес значительный вклад в развитие марксистско-ленинской историографии внешней политики русского царизма.

Рассмотрим, как Покровский освещал вопросы о франко-русском союзе и колониальной политике русского правительства в конце XIX века.

Франко-русский союз конца XIX века был заключен в условиях обострения империалистических противоречий между европейскими державами. Созданию этого союза способствовало ухудшение экономических и политических отношений между Россией и Германией. В то время правящие круги Франции стремились путем финансовой помощи связать Россию союзными обязательствами для совместной борьбы против Германии. Также и русское правительство «...боялось остаться изолированным перед лицом Германии» [4]. Сторонники франко-русского союза в России объединились вокруг газеты «Московские ведомости», возглавляемой М. Н. Катковым. Эта газета развернула на своих страницах широкую компанию в поддержку сближения России с Францией. Отразились эти события и в русской исторической литературе. Известный историк дипломатии С. С. Татищев писал, что еще Павел I «изверился в союзе Пруссии... и стал искать союза с Францией, такое же мнение было у Николая I и Александра II [5]. Отмечая сближение указанных стран, Татищев считал, что «честь этой заслуги

---

[1] См. Е. А. Луцкий. Развитие исторической концепции М. Н. Покровского. В кн. История и историки. М., 1965, стр. 349.

[2] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика. Сб. ст. (1914—1917). М., 1918; его же. Империалистическая война. М., 1934, и др.

[3] В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. Полн. собр. соч., том 2, стр. 178.

[4] История дипломатии. Т. 2. М., 1963, стр. 275.

[5] См. С. С. Татищев. Из прошлого русской дипломатии. СПБ., 1890, стр. 562.

принадлежит Франции, небольшому числу возвышенных умов... в России потрудился в этом же смысле Катков и группа патриотов, которых он сплотил вокруг себя. «Истинные же причины союза не вскрывались, за исключением мимолетного замечания об «интересах нации» [1].

Выступление Покровского в начале XX века со статьями о внешней политике России и в частности, по вопросу франко-русского союза, означало новый подход к изучению международных отношений. Опираясь на марксистское учение, он дал характеристику обстановки, в которой образовался упоминаемый союз. Основу изменения традиционной внешней политики России в отношении Германии он видел в развитии российского капитализма. В работах Покровского правильно обоснован развал русско-германского союза тремя главными причинами: 1) невыполнением обещаний правительства Бисмарка поддержать русский царизм в борьбе за проливы, 2) отказом Германии выступить вместе с Россией против Австрии в борьбе за балканский рынок, 3) отказом германского правительства в финансовой помощи России. Это способствовало сближению России с Францией в конце XIX века и привело в дальнейшем к подписанию соглашения о франко-русском союзе. Покровский показал не только обстоятельства, ускоряющие заключение союза, но и препятствия на пути его создания. Он отмечал, что «с точки зрения военный логики» союз был необходим в 70-х годах, а заключен был лишь «в исходе восьмидесятых годов» и объяснял это следующим образом: «Причины двенадцатилетней оттяжки решительного момента приходиться искать около самой оси всякой внешней политики в области экономических отношений» [2]. Эти обстоятельства, по мнению Покровского, заключались в том, что французские банкиры искали пути сбыта своих капиталов посредством активизации колониальной политики в 1880—1885 годах. По этой причине они не хотели обострять отношения с Германией в данный период.

Образование франко-русского союза Покровский объяснял не только экономическими обстоятельствами, а также и политическими отношениями. Этот союз он оценивал с политической точки зрения в том смысле, что «...начиная с 1888 года, судьбы французского капитала были тесно связаны с судьбами российского самодержавия» [3]. В связи с этим Покровский указывал на усиление зависимости России от иностранного капитала. При этом он замечал, что «...развитию капиталистических отношений в самой России союз способствовал лишь косвен-

---

[1] См. С. С. Татищев. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890, стр. 566.

[2] М. Н. Покровский. Внешняя политика России в конце XIX века. В сб. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, М., 1924, стр. 309.

[3] Там же, стр. 313.

но...»[1], так как французское золото, оплодотворяя русскую промышленность, в то же время способствовало сохранить такую обстановку, которая препятствовала развитию промышленности. Таким образом, Покровский показал реакционную сущность этого союза, следствием которого было усиление угнетения трудового народа[2]. Он вскрыл также основные причины изменения ориентации русской внешней политики, обратил внимание на растущую агрессивность германского капитала, против которого блокируются Россия и Франция.

Важной стороной внешней политики русского царизма в конце XIX века был колониальный вопрос. Защищая интересы господствующих классов, дворянско-буржуазные историки (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков и др.) стремились доказать, что проникновение русских на Кавказ, в Среднюю Азию представляло собой только оборонное мероприятие. Покровский подверг острой критике теорию указанных историков, оправдывающих колонизаторскую политику самодержавия, вскрыл лицемерие царской дипломатии. В 1907 году он писал: «Когда русской дипломатии нужно было объяснить Европе причины неудержимого стремления русских в Среднюю Азию, эта дипломатия старалась дать России возможно более пассивную роль. Россия отнюдь не посягала на чужое, она лишь защищала свое, то, на что она имела неоспоримое право»[3]. Покровский изобличил лженаучную теорию «борьбы со степью», выдвинутую С. М. Соловьевым и подхваченную некоторыми дворянско-буржуазными историками[4]. Раскрывая истинные причины движения русского царизма на Восток, Покровский объяснил это усилением колонизаторских устремлений развивающегося российского капитализма, начавшего испытывать нужду в расширении рынков сбыта и источников сырья. Он отметил, что освоение новых территорий в конце XIX века способствовало развитию капитализма вширь[5]. В данном случае Покровский руководствовался ленинским положением о двух сторонах образования рынка для капитализма[6]. С этих же позиций он оценивал завоевание Средней Азии, отмечая, что это было вызвано необходимостью расширения рынка[7]. Продвижение ца-

[1] М. Н. Покровский. Внешняя политика России в конце XIX века. В сб. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924, стр. 320.

[2] Там же, стр. 313.

[3] Там же, стр. 323.

[4] См. его же. Борьба классов и русская историческая литература. В сб. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М., — Л., 1933, стр. 58. Его же. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933, стр. 143.

[5] См. Его же. Внешняя политика России в конце XIX века. В сб. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Стр. 320—321.

[6] См. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

[7] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика России в конце XIX века. В сб. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.,

ризма в Среднюю Азию Покровский характеризовал в 1907 году как отдельную задачу восточной политики («второй отдел») [1], а позднее тесно связывал его с англо-русской борьбой за проливы, с интересами торгового капитала [2]. Покровский отмечал ухудшение экономических и политических отношений с Англией в 60—70-х годах в связи с развитием русской обрабатывающей промышленности и ростом промышленного протекционизма [3], что привело к активизации действий России в Средней Азии. Он хорошо показал англо-русские противоречия и страх англичан перед возможным проникновением русских в Индию. В конце XIX века в Средней Азии обстановка была напряженной. По этому поводу В. И. Ленин писал: «...Россия была на волоске от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии» [4]. В работах Покровского убедительно раскрывается острота англо-русской борьбы за новые рынки.

Разоблачая лицемерную царскую дипломатию и ее защитников в лице дворянско-буржуазных историков, Покровский, опровергая вымыслы о якобы радостной встрече правительственных войск местным населением, приводит конкретные примеры жестокости некоторых офицеров царской армии, которые видели в среднеазиатских походах средство к обогащению [5]. Отмечая положительное значение присоединения Средней Азии к России, Покровский осуждал усиление эксплуатации трудового народа [6]. Но он ошибался в том, что местное население примирилось с русскими порядками. Это привело к недооценке Покровским участия народных масс Средней Азии в революционной борьбе до Октябрьской революции [7]. С другой стороны, Покровский несколько преувеличивал роль торгового капитала в среднеазиатской политике царизма. В некоторых дореволюционных работах он указал на развитие русской промышленности и необходимость рынка для нее, а в 20-е годы стал особенно подчеркивать решающую роль торгового капи-

---

М., 1924, стр. 324, Его же. Внешняя политика буржуазной монархии. Русская история с древнейших времен, т. 5. Изд. 2, М., 1914, стр. 300, его же. Ответ тов. Томсинскому. В сб. Историческая наука и борьба классов. М., 1933, стр. 253—254.

[1] См. его же. Внешняя политика России в конце XIX века. В сб. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924, стр. 321.

[2] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика буржуазной монархии. Русская история с древнейших времен. Т. 5. Изд. 2, М., 1914, стр. 293, Его же. Ответ тов. Томсинскому. В сб. Историческая наука и борьба классов. М., 1933, стр. 255.

[3] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика буржуазной монархии. Русская история с древнейших времен. Т., 5. Изд. 2, М., 1914, стр. 301.

[4] В. И. Ленин. О сепаратном мире. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 186.

[5] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика России в конце XIX века. В сб. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924, стр. 329—333.

[6] См. там же, стр 344.

[7] См. там же, стр. 344.

тала, стремящегося к захвату торговых путей [1], недооценивая в то же время, роли промышленного капитала в колониальной политике самодержавия.

Действия русского правительства на Балканском полуострове после русско-турецкой войны 1877—1878 годов Покровский характеризовал как колониальную политику. Он объяснял эти действия необходимостью расширения рынка для железозаводчиков и железнодорожников [2]. Покровский показал как русский царизм вмешивался во внутренние дела Болгарии. По его мнению правящие круги России пытались осуществить «вторичное завоевание» Болгарии [3]. В то же время Покровский подчеркивал реакционность болгарской буржуазии, одновременно боявшейся усиления влияния русского капитала и революционного движения болгарских трудящихся, дружественно настроенных по отношению к русскому народу. Покровский считал, что планы «вторичного завоевания» были сорваны блоком консервативной и либеральной болгарской буржуазии при поддержке западноевропейского капитала. Таким образом, Покровский показал агрессивность намерений царизма в отношении Балкан и этим нанес удар по дворянско-буржуазным концепциям, пытавшимся скрыть закулисные маневры русского самодержавия в проведении ближневосточной политики в 80-х годах XIX века. Вместе с тем, Покровский не сумел дать правильной оценки движению передовой русский общественности в поддержку национально-освободительного движения балканских славян. Он считал это движение искусственным, в то время как на самом деле, прогрессивная интеллигенция и трудящиеся массы, в противовес корыстным целям царского правительства, искренне желали освобождения балканских народов от кровавого ига турецких феодалов.

Важное место в колониальной политике царизма занимал дальневосточный вопрос. В 90-годах XIX века центр русской внешней политики переместился на Дальний Восток. Покровский объяснял это тем, что среднеазиатский рынок был использован до конца; а дальнейшему расширению его мешала Англия. Активизацию политики царского правительства на Дальнем Востоке Покровский подтверждал фактом строительства Сибирской железной дороги, расширением экономических и политических связей с Китаем, притесняемым в то время иностранными капиталистами, усилением влияния в Корее. Отмечая осо-

---

[1] См. М. Н. Покровский. К вопросу об особенностях исторического развития России. В сб. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925, стр. 120, его же. Ответ тов. Томсинскому. В сб. Историческая наука и борьба классов. М. — Л., 1933, стр. 253—254.

[2] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика России в конце XIX века. В сб. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924, стр. 345.

[3] См. там же, стр. 347.

бую сторону империалистических противоречий на Дальнем Востоке в конце XIX века, он подробно анализировал дальневосточную политику царизма, показывая ее колониальный характер. «С самого начала... стало ясно, что дело идет не столько о нуждах «богатого, но запущенного края», сколько о новой операционной линии военнокоммерческих экспедиций и театре будущих колониальных войн» [1]. Описывая продвижение русских на Дальний Восток, Покровский обратил внимание на обострение противоречий между Россией и Японией, что привело в дальнейшем к войне между ними. А также он отмечал, что строительство Сибирской железной дороги привело к обострению англо-русского конфликта в середине 1880 года. По мнению Покровского дальневосточная политика царизма означала продолжение борьбы за Константинополь [2]. Характеризуя в основном правильно политику царизма на Дальнем Востоке, он допускал некоторые ошибочные положения, связанные с преувеличением роли торгового капитала и умалением роли промышленного [3]. Также не верным было утверждение Покровского о том, что «на Дальнем Востоке Россия представляла интересы не столько свои, но в гораздо большей степени интересы германского империализма» [4].

* *
*

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что М. Н. Покровский, несмотря на ряд ошибок одним из первых историков-марксистов в основном правильно охарактеризовал основные направления внешней политики России в конце XIX века, разоблачил колонизаторскую политику царизма в Средней Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке и пришел к таким выводам, многие из которых в дальнейшем прочно вошли в марксистско-ленинскую историографию.

---

[1] М. Н. Покровский. Внешняя политика России в конце XIX века. В сб. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924, стр. 356.

[2] М. Н. Покровский. Ответ. тов. Томсинскому. В сб. Историческая наука и борьба классов. М. — Л., 1933, стр. 262.

[3] См. его же. К вопросу об особенностях исторического развития России. В сб. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925, стр. 128.

[4] Его же. Внешняя политика России в XX веке. В сб. Империалистская война. М., 1934, стр. 400.

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА (1918—1920 гг.) В ТРУДАХ М. Н. ПОКРОВСКОГО

Ю. К. Краснов

Особое место в работах М. Н. Покровского занимают вопросы, связанные с деятельностью советской дипломатии и анализом международных отношений и внешней политики Советского государства. М. Н. Покровский один из первых советских историков поставил задачу в своих работах раскрыть выдающуюся роль В. И. Ленина в разработке основных принципов советской внешней политики и дипломатии, много писал о Брестском мире, о вмешательстве иностранных империалистов в развязывание гражданской войны в нашей стране.

М. Н. Покровский высоко оценивал деятельность В. И. Ленина в разрешении важнейших теоретических и практических задач советской внешней политики. В своих исследованиях он характеризовал В. И. Ленина как непревзойденного дипломата и историка внешней политики Советского государства, отмечая, что «...внешнюю политику вел он лично»[1], подчеркивая тем самым руководящую роль В. И. Ленина в определении основных направлений внешней политики первого в мире пролетарского государства.

В 20-е годы внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина освещалась многими советскими историками, общественными и государственными деятелями, дипломатами[2]. Покровский значительно дополнил данную его современниками характеристику дипломатического таланта В. И. Ленина. Останавливаясь на практической стороне внешнеполитической деятельности В. И. Ленина, Покровский отличал его от всех других выдающихся дипломатов-практиков тем, что В. И. Ленин был не только практиком, но и, прежде всего, великим теоретиком в вопросах внешней политики. Характеризуя Владимира Ильича с этой стороны, Покровский пришел к трем выводам: 1) толь-

---

[1] М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке. В сб. Империалистская война. М., 1934, стр. 445.

[2] См. Г. В. Чичерин. Ленин и внешняя политика. В кн. Воспоминания о Ленине. М., 1957, ч. 2, стр. 196—203. В. В. Воровский. Диалектика или чудеса в решете. (Размышления недоумевающего.) Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959, стр. 192—194, и др.

ко В. И. Ленин (после К. Маркса) умел переводить национальные столкновения в классовую плоскость и был мастером вскрытия классового смысла войн, 2) В. И. Ленин обладал удивительной прозорливостью во внешней политике, 3) он был историком внешних политических отношений [1].

Покровский подчеркивал, что В. И. Ленин непосредственно руководил разрешением важнейших проблем советской дипломатии. Покровский показал В. И. Ленина как гениального организатора внешнеполитической деятельности Советского правительства и основоположника советской дипломатии. Он писал: «... — Ленин есть величайший дипломат нашего времени, в буквальном смысле этого слова, ...» [2].

Рассматривая важнейшие дипломатические шаги молодого Советского государства, Покровский ярко показал решающую роль В. И. Ленина в борьбе за Брестский мир, его дипломатический талант в переговорах с представителями американского правительства (Робинсом в 1918 году и Буллитом в 1919 году), которые Покровский оценил как «... мастерские дипломатические ходы, мастерские удары» [3]. Таким образом, Покровский охарактеризовал В. И. Ленина как выдающегося дипломата-теоретика, дипломата-практика, дипломата нового типа.

В трудах Покровского важное место занимают вопросы, связанные с заключением Брестского мира. В советской исторической литературе 20-х годов эти вопросы широко освещались [4]. В некоторых работах (Мих. Павлович (М. Вельтман) и др.) по ряду вопросов выдвигались неверные положения [5]. Поэтому была очевидна необходимость научного анализа борьбы большевистской партии за выход из империалистической войны. Многое в этом отношении сделал Покровский. Правда, и у

---

[1] См. М. Н. Покровский. Ленин и внешняя политика. В сб. Октябрьская революция. М., 1929, стр. 64.

[2] Там же, стр. 51.

[3] Там же, стр. 52.

[4] См. В. В. Воровский. Нейтральная Дания. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959, стр. 141—144; А. В. Луначарский. Речь на 1 Всероссийском съезде по рабоче-крестьянскому театру 17—26 ноября 1919 г. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 163; Г. В. Чичерин. Доклад на V съезде Советов 4 июля 1918 г. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 37—62; В. А. Карпинский. Мир или война? Пгр. 1918; В. Быстрянский. Империалистическая Англия против социалистической России. Пг, 1919; И. Майский, Внешняя политика РСФСР. 1917—1922. М., 1923; С. Пионтковский. Октябрьская революция в России. М. — Л., 1926; и др.

[5] Например. Мих. Павлович. (М. Вельтман) переоценивал значение Брестского мира для укрепления империалистов Германии. Он считал виновниками тяжести Брестского мира только царское и Временное правительства, не отмечая гнусной роли международного империализма в этом отношении. См. его работу «Брестский мир и условия экономического возрождения России». М., 1918, стр. 15—18, 22, 38.

него были ошибочные положения, но в целом его концепция была правильной и научно обоснованной.

Как известно, во время переговоров в Брест-Литовске Покровский был на стороне «левых коммунистов». В то время он еще не понимал всей глубины ленинского учения о принципах мирного сосуществования, о возможности построения социализма в одной стране, а также позиций ленинцев в этом вопросе, основанной на строгом учете сложности всей внутренней и внешнеполитической обстановки, в которой находилась молодая Советская Россия. После подписания Брестского договора Покровский решительно отмежевался от «левых коммунистов» и встал на ленинские позиции. Он отмечал, что правительства стран Антанты после победы Октябрьской революции в России боялись ее выхода из войны. Вот почему, империалисты, по меткому выражению Покровского, были огорошены мирными предложениями Советского правительства. В то же время правящие круги стран Антанты были сильно обеспокоены растущим влиянием миролюбивой политики большевиков на трудящиеся массы воюющих государств, требующих прекращения войны.

Чтобы опорочить партию большевиков и Советскую власть перед трудящимися всего мира, зарубежные историки в первые годы после победы Октябрьской революции кричали о связях большевиков с немцами против Антанты [1]. Декрет о мире характеризовался как «ловкий тактический маневр большевиков», отрицалась его связь со всей предшествующей деятельностью партии, значение декрета сводилось к чисто русскому, местному явлению, которое, якобы не поддержано другими народами. Некоторые американские и английские историки заявляли, что Декрет о мире не был официальным предложением переговоров и не был сообщен союзным правительствам [2]. Вполне понятно, что советские историки должны были дать отпор всем измышлениям и ухищрениям буржуазной историографии.

Выступления Покровского в печати раскрывали агрессивные планы правительств стран Антанты и США, стремившихся опереться на те партии в России, которые были лишены власти Октябрем. Он хорошо показал тщетность попыток иностранных империалистов создать в России правительство без большевиков даже ценой сепаратного мира между Россией и Германией. Развивая ленинскую мысль, Покровский одним из первых в советской историографии вскрыл антисоветскую направленность политики правящих кругов США. В отличии от мнения некоторых советских историков в 20-е годы о якобы дружелюбном

---

[1] См. Зарубежная литература об Октябрьской революции. Под ред. И. И. Минца. М., 1961, стр. 12.

[2] См. там же, стр. 155—160.

отношении американского правительства к Советской России [1], Покровский видел империалистические цели политики Правительства Вильсона. Он высмеивал «миротворческую» роль Вильсона, срывая с него маску «голубицы мира», показывая его ханжество и лицемерие в вопросах войны и мира [2], разоблачал двойную игру правительства США, направленную на срыв мирного договора РСФСР с Германией [3]. Покровский дал обоснованное объяснение причин вынужденного согласия германского правительства на переговоры с Советской Россией. К ним он относил: усиления революционного движения в Германии, тяжелое экономическое положение держав Центральной Европы, надежды немцев втянуть в переговоры о мире и страны Антанты, чтобы избежать военного поражения, которое становилось все более очевидным. Брестский мирный договор Покровский расценивал как разрыв с Антантой и ликвидацию зависимости России от иностранного капитала [4], усилившуюся особенно в годы первой мировой войны. Он подчеркивал, что «...пока империалистская буржуазия имеет хотя какое-нибудь, хотя бы косвенное, влияние на деле, она не даст России разорвать с империалистским блоком» [5]. Покровский считал Брестский мир спасительным, но не прочным [6]. В его работах убедительно показаны захватнические устремления немецких агрессоров, отказавшихся освобождать занятую ими территорию до конца мировой войны. Покровский отмечал, что не все были заинтересованы в прекращении войны на Восточном фронте. В связи с этим он указывал на борьбу двух группировок: сторонников и противников мира. Первые представляли значительную часть буржуазии легкой промышленности, вторые — буржуазию тяжелой и химической промышленности, юнкерство [7]. Покровский обратил внимание на усиление борьбы между этими группировками после подписания Брестского договора, особенно подчеркивал агрессивные намерения германской буржуазии.

Заключение Брестского договора Покровский трактовал как подтверждение правильности и непобедимости ленинского учения о возможности победы социалистической революции в отдельно взятой стране.

---

[1] См. Мих. Павлович (М. П. Вельтман). Советская Россия и капиталистическая Америка. М. — П., ч. 2, стр. 36—39.

[2] См. М. Н. Покровский. Новая речь Вильсона. В сб. Империалистская война. М., 1934, стр. 310—311.

[3] Имеется в виду телеграмма Вильсона с приветствием IV съезду Советов.

[4] См. М. Н. Покровский. Выход России из войны. В сб. Империалистская война. М., 1934, стр. 328.

[5] См. его же. Демократический мир. В том же сб., стр. 308.

[6] См. его же. Советская глава нашей истории. В том же сб., стр. 373.

[7] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке. В сб. Империалистская война. М., 1934, стр. 426.

При освещении некоторых сторон вопроса о Брестском мире Покровский допустил отдельные ошибочные положения. Он преуменьшал трудности экономического положения Германии, поскольку она занимала чужие территории, грабила их, а население страны поддерживалось посылками солдат с фронта [1]. Он недооценивал так же опасность со стороны Германии для Советской России и преувеличивал ее со стороны Антанты [2]. Покровский допустил неправильную аналогию военно-политического положения Советской России с положением Советской Венгрии в 1919 году, утверждая, что если бы страны Антанты имели с нами общую границу, то Советская власть, вероятно, была бы уничтожена ими. Он не учел то обстоятельство, что революция в Венгрии потерпела поражение не только по причинам внешнего характера (в результате иностранной интервенции), но и из-за серьезных ошибок во внутренней политике. Преувеличивал Покровский и, так называемые пацифистские иллюзии», возникшие в нашей стране из-за переоценки значения Брестского мира.

М. Н. Покровский внес существенный вклад в марксистско-ленинское освещение международного положения Советского государства в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Он посвятил этому вопросу ряд статей и лекций [3], в которых дал научную оценку основных внешнеполитических событий в данный период, обращая большое внимание на решающую роль иностранных интервентов в развязывании гражданской войны в нашей стране. В его работах обстоятельно показаны алчные вожделения иностранных империалистов, пытавшихся путем вооруженного вмешательства и поддержки внутренней контрреволюции восстановить свое экономическое влияние в России. Покровский конкретно указал те внутренние силы, на которые опирались иностранные империалисты в борьбе против Советской власти. К этим силам он относил: кадетов, пытавшихся совершить контрреволюционный переворот в Москве при поддержке Антанты [4], эсеров, которые вошли в соглашение с представителями французского прави-

[1] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке. В сб. Империалистская война. М., 1934, стр. 425. Сами немецкие правители были обеспокоены тяжелым экономическим положением Германии. См. Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924, т. 2, стр. 102—106.

[2] См. М. Н. Покровский. Советская глава нашей истории. В указан. сб. М., 1929, стр. 373.

[3] См. М. Н. Покровский. Заговор шпионов Антанты. Советская глава нашей истории. Грузия под английском владычеством. Что установил процесс так называемых социал-революционеров. В сб. Октябрьская революция. М., 1929; Семь лет пролетарской диктатуры. М., 1925; Контрреволюция за четыре года. М., 1922; Внешняя политика России в XX веке. Историческое значение Октябрьской революции. В сб. Империалистическая война М., 1934. и др.

[4] См. М. Н. Покровский. Заговор шпионов Антанты. В сб. Октябрьская революция. М., 1929, стр. 244.

тельства и обещали возобновить войну России против Германии [1], и вообще, всю буржуазию, искавшую опору вне страны [2]. В статье о судебном процессе против правых эсеров, на котором Покровский был государственным обвинителем, он отмечал, что Антанта посылала деньги «Союзу возрождения» на организацию восстаний против Советской власти [3]. Покровский подчеркивал, что внутренняя контрреволюция без помощи иностранных империалистов терпела поражения [4].

Значительное место в работах Покровского занимает вопрос о целях и методах действий интервентов, вторгшихся в Советскую Россию. Останавливаясь на характеристике восстания белочехов, он рассматривал его как издалека подготовленную интервенцию [5]. В статье «Грузия под английским владычеством» Покровский, осуждая агрессивные намерения английских империалистов в Закавказье, особенно подчеркнул их стремление создать в Грузии плацдарм для борьбы против большевиков. То, что это было их главной целью подтверждалось повышенной заинтересованностью в оказании помощи Деникину, не считаясь с интересами грузинского народа [6]. Позднее Покровский еще раз подтвердил свои доводы о главной цели интервентов в статье «Кто был Колчак» [7], в которой он отмечал, что основной заботой правителей стран Антанты было подавление большевиков.

Таким образом, Покровский раскрыл агрессивные цели иностранных интервентов и их решающую роль в развязывании гражданской войны в Советской России.

В своих работах Покровский вскрыл основные причины поражения интервентов в борьбе против советского народа. Первой и основной причиной поражения иностранных интервентов он считал поддержку большинством народа Советской России Коммунистической партии и Советской власти [8]. Другой важной причиной, по мнению Покровского, было развертывающееся революционное движение международного пролетариата, которое не давало возможности буржуазным правительствам бросить большие силы против страны Советов. Этим он подчеркивал солидарность пролетариата всех стран в борьбе против общего врага — капитала. Поражение интервентов Покровский

---

[1] См. М. Н. Покровский. Что установил процесс так называемых социалистов-революционеров. В указ. сб., стр. 307.

[2] См. его же. Контрреволюция за четыре года, М., 1922, стр. 8.

[3] См. его же. Что установил процесс так называемых социалистов-революционеров. В указ. сб., стр. 306.

[4] См. там же, стр. 323.

[5] См. его же. Советская глава нашей истории. В указ. сб. стр. 374.

[6] См. его же. Грузия под английским владычеством. В указ. сб. стр. 387—388.

[7] Статья напечатана в «Правде» 30 июня 1930 года.

[8] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX в. В сб. Империалистская война. М., 1934, стр. 443—444.

также объяснял разногласиями между империалистами, особенно между Англией и Францией на Востоке [1].

При освещении событий рассматриваемого периода Покровский проявил непоследовательность в выводах о роли Восточного фронта. Он высказал правильную мысль о том, что концентрация контрреволюционных сил Антанты на Волге была направлена, главным образом, против большевиков, а не против немцев. Однако, в лекциях о внешней политике России в XX веке, прочитанных в 1925—1926 годах, утверждал, что задача борьбы с большевизмом была поставлена Антантой только после германской революции. Правда, позднее, в 1930 году он опять сделал правильный вывод об антисоветском характере интервенции с самого ее начала [2]. Покровский неправильно определил причины ухода интервентов с юга России, объясняя это обещаниями Буллита, данными во время переговоров с Советским правительством [3], тогда как решающим фактором была всенародная борьба под руководством большевиков против иностранных захватчиков [4].

Эти недостатки не умаляют больших заслуг М. Н. Покровского в разработке и освещении с ленинских позиций важнейших проблем международного положения и внешней политики молодой Советской Республики в первые годы ее существования.

Подводя краткие итоги всему вышеизложенному можно сделать следующие выводы.

1. М. Н. Покровский дал в целом правильное освещение и объяснение некоторых важнейших этапов борьбы большевистской партии и Советского правительства за всеобщий демократический мир, за мирное сосуществование различных социально-экономических систем.

2. Он один из первых в советской исторической науке высоко оценил деятельность В. И. Ленина как основоположника советской внешней политики и ее гениального руководителя.

3. В работах Покровского разоблачалась антисоветская сущность внешней политики Англии, Франции, США, Герма-

---

[1] См. М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX в. В сб. Империалистская война. М., 1934, стр. 444.

[2] См. там же, стр. 434. Его же. Кто был Колчак? «Правда», 30 июня 1930 года. А также см. А. Л. Литвин. Восточный фронт (1918—1920). Обзор литературы 1920 — начало 1930-х годов. (Из истории Татарии. Казань, 1965, стр. 154—156).

[3] Миссия Буллита была предпринята по поручению Вильсона и Ллойд-Джорджа в марте 1919 года после срыва конференции на Принцевых островах. Советское правительство согласилось принять проект мирных предложений Антанты, но позднее, когда началось наступление Колчака, американские и английские руководители правительств отказались от дальнейших переговоров, надеясь на скорое падение Советской власти.

[4] См. А. И. Гуковский. Французская интервенция на юге России. М. — Л., 1928; Е. А. Якушкин. Французская интервенция на юге. М. — Л., 1929; и др.

нии и других капиталистических стран, раскрывалась их решающая роль в организации и разжигании гражданской войны в Советской России.

4. М. Н. Покровский показал крепнущую международную солидарность трудящихся в борьбе против капиталистического угнетения и за защиту Советского государства.

5. Выводы М. Н. Покровского, несмотря на отдельные недостатки, сыграли положительную роль в развитии советской исторической науки по проблемам международного положения и внешней политики первой в истории человечества социалистической державы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ «ОЖИВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ ТАТАРИИ В 1924—1929 гг.»

Р. М. Бикметова

Пролетариат России, победивший в Великой Октябрьской социалистической революции, установил свою диктатуру в форме Советов депутатов трудящихся, ставших политической основой СССР. Отсутствие опыта работы подобных органов государственной власти вызвало необходимость с первых дней испытывать, проверять весь советский аппарат и совершенствовать его. Руководитель советского государства В. И. Ленин придавал этому огромное значение. Он говорил, что «Без «аппарата» мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма» [1].

Эта работа все еще не завершена и продолжается в настоящее время. Именно поэтому Коммунистическая партия в своей новой Программе выделяет ее как одну из очередных задач: «КПСС придает большое значение улучшению деятельности государственного аппарата, от которого во многом зависит правильное использование всех ресурсов страны, своевременное разрешение вопросов культурно-бытового обслуживания трудящихся. Советский аппарат должен быть простым, квалифицированным, дешевым и оперативным, без каких-либо проявлений бюрократизма, формализма и волокиты» [2].

Работа по усовершенствованию Советов, удешевлению их содержания в период 1924—1929 гг. проводилась партией под лозунгом «оживления Советов» и имела несколько направлений: вовлечение в работу Советов широких масс трудящихся; борьба с бюрократизмом и волокитой; воспитание кадров советских работников и, в частности, из числа представителей различных национальных групп; перевод делопроизводства на язык местной национальности; поиски лучших организационных форм Советов и связанные с этим перестройки и т. д.

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 381.

[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1961, стр. 104.

Не претендуя на всесторонность и исчерпывающую полноту изложения, попытаемся кратко охарактеризовать материалы по этой теме.

Основные методологические указания по вопросам советского строительства содержатся в трудах В. И. Ленина. В ряде теоретических трудов, выступлений и писем он говорит о роли и значении Советов, требует обобщения опыта их работы и постоянной заботы об улучшении их деятельности. Эти материалы помещены во всех изданиях сочинений В. И. Ленина и специальных тематических выпусках, посвященных советскому строительству.

Ценный источник по вопросам советского строительства — решения съездов, конференций и пленумов партии [1]. В них нашли отражение все изменения в жизни Советов, а также основные задачи, выдвигавшиеся на первый план в тот или иной период. Решения Центрального комитета партии уточнялись в соответствии с условиями областей и республик и выполнялись местными партийными организациями. Примером может служить работа Татарской партийной организации, которая в своей повседневной деятельности и на конференциях внимательно занималась вопросами строительства Советов. Об этом свидетельствуют опубликованные материалы [2] и архивные документы Татарского Обкома партии [3].

Выполняя решения и рекомендации партии, Советы на своих съездах и исполнительных комитетах намечали конкретные пути усовершенствования своей деятельности и борьбы с недостатками. Сохранившиеся в архивах материалы [4], отчеты, планы работ, протоколы заседаний, справки о выполнении принятых решений или о результатах проверки деятельности отдельных Советов, переписка по ряду вопросов и т. д. — иллю-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I—III, Госполитиздат, М., 1954, ч. IV, 1960.

[2] Стенографический отчет IX областной конференции Татарск. организации РКП(б). Казань, 1924; Стенографический отчет заседаний XII областной партийной конференции. Казань, 1927; Стенографический отчет областной XIV партийной конференции. Казань, 1929; Стенографический отчет областной XV партийной конференции. Казань, 1930.

[3] Архив ИМЛ — Института марксизма-ленинизма. Фонд Татарского Обкома ВКП(б), (ф. 17); Партархив ОК КПСС — Архив Татарского ОК КПСС: фонды Обкома партии (ф. 15), Чистопольского (ф. 1216), Тетюшского (ф. 1224), Арского (ф. 654) канткомов партии.

[4] ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции. Фонды Центрального исполнительного комитета СССР (ф. 3316); Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (ф. 374); Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ф. 1235); Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (ф. 4085); Наркомата внутренних дел РСФСР (ф. 393); ЦГА ТАССР — Центральный государственный архив Татарской республики: фонды Татарского центрального исполнительного комитета (ф. 732); Совнаркома ТАССР (ф. 128), Наркомата РКИ ТАССР (ф. 990), Казанского горсовета (ф. 89), Мензелинского (ф. 137), Арского (ф. 152), Елабужского (ф. 164) кантисполкомов.

стрируют деятельность различных советских органов. Наиболее ценными являются отчеты Центральных, кантонных и волостных исполкомов и сельских Советов за определенные периоды их деятельности. Это — сведения о хозяйственно-культурной работе Советов, о проведенных мероприятиях организационного характера, о мерах усовершенствования низовых органов управления.

Некоторые подобные материалы в обработанном виде опубликованы центральными и местными издательствами [1].

Сведения о работе Советов сохранились также в периодической печати: в редакционных статьях, отчетах, выступлениях руководителей партийного и советского аппарата и корреспондентских сообщениях с различных заседаний или с мест [2].

Ценные материалы содержатся и в различных статистических изданиях [3]. Большой интерес представляет сборник «На-

---

[1] Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. Изд. «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», М., 1939; Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях, изд. «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», М., 1939; Съезды Советов СССР, Союзных и Автономных Советских социалистических республик. 1917—1937, тт. 1—4, М., 1959—1964; Отчет о деятельности Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров за 1923—1924 год. Казань, 1924; Отчет о деятельности Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Татарской Соц. Сов. Республики за 1924—1925 год, Казань, 1925; Отчет ЦИК и СНК Татарской Социалистической Советской Республики к V съезду Советов, Казань, 1925; Пятый съезд Советов Татарской Советской Социалистич. Республики (Стенограф. отчет), Казань, 1925; Отчет о деятельности Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Татарской Соц. Сов. республики за 1925—1926 год, Казань, 1926; Отчет ЦИК и СНК V созыва Татарской социалистической советской республики. Казань, 1926; Шестой съезд Советов Татарской Советской Социалистич. Республики (стеногр. отчет), Казань, 1926; Отчет ЦИК и СНК VI созыва Татарской Социалистической Советской Республики, Казань, 1927; Седьмой съезд Советов Автономной Татарской Советской Социалистич. Республики (стеногр. отчет), Казань, 1927; Основные итоги работы Правительства Татарской Автономной Социал. Совет. Республики (к VIII Всетатарскому съезду Советов), Казань, 1929; Материалы к отчету правительства АТССР за время с VIII по IX Всетатарский съезд Советов, Казань, 1931; О советском, хозяйственном и культурном строительстве Татарской АССР (материалы к докладу ЦИК АТССР на XVI Всероссийском съезде Советов), Казань, 1934; Полугодовой отчет о работе городского Совета XII созыва, Казань, 1926; Материалы к отчету о работе Казанского городского и Заречного районного совета рабочих и красноармейских депутатов XIII созыва, Казань, 1929; Стенографический отчет о работе Казанского городского и Заречного районного Советов рабочих и красноармейских депутатов XIV созыва по докладу т. Романова на объединенном расширенном пленуме Казанского городского и районного Советов совместно с представителями рабочих фабрик и заводов 3 декабря 1930 г., Казань, 1930.

[2] «Правда», «Известия», «Беднота»; журналы «Большевик», «Деревенский коммунист», «Известия ЦК РКП(б)», «Власть Советов», «Советское строительство»; местная печать: «Красная Татария», «Кзыл Татарстан», «Новая деревня», «Игенче», журналы: «Труд и хозяйство», «Азат хатын».

[3] Статистический ежегодник по Татарской Социалистической Советской Республике. Казань, 1928 и 1929 гг. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Госсоцэкгиз, М. — Л., 1931.

циональная политика ВКП(б) в цифрах», изданный Коммунистической академией в 1930 г. В нем отражены социально-экономические изменения, культурное развитие страны, рост политической активности населения в 20-е годы. Сборник интересен еще и потому, что в нем приводятся данные не только в общесоюзном масштабе, но и по отдельным союзным и автономным республикам. А сведения, характеризующие рост культуры и политической активности населения, — по национальным группам.

Богатый материал по развитию экономики Татарии содержит работа «Очерки по экономгеографии ТР» (ТР — Татарская республика) [1]. В этой книге авторы поместили подробнейшие сведения о состоянии сельского хозяйства (земля, используемая и неиспользуемая, посевы различных культур; обеспеченность крестьян инвентарем вообще и по национальным группам населения; урожайность различных культур; животноводство: поголовье скота, обеспеченность хозяйства скотом и птицей; состояние коллективизации сельского хозяйства; капитальные вложения в сельское хозяйство и т. д.). Приводятся данные по цензовой и кустарной промышленности и торговле на территории ТАССР. Сведения по сельскому хозяйству более полны, чем по промышленности и торговле. Эти же авторы ранее выступали со статистическими материалами на страницах журнала «Труд и хозяйство». О первых шагах реконструкции промышленности и дальнейшем его строительстве сообщал Малков В. П. [2]

Вопросы экономического и культурного развития Татарской республики нашли отражение как в работах отдельных исследователей, так и коллективов авторов [3]. О вековой истории крупнейших и самых старых предприятий Казани жиркомм-

---

[1] В. М. Ермолаев, Г. Ш. Шараф, М. А. Хасанов. Очерки по экономгеографии ТР. Казань, 1931.

[2] В. П. Малков. Пятилетка в действии. Казань, 1930.

[3] Е. И. Устюжанин. Колхозы Татарии в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.). «Уч. зап. Каз. гос. пед. ин-та», выпуск II, 1956. Его же. Колхозное строительство в Татарии в начальный период индустриализации страны (1926—1928 гг.). Казан., изд. Госмузея, 1959; Его же. Колхозное движение в Татарии в год великого перелома. Научная конференция 1960 года Каз. гос. пед. ин-та, Казань, 1961; Его же. Татария в период социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства (1927—1934 гг.), гл. IV «История Татарской АССР», т. II, Казань, 1960, стр. 264—309: Его же. Коллективные хозяйства в Татарии в первые годы советской власти. «Из истории Татарии». Краеведческий сборник. Изд. Каз. гос. пед. ин-та, Казань, 1965; Ю. А. Туишев. Развитие народного образования в Татарской АССР, Казань, 1950; Страницы славного прошлого комсомола Татарии, Казань, 1958; Очерки по истории комсомола Татарии, Казань, 1960; Композиторы советского Татарстана, Казань, 1957.

бинате и льнокомбинате повествуют книги А. С. Ключевича и Н. Г. Анисимова [1].

Определенную ценность для изучения истории ТАССР представляют собой различные юбилейные издания [2], содержащие богатый подбор цифрового материала по различным вопросам за 1920—1930 годы. В них для наглядности приводятся довоенные и дореволюционные данные. Сравнивая их, почти физически ощущаешь темпы и результаты экономического, политического и культурного развития республики за годы советской власти.

Очень близко к ним примыкают по своему содержанию публиковавшиеся к юбилеям или годовщинам специальные издания для докладчиков [3], построенные, в основном, на цифровом материале. В них приводятся сведения экономического характера, дающие возможность судить о степени активности Советов в хозяйственных делах. Но они имеют существенный недостаток. Статистические сведения по экономике ТАССР сравниваются с данными не 1913, а 1916 или 1917 гг.: вместо сведений довоенных приводятся данные по России, потерпевшей экономический урон от первой мировой войны.

Среди материалов по истории советского строительства особое место занимают работы руководителей партии и правительства. Больше всего в этом плане работ М. И. Калинина как главы государства, ставшего с декабря 1924 г. и председателем Всесоюзного совещания по вопросам советского строительства при Президиуме ЦИК СССР. Большая часть их была опубликована в трехтомном издании «За эти годы» [4], а также в сборниках статей в речей [5], В 1958 г. был издан специальный сборник статей и речей М. И. Калинина по советскому строитель-

---

[1] А. С. Ключевич. История Казанского жирового комбината имени Мулла-Нур Вахитова (1855—1945), Татгосиздат, Казань, 1950. Н. Г. Анисимов. Казанский льнокомбинат 100 лет. Казань, 1960.

[2] За пять лет. К V годовщине провозглашения Татарской Социалистической Советской Республики. Казань, изд. ТЦИК, 1925; 10 лет социалистического строительства в Татарстане (1920—1930), Казань, 1930; Десятилетие советского Татарстана (1920—1930), Казань, 1930; Социалистическое строительство Татарской АССР за 15 лет, Казань, 1935.

[3] Материалы к десятилетию Октября в Татреспублике, Казань, 1927; Материалы для докладчиков (к 8-летнему юбилею ТАССР), Казань, 1928; Материалы для докладчиков и агитаторов к одиннадцатой годовщине Татреспублики, Казань, 1931; 15 лет советского Татарстана (материалы для докладчиков), Казань, 1935; Татарская АССРеспублика (экономический справочник), выпуск II, Татгосиздат, Казань, 1932; Татарская АССР (политико-экономический очерк), Таткнигоиздат, Казань, 1939.

[4] М. И. Калинин. За эти годы, кн. 1, Госиздат, Л., 1926; Его же. За эти годы кн. II, М. — Л., 1926; Его же. За эти годы, кн. III, М. — Л., 1929.

[5] М. И. Калинин. Статьи и речи. 1919—1935 гг. Партиздат, ЦК ВКП(б), 1936; Его же. Статьи и речи. 1936—1937 гг. Партиздат, ЦК ВКП(б), 1938; Его же. Статьи и речи. 1945—1946 гг. Огиз, Госполитиздат, 1946.

ству» [1]. По произведениям М. И. Калинина можно проследить историю работы по улучшению деятельности Советов в течение 1919—1946 гг. В усовершенствовании органов советской власти активное участие принимали Куйбышев В. В., Орджоникидзе Г. К., Киров С. М., Андреев А. А. и др. [2].

С разъяснением целей и задач лозунга «оживления Советов» в Татарской республике выступали руководители партийных и советских органов как на страницах местной периодической печати, так и в отдельных изданиях [3].

Для тех, кто занимается вопросами советского строительства, большую ценность представляют специальные сборники, изданные избирательными комиссиями, Наркоматами Внутренних дел и Исполнительными комитетами СССР, РСФСР и ТАССР [4]. В них отразилось участие населения в избирательных кампаниях, изменения национального, партийного, социального, полового и возрастного состава Советов и т. д. В этих изданиях статистические материалы помещены в сравнении с данными предшествовавших лет. Приходится лишь сожалеть, что в них нет сведений за 1917—1922 гг. Комплектование их началось только с 1923—1924 гг., но и после этого отчеты об итогах перевыборов Советов ТАССР не были исчерпывающими. Недостатки сборников такого рода беспокоили и самих издателей, отмечавших, что «материалы, представленные для обработки, не являются строго статистическими, а отчеты и доклады отдельных выезжавших на места товарищей и постоянных работников мест, недостаточно исчерпывающие и носят субъективный характер. Поэтому итоговый цифровой материал сбор-

---

[1] М. И. Калинин. Вопросы советского строительства. Статьи и речи (1919—1946), Госполитиздат, М., 1958.

[2] В. Куйбышев. Работа ЦКК-РКИ в связи с основными задачами партии (отчет на 1 Пленуме ЦКК созыва XIII съезда), Госиздат, М., 1924; С. Орджоникидзе. Против бюрократизма за режим экономии! (доклад на VII съезде профсоюзов, декабрь, 1926). Изд. «Долой неграмотность», М., 1927; Его же. РКИ в борьбе за улучшение советского аппарата (доклад и заключительное слово на VIII съезде профсоюзов), Госиздат, М.—Л., 1929; Его же. Борьба за улучшение советского аппарата. Книгоиздательство ВЦСПС, М., 1930; А. А. Андреев. Задачи социалистического строительства и организация работы КК-РКИ (доклад на III Пленуме ЦКК ВКП(б), Огиз, М.—Л., 1931.

[3] Х. Габидуллин. Татарстан за семь лет (1920—1927), Казань, 1927; К. Исмаев. Два года работы правительства Татреспублики, Казань, 1929; С. Бодреев, Татарская АССР, М., 1932.

[4] Выборы в Советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. Изд. «Власть Советов», М., 1929; Выборы в Советы РСФСР 1925—1926 года. Изд. НКВД РСФСР, М., 1926; Выборы в Советы в диаграммах. Изд. Всероссийской центр. Избир. комиссии, М., 1927; Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г. Изд. «Власть Советов», М., 1928; Национальный состав выборных органов власти РСФСР в 1927 г., изд. «Власть Советов», М., 1928; Перевыборы Советов в Татарской республике. Изд. Орготдела ЦИК, Казань, 1926; Итоги перевыборов Советов в Татарии в кампанию 1927 г. Изд. Орготдела ТатЦИК, Казань, 1927.

ника не носит строго статистического характера. Недостаточно объективный характер отчетных материалов на выводы сборника, само собою разумееся, не мог не отразиться»[1].

Но несмотря на указанные недостатки, эти сборники содержат обобщенные материалы о Советах того времени и являются ценными источниками по теме наряду с архивными сведениями и опубликованными материалами Советов.

Интерес к вопросам оживления Советов в 20-е годы отразился в литературе тех лет[2]. В 50—60-е годы появился ряд работ, освещающих строительство Советов. В некоторых из них этот вопрос рассматривается с точки зрения законодательства советской власти. Однако, в них не показано, как изменилась деятельность Советов в результате осуществления этих законов[3]. Другие касаются советского строительства в связи с какой-либо определенной проблемой[4]. Вопросам советского строительства посвящены также статьи, крупные исследования, написанные по местным материалам или же на основе данных по РСФСР и СССР[5]. Среди исследований на эту тему имеется ряд диссертаций[6].

---

[1] Перевыборы Советов в Татарской республике. Казань, 1926, стр. 3—4.

[2] И. Владис. Что должен знать рабочий о чистке госаппарата? Изд. «Прибой», М., 1929; Е. Волков. Массовая работа в деревне. Изд. Комм. Академии, М., 1929; Деятельность членов ЦИК Союза ССР на местах. Изд. ЦИК СССР, М., 1929; В. И. Игнатьев. Советская волость и стоящие перед ней задачи. Госиздат, М., 1924; Е. Игнатьев. Городские Советы как форма участия рабочих в управлении государством. Изд. Комм. Академии, М., 1929; Л. Островский. Рабочий и чистка госаппарата. Госиздат, 1929; Н. Плюхин. Советы — государственная форма диктатуры рабочего класса. Лениздат, 1940; Местные органы власти (справочник для работников Советов и исполнительных комитетов), изд. «Власть Советов», М., 1931; Массовая работа Советов. Изд. «Власть Советов», 1929; Улучшение низового советского аппарата, Госиздат, М., 1930.

[3] Очерки по истории органов советской государственной власти. Госюриздат, М., 1949; Д. И. Чесноков. Советское социалистическое государство. Госполитиздат, М., 1952; Н. И. Ананов. Местные органы государственной власти в СССР. Изд. «Правда», М., 1947; Его же. Система органов государственного управления в советской социалистической федерации. Изд. АН СССР, М., 1951; А. А. Аскеров. Очерки советского строительства. Изд. МГУ, 1953.

[4] Н. Спектор. Партия — организатор шефства рабочих над деревней (1923—1933 гг.), Госполитиздат, М., 1957; С. И. Якубовская. Строительство союзного советского социалистического государства 1922—1925 гг. Изд. АН СССР, М., 1960; М. И. Бахтин. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925), Изд. соц-экон. литературы, М., 1961; Ю. С. Кукушкин. Роль сельских советов в социалистическом переустройстве деревни 1929—1932 гг. (по материалам РСФСР), Изд. МГУ, М., 1962.

[5] Ш. Х. Чанбарисов. Укрепление Советов в деревне в годы коллективизации сельского хозяйства». Уч. зап. Башкирского ун-та», серия 1, вып. 1, Уфа, 1957; А. М. Смирнов. Борьба КПСС за укрепление Советов в 1928—1929 гг. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. 76, кн. 3, М., 1957; А. И. Соколова. Укрепление районных и сельских Советов в 1930 г. «История СССР», 1958, № 6; А. М. Рейнер. Борьба партии за расширение актива и укрепление сельских Советов (1926—1929). Его же. Роль городских Советов в решении задач социалистического строительства (1926—1929), «Труды каф. общ. наук Пермского мед. ин-та», т. 1, вып. 1, Пермь,

Таким образом, работ, посвященных непосредственно оживлению Советов немного, и они не раскрывают полностью все стороны этой проблемы. Поэтому хочется остановиться подробнее на анализе наиболее близких к нашей теме статей М. О. Чечик и Ш. Х. Чанбарисова, тем более, что некоторые положения в них требуют уточнения.

М. О. Чечик [1] рассматривает последние годы осуществления лозунга «оживления Советов» и дальнейшего усовершенствования органов государственной власти путем вовлечения в их деятельность новых работников из числа рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Она пишет о развертывании критики и самокритики, о борьбе с элементами бюрократизма и волокиты, об освобождении Советов от всех чуждых элементов (в результате чистки было уволено 51 тыс. или 11% всего состава аппарата Советов).

Правда автор слишком прямолинейно всех «вычищенных» из состава Советов называет бывшими князьями, помещиками, крупными капиталистами, крупными старыми чиновниками, жандармами, офицерами и т. д. [2]. Такая оценка нам представляется неправомерной.

Действительно, чистка своим острием была направлена против этих самых «бывших», но лишь в том случае, когда они проявляли нелойяльность к советской власти. Основное

1959; М. О. Чечик. Борьба Коммунистической партии за укрепление и улучшение работы советского государственного аппарата в годы первой пятилетки (1928—1932), «Вестник Ленингр. ун-та», т. 8, вып. 2, Л., 1958; Л. Ф. Скляров. Укрепление сельских Советов в передовых зерновых районах в 1929—1931 гг. «Уч. зап. Ленингр. пед ин-та», т. 102, 1955; В. К. Медведев. Борьба батрачества за укрепление Советов в период выборов 1928—1929 гг., (на материале Нижне-Волжского края), «Уч. зап. Саратовск. ун-та», т. LXVI, 1958; И. С. Степичев. Борьба Коммунистической партии за укрепление сельских Советов в 1929—1930 гг. (по материалам Иркутского Округа), «Труды Иркутского гос. ун-та», т. 25, вып. 1, 1958; В. И. Смирнова. Роль рабочих в улучшении деятельности групп бедноты и сельских Советов накануне сплошной коллективизации сельского хозяйства (по материалам ЦЧО) «Записки Воронежск. с/х ин-та», т. XXVII, вып. 3, 1958; К. И. Боброва. Борьба партийной организации Сибири за дальнейшее совершенствование советского государственного аппарата в период с 1926 по 1930 год. «Труды кафедр истории КПСС, философии и политэкономии Новосибирского электротехнического ин-та», вып. 1, 1960; С. В. Воронкова. Перестройка сельских Советов в годы коллективизации деревни 1929—1932 гг. (по материалам Сев.-Кавказского края), «Вестник Моск. ун-та», сер. IX, № 1, 1961 и т. д.

[6] В. А. Козачковский. Укрепление советской государственности в 1926—1929 гг. (перевыборы Советов). М., 1951; А. И. Тюрина. Оживление Советов в деревне 1925—1926 гг. (по материалам Нижегородской губ.) Горьковский ун-т, 1960 и др.

[1] М. О. Чечик. Борьба Коммунистической партии за укрепление и улучшение работы советского государственного аппарата в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.) «Вестник Ленинградского университета», № 8, серия истории, языка и литературы, вып. 2, изд. ЛГУ, Л., 1958.

[2] М. О. Чечик. Указ. соч., стр. 58.

внимание обращалось не на биографию, а на деловые качества того или иного работника.

Партия требовала вывода из аппарата Советов разложившихся элементов, извращающих советские законы, сращивающихся с кулаками и нэпманами, мешающих бороться с волокитой или прикрывающих ее, растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей, лентяев. XVI конференция ВКП(б) в резолюции по вопросу «Об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом» писала, что «...чистка должна производиться прежде всего и главным образом на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения»[1]. В период чистки 1929—1930 гг. из состава советских работников были убраны многие выходцы из самых демократических слоев, не сумевших работать или дискредитировавших себя различными неблаговидными поступками.

Нельзя согласиться и с Чанбарисовым Ш. Х., ограничившим период оживления Советов 1924—1927 годами[2]. Известно, что период этот охватывает 1924—1929 гг. Целый ряд мероприятий (смотр комиссий и секций Советов, групп бедноты, избирательная кампания 1928—1929 гг.) проходили еще под лозунгом «оживления Советов». Перевыборы Советов 1928—1929 гг. привели в советский аппарат широкий актив из числа рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Кампания показала высокий рост политической активности населения (число участников в выборах Советов возросло с 37,4% в 1924 г. до 54,2% в 1929 г.), изменился состав Советов, куда было избрано больше женщин, членов и кандидатов ВКП(б), членов ВЛКСМ.

Специальных работ по оживлению Советов на территории ТАССР, не написано, хотя в исследованиях историков Татарии так или иначе нашли отражение отдельные моменты истории советского строительства. В этом плане большой интерес представляют исследования научных работников Казанского государственного университета[3] и других вузов и научных учреждений ТАССР[4].

---

[1] «КПСС в резолюциях,..» ч. II, стр. 594.

[2] Ш. Х. Чанбарисов. Укрепление Советов в деревне в годы коллективизации сельского хозяйства (1929—1931 гг.). «Уч. зап. Башкирского гос. ун-та», вып. 1, серия истор. наук, № 1, Уфа, 1957, стр. 176.

[3] «Уч. зап. КГУ», т. 120, кн. 1, изд. Каз. гос. ун-та, 1960. Ш. М. Еналиев. Татарская партийная организация в борьбе за осуществление национальной политики в годы первой пятилетки; Ш. Ш. Хафизов. Роль советской автономии в разрешении национального вопроса на территории Татарии в восстановительный период (1921—1926 гг.). Н. И. Зернова. Женщина-татарка в органах юстиции ТАССР; П. М. Дювбанов. Роль рабочих 25-тысячников в коллективизации сельского хозяйства и укреплении союза рабочего класса и крестьянства Татарии за 40 лет; З. С. Пуцкова. Некоторые вопросы борьбы партийной организации Татарии за подъем промышленности в годы индустриализации страны (1926—1929).

[4] К. П. Тиунова. Деятельность партийных организаций по распространению опыта ударников и передовиков социалистического соревнования

Наиболее полное отражение эти вопросы нашли в монографии Климова И. М. [1], где тщательно прослеживаются изменения в экономике, социальном строе, культурной и политической жизни Татарии. Анализируя состояние сельского хозяйства, промышленности и торговли, автор останавливается и на вопросах советского строительства — мероприятиях по оживлению Советов и разрешению национального вопроса, составе советских органов и т. д. Однако работа Климова И. М., ограниченная 1926 г., не могла охватить весь период оживления Советов и раскрыть все стороны проведения этой политики.

Несмотря на наличие целого ряда научных статей, монографий, диссертаций, по вопросам советского строительства, обобщающих трудов по истории оживления Советов с освещением всех сторон этой работы еще нет. Перед советскими историками стоит задача создать их, установив общие закономерности этого процесса.

в промышленности в 1929 г. «Уч. зап. Елабужского гос. пед. ин-та», т. 2, Казань, 1958; В. И. Уланов. Подготовка руководящих партийных и советских кадров в Татарской АССР за годы Советской власти. Сб. статей преподавателей и научных сотрудников Каз. Высш. парт. школы и Ин-та истории партии при Татарском Обкоме КПСС, выпуск 1, Казань, 1958; Х. Г. Гимади и М. К. Мухарямов. Советская Татария — детище Октября. Казань, 1957; А. И. Зайцев. Подъем экономики и культуры Татарии за сорок лет. Казань, 1957; Хафизов Ш. Образование Татарской АССР, Казань, 1960.

[1] И. М. Климов. Образование и развитие Татарской АССР (1920—1926 гг.) Изд. КГУ, Казань, 1960.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1956—1964 гг. (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Б. Ф. Султанбеков

Совершенствование системы обучения и воспитания подрастающего поколения относится к числу важнейших задач, решаемых советским обществом в процессе коммунистического строительства. Партийными, советскими и общественными организациями накоплен значительный опыт формирования коммунистического мировоззрения и вооружения молодежи знаниями. Этот опыт плодотворно используется странами социализма, государствами, идущими по пути национальной независимости, помогает трудящимся капиталистических стран в борьбе за демократизацию системы народного образования. Успех коммунистического строительства во многом зависит от определения научно-обоснованных путей развития системы народного образования и повышения ее роли в формировании нового человека, поэтому закономерен интерес исторической науки к исследованию сложных процессов, происходивших в жизни советской школы в 1956—1964 гг.

Одна из особенностей изучения этой проблемы состоит в том, что исследованию подлежат процессы еще незавершенные. Вместе с тем историческая наука уже располагает достаточным материалом для того, чтобы на основе всестороннего анализа источников и привлечения данных социологических исследований, делать выводы о перспективах дальнейшего развития системы народного образования. Таким образом «современность и злободневность тематики, разрабатываемой марксистско-ленинской историографией строго научными методами, укрепляют обоснованность политики партии коммунистов. История дает возможность осмыслить процессы сегодняшней жизни и лучше понять будущее» [1].

В данной работе дается обзор некоторых исследований проблемы укрепления связи школы с жизнью опубликованных

[1] В. Пашуто, В. Салов, Л. Черепнин. Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики. «Коммунист», 1966, № 4.

в 1956—1965 гг. История развития народного образования является составной частью истории культурной революции. Отмечая значение этого вопроса для исторической науки Б. Г. Гафуров писал: «Школа и пресса — первый культурный плацдарм, который захватывает народ, пришедший к власти» [1].

Роль и место народного образования в период социалистического строительства достаточно полно изучены в работах советских историков [2]. Одним из первых обобщающих трудов по истории культурного строительства, в котором значительное место занимают вопросы народного образования, является книга М. П. Кима «40 лет советской культуры» [3]. В ней на основе документальных материалов дается картина огромных достижений советского общества в области народного образования. Заслугой автора является стремление исследовать теоретические вопросы культурного строительства и, в частности, рассмотреть вопросы периодизации, исходя из ленинских указаний и высказываний по этому вопросу. Различные стороны ленинского учения о культурной революции рассматриваются в целом ряде исследований, посвященных деятельности В. И. Ленина и его соратников в области культурного строительства [4]. Наиболее значительной работой по этой проблеме является написанная на строго документальной основе монография И. С. Смирнова «Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (Октябрь 1917—лето 1918 г.) [5].

За последние годы увеличилось количество исследований процесса культурного строительства в национальных республиках, причем значительное место уделяется вопросам развития

---

[1] Б. Г. Гафуров. Особенности культурной революции в Советской Средней Азии. XXVI международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1963 г., стр. 6.

[2] Ф. Ф. Королев. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1919—1920 гг. М., 1958; Его же. Советская школа в период социалистической индустриализации (1926—1930 гг.). М., 1959; З. И. Равкин. Советская школа в период восстановления народного хозяйства. 1921—1925 гг. М., 1959; Г. Г. Карпов. О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1957; Д. Ю. Элькина. На культурном фронте. Из истории борьбы за ликвидацию неграмотности в СССР. М., 1959, и др.

[3] М. П. Ким. 40 лет советской культуры. М., 1957.

[4] Э. Б. Генкина. Ленин — Председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 гг. М., 1960; Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. К 90-летию со дня рождения. Сборник статей. М., 1960; А. Г. Кравченко. Н. К. Крупская — выдающийся деятель культурного строительства в СССР М., 1958; Н. В. Бычкова, А. А. Лебедев. Первый нарком просвещения. М., 1960.

[5] И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства. (Октябрь 1917 — лето 1918 г.). М., 1960 г.

народного образования [1]. Различные стороны жизни школы рассматриваются и в работах педагогического характера [2].

Многогранная деятельность партийных, советских и комсомольских организаций по укреплению связи школы с жизнью и руководству делом народного образования не стала еще предметом исследований монографического характера. Однако по этой проблеме появилось уже значительное число статей и брошюр, многие из которых являются серьезным вкладом в освещение деятельности партии по воспитанию и обучению подрастающего поколения на современном этапе.

Одной из первых попыток раскрыть с позиций исторической науки сущность новых процессов в народном образовании, является написанная на общесоюзном материале, работа Ф. В. Герасина «Деятельность партийных организаций по укреплению связи школы с жизнью» [3]. Автор обстоятельно анализирует практическую деятельность партийных организаций по улучшению учебно-воспитательного процесса в школах. На ряде примеров вскрывается вред тенденций, ведущих к подмене политехнического обучения узко профессиональной подготовкой. Опыту местных партийных организаций по руководству народным образованием посвящены брошюры Н. И. Хренова и В. Ф. Коноплева [4]. Авторы на богатом фактическом материале показывают осуществление решений XX съезда КПСС в школах и других учебных заведениях Северного Кавказа и Алтайского края.

В период 1956—1964 гг. было написано и защищено значительное число кандидатских диссертаций, рассматривающих деятельность местных партийных организаций в области народного образования [5]. Эти исследования являются бесспорным

---

[1] А. А. Абилов. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала. 1960, Ц. П. Каландадзе. Культурная революция в Грузии. Тбилиси. 1959; П. М. Михайлов. Культурная революция в Чувашии. Чебоксары. 1958; и др.

[2] Советская школа на современном этапе. Под ред. И. А. Каирова. М., 1961; В. И. Ленин и проблемы народного образования. Под ред. Н. К. Гончарова и Ф. Ф. Королева. М., 1961; Л. А. Левшин. Педагогика и современность. М., 1964, и др.

[3] Ф. В. Герасин. Деятельность партийных организаций по укреплению связи школы с жизнью. М., 1964.

[4] Н. И. Хренов. Партийная забота о школе. Грозный, 1961; В. Ф. Коноплев. Партийные организации Алтая в борьба за перестройку школы. Барнаул, 1964.

[5] Ш. З. Салямова. Борьба Коммунистической партии Узбекистана за развитие народного образования и укрепление связи школы с жизнью (1953—1959 гг.). Автореферат. М., 1960; Н. И. Хренов. Деятельность партийных организаций Ставропольского края, Чечено-Ингушской АССР и Ростовской области по укруплению связи школы с жизнью и дальнейшему развитию системы народного образования в 1956—1960 гг. Автореферат. М., 1961; Т. М. Шашло. Руководящая и направляющая роль Коммунистической партии в развитии советской школы на Украине (1952—1961 годы). На материалах Киевской, Кировоградской, Черкасской областей. Автореферат. Киев,

вкладом в изучение и обобщение творческой работы партийных организаций по улучшению коммунистического воспитания и обучения подрастающего поколения. В них раскрываются новые формы партийной работы, методы привлечения широкой общественности к делу воспитания молодежи.

История культурного строительства в Татарской АССР и, в частности, проблема укрепления связи школы с жизнью не получили еще достаточного освещения в работах историков республики. Вместе с тем опубликованные в сборниках и периодических изданиях статьи и сообщения показывают, что эти вопросы начинают становиться предметом исторического исследования [1]. Анализ форм и методов партийного руководства процессом перестройки учебно-воспитательной работы содержатся в статьях М. З. Тутаева, И. К. Халитова, М. Н. Гареева [2]. В исследовательском плане написана статья М. Г. Софронова, рассматривающая развитие школ и других учебных заведений республики в период выполнения семилетнего плана [3]. Автору следовало уделить больше внимания трудностям, в деле осуществления политехнического обучения и полнее использовать архивные источники [4].

1962; Г. К. Задорожный, Деятельность Коммунистической партии Казахстана по развитию народного образования и укреплению связи школы с жизнью. (1953—1958 гг). Автореферат. Алма-Ата, 1963; В. Ф. Коноплев. Деятельность Партийной организации Алтайского края по укреплению связи школы с жизнью. 1958—1963. Автореферат. Ленинград, 1965; Б. В. Олонцев. Деятельность компартии Казахстана по повышению роли школы в коммунистическом воспитании молодого поколения 1958—1963 гг. Автореферат. 1965; К. А. Аскаров. Деятельность Коммунистической партии Казахстана по реализации Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Казахской ССР. 1959—1962 гг. Автореферат. Алма-Ата, 1964.

[1] Н. С. Кревер. Партийная организация школы, «Коммунист Татарии», 1959, № 2; Ф. Сафин. Роль учительского коллектива в массово-политической работе. «Совет мэктэбе», 1960, № 7; А. А. Кременская. Роль партийной организации в перестройке системы народного образования. Тезисы по истории КПСС. Саратов, 1963; М. И. Махмутов. За новые успехи народного образования в Татарии. В сб. «Советской Татарии 40 лет», Казань, 1960; Ш. Мухамедьяров, Н. Н. Вульфсон, И. М. Климов, А. Х. Бурганов. Высшее образование и наука в Татарии за 40 лет. Там же; К. Ф. Фасеев. Расцвет культуры Советского Татарстана. Там же; Б. Ф. Султанбеков. Деятельность Татарской партийной организации по улучшению учебно-воспитательного процесса в школах республики. 1956—1964 гг. в Сб. «Из истории Татарии». Казань, 1965.

[2] М. З. Тутаев. Воспитание поколения строителей коммунизма. «Коммунист Татарии», 1964, № 3; И. К. Халитов. Перестройка школы и райком КПСС. «Совет мэктэбе», 1961, № 4; М. Гареев. Партийное руководство народным образованием. «Совет мэктэбе», 1960, № 5.

[3] М. Г. Софронов. Дальнейшее развитие народного образования. В Сб. «Татария на пути к коммунизму», Казань, 1965.

[4] Уместно отметить, что за последние годы коллектив работников партийного архива Татарского обкома КПСС провел большую работу по пополнению и классификации фондов, что значительно облегчает исследовательскую работу.

Общий подъем исторической науки после XX съезда КПСС благотворно отразился и на уровне разработки историографических и источниковедческих вопросов истории советского общества. Однако историография культурного строительства в целом и периода 1956—1964 гг. в особенности, исследованы значительно слабее других проблем [1]. Наиболее значительными работами в этой области являются статьи Л. М. Зак и В. А. Куманева [2].

Исследование Л. М. Зак привлекает внимание глубоким анализом основных направлений в изучении советской культуры. Автор отмечает, что создание обобщающих трудов по истории культурной революции должно охватывать все стороны этого процесса. Отдавая должное исследователям различных сторон культурной жизни советского общества Л. Зак отмечает, что они нередко ограничиваются «старым, иллюстративным методом. Вместо характеристики живой жизни, полной драматизма и противоречий, вместо объективного научного анализа — перед нами на страницах книг по схеме прошлых лет цитируются постановления вышестоящих организаций, а к ним «пристегиваются» цифры и отдельные примеры» [3]. Заслуживает внимания и мысль автора о том, что во взаимосвязи экономики и культуры пока рассматривалась, в основном только одна сторона — влияние экономики на культуру и почти не изучалось воздействие культуры на экономическую жизнь [4]. Актуальность и перспективность разработки вопросов взаимосвязи культуры и экономики подтверждают исследования, начатые представителями экономической науки [5].

Исследование В. А. Куманева посвящено проблемам историографии всех этапов культурной революции. Автору удалось показать основные направления изучения процесса становления и развития культуры советского общества. Опираясь на обширный фактический материал В. А. Куманев вскрывает и

---

[1] В наиболее значительном труде, освещающем развитие исторической науки после XX съезда КПСС, отсутствует раздел, посвященный культурному строительству. См. Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сборник статей. М., 1962.

[2] Л. М. Зак. Основные проблемы культурного строительства СССР в исторической литературе. Материалы научной сессии по истории культурной революции в СССР. М., 1965, стр. 23—104; В. А. Куманев. Некоторые вопросы историографии культурной революции в СССР. См. Очерки по историографии советского общества М., 1965, стр. 549—597.

[3] Л. М. Зак. Указ. соч, стр. 101.

[4] Там же, стр. 101.

[5] См. В. Жамин. Актуальные проблемы экономики народного образования. «Советская педагогика», 1965, № 1; В. Ягодин. Основные закономерности воспроизводства рабочей силы в период развернутого строительства коммунизма. Изд. МГУ, М., 1965; И. Каплан. Заниматься экономикой образования. «Научные доклады высшей школы», Экономические науки, 1965, № 1, К. Субботина. Народное образование и бюджет. Изд. «Финансы, М., 1965; Проблемы и темы научных разработок по экономике народного образования. Изд. МГПИ имени В. И. Ленина, М., 1965.

серьезные недостатки в методологии опубликованных исследований. Так, даже в крупных монографических работах по проблемам развития культуры, не уделяется достаточного внимания историографическим обзорам, что снижает их научную ценность [1].

К сожалению, сложность и многоплановость проблемы не позволили Л. М. Зак и В. А. Куманеву более подробно проанализировать исторические исследования вопросов развития советской школы в 1956—1964 гг. [2].

Создание историографии культурного строительства в Татарии по существу еще не начато. Первым шагом в этом направлении является статья М. К. Мухарямова и Ю. И Смыкова [3].

В ней, наряду с другими, рассматриваются и работы, посвященные различным аспектам развития культуры республики в 1959—1964 гг. Авторы совершенно правильно включают в обзор литературы по культурному строительству исследования, выполненные представителями всех общественных наук. Так как без использования работ, написанных философами и экономистами, картина расцвета культуры в Татарской АССР была бы неполной [4]. Весьма актуальным является указание ав-

[1] В. А. Куманев. Указ. соч, стр. 596.

[2] На наш взгляд историография развития народного образования должна учитывать достижения и других общественных наук, исследующих проблемы воспитания и обучения подрастающего поколения. Если работы педагогического характера в известной мере анализируются историками, то этого нельзя сказать об исследованиях в области философии, экономики и социологи, которые как правило находятся вне поля зрения. За последние годы вышли в свет монографии С. Г. Струмилина. Э. В. Струкова и других авторов, представляющие значительный интерес для историков, изучающих культурное строительство. Заслуживает внимания и отражение советского опыта культурного строительства в работах зарубежных исследователей-марксистов. См. Г. Крапп. Маркс и Энгельс о соединении обучения с производительным трудом и политехническом образовании. М., 1964; А. Л. де Аримени. Педагогика и марксизм. М., 1965. Известно, что советская школа и система воспитания привлекают пристальное внимание и наших идеологических противников за рубежом. Поэтому назрела необходимость создания тщательно аргументированных работ разоблачающих тенденциозность и искажение фактов, допускаемых буржуазными учеными при освещении истории народного образования в Советском Союзе.

[3] М. К. Мухарямов, Ю. И. Смыков. О научной разработке истории коммунистического строительства в Татарии. В Сб. «Татария на пути к коммунизму», Казань, 1965. Следует отметить, что история культурного строительства в Татарской АССР изучена весьма слабо. Достаточно указать, что не создано ни одной специальной работы по этой проблеме, хотя подобные исследования уже опубликованы в большинстве автономных республик и областей.

[4] Отдельные проблемы культурного строительства в Татарской АССР рассматриваются в работах, посвященных интернациональному воспитанию трудящихся. См. М. И. Абдрахманов, М. Р. Булатов. Некоторые моменты в развитии национальной культуры. «Коммунист Татарии», 1961, № 2; Ш. М. Еналеев. Осуществление ленинской национальной политики в Татарии. Казань, 1960; М. Ф. Валеев. Единой семьей к заветной цели. М., 1963; М. М. Мусин. Братство народов, содружество языков. Казань, 1964, и др.

торов на необходимость создания ярких и убедительных трудов о развитии культуры татарского народа, которые помогут разоблачению буржуазных фальсификаторов национальной политики советского государства [1]. Краткий, и не претендующий на полноту обзор некоторых работ по истории развития народного образования, вышедших в свет после XX съезда КПСС показывает, что вопросы партийного руководства школами, деятельности советов, и комсомола в области воспитания и обучения молодежи получили отражение в литературе. Однако не все стороны этого процесса изучены в должной степени. В частности, слабо исследована деятельность профсоюзов и других общественных организаций, хотя их роль в деле воспитания молодежи постоянно возрастает.

Изучение сложных процессов перестройки работы школы требует тщательного подхода к оценке новых явлений и фактов, всестороннего учета всех последствий проводимых мероприятий. Известно, что на основе решений XX съезда КПСС была проделана большая работа по восстановлению и развитию ленинских норм партийной и государственной жизни. Вместе с тем, становится очевидным, что отдельные решения и мероприятия недостаточно учитывали реальные условия, проводились поспешно, и базировались на субъективистской оценке тех или иных проблем. В области народного образования это проявлялось в виде тенденций, ведущих к профессионализации обучения и недооценке общеобразовательных знаний. Все это не могло не сказаться и на опубликованных по этой проблеме работах. Выводы и практические предложения отдельных исследователей не опирались на всесторонний учет факторов и явлений. Так, в некоторых статьях и брошюрах периода 1956—1964 гг. делался вывод о том, что осуществление производственного обучения и узкая специализация в средней школе являются воплощением идей политехнического образования и способствуют повышению общеобразовательных знаний учащихся. Такая упрощенная трактовка эффективности реформы системы образования не отражала сложных и многоплановых процессов, происходивших в школе и не помогала преодолению трудностей.

---

[1] М. К. Мухарямов, Ю. И. Смыков. Указ. соч., стр. 257.

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Буганов, А. А. Зимин. Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке 3
Е. Г. Бушканец. Рукописные журналы второй половины 1850-х — начала 1860-х годов 14
Г. Н. Вульфсон. Воспоминания разночинца А. А. Бирюкова как источник для изучения революционного подполья Казани в начале 60-х годов XIX в. 28
Р. И. Нафигов. К изучению истории сходки студентов Казанского университета 4 декабря 1887 года 49
Л. Б. Муллина. Обзор источников по истории печати казанских большевиков 1905 года 63
Л. Н. Фурер. Некоторые вопросы истории волжского судоходства в эпоху капитализма в дореволюционной и советской литературе 81
А. Л. Литвин. В. И. Ленин о крестьянстве Среднего Поволжья в годы гражданской войны. 103
С. М. Каштанов, А. Л. Литвин, Ю. И. Смыков. Крестьянство Среднего Поволжья в русской и советской исторической литературе . . 120
К. Р. Синицына. Литература и источники по истории музейного строительства в Татарии 181

СООБЩЕНИЯ

Г. Н. Вульфсон, Н. П. Муньков. К изучению исторических взглядов П. А. Ровинского — видного землевольца 1860-х годов . . . 201
Ю. К. Краснов. М. Н. Покровский о некоторых вопросах внешней политики России конца XIX в. 211
Ю. К. Краснов. Советская внешняя политика (1918—1920 гг.) в трудах М. Н. Покровского 218
Р. М. Бикметова. Источники и литература по теме «Оживление деятельности Советов Татарии в 1924—1929 гг.» 226
Б. Ф. Султанбеков. К вопросу об изучении развития народного образования в 1956—1964 гг. (обзор литературы). 236

Сдано в набор 1/VII-1966 г. Подписано к печати 25/V-1967 г. ПФ 05106.
Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Печатных листов 15,25. Заказ Б-355. Тираж 600 экз.
Цена 1 рубль.

Типография „Татполиграф“ Управления по печати при Совете Министров ТАССР
Казань, ул. Мирославского, дом 9.

ОПЕЧАТКИ

Страницы	Строки		Напечатано	Должно быть
	сверху	снизу		
15	8	—	А. Мелеин	А. Малеин
75	—	18	Я. А. Свердлова...	Я. М. Свердлова...
83	—	6	П. Боголюбов	Н. Боголюбов
90	—	2 и 7	М. Н. Покровский,	М. Н. Покровский,
132	13	—	хозяйством	хозяйствам
211	—	7	макрсистской	марксистской
217	1	—	сторону	остроту

Заказ Б-355. „Вопросы историографии и источниковедения".

1 руб.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0000514467 6